

№ 23 (166) 2013
Выпуск 26

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Странствия и искушения Г. Сузо. **М.Ю. Реутин 5**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Императив субстанциональной ретроспективности в научном познании.
А.В. Кузнецов 20

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Семиотическая репрезентация власти в текстах культуры постмодерна
(на материале романа Т. Толстой «Кысь»). **О.В. Павлова 25**

Философия гаджетов. **В.П. Седякин, И.В. Соловьев 34**

Культурологический аспект исследования стихий в художественном
дискурсе. **Н.А. Турапина 41**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Гендерная асимметрия в оценке государственных служащих (по материа-
лам социологического исследования). **В.В. Бахарев, Г.А. Надеев 46**

Оценка готовности менеджеров к инновационной деятельности в системе
высшего профессионального образования (по результатам экспертного
опроса). **С. А. Вангородская, И.С. Шатовалова, Н.С. Говоруха 53**

Проблемы противодействия бюрократическим деформациям системы
муниципального управления. **И.И. Волкова 61**

Паллиативная помощь в современной России: социологическая оценка.
М.С. Готовкина 69

Президентская программа подготовки управленческих кадров как
технология воспроизводства профессионального потенциала кадров
регионального управления. **В.М. Захаров 76**

Управление интеллектуальным капиталом в вузе. **В.Б. Тарабаева 86**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Возможности использования в России французского опыта конституци-
онных реформ. **Л.В. Бутько 92**

Консультационное участие специалиста-криминалиста в судебном
производстве по уголовному делу. **И.Н. Кислицина 99**

Земская избирательная система и особенности введения земских
учреждений в Полтавской губернии в 1865 г. **А.И. Козаченко 106**

Зарубежный опыт конституционно-правового закрепления положений,
направленных на минимизацию правозащитных рисков (на примере
европейских федеративных государств). **А.Е. Новикова,
А.М. Жорник 114**

Правовое регулирование правотворческой инициативы граждан как
гарантия реализации прав человека: зарубежные практики.
Е. А. Огнева 119

К проблеме взаимоотношений государства и личности в контексте
генезиса поколений прав человека. **Н.Н. Олейник,
А.Н. Олейник 125**

О защитном предназначении способов обеспечения исполнения
обязательств (обеспечений). **И.И. Пучковская 132**

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Г.В. Мальцев, доктор юридических наук, профессор (РАНХ и ГС при Президенте РФ)

А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 26.12.2013.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 34,87
Тираж 1000 экз.
Заказ 547

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Обеспечение экологического правопорядка в контексте международного опыта. **В. М. Пыць 139**

Злоупотребление правом: правовая категория в трудовых отношениях. **И.А. Грабовский, О.С. Лиликова 147**

Особенности разработки и принятия актов структурных подразделений местных государственных администраций. **В.С. Овсянников 151**

Императивные и инициативные формы взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры в Российской Федерации. **О.Ю. Шеметова 158**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Межкультурная коммуникация как один из способов развития цивилизаций в поликультурном социуме. **С.М. Андреева, А.М. Андреева 170**

Семиотизация времени в философии Ж. Деррида. **Е.О. Белоненко 178**

Генезис властно-общественных отношений в процессе общецивилизационного развития. **Т. В. Бельская 183**

Концепты «человеческий капитал», «общество знаний» и «интеллектуальная собственность»: был ли прав К. Маркс?

Е.А. Бондаренко 189

Насилие и техника. От органопроекции к насилую взгляда.

С.Н. Борисов, В.Ю. Мишенин 198

Этические взгляды К.Д. Кавелина. **А.И. Вялов 204**

Региональные особенности гендерных отношений в Приднестровье.

Н.А. Грошовкина 215

Между силой и насилием: феномен власти в контексте применения ею насилия. **А.М. Дмитраков, А.А. Новаков 223**

Мемориальная деятельность как инструмент «мягкой власти».

И. Г. Довгалюк 228

Икона как отражение бытия русского человека. **М.С.Жиров,**

В.Н. Колесник 234

Университет как институт производства научно-инновационного знания в региональных системах образования и культуры. **В.С. Игнатова, Н.Н. Шамардин 244**

Ричард Болеславский: поиск сценической этики в американском театре.

Е.С. Ковалев 252

О специфике мультипликации. **Е.М. Кузнецова 261**

Этические проблемы спорта в контексте его возникновения и развития.

В.О. Мезинов 265

Становление концепта парламентской культуры. **Ю.В. Назарова 269**

Мировоззрение человека информационного общества: экзистенциальный аспект. **В.А. Носков, Н.В. Зайцева 275**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Философская рефлексия российского самосознания (обзор научной конференции). **Е.Ю. Чистякова, М.П. Шарковайте 280**

РЕЦЕНЗИИ

О возможности философского аутопойезиса. Рецензия на монографию В.В. Варавы «Неведомый Бог философии». **Е.А. Кожемякин 288**

Сведения об авторах **292**

Информация для авторов **296**

**№ 23 (166) 2013
Issue 26**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Wanderings and temptations of H. Seuse *M.Y. Reutin* 5

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Imperative of substantial retrospection in scientific cognition.
A.V. Kuznetsov 20

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Semiotic representation of power in postmodern culture texts (the case of T. Tolstaya's Novel "Kys"). *O.V. Pavlova* 25

Philosophy of the gadgets. *V. P. Sedyakin, I. V. Soloviev* 34

Culturological aspect of research of elements in the art discourse.
N.A. Turanina 41

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Gender asymmetry in the evaluation of civil servants (based on sociological research). *V.V. Baharev, G.A. Nadeev* 46

Assessment of readiness of managers for innovation activity in the system of higher professional education (according to the results of the expert poll).
S.A. Vangorodskaya, I.S. Shapovalova, N.S. Govorukha 53

Problems of counteraction to bureaucratic deformations of municipal management system. *I.I. Volkova* 61

Palliative care in modern Russia: sociological assessment.

M.S. Gotovkina 69

President's management training programme as reproduction of technology professional staff capacity for regional administration.

V.M. Zakharov 76

Management of the intellectual capital in higher education institution.

V.B. Tarabaeva 86

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The possibility of using the French experience of constitutional reforms in Russia. *L.V. Butko* 92

Consulting participation of the criminalist in the legal processes on criminal cases. *I.N. Kislitsina* 99

Territorial electoral system and specifics of territorial authorities establishing in Poltava governorate in 1865. *A.I. Kozachenko* 106

Foreign experience of the constitutional legalisation of statements for minimization of human rights risks (the case of European federal states).

A. Novikova, A. Zhornik 114

Legal regulation of the law-making initiative of citizens as a guarantee for the realization of human rights: foreign practices. *E. A. Ogneva* 119

Relationship to the problem of state and personality to the genesis of generations of human rights. *N.N. Oliynik, O.N. Oliynik* 125

On the protective mission of the methods of the ensuring of obligations (collaterals) fulfillment. *I. Puchkovska* 132

Ensuring environmental law in the context of international experience.
V.M. Pyts 139

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law,
Professor (Belgorod
National Research University)

O.A. Volkova, Doctor of sociology,
Professor (Belgorod
National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod
National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor
of philosophy, associate Professor
(Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

G.V. Maltsev, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of National Economy)

A.D. Maydanskiy, Doctor
of philosophy, Professor (Belgorod
National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law,
Professor (Belgorod
National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor
(Kharkiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, South Federal
University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology,
Associate professor, Dean of the
faculty of management and entrepreneur-
ship (Belgorod National Research
University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 26.12.2013
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 34,87
Circulation 1000 copies
Order 547

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Abuse of the right: comparative analysis of the civil and labour relations.
I.A. Grabovskiy, O.S. Lilikova 147

Features of the development and adoption of legal acts of structural
subdivisions of local public administrations. **V.S. Ovsyannikov 151**

Mandatory and proactive forms of interaction local authorities and the
prosecutor's office in the Russian Federation. **O. Shemetova 158**

THESIS

Cross-cultural communication as a means for civilizational development
in the policultural society. **S.M. Andreeva, A.M. Andreeva 170**

Semiotisation of the time in derrida's philosophy. **E.O. Belonenko 178**

Genesis of the relationship between government and society in general
civilizational development process. **T.V. Bielska 183**

Concepts "human capital", "knowledge society" and "intellectual property":
was K. Marx right? **E.A. Bondarenko 189**

Violence and technics. From organoprojection to sight violence.
S.N. Borisov, V.Y. Mishenin 198

K.D. Kavelin's ethical views. **A.I. Vyalov 204**

Regional features of the gender relations in Transnistria.
N.A. Groshovkina 215

Between the force and the violence: the phenomenon of power in terms
of violence practices. **A.M. Dmitrakov, A.A. Novakov 223**

Memorial activities as an instrument of "soft power". **I. G. Dovgalyuk 228**

Icon as a reflection of a Russian's existentia. **M.S. Zhurov,
V.N. Kolesnik 234**

University as an institution of production of the scientific innovational
knowledge in regional systems of education and culture. **V.S. Ignatova,
N.N. Schamardin 244**

Richard Boleslavsky. Searchfor stage ethics in American theatre.
E.S. Kovalev 252

About specifics of animation. **E.M. Kuznetsova 261**

Ethical issues of sports in terms of its development. **V.O. Mezinov 265**

Development of the concept of parliamentary culture. **Y.V. Nazarova 269**

The outlook of the man of the information society: existential aspect.
V.A. Noskov, N.V. Zaitseva 275

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Philosophical reflection of the Russian self-consciousness (review
of the scientific conference). **E.Y. Chistyakova, M.P. Sharkovayte 280**

REVIEWS

On the possibility of the philosophical autopoiesis. Review on the book
"Unknown od of philosophy" by V.V. Varava. **E.A. Kozhemyakin 288**

About authors 292

Information for authors 296

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

От редакции

Дорогие читатели! Мы продолжаем публиковать отдельные главы из сочинения «Vita» Г. Сузо, в которых подробно описываются его созерцания, аскетическая практика, странствия и излагается его мистагогическое учение, представляющее собой новый этап в развитии доктрины Иоанна Экхарта. – Перевод осуществлен по изданию: *Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeier. Stuttgart, 1907.* Перевод и вступление выполнены постоянным автором нашего журнала доктором философских наук М.Ю. Реутиным.

СТРАНСТВИЯ И ИСКУШЕНИЯ Г. СУЗО

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследований
при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

От переводчика

Генрих Сузо (Suso, нем. Зойзе: Heinrich Seuse) родился в 1295 / 1297 г. в день св. Бенедикта (21. 03) в Констанце либо его окрестностях. Принадлежал по отцу к рыцарскому роду фон Берг, хотя всю жизнь называл себя в честь своей матери и ее рода Зойзе (свн. Sus, Süs). Тринадцатилетним подростком в 1308 / 1310 г. в поступил в доминиканский Островной монастырь Констанца. Поскольку поступление в доминиканские монастыри до 15 лет было, как правило, запрещено и допускалось лишь в исключительных случаях, с разрешения местного провинциала, родители Сузо передали в монастырь дары, чтобы их сын был принят в число его насельников, несмотря на свой юный возраст. Эти дары стали предметом мучавших молодого монаха сомнений, укорявшего себя и своих родителей в симонии. От этих сомнений Г. Сузо избавил спустя 10 лет Майстер Экхарт, у которого он проходил обучение в Кёльне.

Сузо получил обычное для доминиканцев того времени образование. Год послушничества (т.н. новициат, ок. 1309) завершился пострижением в монахи. За этим последовали 2-3 года базового курса латыни и духовных предметов (Св. Писание, богослужение,

орденские правила и постановления, аскетическая литература, практика). Вслед за базовым начался философский курс (1313 / 1314 – 1318 / 1319): 2-3 года *philosophia rationalis* (аристотелевская логика во всем ее объеме), 2-3 года *philosophia realis* (физика, геометрия, астрономия и аристотелевская метафизика). Длившийся несколько лет (1319 – 1322) богословский курс, во время которого изучались Библия и «Сентенции» Петра Ломбардского, был, по-видимому пройден Сузо в орденской школе (*Studium particulare*) Констанца или Страсбурга. Обучение он завершил в высшей орденской школе Кёльна (*Studium generale*, 1323 / 1324 – 1327), где имел наставником самого Иоанна Экхарта, оказавшего на него сильнейшее влияние.

В 1326 / 1327 г. Г. Сузо возвращается в родной Констанц, где с некоторыми перерывами провел следующие 20 лет своей жизни. Теперь он – лектор Островного монастыря, на него возложена обязанность обучать монастырскую братию. Впрочем, между 1329 – 1334 гг. (скорее всего в 1330) он снимается с этой должности во время генерального и провинциального капитула доминиканцев в Маастрихте, где его обвинили в ереси в связи с написанием и распространением «Книжицы Истины», своего рода «апологии» Майстер Экхарта, в которой последовательно проводилась попытка его воцерковления и ортодоксальной интерпретации. В это время Г. Сузо исполняется 40 лет. В его жизни и духовной практике происходят существенные изменения. Об этих изменениях свидетельствует красноречивая сцена с тряпкой для ног, таскаемой собакой («*Vita*», гл. 20). Г. Сузо переходит от аскетических подвигов, едва не стоивших ему жизни, к культивированию мистического бесстрастия во внешних страданиях, которые понимаются как посланные Богом с целью его очищения и спасения. Концепция бесстрастия (*gelassenheit*), пришедшая на смену отрешенности (*abgescheidenheit*) И. Экхарта (хотя Сузо время от времени использует и экхартовский термин) позаимствована констанцким экстатиком у древних пустынных Фиваиды, почитаемых и православием. Тем не менее, в нее вобран мистический опыт самого Сузо и она не лишена его личных модальностей. С этого момента жизнь Г. Сузо меняется решающим образом. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на Островном монастыре и его внутреннем пространстве, вести отшельническую жизнь, он отправляется в дальние и часто опасные поездки с миссионерскими и проповедническими целями. Он являет себя миру и принимает участие в событиях того времени. Вероятно, этот новый опыт изменил его отношение к аскетической практике.

Политическая ситуация этого времени, как она отразилась на жизни в Констанце, была крайне сложна и стремительно менялась: в 1342 г. в Констанце поднялось восстание цехов против господствующего патрициата, в 1343 г. неурожай привел к голоду, к тому же городу угрожало и наводнение. По-видимому, как раз в это время Г. Сузо избирают в приоры Констанцкого конвента. Однако в это время, в 1242 – 1243 гг. он уже находился вне города. Как решительный противник императора Людвига Баварского и открытый сторонник папы он уезжает вследствие интердикта вместе с монастырской братией из Констанца в г. Диссенхофен (к монахиням-доминиканкам в монастырь Катариненталь или в Шоттенклостер, лежащий пред воротами города) и живет там между 1338 / 1339 – 1346 / 1349 гг. Видимо, в 1346 г. он возвращается в Констанц.

По возвращении в Констанц Г. Сузо посвящает себя старческому служению: принимает мирян, окормляет бегинажи, посещает женские доминиканские конвенты, исповедует и проповедует, причем не только в монастырях и церквях, но и в камерной обстановке частных домов («*Vita*», гл. 41). Все это время он предается постоянным и многочисленным созерцаниям. На этот период приходится, пожалуй, самое тяжелое испытание, выпавшее на долю Г. Сузо: одна из его ближайших духовных дочерей, принимавших участие в ведении его домашнего хозяйства, обвиняет Сузо отцовстве своего внебрачного сына. Распространяется молва, часть прежних сторонников и поклонников Сузо из числа т.н. «Божьих друзей» отворачивается от него, в том числе и наиболее известный из них, священник Генрих Нёрдлингенский, писавший в послании рубежа 1347 / 1348 гг. доминиканской визионерше Маргарет Эбнер об изменении своего бывшего отношения к некогда несомненному авторитету. Вследствие указанных обстоятельств Сузо переводится в одну из обителей г. Ульма. В это время Островной монастырь посещают с визитациями генерал Ордена и провинциал Тевтонии. На проходившем в Констанце провинциальном капитуле 1354 г. подтверждается невиновность констанцкого мистика.

Если задаться вопросом, какой деятельности посвятил себя Г. Сузо во время своего 20-летнего пребывания в Констанце, то, на основе его собственных свидетельств, можно

сказать следующее. В 1-ой половине XIV в. доминиканский орден отнюдь не переживал своего расцвета. Повсеместно происходит выветривание первоначального орденского идеала, и это, прежде всего, касается идеала бедности и образовательного стандарта. Исчезает былая строгость, отмечаются частые случаи пренебрежения орденским уставом, чему, помимо прочего, способствовали и дарованные Ордену привилегии, выведшие доминиканские конвенты из юрисдикции местных церковных властей. Исходя из очевидного для него понижения общего уровня внутри-орденской духовной жизни, Г. Сузо определяет круг своих задач: он посвящает себя *cura animarum*, имея в виду орденскую реформу в духе первоначальных статуты. Этой цели служили его кураторские поездки в Швейцарию, Эльзас и в окрестности Рейна, в ходе которых Г. Сузо посещал многочисленные женские доминиканские монастыри Катариненталь (ок. Диссенхофен), Отенбах (ок. Цюриха), Адельхаузен (ок. Фрайбурга), Унтерлинден (ок. Кольмара), но, прежде всего, монастырь Тёсс (ок. Винтертура), где проживала любимая духовная дочь Г. Сузо Элизабет Штагель, которую он окормлял с момента ее поступления в обитель в середине 30-х гг. до ее смерти в 1360 г. ... Общался Сузо и со своими братьями по ордену, членами реформаторского мистического движения «Божьих друзей»: Иоанном Футерером из Страсбурга, Иоанном Таулером и приходским священником Генрихом Нердлингенским.

Условия жизни Г. Сузо в Ульме, где он прожил с 1347 / 1348 г. вплоть до своей смерти, едва ли сильно отличались от условий его жизни в Констанце. Он предпринимал миссионерские и пастырские поездки, редактировал свои сочинения, из которых составил кодекс, т.н. «*Exemplar*». В «*Exemplar*» входят четыре сочинения Г. Сузо: 1) автобиография «*Vita*», 2) мистический трактат «Книжица Вечной Премудрости», 3) ранняя «апология» И. Экхарта «Книжица Истины» и 4) «Книжица писем». За пределами составленного Г. Сузо кодекса остались: 1) «Большая книга писем» (сокращенная редакция которой размещена в «*Exemplar*»'е), 2) четыре проповеди (по поводу авторства двух из них имеются некоторые сомнения), 3) сочинение «Часослов Мудрости» (*Horologium Sapientiae*), представляющее собой сильно расширенную латинскую версию «Книжицы... Премудрости». Кроме того, известна 4) «Книжица Любви», созданная либо самим Сузо, либо в ближайшем его окружении «Божьих друзей». – Последние годы жизни Г. Сузо документированы крайне скудно. Известно, впрочем, о его дружбе и духовной близости с бенедиктинцем Вальтером Бибра из обители Виблинген. Г. Сузо умер 25. 01. 1366 г. в Ульме и был погребен в церкви проповедников. Само место захоронения Г. Сузо свидетельствует о его высоком авторитете в пределах доминиканского Ордена. Вскоре после его кончины было установлено его местное почитание. 16. 04. 1831 Г. Сузо был причислен папой Григорием XVI к лику блаженных.

Глава XXIII. О многообразных страданиях

Однажды он подошел к одному городку. А недалеко от города находилось деревянное изображение, распятие. Вокруг него был по обыкновению выстроен домик. И люди считали, что там случаются многие знамения. Поэтому они приносили туда восковые картинки, много кусочков из воска и там вешали их Богу во славу. Приблизившись к распятию, он приступил к нему и преклонил перед ним колени, а, помолившись некоторое время, поднялся и вышел вместе со своим спутником на постоялый двор. Сие коленопреклонение и сию молитву, что он сотворил пред распятием, видела маленькая девчушка, ребенок семи лет. Ночью к изображению пришли воры, взломали двери и украли весь воск, который обнаружили там. Когда наступил день, по городу распространилась об этом молва и достигла горожанина, присматривавшего за этим изображением. Тот стал расспрашивать, [желая узнать], кто сотворил сию великую кражу. Тогда упомянутая девчушка сказала, что она-де знает наверное, кто это сделал. Когда же к ней приступили, чтобы она открылась и указала на злодея, она отвечала: «В этом преступлении виновен никто иной, как сей брат (имея в виду Служителя), ибо, – продолжала она, – я вчера поздним вечером видела, как он преклонял пред изображением колени, а потом направился в город». Сказанное ребенком горожанин принял за чистую правду и принялся об этом везде говорить, так что злая клевета на брата пошла гулять по всему город-

ку, и он был обвинен в низком деянии. Стали вынашивать нехорошие замыслы – как бы его уличить и извести как кощунника. Едва Служитель услышал эти наветы, его охватил ледяной ужас, поскольку никакой вины за собой он не знал. И он с глубоким вздохом обратился к Богу: «Ах, Господи, раз уж мне надлежит и предстоит пострадать, пошли мне страдания обычные, чтобы они меня не бесчестили, их бы я радостно перенес. Ты же пронзаешь мне сердце тем, что пятнает мою честь, и это причиняет мне величайшую боль!» Он оставался в городке, пока молва о нем не улеглась.

А вот что случилось в ином месте: там из-за него поднялся большой шум, так что толки о нем пошли по всему городу и окрестностям. В городе был монастырь, в нем имелось изображение из камня, распятие. И было оно, как рассказывают, по своим размерам ровно таким, каким был Христос. Однажды во время поста на этом самом изображении обнаружили свежую кровь, под язвой на проткнутом боку. Служитель побежал вместе с другими, дабы узреть сие чудо. Увидав кровь, он приблизился вплотную [к распятию] и дотронулся до крови пальцем, так что все стоявшие кругом это увидели. Со всего города стеклось великое множество народа, и от него потребовали, чтобы он открыто, стоя пред всем миром, сказал, что он увидел и до чего он дотронулся. Так он и сделал и рассказал, однако, из осторожности, не вынес никакого решения о том, была ли то кровь Бога или человека. Сие он предоставил другим.

Сия история звучала в тех землях повсюду, и каждый к ней добавлял, что только хотел. Безо всякого основания утверждалось, что он-де сам себе наколол палец и кровью измазал распятие, дабы казалось, что изображение кровоточит само по себе, сам вызвал скопление народа из алчности, чтобы вытянуть у людей их добро. Эти злые сплетни о нем рассказывались также в прочих местах. Когда жители того самого города поверили в сию великую ложь, ему пришлось ночью из него убежать. Его преследовали, и, если бы ему не удалось спастись бегством, то его бы убили. Предлагались хорошие деньги тому, кто доставит его живым или мертвым. Эта и подобные ей небывлицы рассказывались постоянно о нем. Едва они возникали, их тотчас принимали за правду, а на его имя сыпались хулы и проклятья; о нем было составлено превратное мнение... Некоторые, правда, кто его знал, оставались в здравом уме. Но едва они заявляли, что он невиновен, их грубо обрывали, и они были вынуждены замолчать, бросить его на погибель. Одна почтенная горожанка того самого города, услышав обо всех этих тягостных и чудесных событиях, что бедный-де человек безвинно страдает, из сочувствия навестила его в бедственном положении и подала ему такой вот совет: если Служитель тронется в путь, пусть город выдаст ему закрепленное печатью письменное заверение в его невиновности, ибо многим в городе было известно, что он невиновен. Тогда он сказал: «Ах, любезная государыня, если бы такое страдание было одно и не было больше других, тех, что Бог мне уготовал, то я, конечно, защитил бы себя письменным заверением. Но так как страданий, подобных этому, выпадающих мне ежедневно, огромное множество, то мне не остается ничего другого, как предоставить сие на усмотрение Божие и не пытаться чего-либо сделать».

Однажды он отправился вниз по Рейну в Нидерланды на некий капитул. А там для него было уже приготовлено новое испытание, ибо два видных брата выступили против него и весьма усердствовали в том, чтобы жестоко его опечалить. С трепещущим сердцем Служитель предстал пред судом, и ему были предъявлены многие обвинения, а среди них вот какое. Они утверждали, что он сочиняет книги, в которых содержится ложное учение, его же еретическими нечистотами загрязнена вся страна. С ним говорили об этом очень сурово и в самых жестких словах, угрожая навлечь на него тяжкие беды, хотя Бог и мир знали, что он в том невиновен¹. Сими тяжкими напастьями Бог не удовлетворился и умножил их гряду. На обратном пути Он послал ему хворь, и у Служителя открылась сильная горячка. К тому же где-то внутри, в области сердца, назрел опасный нарыв. И таким образом через то и другое, внутреннюю тесноту и внешнюю тяготу, он вплотную приблизился к смерти, так что никто не надеялся на его исцеление. А его попутчик то и дело поглядывал на него, чтобы увидеть, когда его покинет душа.

Когда Служитель, страдая, лежал в постели в каком-то незнакомом конвенте и никак не мог уснуть ночью из-за болей, причиняемых свирепой болезнью, он начал сводить сче-ты с

¹ Речь идет о генеральном и провинциальном капитуле доминиканцев в Маастрихте, состоявшемся между 1329 и 1334 гг. (скорее всего в 1330 г.), на котором Г. Сузо был обвинен в ереси в связи с написанием и распространением «Книжицы Истины», своего рода апологии Майстера Экхарта.

Богом и говорил [Ему] так: «Ах, праведный Боже, вот Ты обременил больное мое естество горьким страданьем и пронзил мое сердце выпавшим на мою долю бесчестьем и великим позором, так что снаружи и изнутри я окружен горькой нуждой. Когда же Ты прекратишь, милостивый Отче, так со мной поступать? Когда же Тебе будет достаточно?» И он вспомнил в сердце своем о том смертельном страхе, который испытал Христос на Масленичной горе. В сем созерцании он переполз из постели в кресло, стоявшее пред постелью, и оставался сидеть в нем, ибо не мог из-за нарыва лежать. И вот, пока он так, в страдании, сидел, ему явилось в видении, что к нему в комнату вошла великая толпа небесных насельников, чтобы принести ему радость. Небесная толпа воспела райскую хороводную песнь. В его ушах она звучала столь сладостно, что преобразилось все его естество. Насельники весело пели, хворый Служитель сидел, погруженный в печаль. И вот, к нему подошел один юноша и весьма приветливо обратился к нему: «Почему ты молчишь? Отчего не поешь вместе с нами? Ты же хорошо знаешь сию небесную песнь!» А Служитель отвечал, в воздыхании своего печального сердца, и говорил ему так: «Ах, ты разве не видишь, как мне скверно? Как веселиться человеку на смертном одре? Неужели мне петь? Я нынче пою песнь страданий. Если я некогда радостно пел, то сие давно миновало, ибо я ожидаю час своей смерти». Тут юноша весело ему говорит: «Viriliter agite! Держись и будь радостен. Ничего с тобой не случится, в свое время ты еще споешь подобную песнь, так что Бог в Своей вечности будет ею прославлен, да и иной страждущий человек будет утешен». Очи Служителя увлажнились слезами, и он разразился рыданиями. В тот же час нарыв, бывший внутри, прорвался и истек из него, и Служитель сразу поправился.

После этого, когда он возвратился в свой монастырь, к нему пришел некий блаженный друг Божий и сказал ему так: «Любезный государь, хотя случилось так, что Вы, совершая свой путь, находились от меня больше, чем за сотню миль, мне довелось стать подлинным свидетелем Вашего страдания. Однажды я узрел моим внутренним взором божественного Судию, восседающего на Своем троне, и по Его попущению была дана власть двум духам зла докучать Вам чрез двух видных [братьев], причинивших Вам скорбь. Тогда я воззвал к Богу и сказал: “Ах, милостивый Боже, как Ты смог попустить, чтобы Твой друг претерпел сие великое и горестное испытание?” Тогда Бог отвечал и сказал: “Для этого Я его Себе и избрал, чтобы он таким образом – посредством страдания – был преобразен по подобию Моего единородного Сына. И все-таки, согласно Моей справедливости, великая неправда, что ему причинили, должна быть отомщена скорой смертью оных двух [братьев], которые его истязали”». Сие и вправду вскоре случилось и стало многим людям известно.

Глава XXV. О тяжком страдании, выпавшем ему по вине одного из его сотоварищей

Однажды, когда Служителю надо было отъехать, ему дали спутника, брата из мирян, а тот был слегка не в себе. Служитель согласился неохотно, ибо частенько вспоминал, как много всего скверного ему пришлось вынести от собратьев, но все-таки сдался, и взял его с собой.

И вот, так получилось, что они пришли в какую-то деревню, еще до ранней трапезы, а в тот день была ярмарка, и туда стеклось множество народа. Его спутник весь вымок из-за дождя и ушел в дом погреться у огня, сказав, что оттуда никуда не пойдет: пусть брат делает все без него, что ему нужно сделать, а он его подождет в доме. Как только Служитель вышел из дому, его сотоварищ отошел от огня и присел к каким-то батракам и торговцам, которые также пришли на ярмарку. Как только они увидели, что вино ему ударило в голову, что он поднялся и стоит во вратах, глаза вокруг, они схватили его и сказали, что он-де украл у них голову сыра. Покуда злодеи вытворяли все это с ним столь ужасным образом, пришли четыре или пять чудовищного вида наемных солдат. Те тоже набросились на него, заявив, что злобный монах – отравитель, ибо сие случилось в те времена, когда ходили толки о яде². Они скрутили его и подняли страшный шум, и шум этот был слышен всем и повсюду. Увидев, что

² Имеются в виду 1348 – 1350 гг., когда по Европе распространялась эпидемия чумы, т.н. «Черная смерть».

пойман, а также к чему клонится дело, и желая выгородить себя, он пошел на попятную и сказал им так: «Подождите немного, постойте и дайте сказать: я хочу признаться и открыть вам, как сие получилось, ибо это весьма скверное дело». Они остановились и начали со вниманием слушать, а он стал им рассказывать вот что: «Поглядите на меня повнимательней и подумайте сами: я – простец и невежда-мужлан, на меня не обращают внимание. Но собрат мой... о, он – мудрый и опытный муж, ему Орден доверил мешочек с отравой, и он должен его погружать в колодцы по всей этой стране, отсюда и вплоть до Эльзаса, куда он теперь направляется. И куда бы он ни явился, он хочет все замарать злою отравой. Смотрите, дабы ему поскорее оказаться в ваших руках, а не то посеет он смерть, от которой не будет спасения. Он только сейчас забрал с собою мешочек и погрузил его в деревенский колодец, чтобы уморить всех, кто придет сюда на базар и будет пить из него. Потому я и остался и не пожелал идти вместе с ним, ибо мне это претит. А во свидетельство тому, что я не вру, да будет вам ведомо вот что. У него с собой огромный мешок для книг, и этот самый мешок заполнен кулками с отравой и многими гульденами, которые он и Орден получили от жидов, чтобы учинить эту погибель». Едва услышав сказанное, сей дикий люд, а равно все те, что сошлись и теснились вокруг, пришли в неистовство и завопили громкими голосами: «Все за убийцей, дабы ему от нас не уйти!» Один схватился за копьё, другой за секиру, каждый взял то, что было сподручней, и все бросились за ним со свирепыми воплями, вламываясь в дома и в кельи, где надеялись его отыскать, протыкали голыми мечами кровати и кучи соломы. Вся ярмарка была на ногах. Но в деревню также пришли посторонние, достойные доверия люди, они достаточно знали Служителя. Услышав, что упоминается его имя, они заступились за него и сказали, что он оклеветан, что он – весьма благочестивый человек и никогда не пойдет на такое убийство. Нигде не обнаружив Служителя, они оставили поиски, но привели его спутника связанным к деревенскому фогту, и тот приказал его бросить в темницу. Сие продолжалось, пока не стало совсем светло.

О том, что случилось, Служителю было ничего не известно. Когда, как ему показалось, настало время еды, и он полагал, что его спутник вполне обогрелся и уже высушил одежду возле огня, Служитель вернулся, чтобы приступить к постной трапезе. Едва он пришел на постоялый двор, к нему приступили и поведали печальную новость о том, что случилось. С сердцем, замирающим от ужаса, он тотчас направился в дом, где находились его спутник и фогт, и стал упрашивать фогта за своего спутника, чтобы того отпустили. Фогт, однако, сказал, что сие невозможно и что из-за проступка, совершенного им, он намерен заключить его в башню. Для Служителя это было тяжело и невыносимо. Он бросился в поисках помощи, но не нашел никого, кто бы его поддержал. Лишь после долгих стараний, с великим позором и испытав горькое унижение, он сумел, наконец, вызволить своего спутника из беды, заплатив за него хорошие деньги.

Служитель было надеялся, что на том его страданья и кончатся, но они только начались. Ибо, лишь он со скорбью и великим трудом избавился от власти предрержащих, угроза нависла над самой его жизнью. К тому времени, когда он вышел от фогта – а уже стало смеркаться, – среди подлого люда и батраков распространилась молва, что он-де – разносчик отравы. И они поносили его как убийцу, так что Служитель уже не надеялся покинуть деревню. На него указывали и говорили: «Смотрите все, вот – отравитель, он скрывается от нас целый день, его нужно убить! Пфенниги теперь ему не помогут, как в случае с фогтом!» Когда же он задумал от них убежать и уклониться в деревню, они стали вопить пуще прежнего. Часть из них предлагала: «А что, если утопить его в Рейне» (ибо Рейн протекал вдоль деревни), другие кричали: «Нет, грязный убийца загрязнит воду повсюду, давайте его лучше сожжем!» Один громадный детина в куртке, перепачканной сажей, схватив копьё, стал пробиваться через толпу и [при этом] кричал: «Послушайте меня, господа, все, кто здесь собрался! Для этого еретика мы не придумаем смерти, более позорной, чем если я пропущу сквозь него это длинное копьё, как убивают ядовитую жабу. Дайте же мне этого отравителя голым насадить на копьё и приподнять его задницей кверху, взвалить на крепкую изгородь и там закрепить, чтобы он не свалился. Пусть скверная дохлятина подвялится на ветру, чтобы весь мир, когда будет проходить мимо, мог поглазеть на убийцу и потешиться над ним уже после его жалкой смерти, чтобы быть ему проклятым в этом мире и в том, ибо мерзавец этого воистину заслужил». Вот что услышал несчастный Служитель с таким ужасом и тяжкими вздохами,

что у него от страха потекли по лицу огромные слезы. Все люди, собравшиеся вокруг и взиравшие на него, стали горько рыдать, иные же били себя в грудь возле самого сердца и хлопали в ладоши над головой, но никто не отважился вымолвить [в его защиту] хотя бы единое слово, ибо опасались, что на них нападут. Поскольку время приближалось к ночи, он стал ходить по деревне и просил со слезами в очах, не сжалятся ли над ним кто-нибудь, приютив ради Бога, но его отовсюду грубо прогоняли. Иные добросердечные женщины его охотно бы приютили, однако не решались на это.

И вот, когда несчастный страдалец находился в смертельной тоске, от него была отнята всякая помощь людей, и приходилось лишь ждать, скоро ли на него нападут и предадут лютой смерти, он пал от скорби и смертельного страха на землю подле какой-то ограды и поднял свои исполненные горя, опухшие от плача глаза к Отцу в небесах и вымолвил так: «Ах, Отче всякого милосердия, когда же ныне Ты придешь мне на помощь в моей великой тоске? Милостивое сердце, как же Ты позабыл о великом Своем благоволении ко мне? О, Отче, Отче праведный и скорый на помощь, помоги мне, бедному, в сей великой напасти! Не умею в моем, уже омертвевшем, сердце решить, что для меня будет тягостней: быть ли утопленным, сожженным или нанизанным на копье, придется принять одну из этих смертей. Предаю ныне Тебе скорбный мой дух. Спаси же меня, сжалившись, от сей печальной кончины, ибо они уже обступили меня³, те, что хотят предать меня смерти!» Сию-то исполненную скорби молитву услышал некий священник. Он прорвался к нему и вырвал его из их рук, отвел в дом и оставил там его на ночь, так что с ним ничего не случилось, а утром помог уйти ему прочь от опасности.

Глава XXVI. О разбойнике

Однажды Служитель шел из Нидерландов к верховьям Рейна. С ним был молоденький спутник, прекрасный ходок. И вот как-то случилось, что он не мог поспеть за своим быстрым товарищем, так как утомился и был не здоров. Спутник опередил его на целых полмили. Служитель оглянулся назад – не видать ли кого, с кем бы можно было пройти через лес, к которому он уже подошел совсем близко, ибо день был на исходе. Лес же был велик и опасен: в нем было убито много народу. Он тихо стоял на опушке, дожидаясь, не пройдет ли кто-либо. Подошли два человека, и шли они очень быстро. Одним из них оказалась молодая, опрятная женщина, другим – здоровенный и свирепый мужлан, с копьем и длинным ножом. На нем была черная куртка. Служитель испугался его страшного вида и принялся озираться, не идет ли кто у них позади, но никого не увидел. Ему подумалось: «О, Господи, что это за человек? Как бы мне, пока еще день, пройти через этот огромный лес! Что будет нынче со мною?» Он осенил свое сердце крестным знамением и решился.

Когда они вошли в лес и изрядно углубились в него, к нему подошла женщина и спросила: кто он и как его звать. Он ей назвал свое имя. Она же сказала: «Любезный государь, мне Ваше имя знакомо, я прошу Вас принять у меня исповедь». Она начала исповедоваться и сказала: «Увы, добродетельный муж, должна Вам признаться, что со мной приключилось большое несчастье. Видите Вы молодца, что идет вслед за нами? Это настоящий разбойник. Он убивает людей в здешнем лесу и повсюду вокруг, забирает их деньги и платья, никого не щадя в этом мире. Он обманом увел меня от моих почтенных друзей, и теперь я должна ему быть женою». Услышав такие слова, Служитель пришел в неопишуемый ужас, так что едва не лишился всех чувств, и весьма скорбным взором обвел место, где они находились: не увидит ли он или не услышит кого-то, или, может статься, приметит какой-нибудь путь, дабы им убежать. Но в темном лесу он никого не видел, не слышал, разве что только разбойника, идущего у него за спиной. Тогда он подумал: если бежать, то тебя, такого усталого, он вскоре догонит и предаст смерти, если кричать, то никто в этой пустыне тебя не услышит, и ты будешь обречен опять-таки на смерть. Возведя горе скорбный взор, он изрек: «Ах, Боже, что же будет ныне со мною? О, кончина, как близка ты ко мне!» Исповедовавшись, женщина отошла вспять к душегубцу и тихонько попросила его: «Эй, любезный приятель, пойд и ты, испове-

³ Ср.: Пс. 21, 12.

дуйся. У нас дома его весьма почитают [и верят]: кто ему исповедуется, как бы грешен он ни был, того Бог ни за что не оставит. Потому исполни сие, может статься, Бог ради него придет на помощь тебе, когда и ты будешь испускать последний свой вздох». Пока они так шептались друг с другом, Служитель испугался вконец и подумал: «Ты предан!» Молча, разбойник начал к нему приближаться. Увидев, что убийца с копьем подступает к нему, несчастный Служитель весь задрожал, все его естество возмутилось, и он подумал в себе: «Ну вот, теперь ты потерян», ибо не ведал, о чем они говорили. Место же там было такое. Рейн протекал вниз по долине неподалеку от леса, по самому берегу бежала тропинка. По приказу разбойника, брат пошел подле воды, а сам он зашагал около леса. Когда Служитель немного прошел в трепете сердца, разбойник принялся ему исповедоваться и признался во всех убийствах и злодеяниях, которые сотворил. Но особо подробно он поведал об одном свирепом убийстве, так что у Служителя обмерло сердце, сказав ему так: «Как-то раз пришел я в сей лес ради убийства, как то сделал и ныне. Тут подошел ко мне один достопочтенный священник, и я ему исповедался. Священник шел возле меня, прямо тут, где идете и Вы. Едва исповедь завершилась, – продолжил разбойник, – я выхватил этот вот нож, бывший у меня за поясом, и насквозь продырявил его, а потом столкнул с берега в Рейн».

Сия речь, да и ужимки убийцы так перепугали и привели в такое оцепенение Служителя, что ледяной пот предчувствия смерти залил ему все лицо и побежал вниз по груди. Он совсем отчаялся и окаменел, лишился почти всех своих чувств и лишь глядел пред собою: когда же в него вонзится сей нож, и удар столкнет его вниз. Сползая от страха на землю и не в силах двинуться дальше, он стал горестно озираться, как человек, который охотно бы избежал смерти. Его перепуганное лицо увидела жена. Она подбежала к нему, подхватила своими руками, дабы он не упал, и, держа его крепко, сказала: «Не бойтесь, добрый государь, он Вас не убьет», а разбойник сказал: «Я услышал о Вас много доброго и Вас пощажу и оставлю ныне в живых. Молите обо мне, несчастном разбойнике, Бога, чтобы в последний мой час Он ради Вас пришел мне на помощь».

Тем временем они вышли из леса. На опушке, под деревом, сидел его спутник и дожидался его. Разбойник со своею товаркой двинулся дальше. Служитель же едва доплелся до спутника и рухнул на землю. Его сердце и все тело дрожали, словно его трясла лихорадка. Он долго и тихо лежал на земле, а, придя в себя, встал и двинулся в путь, молясь с тщанием и глубоким воздыханием за разбойника, да пощадит его Бог ради его благой веры, какую он возымел к Служителю [Божию], и не даст быть ему проклятым, когда он испустит свой дух. Сему он получил заверенье от Бога, и у него не осталось никакого сомнения, что разбойник будет спасен, и Бог никогда его не оставит ради его доброй веры.

Глава XXVII. Как он чуть было не утонул

Однажды по своему обыкновению он отправился в Страсбург, а когда возвращался домой, то упал в одну из бурных проток Рейна, а вместе с ним и его новая книжица, которую он незадолго до того завершил, ее же возненавидел злой дух⁴. Когда его, беспомощного и находящегося в смертельной опасности, стремительно несло вниз по реке, праведным Богом было устроено так, что в это же время неподалеку оказался молодой рыцарь из Пруссии. Сей решился броситься в мутные, бурные воды и избавил его, и заодно его спутника от неминуемой смерти.

Раз как-то он отправился в одно место по послушанию, и было холодно. Целый день до самой ночи, в морозную погоду, на ледяном ветру, без еды протрясшись телеге, они подъехали к каким-то темным водам, стремительным и глубоким, как это бывает после обильных дождей. Слуга, везший его, упустил из внимания, что слишком близко подъехал к обрыву. Телега перевернулась, Служитель выпал из нее, свалился в воду и остался лежать на спине. Вслед за ним рухнула телега и накрыла его, так что он, оставаясь в воде, не мог повернуться ни туда, ни сюда и не мог оказать себе помощи. Так телегу и человека понесло, против воли, далеко вниз по течению к мельнице. Слуга и прочие люди бросились к мельнице, попрыгали в воду, обхватили его и уже хотели было вытаскивать. Но тяжелая телега лежала на нем и то-

⁴ По-видимому, речь идет о сочинении Г. Сузо «Книжица вечной Премудрости», написанном между 1328 и 1330 гг.

пила его. Телегу с немалым трудом отвалили, и его, до нитки промокшего, извлекли на берег. Но когда он оказался на берегу, его одежда заледенела на морозе. Он дрожал от холода, так что у него лязгали зубы. Так-то, страдая, он тихо стоял довольно долгое время и, возведя очи к Богу, изрек: «Увы, Боже, что же мне делать и что мне предпринять? Скоро уж ночь, а вокруг нет ни городка, ни деревни, где я бы смог обогреться и утолить голод. Что же мне, умереть? То будет жалкая смерть!» Оглядевшись по сторонам и узрев где-то вдали на горе небольшой хуторок, он, сырой и продрогший, стал взбираться на гору. За этим делом его застала ночь. Он обошел весь хутор, ради Бога прося о ночлеге, но его гнали прочь от домов, никто не хотел над ним сжалиться. Мороз и хлопоты потрясли сердце Служителя, его охватил страх за свою жизнь, и он громким гласом взмолился к Богу: «Господи, Господи, лучше бы Ты дал мне захлебнуться, и все было бы уже позади! Лучше уж так, чем на этой улице умереть от мороза!». Сию жалобу услышал какой-то крестьянин, который перед тем прогнал его прочь. Он над ним сжалился и, взяв его под руку, проводил в свой дом. Там Служитель и провел ночь, скорбя и стенося.

Глава XXVIII. О недолгой передышке от страданий, однажды посланной ему Богом

Бог приучил Служителя вот к чему: когда одно страдание уходило, его тотчас сменяло иное. Так Бог играл с ним без перерыва. И лишь однажды Он позволил ему ходить праздным, впрочем, сие продолжалось недолго.

В это-то праздное время он пришел в один женский монастырь, и духовные чада спросили его, как он поживает. Он отвечал: «Боюсь, что теперь дела мои плохи, и вот почему: вот уж пошла четвертая неделя, как ни моему телу, ни моей чести никто не наносит вреда. И это вопреки тому, к чему я привык. Боюсь, как бы Бог обо мне не забыл». Когда он недолгое время просидел с ними подле окошка, явился один брат из Ордена и, вызвав его, сказал ему так: «Давеча я был в некоем замке, и его господин о Вас спрашивал, где Вы находитесь, – и спрашивал в страшном гневе. Он поднял руку и поклялся пред людьми, что, где б ни нашел, проткнет Вас мечем. Не иначе поступили некоторые жестоковыйные воины из его ближайших друзей. Поэтому они уже разыскивали Вас в разных обителях, дабы исполнить на Вас свою недобрую волю. Я предостерег Вас, чтобы Вы береглись, коль Вам дорога Ваша жизнь». Сказанное привело Служителя в ужас, и он сказал брату: «Мне хотелось бы знать, чем я заслужил смерть». Брат отвечал: «Этому господину сказали, что Вы обратили его дочь, как и многих прочих людей, в особую жизнь, которая именуется “дух”, а также что те, кто придерживается сего образа жизни, называются “духовниками” и “духовницами”⁵. Ему сообщили, что это самые беспутные люди из всех, что живут на земле. Более того, там был еще один отступник, сей сказал про Вас так: “Он похитил у меня возлюбленную. Теперь она носит вуаль и даже не хочет взглянуть на меня, а желает глядеть только внутрь себя самое. Он за это поплатится”». Дослушав эту историю, Служитель воскликнул: «Хвала Богу!», и, поспешив к окошку, сказал своим дочерям: «Да пребудет с вами всякое благо, дети мои! Бог вспомнил обо мне, Он не забыл про меня», и поведал им сию скорбную новость о том, как за благодеяние ему хотят воздать злом.

Глава XXXVIII. О весьма жестокой напасти, меж тем поджидавшей его

Таким-то образом приходил он на помощь тому или иному страждущему человеку. Но за доброе дело он должен был жестоко поплатиться мученическим страданием, вскоре после того обрушившимся на него. И на сии грядущие тяготы Бог указал ему так в одном из видений:

Как-то вечером он пришел на постоялый двор. А когда наступил день, то в видении он был возведен в некое место, где собирались петь мессу. И петь сию мессу предстояло ему, ибо жребий указал на него. Певцы начали мессу о мучениках: «*Multae tribulationes justorum*

⁵ Местные названия членов секты «свободного духа».

etc.»⁶, где говорится о разнообразных терзаниях Божиих друзей. Он слушал ее без всякой охоты и с радостью сделал бы так, чтобы она не звучала, и [наконец] он сказал: «Увы, отчего вы оглушаете нас [пением о] мучениках и почему вы сегодня запели о них? Мы же не отмечаем сегодня день мучеников?» Певчие обернулись к нему и, указав на него пальцами, сказали: «Бог найдет для Себя мучеников и в нынешний день, как находил их когда-то. Готовься к нему и воспой о себе!» Он начал листать туда и сюда страницы служебника, лежащего перед ним, и лучше бы спел об исповедниках или о ком-то ином, нежели о преданных на страдание мучениках, но на какую бы страницу ни перелистывал, все было забито одними мучениками. Когда же он увидел, что ничего другого не остается, то затянул вместе с певчими, и его песнь зазвучала очень печально. Некоторое время спустя, воспротивившись, он вновь возвысил свой голос, сказав: «Что за странная штука! Давайте лучше споем “Gaudeamus”, о радостном, чем печальном, о мучениках». Ему отвечали: «Добрый приятель, тебе еще не известно: сначала идет этот напев, о мучениках, а затем, когда исполнится время, за ним следует радостный, “Gaudeamus”».

Едва Служитель пришел снова в себя, его сердце содрогнулось от увиденного, и он изрек: «Увы, Боже, неужели мне опять предстоит пострадать?» Так как в пути он очень грустно вздыхал, его спутник спросил: «Ах, отче, что с Вами случилось, что у вас такой горестный вид?» Он отвечал: «Увы, добрый мой спутник, ныне мне предстоит отслужить мессу о мучениках», имея в виду, что Бог дал ему знать о предстоящем страдании. А спутник этого не уразумел, он же умолк, скрыв в себе свое горе.

После того, как Служитель вернулся в город – это случилось перед самим Рождеством, когда дни были сумрачны, – он по обыкновению был посещен горьким несчастьем, [но на сей раз] столь тяжким, что ему казалось, если судить по-человечески, что сердцу в его теле оставалось лишь разорваться, пусть даже сего никогда не случалось ни с одним страждущим человеком. Невзгоды столь плотно окружили Служителя, что его не ожидало ничего другого, как неминуемая и достойная жалости утрата всего, что ему – в смысле пользы, отрады и чести – служило опорой и что во времени способно порадовать всякого. Горькое страдание состояло вот в чем:

Среди прочих людей, которых он хотел бы обратить к Богу, к нему заходила одна лживая, коварная особа. Под благообразной внешностью она имела волчье сердце, но скрывала его столь тщательно, что брат сего долгое время не замечал. Прежде она впала с неким мужем в великий грех и соблазн, преумножив свое преступление тем, что отцовство [своего ребенка] приписала не действительно виновному в нем, а другому человеку. Виновник же заявил, что не имеет к этому делу ровно никакого отношения. Служитель не стал наказывать сию дочь за ее прегрешение. Он принял у нее исповедь, а она взялась ему помогать необходимыми, вполне почтенными услугами, [хотя и] в большей мере, чем то заведено у духовных людей той страны, именуемых терминариями⁷. Но когда прошло изрядно времени, Служителю и прочим праведным людям стало известно, что в тайне она продолжает творить те же непотребные дела, что творила и раньше. Он умолчал о том, что знает, и не спешил предавать ее поступки огласке, однако, решил с ней порвать и отказаться от ее услуг. Уразумев сие, жена предупредила его, чтобы он этого не делал, если же он прекратит оказывать ей поддержку, каковой она пользовалась прежде, то за это поплатится: она припишет ему отцовство ребенка, коего прижила с сожителем из мира. Он будет отцом ребенка, и она его так опорочит этим ребенком, что молва о нем пройдет всюду.

Эти слова его испугали, он стоял недвижимо, словно в оцепенении, воздыхая в глубине своего сердца и говоря в себе самом так: «Страх и трепет со всех сторон нашел на меня⁸, и не знаю, куда мне податься. Сделай я это – мне горе. Не сделай я этого – мне опять-таки горе. Я так окружен отовсюду заботой и скорбью, что смог бы в них утонуть». С испуганным сердцем он ожидал того, что позволит Бог диаволу с ним сотворить. [Наконец] посоветовавшись с Богом и с собою самим, он пришел к выводу, что при мучительном выборе между тем, что угрожает душе, и тем, что грозит его телу, будет разумней вовсе порвать с недоброй женой, чем бы то ни грозило его временной славе. Так он и сделал.

⁶ «Многообразны мучения праведных, и т.д.»

⁷ Одно из названий нищенствующих монахов, собиравших милостыню со строго ограниченных, приписанных к тому или иному конвенту территорий (termini possessionum).

⁸ Пс. 54, 6.

Из-за того ее свирепое сердце пришло в столь страшную ярость, что она принялась бегать туда и сюда, к духовным и светским, в нечеловеческой злобе желая оклеветать бедного мужа, пусть даже опорочив себя, и каждому говорила, что у нее родился ребенок, и что это ребенок того самого брата. Отсюда явилось великое нестроение в людях, уверовавших в то, что она говорила, – и нестроение это было тем большим, чем дальше распространилась молва о его неслыханной святости. Пронзив, сие поразило его в самую мякоть сердца и души. Он ходил погруженный в себя самого, охваченный скорбью и горем, дни его бесконечно тянулись, а ночи были суровы, его краткий отдых был смешан с печалью. Скорбно взирая на Бога и глубоко вздыхая, он говорил: «О, Боже, пришел час моей скорби! Как вынести мне? Как смогу вынести я гнетущую тоску своего сердца? О, Боже, уж лучше бы смерть, но только не видеть позора и не слышать о нем! Господи, Господи, вот, во все дни жизни своей я возвеличивал достойное имя Твое, всюду уча многих людей его восхвалять и любить. Желает ли Ты мое имя ввергнуть в лихое бесчестие? Что за страшная напасть! Взгляни, достойному Ордену проповедников придется из-за меня поневоле подвергнуться бесчестию. Об этом я сокрушаюсь ныне и присно. О, тягота моего сердца! Все чистые люди, что прежде всем сердцем почитали меня как святого (и из-за того обо мне всюду множилась слава), нынче, увы мне, взирают на меня как на злого обманщика целого мира. Тем уязвляются и пронзаются сердце мое и душа».

Но вот, когда бедный страдалец провел в жалобах долгие дни, и жизнь начала иссыхать в его плоти, к нему явилась некая особа женского пола и молвила так: «Эй, добрый государь, к чему так сильно тужить? Мужайтесь, я дам Вам совет и, если Вы его послушаетесь, то приду Вам на помощь, и для чести Вашей не будет никакого урона. Воспряньте же духом!» Он на нее посмотрел и спросил: «Ах, милая женщина, как Вы хотите это уладить?» Она отвечала: «Я спрячу ребенка у себя под одеждой, чтобы никто не увидел, а ночью похороню его заживо, или иглой проткну ему темечко, тогда он умрет, а злая молва повсюду уляжется, и Вы останетесь при Вашей славе». Но он грозным от ярости голосом воскликнул: «Увы, злая убийца, твоему кровожадному сердцу! Задумала умертвить невинное чадо? Виновно ль оно, что его мать – злобная баба? Хочешь его живьем закопать? Нет, нет и нет, Бог того не допустит, чтобы из-за меня произошло это убийство! Посмотри, худшее, что со мной может случиться, – утрата моей временной чести. Но если бы даже моей мирской славой наполнился весь здешний край, то я и тогда скорей бы принес ее в жертву любезному Богу, чем позволить пролить невинную кровь». Она возразила: «Коль скоро этот ребенок не Ваш, какая Вам забота о нем?» и извлекла острый и похожий на иглу длинный нож со словами: «Если Вы позволите мне унести его прочь с Ваших глаз, я перережу ему глотку или воткну сей нож ему в сердце. Он вскоре умрет, а Вы успокоитесь». Он ответил: «Молчи, нечистый, исполненный злобы диавол! Кому бы сей ребенок ни принадлежал на земле, он создан по образу Божию и с великой скорбью спасен невинной кровью дражайшего Христа. Поэтому я не желаю, чтобы пролилась его юная кровь». «Если Вы не желаете предать его смерти, – возразила жена с нетерпением, – тогда, по крайней мере, позвольте как-нибудь утром в тайне от всех отнести его в храм, чтобы с ним обошлись, как с другими брошенными подкидышами. Иначе Вас ждут большие расходы и тяготы, пока мальчонка не вырастет». Он ответил: «Верую всемогущему и щедрому Богу небес, Который по сей день меня окормлял, что Он наставит меня за двоих». И сказал ей: «Ступай и принеси мне ребенка, чтобы никто не увидел, мне хочется взглянуть на него».

Когда он посадил ребеночка к себе на колени и посмотрел на него, тот ему улыбнулся. Служитель вздохнул из глубины своего сердца, промолвив: «Неужели я должен убить это милое дитя, которое мне улыбнулось? Нет, ни за что! Лучше уж выстрадать все, что выпадет на мою долю». Он нежно обратился к дитяти и произнес такие слова: «Увы, беззащитное, бедное чадо, что за несчастный ты сиротинка! Неверный отец твой от тебя отказался. Твоя лютая мать решила избавиться от тебя, как от щенка, докучливого и никчемного. Но вот, промысел Божий тебя отдал мне, так что я обязан и должен тебе стать отцом. И я это охотно исполню. Я тебя принимаю от Бога и ни от кого больше, раз Он дорог мне, то и ты станешь моим возлюбленным чадом. Ах, мое сердечное дитя! Ты сидишь у меня на коленях, мне так грустно, а ты смотришь на меня с такою любовью, а говорить еще не умеешь! Увы, и я, с моим израненным сердцем, гляжу на тебя. Глаза мои плачут, уста целуют тебя, и я орошаю твое детское личико ручьем горячих слез». Едва крупные слезы возрыдавшего мужа начали сте-

коть мальчонке на самые глазки, то и тот вместе с ним разревелся от всего сердца, и плакали оба... Увидев, что ребенок стал плакать, Служитель прижал его к самому сердцу и произнес: «Молчи, счастье мое! Ах, дитя моего сердца, неужто мне убить тебя только за то, что ты не мое, но стало моим столь горестным образом? Ах, прекрасное, милое, нежное чадо, погляди, я не принесу тебе горя. Быть тебе моим ребенком и Божьим. Покуда Бог посылает мне пропитание, я стану делить его с тобой, благому Богу во славу, и перенесу с терпением все, что бы на меня затем ни обрушилось, мое нежное чадо».

Как только та самая лютая баба, что прежде хотела ребенка убить, увидела и услышала сии слезные ласки, то ее сердце было уязвлено такой сильной жалостью, что она разразилась рыданиями и воем, и Служителю пришлось ее успокаивать из страха, что кто-нибудь явится и застанет ее в таком состоянии. Когда она вдоволь наплакалась, то он вернул ей ребенка и, благословив его, сказал так: «Ну, благослови тебя милостивый Бог и пусть святые ангелы защитят тебя от всякого зла»⁹, и велел снабжать ребенка пищей, сколько тому было необходимо.

Затем к нему опять заявила злобная баба, мать ребенка. Хотя она и [прежде] его беспощадно хулила, однако на сей раз еще больше преуспела в хуле, делая все, чем могла бы его уязвить, так что в иных чистых и добродетельных сердцах он вызывал к себе жалость. Они нередко желали, чтобы праведный Господь прибрал ее из этого мира. Раз как-то случилось, что к Служителю пришел один из его близких друзей и сказал: «Увы, государь, тому великому кошунству, что совершила злобная баба в отношении Вас. Ведает Бог, хотелось бы мне ей за Вас как следует отомстить! Я задумал спрятаться на Длинном мосту, перекинутом над водой. Когда нечестивица будет по нему проходить, я столкну ее вниз и утоплю. Так воздастся ей за кошунство, совершенное по отношению к Вам». Служитель ответил: «Нет, друг мой, Бог не хочет того, чтобы ради меня был убит живой человек! Ведомо Богу, Ему же известно все тайное, что в этом деле с ребенком она со мной поступила несправедливо. Потому-то я отдам это дело в Его руки, пускай Он по Своей воле предаст ее смерти или оставит в живых, и скажу тебе так: если бы я даже мог простить моей душе ее смерть, то все же хотел бы почитать в ней имя всех честных жен, а ее саму оставить в живых». Муж отвечал ему с раздражением: «Мне было бы безразлично, убивать мужика или бабу, если им хочется возвести на меня клевету». Он возразил: «Нет, то было бы неразумной жестокостью и непотребной дикостью. Оставь, пусть все так и будет, пускай низвергнутся все несчастья, которые по желанию Божьему мне приходится переносить».

По причине того, что беды непрерывно росли, Служителем один раз овладели слабость и малодушие; его страдание было столь велико, что он решил сам себе немного помочь, по возможности развеяв его. Оставив келью, он стал искать отрады, и особенно у двух людей, которые, когда он сидел еще наверху колеса счастья, заверяли его, что они – его верные друзья и товарищи. У них-то ему и хотелось найти радость для своего многострадального сердца. Ах, тогда Бог дал понять ему на примере обоих, что в мире нет совершенства, ибо ими обоими и их окружением, он был унижен самым болезненным образом – больше, чем ему когда-нибудь доставалось от обыкновенного люда. Первый друг принял страждущего брата крайне сурово: презрительно отведя свой взор от него, он обратился к нему в весьма колких словах, чтобы выразить все свое пренебрежение им. Среди прочего, что было сказано самым уничижительным образом, друг дал понять брату, что впредь былого доверия между ними не будет, ведь он стыдится общения с ним. Ах, сие пронзило насквозь сердце Служителя, и он печальным голосом отвечал другу: «О, милый друг, будь ты по попущению Божьему брошен, подобно мне, на горькое посмеяние, то я, воистину, прибежал бы и по-дружески помог бы тебе! Но вот, о горе, тебе недостаточно, что среди насмешек я распростерт пред тобой, ты еще хочешь на меня поставить пяду. Приношу свою скорбь страждущему сердцу Иисуса Христа!» Друг повелел ему замолчать и брезгливо сказал ему: «С Вами покончено. Следует отвергнуть не только Ваши проповеди, но и составленные Вами книги». Служитель отвечал весьма благоговейно, возведя свой взор к небесам: «Верю благому Богу горнего мира! Мои книги будут еще дороже и желанней, чем раньше, когда настанет их время». Такое-то печальное утешение нашел он у своих лучших друзей.

⁹ Ср.: Быт. 48, 16.

В этом же городе вплоть до того времени, о котором следует речь, Служитель получал необходимое для жизни вспомоществование от добросердечных людей. Когда же посредством злых рассказней он был пред ними оклеветан, те из них, что поверили клеветникам, стали отказывать ему в дружбе и в помощи. [И это продолжалось до тех пор,] пока они не были призваны божественной Истинной снова обратиться к нему в сознательном обращении.

Однажды, сидя, он погрузился в тихий покой. И вот, после того, как миновали его деятельные чувства и помыслы, ему показалось, что он возведен в некую мысленную страну, и в основании его души нечто прорекло так: «Выслушай, выслушай исполненное радости слово, его же Я перед тобою прочту!» Он слегка наклонился вперед и принялся старательно слушать. Нечто стало произносить слова на латыни; то было из главы, читаемой во время молитвы девятого часа сочельника Рождества: «*Non vocaberis ultra derelicta etc.*», по-немецки сие звучит так: «Не будут уже тебя называть “оставленным Богом”, а твою землю – “пустынею”. Ты будешь называться: “Божья воля на ней”, и твоя земля будет возделана, ибо небесный Отец имеет благоволение к тебе»¹⁰. Вычитав эти слова, нечто начало читать их опять, и так до четырех раз. Удивленный, Служитель спросил: «Любезная, что ты имеешь в виду, многократно читая предо мною эти слова?» Он отвечал: «Сие Я делаю для того, чтобы укрепить твое доверие к Богу, Коему угодно наделять землю Своих друзей, иначе говоря, их смертную плоть, всем потребным Ему. И где у них отымеется с одной стороны, там приложится с другой в том, в чем они терпят нужду. Посему и с тобою Бог поступит по-отцовски». Воистину, все ровно так и случилось, так что иные сердца рассмеялись от радости и [те] восславили Бога, чьи очи плакали от сочувствия.

Произошедшее со страждущим мужем походило на то, как дикими животными бывает растерзан мертвый, лишенный шкурки зверек, но на нем еще остается малая толика плоти; тогда на него налетают голодные оводы и прочие насекомые, полностью обнажают обглоданные кости и разносят с собой по воздуху то, что было ими высосано. Точно так же и он был разнесен по дальним странам благопристойными, судя по внешнему виду, людьми. И такое творили они посредством добрых речей и осмотрительных увещаний, во свидетельство дружбы. Но правды в том не было. Из-за этого в его сердце однажды закралась нехорошая мысль: «Ах, милостивый Боже, пострадавший лишь от евреев, язычников либо отъявленных грешников может все как-нибудь вынести. А если терзают люди, сказывающиеся твоими добрыми друзьями, то сие приносит несравненно худшую боль». Однако, придя в себя и рассмотрев дело с подлинным смирением, он перестал их обвинять, признав, что через них действовал Бог, а ему надобно все претерпеть, и что Бог зачастую готовит Своим друзьям наилучшее посредством Своих же друзей.

Однажды – при рассмотрении разумом оных прискорбных событий – ему было сказано так: «Подумай-ка, ведь Христос, наш Господь, возжелал иметь при Себе не только любимого Им апостола Иоанна или верного святого Петра, но был согласен оставить подле Себя и злобного Иуду. А ты, желая быть последователем Христа, не хочешь терпеть при себе своего Иуду?» Но на это тотчас ответила внезапная мысль: «Увы, Боже, имей страждущий друг Божий одного только Иуду, это было бы еще терпимо. Ныне же пришли времена, что каждый уголок полон иуд, и когда отходит один, на его место приходят четверо или пятеро». На сию мысль был внутри дан такой ответ: «Для человека, если он праведен, никакой Иуда не будет в собственном смысле Иудой; сей должен стать ему соратником Божиим, посредством которого он бывает препровожден к своему наилучшему. Когда Иуда предал Христа целованием, то, назвав его Своим другом, Христос спросил: “Друг Мой etc., [для чего ты пришел]?”»¹¹

Пока несчастный сей муж долго и тяжело страдал, у него все еще оставалось маленькое утешение, бывшее опорой ему: оно состояло в том, что о его тяжелом бремени еще не было ведомо судьям и прелатам Ордена. Но и сие утешение Бог у него в скором времени отнял, ибо в тот город, где злобная баба оклеветала благочестивого Служителя Божия, вместе прибыли

¹⁰ Ис. 62, 4.

¹¹ Мф. 26, 50.

высший начальник целого Ордена и начальник, поставленный над немецкими землями¹². Когда бедный муж, проживавший тогда в другом месте¹³, услышал эту новость, в нем совсем обмерло сердце, и он подумал [в себе]: «Если магистры поверят тому, что против тебя говорит сия злая баба, то тебе конец... Они наложат на тебя такую страшную епитимью, что для тебя многим лучше была бы телесная смерть!» Томительное ожидание продолжалось целых XII дней и ночей, с часу на час он ждал наложения мучительной епитимьи, если магистры придут в то самое место.

Как-то раз, по человеческой слабости разразился он жалобами и недостойными причитаниями из-за нестроений и тягот, в коих пребывал. В скорбных сетованиях внутреннего и внешнего человека он ушел, то и дело бездонно-глубоко вздыхая, от людей в некое тайное место, где его никто не мог ни видеть, ни слышать. К глазам подступили слезы, и вот, они хлынули и потекли по щекам. От смешанного со страхом уныния он не мог успокоиться – то быстро садился, то сызнова вскакивал и бегал по комнате туда и сюда, как человек, что старается побороть скорбь и тоску. Затем, пронзив ему сердце, в нем зазвучала дрожащим и проникновенным голосом мысль: «Увы, Боже, что замыслил Ты обо мне?» Меж тем, пока он пребывал в жалобах и стенаниях, в нем прорекло нечто от Бога: «Ну, и где твое бесстрашие? Где неподвижное стояние в радости и в печали, о котором ты так часто и бойко толковал другим людям, живо представляя им, как надлежит себя целиком предать Богу и ни в чем не упорствовать?» На это он, рыдая, ответил: «Если Ты у меня спрашиваешь, где мое бесстрашие, то, ей же, и Ты мне скажи, где бездонное милосердие Божие к Его друзьям? Мне приходится здесь дожидаться, в самом себе превратившись в ничто, подобно человеку, приговоренному к смерти, утрате имущества и лишению чести. Мне казалось, что Бог благ, я-то думал, что Он – Господь, милостивый и милосердный ко всем, кто решился предать себя Ему руки. О, горе мне, Бог от меня отвернулся! Увы, благая артерия, никогда не прекращавшая источать милосердие, иссякла на мне, незадачливом человеке! О, доброе сердце, о чьей милости вопиет целый мир, оставило меня, несчастного человека, в страдании! Бог отвратил от меня Свои прекрасные очи и блаженный Свой лик. О, Божий лик, о, милостивое сердце, да мог ли я когда-нибудь ожидать, что Ты покинешь меня!? О, бездна без дна, приди мне на выручку и на помощь, иначе мне гибель! Ты же знаешь, что вся моя надежда и радость в Тебе и больше ни в ком в целом свете. Эй, услышьте ныне меня ради Бога, все страждущие сердца! Поглядите, никто не может возвести напраслины на то, как я жил, хотя все это время бесстрашие было у меня лишь на устах, и мне было сладостно о нем говорить. А ныне я поражен в самое сердце, иссякла самая суть моей крови и мозга, в теле моем не осталось ни единого члена, чтобы он не был истерзан или изранен. Как же можно меня оставлять?»

Проведя целых полдня в таких препирательствах, так что его мозг изнемог, Служитель затих. Обратившись прочь от себя к Богу, он предал себя в Его волю и изрек: «Если иначе быть не может, то fiat voluntas tua, да будет воля Твоя!»¹⁴ Покуда он так оставался сидеть в утрате всех чувств, ему явилось в видении, что пришла одна из его святых духовных дочерей и встала пред ним. Еще при жизни сия дочь часто твердила, что ему предстоит много страдать, но что Бог его от тех страдания избавит. И вот, она вновь явилась ему и дружелюбно стала его утешать. Однако он отнесся к ней с недоверием и усомнился в правоте ее слов. Она рассмеялась, подступила к нему и, протянув свою святую руку, сказала: «Поверьте моему христианскому слову вместо Божьего слова, Бог Вас не оставит, Он поможет Вам превозмочь это и все прочие Ваши невзгоды». Служитель сказал: «Взгляни, дочь, мое смятение так велико, что я не в силах поверить тебе, если только ты мне не дашь надежного знамения». Она же ответила: «Бог Вас Сам оправдает во всех благих, чистых сердцах, а злым сердцам вещи ответят в соответствии с их личной злобой, – на сие мудрому Божьему другу не подобает взирать. Что касается Ордена проповедников, о котором Вы горевали, то из-за Вас он станет Богу и всем разумным людям только угодней. И вот Вам знамение сей истины: посмотрите, Бог вскоре за Вас отомстит, вознеся Свою гневную длань над тем злокозненным сердцем, что Вас так огорчило, и оборвет жизнь той жены смертью. Да и все, кто злой клеветой ей помог

¹² Имеются в виду генеральный магистр доминиканского Ордена и провинциал провинции «Тевтония», прибывшие в Констанц на провинциальный капитул 1354 г.

¹³ В связи со случаем, о котором следует речь, Г. Сузо был переведен в г. Ульм, где оставался до конца своей жизни.

¹⁴ Мф. 26, 42.

больше других в этом деле, тоже скоро получат возмездие, будьте в этом уверены». Брат был сказанным изрядно утешен, он терпеливо ожидал, наблюдая, как Богу будет угодно закончить то дело.

Все на самом деле так и случилось, как предрекла духовная дочь. Изверг, столь свирепо терзавший его, в самом скором времени умер, и умер загадочной смертью. Весьма многих кроме нее, из-за кого ему пришлось тяжелее всего, также из этого мира были похищены смертью. Некоторые из них отошли в беспамятстве, другие преставились без исповеди и причастия тела Господня. Один из принесших ему много скорбей был прелатом. Явившись после кончины Служителю в видении, он сообщил, что по его милости Бог сократил ему жизнь, пребывание в сане и что ему предстоит довольно долго томиться и изнывать в покаянии.

Когда многие люди, что знали о злключениях брата и благоволили к нему, услышали о необыкновенной мести и смерти, ниспосланной Богом на его ненавистников, то они восславили Бога и сказали: «Воистину, Бог с этим добрым человеком, и мы ясно видим, что с ним поступили несправедливо. Поэтому среди нас, да и всех разумных людей, его нужно ценить еще выше за божественное блаженство, в нем пребывающее, по сравнению с тем, если бы Бог не приуготовил для него это страдание».

Так-то милостивый Бог помог Служителю в том, чтобы буря его страданий миновала и улеглась. [А случилось это] после того, как Служителя утешила в видении его святая дочь. Он часто думал: «О, Господи, сколь истинно слово, которое о Тебе говорят: “Кому благоволит Бог, тому никто не причинит вред”!»

Так же и его друг, поведший себя в этом деле неподобающим образом и прибранный в скором времени Богом, – когда друг помер, и ниспала всякая завеса, мешавшая чистому созерцанию Бога, он явился Служителю в светлом золотом одеянии, с любовью обнял его и нежно прижал свое лицо к его щеке, умоляя Служителя, чтобы он простил его за то, что он в нем усомнился, и чтобы между ними вечно сохранялась верная небесная дружба. Сие Служитель с радостью принял и дружелюбно обнял его, а тот исчез и возвратился в божественную радость.

После сего, когда в очах Божьих исполнилось время, страдалец был избавлен Богом от всяких напастей, которые когда-либо имел, награжден сердечным миром, тихим покоем и лучшейся благодатью. Он возблагодарил Бога из глубины сердца за славное страдание и говорил, что взамен того, что он перенес, ему и целого мира не нужно. Бог дал Служителю несомненно уразуметь, что посредством сего низвержения он был высажен из себя самого и пересажен в Бога, и притом благородней, чем посредством всех многообразных страданий, которые претерпел, начиная от юности и вплоть до того временем.

From editors

Dear readers! We continue publication of several chapters of the work «Vita» by H. Seuse which show his reflections, ascetic practices, wanderings and his mystagogic conception as a new stage of the Ekhart's doctrine development. The translation is made on: *Seuse H. Deutsche Schriften* / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.

WANDERINGS AND TEMPTATIONS OF H. SEUSE

M.Y. REUTIN

*Institute for Higher Humanities,
Russian University
for Humanities*

e-mail: mreutin@mail.ru

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

ИМПЕРАТИВ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

А.В. КУЗНЕЦОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru*

В статье раскрываются некоторые аспекты проявления принципа историзма в зависимости от целей научного исследования при использовании историко-генетического подхода, предполагающего осознание смысла каждой обособленной области научного знания в органически целостном научном знании.

Ключевые слова: принцип, развитие, актуализм, гносеологическая ретроспекция, субстанциональная ретроспективность, униформизм, антикваризм, философия и методология научного знания.

Рассматривая историю развития мышления человечества на всех ступенях развития общества, мы обнаруживаем, что материальная деятельность людей не только предшествовала их духовной деятельности, но и стимулировала и определяла собой последнюю. Например, открытие закона сохранения и превращения энергии в середине XIX века было вызвано в первую очередь потребностями развития техники и теоретического обобщения накопившегося практического опыта по применению паровых машин. Предмет познания рассматривается в истории человечества не пассивно, а действенно, с позиций его переделки и практического использования, ведь познание совершается ради практических интересов человека. Сам процесс познания понимается исторически как процесс возникновения и развития знания из незнания, как переход от непознанного к познанному. Таким образом, представление научной деятельности как структуры основано на осмыслении её как процесса. Само «развитие познания происходит в поисках новых путей для всё более полного знания законов природы и всё более глубокого проникновения в её сущность»¹. Предположение о том, что мы можем постигать природу, строится на основе её представления как динамического процесса. По Г. Риттеру, «всё, что мы должны постичь в других жизненно, мы должны сами усвоить так, чтобы мы были в состоянии воспроизвести в себе тип»². В этом случае, постигая природу, мы постигаем себя – то, что дано *при-рода[x]*. Ф. Шлегель писал в работе «Развитие философии», что

¹ Кедров А. Н. Единство диалектики, логики и теории познания. – Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 56.

² Цит по: Огурцов А. П. От натурфилософии к теории науки. М.: ИФРАН, 1995. С. 217.

только «история охватывает всё становление... все подразделения носят позднейший и относительный характер»³. В физике же имеют дело с объектом, который не претерпевает существенных изменений за время исследования. Поэтому естественно стремление абстрагироваться от воздействий человеческой деятельности на объект, понять природу, существующую саму по себе. Однако в XX веке естественные науки отмечают сложный характер субъекта и объекта в научном исследовании. Любые попытки построения исторического знания есть не что иное, как самооценка – здесь объект и субъект исследования *конфлюэнтны* («перетекают» друг в друга). «Естественное» движение инструментальной познания и деятельность учёного, организующего эту деятельность путём системотехнического действия, становятся компонентами единой системы. Способ функционирования такой системы непосредственно задаётся её социальной обусловленностью. Иными словами, учёт роли ценностных элементов науки позволяет проводить чёткое различие между природой как независимым от сознания науки объектом и научной картиной мира, которая связана с уровнем познавательной способности и имеет возможность быть социально обусловленной. Такое понимание можно сравнить с тем, как мы понимаем человека, говорящего с нами. Не только отдельное слово, отдельное предложение, воспринимаемое нами, но и отдельное высказывание есть для нас одно проявление его внутренней жизни; и мы принимаем это высказывание как свидетельство о его внутреннем мире. Понимающий, который сам целостность в себе, также как и тот, кого он должен понять, дополняет себя его целостностью из единичного выражения, а единичное выражение из его целостности. То, что явления, которые мы соотносим к природе или истории, имеют другие предикаты, чем только быть в пространстве и времени, мы знаем благодаря тому, что знаем их эмпирически: «внешний мир движется, как и мы в нас, позволяет нам понять его по аналогии с тем, что происходит в нас самих»⁴. В таких явлениях мыслящий дух постигает непрерывное: правило, закон, материю. Единообразие периодического возвращения (форм) низводит временной момент их движения до второстепенного момента, не для их бытия, а для нашего восприятия и понимания. Таким образом, «сущностью исторического метода является открытие из бытия [объектов] их становления, а из становления их бытия»⁵. Как следствие мы понимаем, что физика есть не природа, а *способ созерцания* природы, но мы считаем научные результаты физики как науки достоверными путём принятия их как истинных через наше знание.

Эту социальную обусловленность можно было не учитывать, когда теория была неразрывно сращена с методологией. Она входила в познавательную деятельность без особой фиксации, благодаря самому факту сращения. Другое дело, когда, в связи с взаимным отчуждением этих двух слоёв познания, их единство приходится *специально организовывать*. Здесь необходим аппарат, социальная детерминация которого является определяющим условием функционирования самой системы. Поэтому усложняется картина взаимодействия естественнонаучного знания с философией, в связи с чем выявление *субстанциональных свойств* понятийной системы – философской по своим масштабам и «антифилософской» по своему генезису и логической функции – затрудняется. В этом смысле, понятийная система составляет основу для категориального аппарата логического конструирования мира как мысленной целостности. А его конкретизация при анализе объективной значимости сопряжена, в частности, с системным подходом, который требует от субъекта при историческом исследовании в центр познания ставить представление о целостности. Вместе с тем, учёт принципа историзма позволяет расширить представление о конструктивности любой понятийной системы. В частности, в ходе развития научного познания, и прежде всего на этапе развития классических теорий, наблюдается своеобразная «инверсия», когда методологической основой становится не какая-либо философская система, а конкретно-научная теория, претендующая на статус всеобщего обоснования всех остальных научных теорий. Науки, которые изучают мир,

³ Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. II. С. 179.

⁴ Дройзен И. Г. Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой; под ред. Д. В. Складнева СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 554.

⁵ Там же. С. 559.

взятый «сам по себе», исторически формировались под влиянием тех же факторов и идеалов научности, которые формировали и физическую картину мира. Это было достигнуто в физике посредством соединения математического фундамента и эксперимента. Такое соединение возможно только при выделении субстанционального свойства как определяющей стороны, что является «свидетельством высшего уровня эмпирического понимания предмета и предпосылка его теоретического изучения»⁶. С этого момента задается механизм конструирования различных типов интерпретационных систем на базе фундаментальной физической теории – от механистической до квантово-полевой картины мира и т. д. Многовариативность результата при таком соединении объясняется тем, что при соотношении объективных и субъективных факторов в историческом процессе попытка создания универсальных исследовательских моделей неизбежно определяет множественность подходов к трактовке природных процессов через призму научных событий.

Известно, что принципу историзма и основанному на нём историко-генетическому подходу противопоставляли агенетический принцип и основанный на нем структурный подход. Но если структурный подход возможен без генетического, то генетический без структурного невозможен. Ведь структура есть итог развития объекта, поэтому знание структуры помогает раскрыть те ступени, этапы, которые прошёл объект, прежде чем стать тем, чем он является. Специфика такого научного исследования требует учета не только закономерно-генетических, но и вероятностно-исторических предпосылок. В этом отношении изменения типа развития очень близки к изменениям типа функционирования. Связи развития рассматриваются под определённым ракурсом «как модификация функциональных связей состояний... С функциональной точки зрения функционирование есть движение в состояниях одного и того же уровня, связанное лишь с перераспределением элементов, функций и связей в объекте... Развитие же есть не просто... актуализация уже заложенных в нем потенциалов, а такая смена состояний, в основе которой лежит невозможность по разным причинам сохранения существующих форм функционирования»⁷. Это не может не привести к изменению организации объекта.

Например, системы динамические по состояниям, так и по переходам (система материальных точек, электромагнитное поле) строго детерминированы; системы статистические по состояниям, но динамические по своим переходам (идеальный газ), способны к саморазвитию, ибо увеличение её флуктуаций может привести к необратимым последствиям; и наконец, системы динамические по своим состояниям, но статистические по своим переходам (броуновские частицы), связаны с необратимостью и, стало быть, на классическом уровне состояние такой системы может восприниматься нами как случайное. Системы статистические как по своим состояниям, так и по переходам (микросистемы) сильно флуктуируют по начальным данным и конечным состояниям. Таким образом, на всех уровнях неравновесность есть то, что порождает «порядок из хаоса»⁸. При анализе данной специфики методология познания конкретизируется с учетом императива субстанциональной ретроспективности.

Специфика требования императива субстанциональной ретроспективности в научном познании проявляется в использовании принципов *актуализма* и *гносеологической ретроспекции*. В свою очередь одним из условий применимости гносеологической ретроспекции является применение принципа *униформизма*. Суть принципа актуализма можно выразить формулой: настоящее – ключ познания прошлого. Естественно, что при изучении прошлого нет ничего необычного: знать прошлое не значит идти вспять. В таком познании ещё не выработаны конкретные процедуры, а предполагается только направление, в котором ведётся исследование. Возможность переноса знания, полученного при изучении процессов, совершающихся в

⁶ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 118.

⁷ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С.189-190.

⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер с англ. Ю. А. Данилова; общ. ред. и послеслов. В. И. Аршинова и др. М.: Прогресс, 1986. С. 357.

настоящее время на процессы, происходившие в прошлом, обуславливается следующими положениями.

Во-первых, научное познание – это движение от известного к неизвестному, и потому знание современных процессов выполняет регулятивную функцию в познании прошлого. Во-вторых, настоящее и прошлое генетически взаимосвязаны. Настоящее есть некоторый результат и одна из ступеней исторического развития. В этом смысле структура физической картины мира содержит в более или менее трансформированном виде свою собственную историю, её структурные уровни организуются путём включения предшествующих ступеней развития. Это означает, что, применяя принцип гносеологической ретроспекции, предполагающий проведение анализа процессов прошлого на основе имеющихся данных о подобных процессах в настоящем, мы обнаруживаем повторение одних и тех же сочетаний, которые обуславливают, помимо присутствия особенного на каждой из ступеней развития, существование и общего. То есть, чтобы воспроизвести реальный исторический процесс возникновения и развития физической картины мира, нам необходимо исходить из её сущности. Такого рода анализ и позволяет переносить на прошлое знания, полученные при изучении современного состояния объектов, что позволит в дальнейшем любому исследователю любой науки устранить «...проблему, как надо подойти к изучению предмета, с чего надо начать воспроизведение его истории в мышлении»⁹. Иными словами, метафорическим решением этой проблемы является формула: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны».

В-третьих, мы исходим из констатации *темпорального тождества* объекта самому себе даже в условиях его дивергенции. В гносеологическом аспекте предполагается, что многие физические теории, как исходные, так и обобщённые, основываются на одной и той же концепции пространства-времени. Значит, познание этого устойчивого момента в настоящем позволяет нам это знание переносить на прошлое. По сути, выявление устойчивости и преемственности в развитии и составляет основу принципа униформизма, без которого применение принципа гносеологической ретроспекции в одном из требований субстанциональной ретроспективности необоснованно.

Характеризуя дополнительно принцип актуализма, отметим, что сфера применения его значительно уже принципа историзма, который требует сопоставления не только настоящего с прошлым, но и различных этапов прошлого друг с другом. Кроме того, при сопоставлении настоящего и прошлого важно учитывать не только факт их преемственности, но и наличие качественных различий. Разность состояний объекта, характеризующую процесс развития нельзя не учитывать при исследовании.

Характеризуя дополнительно принцип униформизма, напомним, что он основывается на признании устойчивости, покоя, единообразия в ходе развития. Существование единообразия как в пространственном, так и во временном отношении не вызывает сомнения. Если бы не было устойчивости, единообразия, то каждый раз нам приходилось бы говорить о развитии чего-то нового (метафизика). Так, когда мы говорим о развитии какого-либо физического процесса, мы твёрдо уверены, что развивается именно этот физический процесс. Если бы не было такого единообразия, были бы невозможны какие-либо общие умозаключения, невозможно было бы прогнозировать наступление тех или иных событий в будущем. Отражением такого единообразия и является принцип униформизма (как принцип единообразия природных сил во времени), впервые четко сформулированный Чарлзом Лайелем¹⁰. Следует отметить, что мы не абсолютизируем это единообразие и не противопоставляем, не отрываем его от других сторон развития, поэтому невозможно представить данный принцип как метафизичный. Таким образом, принцип униформизма в познании физических объектов требует учета наличия устойчивости в процессе развития.

Вместе с тем абсолютизация настоящего ведет к *презентизму*, то есть истолкованию прошлого в терминах современности, при котором представление исторических событий, их оценка происходит без учёта исторической уникальности и специфики раз-

⁹ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования: опыт логико-гносеологического исследования. М., 1973. С. 161.

¹⁰ См.: Равикович А.И. Чарлз Лайель. М.: Наука, 1976. – 200 с.

личных этапов развивающегося предмета. Презентизм полагает, что история нужна не для реконструкции прошлого, а как материал усвоения её уроков при решении современных проблем. Это понимание презентизм получил, опираясь на философию прагматизма. С другой стороны, абсолютизация отличий прошлого от настоящего ведет к *антикваризму* – такому подходу, который, восстанавливая события прошлого, делает упор на уникальности и неповторимости исторических условий, полностью абстрагируясь от современных представлений, опасаясь так называемых «модернистских привнесений». Таким образом, антиномические предикаты презентизма и антикваризма являются результатом излишне упрощенной методологической позиции в историческом познании, гносеологические корни которой лежат в абсолютизации зависимости от прошлого, а также в преувеличении момента устойчивости явлений, их сохраняемости в настоящем.

Итак, выполняя требование субстанциональной ретроспективности, мы с необходимостью уже должны иметь некоторое предварительное представление о сущности физической картины мира в настоящий момент и под ракурсом этого представления устанавливать исходную стадию её развития, а конкретизируя представление о её сущности, обогащать познание последующей историей для выработки более глубокого понимания настоящего. Таким образом, во взаимодействии настоящего и прошлого осуществляется взаимокорректировка представлений о сущности объекта познания. Благодаря этому создается основание для более конкретного последующего рассмотрения его истории.

Список литературы

1. Дройзен И. Г. Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер.с нем. Г. И. Фёдоровой; под ред. Д. В. Скляднева – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 584 с.
2. Кедров А. Н. Единство диалектики, логики и теории познания. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 296 с.
3. Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования: опыт логико-гносеологического исследования. – М., 1973. – 324 с.
4. Кумпф Ф., Оруджев З. М. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. – М., 1979. – 127 с.
5. Огурцов А. П. От натурфилософии к теории науки. – М.: ИФРАН, 1995. – 317 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер с англ. Ю. А. Данилова; общ. ред. и послеслов. В. И. Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
7. Равикович А.И. Чарлз Лайель. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
8. Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Эстетика. Философия. Критика. – М., 1983. – Т. II. – 448 с.

IMPERATIVE OF SUBSTANTIONAL RETROSPECTIVITY IN SCIENTIFIC COGNITION

A.V. KUZNETSOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru

The paper discusses several aspects of the historicism principle appliance in terms of the goals of the scientific research based on the historical genetic approach. This approach is known to suggest the concrete sphere of the scientific knowledge in the wider context of the organically whole science.

Keywords: principle, development, actualism, gnoseological retro-spection, uniformism, antiquarism, philosophy and methodology of science.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 316.75 + 82.313.2

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»)

О.В. ПАВЛОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Pavlova179@mail.ru*

В статье рассматривается трансформация понятия «власть» в культурных текстах постмодерна. Автор предпринял попытку описания семиотической модели репрезентации власти на примере романа Т. Толстой «Кысь».

Ключевые слова: власть, репрезентация, постмодернизм, деконструкция, ирония.

Социокультурная ситуация рубежа XX-XXI веков поднимает проблему динамики смыслов культуры. Крушение прежних идеалов, поляризация общества, падение нравов привели к усилению неустойчивости и нестабильности в российском обществе. Современное состояние общества, человека, культуры представляется столь противоречивым и многоликим, что возникает необходимость поиска новых форм исследовательских практик, междисциплинарных исследований, касающихся культуры, языка, общества в целом.

Всякое изменение социально-политической среды в любом обществе сопряжено с изменением форм и символов репрезентации власти. Репрезентация является одной из важных тем современных гуманитарных исследований власти, в рамках которой анализируются взаимоотношения политической и художественной сфер культуры¹. По мнению Карло Гинзбурга, репрезентация – это «инструмент опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены «изображением», способным воскресить предмет в памяти или «описать» его таким, каков он есть»².

Как уточняет О. Мельникова, «репрезентация, представительство – постоянная черта любой власти. Власть не может функционировать без внешнего образа, формируемого в сознании современников. Созданию этого образа служили государственные церемонии, изобразительное искусство, архитектура, риторика и т. д.»³.

¹ Ямпольский М.Ф. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. – 800 с.

² Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33. – С. 5.

³ Мельникова О. Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII-XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С. 58-70.

Репрезентация власти осуществляется в различных знаково-символических формах, в том числе и образах власти как особых символах и знаках. Теоретико-методологические основы исследования власти как предмета репрезентации достаточно разработаны, но в то же время относительно новы.

Обычно первые попытки осмыслить власть связывают с именами Платона и Аристотеля. Платон определил власть как искусство соразмерности, установления порядка, силу и отношения по линии «господство – подчинение». В эпоху Средних веков власть приобретает метафизический характер. Понимание власти формируется под влиянием идей христианства: власть предопределялась Богом (Августин Блаженный, Фома Аквинский). Философская мысль Нового времени предложила основные положения каузальной концепции власти, которая преобладает в современной западной философской, социально-философской и политической мысли (В. Г. Ледяев). Согласно этой концепции, в основе власти лежит воля. В это же время власть начинает рассматриваться с исторических позиций.

Новые подходы к раскрытию феномена власти прозвучали у Ф. Ницше в «Воле к власти. Опыт переоценки всех ценностей». Власть начинает рассматриваться как феномен, корящийся в человеке, который есть ее источник, она появляется и проявляется в человеке.

Вторая половина XX в. ознаменовалась становлением постнеклассической философии, уходящей от логики субъект-объектного анализа власти, потому что информация и техника из средства деятельности человека превращаются в среду его обитания, и власть, обретая совершенно новые формы, становится вездесущей, невидимой и неуловимой; формируется властный дискурс (Р. Барт, М. Фуко и др.).

В философии постмодернизма происходит трансформация понятия «власть» – перенос акцента с отношений «господство-подчинение» к отношениям «символического принуждения». Ж. Деррида утверждал, что любой текст не является чем-то однозначным и окончательным и может быть подвергнут сомнению и переосмыслению, в нем существуют «спящие смыслы», которые представляют собой некие языковые клише, порождающие соответствующие мыслительные стереотипы. Каждая эпоха по-разному передает смысловую нагрузку этих стереотипов, что приводит к невозможности однозначного прочтения текста. По мнению М.Фуко, «...за всем тем, что говорится, можно обнаружить, как его изнанку, огромное сплетение принудительных интерпретаций»⁴.

Художественные тексты являются предметом продуктивного исследования стратегий смысловой актуализации власти и содержат несколько семиотических пластов. Для анализа материала использовался семиотический подход, который является базой для изучения символов, конструктов, образов. Семиотика предлагает рассматривать власть как знаково-символическую деятельность, требующую расшифровки. Она обращает внимание на необходимость различения формы и содержания властных отношений в обществе.

В основу семиотического анализа художественного произведения положены такие понятия как знак, знаковая система, виды знаковых систем, знаковые отношения, подчиняющиеся трём группам правил: семантическим, синтаксическим и прагматическим. Качество семантических, синтаксических и прагматических связей влияет на процессы смыслообразования. В зависимости от того, как знак связан со своими значениями, с другими знаками и с сознанием читателя, возникают определённые «смысловые эффекты» семиотического функционирования текста.

Тема власти всегда была одной из важнейших в русской художественной культуре. Ее по-разному решали в изобразительном искусстве, литературе, в кино. Образы власти в 90-е годы XX века имели динамику тесно связанную с фундаментальными поворотами в процессе политической эволюции, прежде всего с распадом СССР и «октябрьскими событиями» 1993 года.

Не обошли вниманием рассмотрение этого феномена и писатели русского постмодернизма. Выбор произведения – «Кысь» Т. Толстой – обусловлен тем, что в этом романе

⁴ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 03.11.2013).

присутствуют все основные признаки постмодернизма. Роман «Кысь» – это одно из наиболее ярких произведений Т. Толстой. Работа над романом продолжалась с 1986 по 2000 годы. По словам автора, замысел родился под впечатлением от чернобыльской катастрофы. В романе отражаются проблемы кризиса духовности в современной России, проявившиеся в экономическом и политическом развитии страны, морально-нравственном облике общества, изменении роли России в мировом сообществе. Писателя волнуют проблемы утраты культурных традиций прошлого и преемственности поколений.

Действие романа происходит в городке Федор-Кузьмичске, который раньше назывался Москвой, через триста лет после Взрыва (глобальной техногенной катастрофы), которая привела к изменению биологических форм жизни на Земле и отбросила общество в эпоху раннего средневековья.

С точки зрения семантического измерения, знаками-персонажами в романе можно считать всех жителей Федор-Кузьмичска. Если рассматривать текст как исходную знаковую систему, то в нем можно выделить две большие подсистемы персонажей как знаков: (1) родившиеся и жившие до взрыва; (2) родившиеся после взрыва. За основу, в данном случае, берется группа людей как знаковая система, и ее основными критериями являются: язык (образование); социальное положение (статус).

К группе (1) относятся «прежние» и «перерожденцы».

«Прежних» можно отнести к интеллигенции, прежде всего, по их литературному языку, для которого характерны высокий стиль, ироничность, метафоричность. Интеллигент – это образованный человек, стремящийся претворить в жизнь гуманистические ценности. Это тип людей, которые хранят культуру как абсолютную ценность и необходимость, без чего нельзя выжить и что необходимо хранить любой ценой. Именно такими изображены в романе «Прежние».

Интеллигенция и народ, как и в «довзрывные» времена, говорят на разных языках. «Прежним» в этом новом обществе нет места. Т. Толстая проводит деконструкцию функции интеллигенции – нести в народ просвещение и сохранять культурное наследие прошлого. Интеллигенция в этом отношении – бессильная часть общества, неспособная изменить жизнь к лучшему.

«Прежним» можно противопоставить «перерожденцев», сравнивая их с теми, кто приспособился к новой жизни, и которых подмяла под себя власть. И те и другие родились в одно и то же время и помнят одно и то же, но с одним отличием. «Перерожденцы» сохранили в памяти лишь принципы выживания, которыми они и руководствуются в жизни. Положительные эмоции из прошлого вызывают у них лишь материальные блага, которыми они владели во времена «застоя»: *«У меня сервант был зеркальный... Телевизор Рубин, – трубка итальянская...», «Стенка югославская шурип достал, санузел раздельный, фотообои золотая осень. Линолеум только на кухне, а так все паркетная плитка. Плита трехконфорочная», «Холодильник двухкамерный, пиво баночное... Водка на лимонных корочках, холодная...», «Помидорки кубанские, огурчики эстонские с пупырщиками... Паюсную ели, зернистую запахло держали... Ржаной за двенадцать... Иваси с лучком... Чай со слоном... Зефир бело-розовый... Пьяная вишня куйбышевская... Дынька самаркандская...»⁵.*

«Перерожденцы» – это люди из народа, городские низы. Язык перерожденцев грубый, упрощенно-примитивный, насыщенный криминально-жаргонной лексикой. «Перерожденцы» служат у голубчиков. Их, как скот, запрягают в сани и подгоняют кнутом. Они живут в хлеву, что окончательно приравнивает их категории скота: *«Спервоначалу хлев просторный, в том хлеву стойла, а в стойлах перерожденцы. Волосатые, черные, – страсть. Вся шерсть по бокам в колтуны сваямиши. Морды хамские. Кто о прутья бок чешет, кто поило из жбана лакает, кто сено жует, кто спать завалился, а трое в углу в берестяные карты дуются, переругиваются»⁶.*

«Перерожденцы» – тоже выходцы из прошлого, но в отличие от «Прежних» они приспособились под условия жизни, смирились, и это привело к тому, что их положение в обществе даже ниже, чем у простых горожан и они стали рабами местной власти.

⁵ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 175.

⁶ Там же. С. 164.

К группе (2) относятся рождённые после взрыва, каждый из которых занимает свое место в социальной иерархии Федор-Кузьмичска. На вершине социальной пирамиды находится Набольший Мурза Федор Кузьмич. Он единственный в городе имеет доступ к старопечатным книгам и добивается высокого положения, присваивая себе результаты чужого творчества: *«Кто сани измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич. Научил каменные горшки долбить, мышей ловить да суп варить. Дал нам счет и письмо, буквы большие и малые, научил бересту рвать, книги шить, из болотной ржавы чернила варить, палочки для письма расцеплять и в те чернила макать. Научил лодки-долбленки из бревен мастерить и на воду спускать, научил на медведя с рогатиной ходить, из медведя пузырь добывать, растягивать тот пузырь на колках и этой плевой окна крыть, чтобы свету в окне и зимой хватало»*⁷.

Для «голубчиков» (это те, кто родился после взрыва) Федор Кузьмич – жрец-демиург, его имя сакрализуется. К словесным символическим знакам власти можно отнести различные формулы обращения к представителям власти. Наличие в речи голубчиков присловья «слава ему» воспринимается как обожествление правителя, как культ личности, хотя смысловой нагрузки оно не несет. Слова эти звучат безотносительно к действительному положению дел и сохраняются в момент «свержения» и даже после его смерти: *«Бенедикт крутанул и выволок из-под полки Набольшего Мурзу, долгих лет ему жизни»*⁸. Почтительные формулы в романе Толстой это лишь симулякры, потерявшие связь с означаемым, что приводит к пониманию того, что любовь русского народа к правителю это лишь симулятивные игры.

По мнению исследователей, повествование о Федоре Кузьмиче представляет собой проекцию мифа о культурном герое, мифическом персонаже, который добывает и создаёт для людей различные предметы культуры (огонь, орудия труда), учит их ремёслам, искусствам, вводит определённую социальную организацию, ритуалы и праздники.

Так, Т. Давыдова считает, что в образе Фёдора Кузьмича спародирован миф о культурном герое, которым в русской традиции выступает Пётр Великий: «Фёдор Кузьмич Каблуков безуспешно подражает ему и некоему обобщённому деятелю русской культуры. В противоположность гиганту-царю «ростом Фёдор Кузьмич не больше Коти, едва-едва Бенедикту по колено». Указы Фёдора Кузьмича о праздновании Нового года и Восьмого марта – пародия на указы Петра Великого и советских государственных деятелей. Речь Каблукова имеет макаронический эффект: высокая книжная лексика стихов, «сочинённых» Каблуковым, причудливо перемешана в ней с просторечиями»⁹.

Однако Т. Толстая не однажды говорила о том, что не следует искать в образах романа прямой параллели с конкретными историческими событиями и лицами. Фёдор Кузьмич – это собирательный образ любого тирана, который решил присвоить себе достижения предшествующих эпох, но нельзя однозначно отрицать и черт пародии в его образе.

В описании правителя проступают физическое уродство и убогость, которые подчеркивают не силу, а ущербность. Обладая очень маленьким ростом, Набольший Мурза имеет неограниченную власть. Смерть Набольшего Мурзы происходит нелепо и не соответствует масштабу власти, которая была у него при жизни. Несоответствие описания внешности реальному величию и нелепость гибели Набольшего мурзы приводит к деконструкции образа власти за счет разрушения семантической связи «физическая сила» – «властные полномочия».

Символом власти могут служить указы Набольшего мурзы. Тексты указов, являясь апофеозом жёсткой оформленности и ритуальности, дословно повторяют этикетную формулу: *«Вот как я есть Федор Кузьмич Каблуков, слава мне, Набольший Мурза, долгих лет мне жизни, Секлетарь и Академик и Герой и Мореплавателъ и Плотник, и как я есть в непрестанной об людях заботе, приказываю...»*. Объектом пародии является «ограниченное, убогое, зиждущееся исключительно на плагиате, эксплуатации достав-

⁷ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С.19.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование // Русская словесность. – 2002. – №6. – С. 28.

шихся в единоличное пользование текстов прежней культуры, сознание Набольшего мурзы».¹⁰

Для «голубчиков» Набольший Мурза – культурный герой, но для читателей он антигерой-трикстер. Он одновременно творец и разрушитель. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое. Именно с его согласия происходит духовный и интеллектуальный распад общества.

Общение власти с подданными всегда оформлено как некий ритуал, предполагающий соблюдение установленных правил, например эпизод приезда Набольшего мурзы в Рабочую избу: *«Гонцы той порой с саней поскакивали, и давай расстилать, чего с собой повезли: половики камчатные, узорные да плетеные по всей Избе раскатали; и на крыльце половики, и с крыльца половики; мигом снег вокруг избы утоптали и медвежьими шкурами вроде как полукруг выложили; благолепие такое, что вот сейчас умри, и не пожалеешь»*¹¹.

«Головой по сторонам повертел и прыг на колени к Оленьке. А она его поперек живота ухватила, как Котю, и держит. Не боится.

*– Крепче держи, а то свалюсь, ага, – говорит Федор Кузьмич. – Под микитки держи, двумя руками. Только не щекоти, ага»*¹².

В этом эпизоде автор использует игру слов для создания иронического отношения к власти. Выражение «взять под микитки» в буквальном смысле – «ударить под ребра», «схватить подмышки», но употребляется в значении «скрутить», «связать», «арестовать», «силой или властью заставлять, принуждать кого-либо делать что-либо».

На следующей ступени социальной иерархии – «большие» и «малые мурзы». Они поставлены надзирать за «голубчиками». «Большие» и «малые мурзы» являются лишь исполнителями воли «Набольшего Мурзы», который выступает еще и в роли законодателя.

«Малые мурзы» формируют чиновничий аппарат и несут государственную службу в сфере обеспечения правопорядка, торговли, выплаты пособий и взимания налогов. В описании жизни и деятельности «мурз» угадываются образы представителей министерств, исполкомов, администраций на местах, как в советской, так и современной России и напоминают о злоупотреблении властью: *«Вот ждем мурзу, еще придет ли? Чуть где в улочках снег пылит, сани мелькнули, – кричат: едет! Не едет! Точно он, его шапку видать! и разное такое. Волнение большое. Коли до вечера не придет, – так и разойдемся, а коли изволил глаза продрать, – ну, быть голубчику с получкой»*¹³.

Вся система организации социума – это пародия на российское общество в прошлом и настоящем. В образах правителей зафиксированы характерные легкоузнаваемые черты реальных высокопоставленных чиновников: неуважение по отношению к нижестоящим на социальной лестнице, волокита при принятии решений, корыстолюбие.

К поведенческим символическим знакам власти относится привилегия ездить на санях и носить медвежьи шубы, которой обладают только «мурзы»: *«Только медвежьей шкуру да мясо взять себе не могли: малые мурзы зорко надзирают. Не дело простому голубчику медвежьей шкуру носить. И то понять надо: как же мурзе без шубы в санях ездить? Живо обморозится. А мы пешком бегаем, нам жарко, глядишь – и зипун расступонишь, упаришься. Хотя другой раз и засвербят пуштолетные мысли: вот бы и мне сани, да шубу, да... Но это все своеволие»*¹⁴. Т. Толстая посредством применения пастиша создает иронию для пересмотра истории и разрушения традиционных мифов.

«Санитары» как социальный класс ассоциируются с карательными органами, которые «лечат» тех, кто читает запрещенные книги и проявляет малейшие признаки своеволия, вызывают бесконечный страх и ужас у простых жителей: *«Вдавись бы в землю, в глину уйти, слепым червырем стать – только бы не меня! Не меня, не меня, не меня,*

¹⁰ Воробьева С.Ю. Палимпсест в художественной структуре романа Т.Толстой «Кысь» // Вестник ВолГУ. – 2006. – Серия 8, Вып. 5. – С. 128.

¹¹ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 28.

¹² Там же. С. 25-26.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 19-20.

не меня!»¹⁵. «Санитары» занимаются очищением общества от остатков прежней культуры. Нарушение связи «знак» – «значение» приводит к деконструкции образа власти: те, кто призван лечить («санитары»), убивают.

Титул «Главного санитаря Кудеяр Кудеярыча» отсылает нас к образу Сталина («Генеральный Санитар и Народный Любимец», жизнь, здоровье, сила), а также к «титулам» советских высокопоставленных политических деятелей (например: Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, многожды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда товарищ Леонид Ильич Брежнев)¹⁶. В устном народном творчестве Кудеяр – легендарный разбойный персонаж русского фольклора. По одной из версий, Кудеяр был борцом за правду, который отбирал у богатых нажитое чужим трудом и раздавал крестьянам. Авторская ирония заключается в том, что мифический образ не совпадает с реальным образом «Главного санитаря» в романе.

Интересно мнение Н. Эскиной, которая сравнивает семейство Кудеяровых с кошками (светящиеся в темноте глаза, когти). Это провоцирует сравнение «голубчиков» (простого народа) с мышами. Показательно описание «государственного подхода» и отношения власти к «голубчикам» в эпизоде, когда Бенедикт, проявляя излишнее рвение в профессии санитаря, получает замечание от «Главного санитаря»: *«умерься, зять, всех лечить заберем – кто работать будет? Дороги чистить, репу садить, туюса плести? Подход у тебя негосударственный: все норовом! Все рывком! да сразу! да сейчас! – так только народ перепугаешь, разбегутся! Ты мышей ловил? Науку знаешь? – то-то!»*¹⁷.

«Голубчики» – это те, кто родился после взрыва. Они представляют самый широкий класс населения. Они говорят на примитивном, полутрамотном наречии и с удовольствием употребляют ненормативную лексику. Взаимоотношения между «голубчиками» основаны на взаимном недоверии. Их всех объединяет отсутствие внутри нравственного закона, девиация этических понятий. В обществе нарушена иерархия ценностей: душевное безразличие, зависть, грабеж, воровство, узость интересов нормы жизни и поведения голубчиков. Их отличает инфантильность, покорность судьбе и властителям. Они неспособны жить самостоятельно и только «Набольший Мурза» способен устроить их благополучие, внедряя время от времени новое изобретение, издавая указы, регламентирующие их жизнь. Без начальника они не могут: *«А без мурзы нельзя, без мурзы мы все перепутаем»*¹⁸.

Главный герой романа – «голубчик Бенедикт» работает писарем в Рабочей Избе, где «перебеляют», то есть переписывают произведения, созданные Набольшим Мурзой Федором Кузьмичом. Плюс его состоит в том, что он с детства знает грамоту и умеет читать. Никита Иванович постепенно приобщает его к культуре, на своем примере, разговаривая о философии, создавая памятник Пушкину и т.д. Отношения, складывающиеся между «голубчиками» на бытовом уровне, зависят от материального благосостояния. Достояние является основным критерием отбора кандидатур для общения и ближайшего окружения.

Значительной разницы между «перерожденцами» и «голубчиками» не существует – и те и другие имеют ограниченность ума, косность мышления, непреодолимое упрямство, и те и другие не признают общепринятые нормы морали.

Отношение к власти у «прежних» и «голубчиков» различается. Никита Иванович самовольно расставляет столбы на исторически значимых местах, смеет высказывать свое мнение в присутствии мурз, не сразу выполняет приказ Федора Кузьмича разжечь огонь. Но открыто своё неприятие власти и существующей системы государственного управления «прежние» не высказывают. «Голубчики» относятся к власти с уважением, которое основано на страхе.

В Федор-Кузьмичске богатство и бедность сосуществуют на равных правах: *«Там и сям – черные избы вереницами, – за высокими тынами, за тесовыми воротами; на колях каменные горшки сохнут, или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напялит, в глаза тычет: богато живу,*

¹⁵ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 45-46.

¹⁶ Соколова О. О некоторых аллюзиях в лексических единицах романа Татьяны Толстой «Кысь». URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_443 (дата обращения: 13.11.2013 г.)

¹⁷ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С.222.

¹⁸ Там же. С. 110.

голубчики! Такой на работу не пешедралом трюхает, а норовит в сани проехаться, кнутом помахивает; а в сани перерожденец запряжен, бежит, валенками топочет, сам бледный, взмыленный, язык наружу»¹⁹. Федор-Кузьмич показан как отдельная страна, он неприступен для окружающего мира. В этом слышен отголосок советского общества с железным занавесом. Вместе с тем в «Кыси» есть и реалии современной внутриполитической жизни России (упоминание о чеченцах).

Порядок в обществе строится на тотальном страхе, который распространяется на всех на добровольном и сознательном принятии его норм большей частью населения («голубчиков»). В Федор-Кузьмичке царит строгий закон, главный герой Бенедикт уверен в его необходимости и постоянно рассуждает об этом «А государственный подход – это чтоб строго-настрого указать, чтоб выходной, ни Боже мой не в субботу случался, ни Боже мой не в пятницу, ни Боже мой не в четверг, ни Боже мой не в среду, ни Боже мой не во вторник, ни Боже мой не в понедельник. Так укажут, – и так и будет, потому как на то и государство, его же сила и слава и власть земная, во веки веков, аминь»²⁰.

В споре «прежних» и «перерожденца» Тетери обнаруживаются установленные порядки, по которым легко узнаются приметы современного времени: деспотизм режима и издержки диктатуры пролетариата:

«- При Сергей Сергеиче порядок был, – сказал Бенедикт.

– А то! – отозвался тесть.

– Больше трех не собирались.

– Ни в коем случае.

– А сейчас все умные стали, книги читают, распустились. Федор Кузьмич всех распустил, слава ему».²¹

Предшествующие правители мало чем отличались от Фёдора Кузьмича, ничего не изменяется и с его свержением. На смену ему приходит Кудеяр Кудеярыч, первые указы которого устанавливают те же порядки, что были при Сергее Сергеиче.

Книга в романе выступает как атрибут власти: имеющий книги – имеет власть. Бенедикт абсолютизирует книгу как средство избежать нашествия «Кыси». Ради книги герой готов на все: «Что бы вынес ты из горящего дома?...». Любовь к книгам у Бенедикта – единственная страсть, ради которой он готов на любую жестокость. Стремление к чтению, желание постичь смысл читаемого не приводят главного героя к духовному и нравственному росту, а наоборот, способствует разрушению его человеческой сущности, превращает его в «кысь». Г.Л. Нефагина отмечает: «В романе «Кысь» книга становится главным орудием управления, власти. Перо приравнивается к штыку – если раньше власть держалась на оружии, то теперь «оружия любимейшего род» – книга. Все (или почти все сохранившиеся печатные книги) принадлежат карлику Федору Кузьмичу. Он, благодетель, запретил голубчикам иметь старопечатные книги. То, что Набольший Мурза посчитает нужным, будет рукописным путем размножено, выдано за плод ума Федора Кузьмича и только тогда попадет к жителям. Печатные книги запрещено читать, ибо это чревато Болезнью, некоей заразой, против которой борются бдительные Санитары с крюками. Когда-то, сразу после Взрыва, книги отбирались у людей, так как были источником радиации. Но по прошествии трехсот лет они стали в этом отношении безвредными. Однако всякий правитель знает, что книги рождают способность думать, а это очень опасно для власти. Поэтому миф о Болезни, которую несут книги, поддерживается и всячески раздувается. Если у кого-то находят книгу, то ее отбирают, а человек исчезает (нет человека – нет проблем!)»²².

Далее мы рассмотрим систему индексальных знаков в романе. Индексальные знаки, по Пирсу, «характеризуются реальной зависимостью от некоего единичного объекта, на который они указывают». Чарльз Моррис уточняет понятие индекса, формулируя, что индекс способен указывать на некий объект, не называя его и не описывая его свойства.

¹⁹ Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. М.: Подкова, 2001. С. 110.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 235-236.

²² Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века: учебное пособие / Г.Л. Нефагина. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139 – 140.

Сложность перевода проблемы определения знаков-индексов в плоскость конкретных примеров возникает из-за многозначности понятия «власть».

Если понимать власть как «насилие», то индексальным знаком в тексте можно считать понятие «крюк», так как он выступает в качестве орудия насилия. Индексами власти как «авторитета» и «уважения» в тексте является почтительная формула «слава ему, долгих лет жизни», которая употребляется каждый раз, когда речь идет о правителе Федоре Кузьмиче. Примеры парадоксальности употребления данной формулы были описаны выше. Можно также выделить знаки-индексы государственной власти, которыми выступают в романе «указы» Набольшего мурзы и знаки-индексы власти как богатства, к которым относятся «сани», «терема», «горшки», «шубы» и т.д., все то, что означает высокое материальное, а значит и властное положение и указывает на обладание высокого социального статуса.

Итак, мы выделили некоторые элементы системы индексальных знаков участвующих в создании образа власти. Для определения семиотической модели репрезентации власти нам важно установить, какие индексы преобладают и как они связаны между собой и другими знаками, что и формирует определенное представление о власти. По степени участия знаков-индексов в сюжетах описания образов власти мы выяснили, что преобладают индексы власти «слава ему» (авторитет и уважение). Но как мы уже отмечали, в большей степени употребление этой формулы (обращения к правителю) происходит безотносительно к действительному положению – это лишь симулякры. Для «голубчиков» употребление данного обращения-присловия – это симулякр уважения, а для читателя признак иронической деконструкции. Не менее важным по степени участия в создании образов власти в тексте является знак-индекс «крюк», который отображает власть как насилие.

Анализируя связи, возникающие между знаками, мы выяснили, что преимущественно знак-индекс «слава ему» (*власть как авторитет*) используют «голубчики». Только «санитары» применяют «крюки» в отношении «голубчиков» (*власть как насилие*). Право издавать «указы» есть только у «Набольшего мурзы», тем самым он узурпирует и легитимирует узурпированную власть (*власть как тоталитарное государство*). Таким образом, индексальный знак «крюк» «подтверждается» индексом «указ», которые в свою очередь вместе продуцируют индекс «слава ему», что позволяет сделать вывод о том, что уважение к власти репрезентируется в романе как основанное на страхе.

«Власть-страх» обнаруживает себя и на *драматическом уровне* в образе «Кысь», рассказ о которой создан как народная легенда. «Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! – а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрись! – а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет»²³.

Этого зверя боятся все обитатели городка. В романе образ «Кысь» воспринимается как некая сила, которой люди приписывают все свои беды, все, что они не могут объяснить. С развитием сюжета «Кысь» подбирается к главному герою Бенедикту все ближе и ближе. После «встречи» с «Кысь» Бенедикт приобщается к занятию санитаров, берется за крюк, садится в красные сани и едет с Кудеяровым «лечить людей», изымать запрещенные книги. После этого отношения вступают в новый этап развития – «Кысь» переходит в новую фазу существования. Когда Бенедикт устраивает расправу над Федором Кузьмичем, то он сам уподобляется «Кысь».

Если говорить о значении этого образа, некоторые исследователи считают, что «Кысь» – это сочетание всех низменных инстинктов в человеческой душе. Другие говорят, что «Кысь» – прообраз русской мятущейся души, которая вечно ставит перед собой вопросы и вечно ищет на них ответы. Третьи, описывают «Кысь» как человеческое невежество, примитивизм духа, невозможность и нежелание саморазвития, познания культурного опыта предшествующих поколений. Как неумение выбраться из круга собственных страстей, посмотреть на себя со стороны и попытаться изменить, что-то в своей жизни к лучшему.

По мнению П. Ладохина, «Кысь – не одухотворенное существо, а часть души. Кысь – это эгоизм человеческий, а не животный. Кысь – человеческое, к сожалению, явление,

²³ Толстая Т. Кысь: роман. М.: Подкова – Иностранка, 2000. С. 7.

способность убить, оправдывая убийство высшими целями, это – оторванность от прошлого, от опыта поколений, это жалобный и озлобленный взгляд в беспредельность»²⁴.

Знак-символ «Кысь» можно интерпретировать как внутренний страх-власть. Для Т. Толстой власть – это совершенно личный, персональный страх, мифологизированный, объективированный, репрезентированный в образе «Кысь». «Антропоморфные» объекты власти в романе являются мишенью для насмешек, они смешны, уродливы и жалки, а образ «Кысь» не подвергается иронии автора. Для репрезентации власти в романе характерно то, что семантически десакрализованная власть (ироничное описание, парадоксальное изображение и т.п.) перестает быть властью. Реальная власть в романе – не нелепые мурзы, а ненаблюдаемая субстанция, страх. То есть власть обнаруживает себя не на семантическом или синтаксическом уровне, а на уровне прагматическом (на уровне связи «знак» – «сознание», а не «знак-значение» или «знак – знак»). В романе изображены механизмы осуществления тоталитарной власти, читатель получает достаточное представление о тех, кто ею обладает. Автор использует разнообразные приемы сатирического изображения, вызывающие многочисленные ассоциации, что способствует более яркому раскрытию образов.

В условиях кризиса происходят изменения в символической сфере и некогда действенные символы лишаются статуса культуuroобразующих феноменов. Характерной чертой постмодернистского текста является пародирование разных культурных феноменов. Сказочность романа Толстой – это типичный пример постмодернистской иронии. Ирония, являясь характеристикой феномена, в то же время выступает в качестве критической формы бытия культуры. Для посткультуры характерно не столько осмыслить проблемы власти в прошлом и настоящем, сколько десакрализовать образы прошлого и подойти к ним с постмодернистской иронией.

Список литературы

1. Воробьева С.Ю. Палимпсест в художественной структуре романа Т.Толстой «Кысь» / С.Ю. Воробьева // Вестник ВолГУ. – 2006. – Серия 8. – Вып. 5. – С. 125-131
2. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с фр. Г. Галкиной / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33. – С. 5.
3. Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование / Т.Т. Давыдова // Русская словесность. – 2002. – №6. – С. 25-31
4. Ладохин П. Кыш, Кысь, кыш! / П. Ладохин // Русская словесность. – 2002. – №1. – С. 39-41
5. Мельникова О. Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII-XVIII вв. (сравнительный анализ) / О. Мельникова // Образы власти в политической культуре России. – М., 2000. – С. 58-70.
6. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие / Г.Л. Нефагина. – М.: Флинта: Наука, – 2003. – С. 139 – 140.
7. Соколова О. О некоторых аллюзиях в лексических единицах романа Татьяны Толстой «Кысь». URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_443 (дата обращения: 13.11.2013 г.)
8. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2001. – 318 с.
9. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 03.11.2013).
10. Ямпольский М.Ф. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима / М.Ф. Ямпольский. – М., 2004. – 800 с.

SEMIOTIC REPRESENTATION OF POWER IN POSTMODERN CULTURE TEXTS (THE CASE OF T.TOLSTAYA'S NOVEL "KYS")

O.V. PAVLOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Pavlova179@mail.ru

The paper considers the transformation of the concept "power" in postmodern culture texts. The author presents the results of description of semiotic representational model of the power on the example of T. Tolstaya's novel "Kys".

Key words: power, representation, postmodernism, deconstruction, irony.

²⁴ Ладохин П. Кыш, Кысь, кыш! / П. Ладохин // Русская словесность. – 2002. – №1. – С.40.

УДК 007

ФИЛОСОФИЯ ГАДЖЕТОВ

В. П. СЕДЯКИН¹⁾
И. В. СОЛОВЬЕВ²⁾

*Московский
государственный
университет
геодезии
и картографии
(МИИГАиК)*

¹⁾ e-mail: svp134@mail.ru

²⁾ e-mail: i.v.soloviev@mail.ru

В статье излагаются подходы к определению понятия «потребность» в гуманитарных и естественных науках, рассматриваются рода сущностей носителей потребностей и функции, реализуемые в потребности. Устанавливается связь между потребностью, ресурсами и деятельностью. Дается определение понятия «информационная потребность». Рассматриваются первичные, вторичные, биогенные, социогенные и техногенные информационные потребности.

Ключевые слова: потребность, информационная потребность, первичная (базовая, врожденная) информационная потребность, вторичная информационная потребность, третичные (стихийные, случайные, спонтанные) информационные потребности

Проблематика современного информационного общества весьма обширна и затрагивает интересы как специалистов в области информационных наук и технологий, так и в области общественных наук. Особое место занимает философия «информационного общества». Выделение кавычками этого термина здесь не случайно: информационное общество возникло с образованием речи и вся история человечества, по существу, связана с развитием базовых информационных технологий. Современное информационное общество как этап развития связывают с тотальным внедрением цифровых информационно-коммуникационных технологий в последние двадцать лет. Поэтому правильно говорить именно о философии современного информационного общества. Проблематика «информационного общества» сейчас исчерпывается теорией информационных революций, уже включенной в вузовские курсы информатики. В последние годы появилось новое поколение разнообразных мобильных информационно-коммуникационных устройств, обеспечивающих мобильный доступ к Интернет, спутниковой навигации и пр. Эти устройства, которые называют «гаджетами», захватывают миллионы пользователей и стали символом нового поколения молодежи не только в развитых странах. В предлагаемой статье сделана попытка анализа потребностей, которые вызывают интерес у молодежи к гаджетам и которые стимулируют развитие рынка современных информационно-коммуникационных технологий.

В рамках расширенного понимания информации вполне очевидна особая роль индивидуальных информационных потребностей. В отечественной литературе практически нет специальных работ, посвященных рассмотрению их. В то же время вполне очевидно, что без удовлетворения этих потребностей невозможна целенаправленная разумная деятельность.

В работах В.И. Корогодина рассмотрены связи генетической и поведенческой информации у животных с «логической» информацией¹, выражаемой вербально у человека. Опираясь на это рассмотрение в рамках функционально-кибернетического подхода к информации, авторы рассматривают здесь не только вербально-логическую информацию, но и поведенческую. Здесь и далее под системно-эволюционным подходом будет пониматься применение системного подхода к рассмотрению систем и объектов, связанных между собой биологической эволюцией. Термин «системно-эволюционный подход»

¹ Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна. 2000г.

в последнее время довольно широко используется в психологии², психофизиологии³, управлении и других науках⁴. В.И. Корогодина в своих работах, по-существу, одним из первых использовал системно-эволюционный подход к разным видам информации в биологии, не используя самого термина.

В книге А.В. Соколова отдельная глава посвящена анализу известных ранее определений, и предложена система классификации коммуникационных (информационных) потребностей от индивидуальных до общественных применительно к излагаемой в книге «общей теории социальной коммуникации»⁵. В том числе предложено разделение коммуникационных способностей на две функции – сигнальную и побуждающую. На первый взгляд, это разделение не вызывает возражений, за исключением самих названий этих функций. На техническом языке этим функциям соответствуют чувствительность и реактивность. Действительно, любой системе, включая и живые, присуща определенная сенсорная чувствительность к внешним и внутренним воздействиям (раздражителям или стимулам), и своя скорость реагирования на эти воздействия (быстрая или замедленная реакция). При переходе на техническую терминологию выявляется очевидность того, что коммуникационные потребности (как, впрочем, и любые другие) вовсе не «абстракции», а неперемное свойство живых систем.

Ведь и сенсорная чувствительность и скорость реагирования – понятия, не просто связанные с измерениями, а вполне измеримые и, следовательно, вполне конкретные, а не абстрактные. Обнаруживается явное расхождение с утверждением А.В. Соколова, что потребности – «абстракция, а не реальная вещь или действие». Налицо характерный пример расхождения гуманитарного и технического взгляда на информационные явления, что нередко для информатики как междисциплинарного научного направления и часто приводит к интересным результатам.

Здесь следует упомянуть, что информационные потребности связаны с другими потребностями индивида. В психологии известны несколько подходов к классификации индивидуальных потребностей, например, А. Маслоу и К. Альдерфера⁶. По мнению К. Альдерфера, людей заботят только три потребности – потребность существовать, потребность общаться с другими и потребность своего роста и развития. Он утверждал, что эти три потребности аналогичны потребностям, выделенным Маслоу. Потребность существовать аналогична физиологической потребности. Потребность общаться с другими – потребность социального типа. Потребность роста – потребность в развитии, самореализации, в уважении. Важно отметить, что часто классификации индивидуальных потребностей называют «пирамидами». Это связано с тем, что высшие неинформационные потребности реализуются после реализации низших, именно низшие являются необходимым условием для появления высших потребностей.

Применительно к расширительному пониманию информации утверждение, выдвигаемое А.В. Соколовым, что «коммуникационные потребности свойственны не любым живым системам, а лишь обладающим сознанием субъектам», под которыми имеются в виду Homo Sapiens, необходимо критически пересмотреть. Поскольку высшим животным также присуще сознание, пусть и весьма ограниченное⁷. Индивидуальные информационные потребности, как и любые другие, реализуются в специфических, свойственных только им, сенсорной чувствительности и скорости реагирования. Ощущение недоста-

² Татарко С.А., С. Питт. Перспективы развития системно-эволюционного подхода в психологии. Сборник статей. Отв. ред. А.А. Алексапольский, И.С. Кострикина, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 96–100.

³ Ширков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М.: ИП РАН, 1995.

⁴ Кондратьев Э.В., Моделирование концепции человека в традиции системно-эволюционной теории Б. Ливехуда и Ф. Глазла. «Менеджмент в России и за рубежом» – №3, 2005. – С. 42–44.

⁵ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. 461 с.

⁶ Макклелланд Д. Мотивация человека / Пер с англ. – ООО «Питер Пресс»; научн.ред. проф. Е.П. Ильина. СПб.: Питер, 2007.

⁷ Филиппова Г.Г. Зоопсихология и сравнительная психология. – 3-е изд., стер. Москва: Академия, 2007. 543 с.

точной информированности, по всей видимости, формируется в системе «Я/неЯ», которая развивается в соответствии с индивидуальной генетической программой развития и социальными условиями развития и которая отвечает за постоянный контроль и самоанализ. Наряду с той иерархией коммуникативных потребностей, которая рассмотрена А.В. Соколовым, следует дополнительно ввести те информационные потребности, которые в соответствии с системно-эволюционным подходом, наследуются Homo Sapiens от высших животных. Реактивность индивида также формируется в соответствии с индивидуальной генетической программой развития и социальными условиями развития и реализуется в виде психических явлений темперамента и пр., включая и явление интровертности – экстравертности⁸. Есть генетические и негенетические предрасположенности к одной из важных информационных потребностей – к потребности в вербальном общении. Т.н. общительные люди – это люди, у которых с одной стороны, сильнее развита эпизодическая память «на личности»⁹, они легко держат в памяти множество разных лиц и соответствующие эпизоды, которые связаны с ними. А с другой стороны – у них есть некое отталкивание от замкнутости, они плохо выносят длительное «обособление от стаи», что связано с гормональным фоном, к которому младенцы привыкают еще в чреве матери. Таким образом, менее общительные люди замкнуты на себя – они интроверты, положительно относятся к продолжительному уединению, нежели представители категории людей с гипертрофированной потребностью в коммуникации. Данная индивидуальная особенность также имеет непосредственную связь с особым гормональным фоном, который не подталкивал к развитию соответствующих разделов памяти в момент формирования основных способностей будущей личности.

Исходя из системно-эволюционного подхода человеку присущи три уровня, которые не вполне совпадают с классификацией информации по В.И. Корогодину. На первом уровне – физиологические информационные потребности и для высших животных с ЦНС добавляются психофизиологические информационные потребности, связанные с регуляцией органов дыхания, кровообращения и пр., на которые влияют гормональные воздействия под управлением ЦНС, включая также психические воздействия. Таким образом, можно выделить всего два уровня докогнитивных информационных потребностей:

1. Докогнитивные:
 - 1.1. Физиологические;
 - 1.2. Психофизиологические.

На втором уровне рассматриваются когнитивные информационные потребности двух уровней – довербальные, отвечающие поведенческой информации и вербальные, отвечающие логической информации по В.И. Корогодину. Потребности довербального уровня связаны с формированием на начальном этапе развития индивида важнейшей для сознания системы «Я/неЯ», которая требует наличия личностного архива впечатлений и начинает развиваться одной из первых. Также одной из первых развивается система запечатления образно-зрительных ассоциаций, необходимых для ориентирования в пространстве (а в дальнейшем и на местности), а также необходимых для социализации (лица и эпизоды, связанные с общением). Развиваются начальные информационные потребности с помощью игровых механизмов, подражания и эмпатии, которые заложены генетически. Они в свою очередь связаны с развитием тонкой моторики у младенцев и тактильного общения. Затем развиваются потребности, связанные с развитием тактильно-моторных навыков движения и прямохождения. Это способствует дальнейшему развитию пространственного воображения и памяти. Впоследствии развиваются информационные потребности более высокого порядка, связанные с освоением пространства и живого окружения (у животных – стая, жертвы, хищники; у детей – родственники, сверстники, незнакомые взрослые) – познания окружающего мира, которые при усложнении игровых навыков и поведения порождают особую потребность к подглядыванию и скрадыванию («вуайеризм»). Все вышеприведенные докогнитивные информационные потребности соответствуют «биогенным» коммуникативным потребностям у А.В. Соколова.

⁸ Юнг К. Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского; Пер. с нем. С. Лорие. СПб.: Азбука, 2001.

⁹ С. Nicholson. "The Talent for facial Recongnation". January 21.2012. www.scientificamerican.com.

Важно отметить, что на вербальном уровне почти все отмеченные довербальные информационные потребности не только не исчезают, но и развиваются и обогащаются новым содержанием. В вербальной форме обогащаются информационные потребности, связанные с формированием личностных архивов, а игровые и подражательные потребности достигают уровня, необходимого для обучения речи. Вуайеризм развивается в обыденное любопытство и информационные потребности, реализуемые с помощью разных видов искусств, включая кино. Любознательность, связана с развитием познавательной информационной потребности в вербальной форме. Таким образом, можно выделить на этом уровне следующие когнитивные информационные потребности:

2. Когнитивные:
 - 2.1. Довербальные:
 - 2.1.1. Тактильного общения
 - 2.1.2. Невербально-ассоциативные (поведенческие): формирование личностного архива впечатлений для системы «Я/неЯ»; запечатление образно-зрительных ассоциаций для ориентирования в пространстве/ на местности; запечатление образно-зрительных ассоциаций для общения (лица и личностные эпизоды);
 - 2.1.3. Игровые, подражательные;
 - 2.1.4. Тактильно-моторные, необходимые в т.ч. для реализации навыков ходьбы, движения, тонкой моторики и пр.
 - 2.1.5. Пространственного воображения и принятия автоматических решений по ориентации в пространстве (пространственного мышления);
 - 2.1.6. Накопления архива впечатлений – зрительных и др. ассоциаций – «любопытность» (для увеличения запаса паттернов – шаблонов поведения), что повышает приспособляемость), включая «любопытство», выражаемое как непатологический вуайеризм (подглядывание и скрадывание);
 - 2.2. Вербальные:
 - 2.2.1. Обыденные (ориентация в обыденной среде проживания – состояние окружающей среды; питание, одежда, транспорт и пр. – т.е. необходимая для решения задач в рамках «паттернов» поведения в семье и быту);
 - 2.2.2. Производственные (необходимая для решения производственных задач в рамках «паттернов» поведения в производственном коллективе);
 - 2.2.3. Любознательности (необходимой для пополнения разнообразных знаний), которую можно по А.В. Соколову разделить на следующие «биогенные абсолютные потребности»:
 - 2.2.3.1. Интеллектуальная потребность;
 - 2.2.3.2. Познавательная потребность;
 - 2.2.3.3. Эмоциональная потребность;
 - 2.2.3.4. Этическая потребность;
 - 2.2.3.5. Эстетическая потребность;
 - 2.2.3.6. Потребности в самовыражении (самореализации, самоутверждении, самоактуализации);
 - 2.2.3.7. Игровые потребности;
 - 2.2.3.8. Мнемическая потребность (в памяти);
 - 2.2.4. Вербально-коммуникативные («контактная», необходимая для социализации в рамках паттернов разнообразного общения и др.), включая:
 - 2.2.4.1. Лингвистическая (потребность говорить и слышать по А.В. Соколову);
 - 2.2.4.2. Любопытства;
 - 2.2.4.3. В аффилиации (потребность в принадлежности и устранении одиночества).

Из вышеприведенных когнитивных информационных потребностей только довербальные соответствуют «биогенным» коммуникативным способностям у А.В. Соколова, а все остальные – «социогенным». Вполне очевидна взаимосвязь биогенных и социогенных когнитивных информационных потребностей. Например, любопытство ограничивается строгими этическими рамками («социальными табу»), а любознательность поощряется специальными социальными механизмами в развитых обществах. Первое даже находит свое отражение в фольклоре (поговорка «любопытной Варваре на базаре нос

оторвали»), и ведет, как и любые социальные запреты, к патологическому сексуальному вуайеризму.

Наряду с биогенными и социогенными следует выделить техногенные индивидуальные информационные когнитивные потребности (далее ИКП), которые стали выявляться с последней информационной революцией. Утверждать об их наличии позволяющая массовые пристрастия – «мании» и даже зависимости от новых техногенных информационных средств. Одной из первых появилась, сохраняющаяся до сих пор, «телемания» – индивидуальная зависимость от телевидения. А в последние годы – интернет-зависимость. В работах М. Маклюэна рассмотрены основы формирования такой зависимости на уровне массового сознания и телевидения¹⁰, однако в его работе нет рассмотрения этих зависимостей на уровне индивидуальных ИКП и современной интернет-зависимости. По всей видимости, в интернет-зависимости на уровне техногенной ИКП проявляется потребностью в «аффилиации», которая социально обусловлена. Общественное сознание, как это давно подмечено, по своей природе мифологично и в рамках современного мифа «о современных информационных технологиях» в рамках аффилиации создается мотив к использованию все более новых технических информационных средств. Примером могут служить современные «гаджеты»: они мало, что добавляют к базовым возможностям интернет и мобильной телефонии, но весьма востребованы в силу массовой рекламы у молодежи, на которую они и ориентированы. Аффилиация более выражена у молодых людей, чем у пожилых в силу вполне понятного их консерватизма.

Об одной важной особенности когнитивных вербальных информационных способностей, представленных в п.п. 2.2. выше, можно судить по простому эксперименту с «SMS – сообщением», который доступен любому специалисту в любой группе обучаемых по курсу информатики. В ответ на вопрос «получаете ли информацию, когда на Ваш мобильный телефон приходит пустое SMS – сообщение, в котором нет никакого текста», обучаемые при любой системе опроса уверенно отвечают, что информацию они получают. Казалось бы, они уже знают, что «информация – это сведения», а сведений-то они никаких не получили и должны были ответить, что информации они не получили. Однако никакой загадки в их «неправильном» ответе нет, если допустить, что при получении SMS-сообщений, как и при других субъект-субъектных информационных взаимодействиях, задействованы одновременно все вербальные ИКП. При этом допущении, действительно, в рамках паттернов обыденного сознания, реализуется одна или несколько гипотез относительно поведения адресата, выславшего по ошибке пустое сообщение, и некоторая информация у получателя в виде предположений появилась! Кроме того, может появиться информация, связанная с изучением реквизитов сообщения.

Предположение об одновременности («параллельности») действия всех вербальных ИКП является принципиальным, т.к. выражает принципиальное отличие от «последовательности» действия неинформационных потребностей по любой из известных моделей – и по пирамиде А. Маслоу и по трем группам потребностей К. Альдерфера. Действительно для реализации высших неинформационных потребностей людей надо сначала удовлетворить все им необходимые низшие потребности. Еще К. Маркс утверждал, что «прежде, чем пичкать пролетариев идеями надо их накормить». Подтвердить эмпирически высказанное предположение можно в рамках той метафоры сознания, которая лежит в основе современной когнитологии и сводится к образу «радиотеатра»¹¹, когда самые разные когнитивные процессы («потoki сознания») действуют параллельно и могут объединяться на одной «фокусной» площадке. Достаточно, как это отмечено в своеобразном «когнитивном фольклоре» – «прислушаться к себе», и можно обнаружить наличие двух отношений к одному и тому же явлению – одновременное существование хотя бы двух планов выражения, конкретного и более общего, что как раз и выражает одновременную реализацию ИКП. А. В. Соколовым были введены для пояснения развития информационных потребностей вполне очевидные «казуальные цепочки»

$$\Pi (a) \rightarrow Д \rightarrow \Pi (b),$$

¹⁰ Маршалл Маклюэн. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

¹¹ Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006 589 с.

где **П (а)** – абсолютные ИКП, к которым относятся все ИКП по п.п. 2.2 выше; **Д** – информационная деятельность (информационное взаимодействие), а **П (б)** – порожденная этой деятельностью новая «инструментальная» ИКП. Примером новой инструментальной В – потребности (ИКП (В)) является потребность в использовании в интернет. В рамках информационной деятельности с современными информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) развиваются новые техногенные ИКП, которые обогащают исходные абсолютные ИКП. За счет этого появляются не только новые виды информационной деятельности, но и новые виды экономической деятельности. Например, интернет – торговля или интернет – банкинг. По-существу, за счет новых техногенных ИКП увеличивается реактивность абсолютных ИКП. Кроме того, параллельность действия разных ИКП может в рамках новых ИКТ обострять развитие неосновных, параллельных ИКП. Например, при реализации в интернет одной из вербальных ИКП (2.2.1 – 2.2.3) может развиваться эстетическая ИКП (2.2.4.1), связанная с мультимедийной формой данных. Т.е. появляются новые казуальные цепочки вида

ИКП (2.2.2) → Д (в интернет) → ИКП (2.2.4.1).

Выявленная параллельность действия ИКП позволяет по-новому взглянуть на принципы «фасцинации» и «майевтики», которые наряду с принципом «тезауруса» определил для семантического уровня информационного взаимодействия Ю. А. Шрейдер в¹². Принцип фасцинации он определил как привлекательность сообщения, которая «зависит от мотивов и целей адресата, формы сообщения и т.д.». А принцип майевтики (от греческого «родовспоможение») полагает, что в результате информационного взаимодействия «адресат может получить» больше информации, чем содержалось в сообщении». Фасцинация при параллельном действии ИКП вызывает удовлетворение не только ИКП коммуникативных направлений (обыденного, производственного и познавательного), но и эстетической и этической ИКП (п.п. 2.2.4.1 и п.п. 2.2.4.2). Принцип майевтики хорошо иллюстрируется вышеприведенным экспериментом с «пустой SMS». Следствием фасцинации является увлечение новыми видами техногенных данных (представления информации), что с успехом эксплуатируется производителями новых технических информационно-коммуникационных средств, которые ориентируют рекламно-маркетинговую деятельность на молодежь. Даже относительно небольшие группы «увлекающихся» малосодержательной, но выглядящей внешне привлекательной новизной пользователей успешно используются в качестве «сообщества – катализатора» для возбуждения аффилиации у основной массы пользователей.

Параллельность действия вербальных ИКП позволяет также по-новому взглянуть на проблему изучения информационных взаимодействий, поставленную Ю.А. Шрейдера. Анализ разнообразных субъект-субъектных и субъект-объектных информационных взаимодействий без учета параллельного действия различных индивидуальных информационно-когнитивных потребностей вести практически невозможно. По всей видимости, это и помешало разрешению поставленной проблемы.

Наряду с первым принципиальным положением о параллельности действия вербальных ИКП можно сформулировать также следующие принципиальные положения относительно ИКП. Второе прямо связано с более общим принципом возвышения потребностей, который присущ обществу потребления и порождает главную проблему его существования. Дальнейшее развитие индивидуальных и общественных материальных потребностей уже невозможно в силу ресурсных и экологических ограничений. Выдвигаемое здесь второе принципиальное положение о непрерывном возвышении информационных потребностей не сталкивается с ними и поэтому оно в цивилизационном плане – важная альтернатива опасному развитию материальных потребностей.

Третье принципиальное положение для развития ИКП связано с неизбежностью дальнейшего развития новых ИКТ. Оно уточняет характер воплощения второго принципа

¹² Кузнецов И.А., Мухомов И.Л., Шрейдер Ю.А. Информационное взаимодействие как объект научного исследования. – «Вопросы философии»: М. – № 3. – 1993. – С. 77-87.

па в условиях последней информационной революции, которые стимулируют дальнейшее расширение техногенных вербальных ИКП. Возвышение вербальных ИКП в период происходящей цифровой информационной революции будет происходить, главным образом, за счет расширения видов техногенных ИКП.

В настоящей статье была сделана попытка нового рассмотрения индивидуальных информационных потребностей на основе системно-эволюционного подхода и расширительного понимания информации, что позволило уточнить и развить классификацию информационных потребностей А.В. Соколова, в том числе были введен новый вид техногенных информационных потребностей. Были выдвинуты три принципиальных положения о закономерностях действия и развития вербальных когнитивных информационных потребностей. Дальнейшее развитие теории индивидуальных информационных потребностей представляется значимым как для социологии современного информационного общества, так и для философского осмысления его проблем.

Список литературы

1. Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна. 2000 г.
2. Татарко С.А., С. Питт. Перспективы развития системно-эволюционного подхода в психологии. Сборник статей ; отв. ред. А.А. Алексапольский, И.С. Кострикина, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 96-100.
3. В.Б. Ширков. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. – М.: ИП РАН. 1995 г.
4. Кондратьев Э.В. Моделирование концепции человека в традиции системно-эволюционной теории Б. Ливехуда и Ф. Глазла. «Менеджмент в России и за рубежом»/ N 3, 2005 г., с. 42-44.
5. А. В. Соколов. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. – 461 с.
6. Макклелланд Д. Мотивация человека / Пер с англ.- ООО «Питер Пресс»; научн.ред. проф. Е.П. Ильина. – СПб.: Питер, 2007.
7. Филиппова Г.Г. Зоопсихология и сравнительная психология. – 3-е изд., стер. – Москва: Академия, 2007. – 543 с.
8. Юнг К. Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского; Пер. с нем. С. Лорие. – СПб.: Азбука, 2001.
9. С. Nicholson. «The Talent for facial Recognition». January 21.2012. www.scientificamerican.com.
10. Маршалл Маклюэн. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.
11. Р. Солсо. Когнитивная психология. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
12. И.А. Кузнецов, И.Л. Мухешвили, Ю.А. Шрейдер. Информационное взаимодействие как объект научного исследования // Вопросы философии. – М., 1993. – N 3 с. 77 – 87.

PHILOSOPHY OF THE GADGETS

The article describes the approaches to definition of the conception “requirements” in humanities and nature sciences, it examines the varieties of entities of requirements bearers and functions, which are realized in requirements. The authors regard the relation between requirement, resources and activity, and give the definition to the conception “information requirement”. The paper discusses second-grade, biogenic, sociogenic and technogenic informational requirements.

Keywords: requirement, information requirement, based information requirement, second-grade information requirement, biogenic, sociogenic and technogenic informational requirement, gadgets.

V. P. SEDYAKIN¹⁾
I. V. SOLOVIEV²⁾

*Moscow state university
of the geodesy and cartography
(MII GiK)*

¹⁾ e-mail: svp134@mail.ru

²⁾ e-mail: i.v.soloviev@mail.ru

УДК 482.3

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СТИХИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. ТУРАНИНА*Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: ved_2phil@bsu.edu.ru*

Статья посвящена исследованию культурологической направленности в репрезентации стихии в контексте художественного дискурса. В работе выявлена спецификация вербального выражения потенциальных смыслов в текстах различных авторов. Результаты исследования позволяют делать вывод об особенностях развития лексической системы и языковой картины мира.

Ключевые слова: культурология, стихия, дискурс, картина мира, репрезентанты.

Стихии огня, воды, воздуха и земли все чаще оказываются в центре внимания философов, культурологов, лингвистов, в связи с этим особый интерес представляет лингвисту культурологический аспект исследования стихий. Для выявления спецификации вербального выражения, новых потенциальных смыслов, которыми могут наполняться первостихии ЗЕМЛЯ, ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ в языковом сознании авторов художественных текстов как постоянные категории в жизнедеятельности человека, следует учитывать особенности восприятия, интерпретации данных понятий представителями древнего социума. Согласно античным философским учениям об устройстве цивилизации, у истоков которых стояли Фалес, Анаксимен, Гераклит, Аристотель, данные лексемы являются наименованиями первоэлементов, из которых сотворен мир и человек. Для Фалеса началом всего сущего является ВОДА, в его понимании, данная стихия дарует жизнь и является источником питания. В представлении Анаксимена, ВОЗДУХ как стихия лежит в основе мироздания, это элемент из всех остальных в наибольшей степени характеризующийся отсутствием каких-либо осязаемых качеств, тактильно воспринимаемых признаков (воздух вряд ли можно увидеть, бесцветен, к нему невозможно прикоснуться). Для философа Гераклита первоначалом всего сущего стал ОГОНЬ, в котором как раз проявляется идея стихии. Огонь способен стать как источником жизни, так и разрушительным началом, испепелив все вокруг, погаснув, «везде огонь: все – от огня, из огня, из-за него». Аристотелю принадлежит синтез ОГНЯ, ВОЗДУХА, ВОДЫ и ЗЕМЛИ. В его теории все объекты материального мира состоят из четырех первоначальных элементов, которые преобладают в вещах в разной степени. Предметы, содержащие больше огня и воздуха, будут «стремиться вверх» как легкие и подвижные, а те, в которых преобладают вода и земля, будут «стремиться вниз». Таким образом, с точки зрения расположения вещей в пространстве, падение отдельных из них обусловлено соотношением в них первоэлементов, например, если будет преобладать земля, то предметы будут располагаться ниже тех, в которых преобладает воздух. Формирование учений об устройстве мира в античной философии происходило через призму представлений о стихиях как основах мироздания. Определяющую роль первостихии играли и в жизни славян, яркое подтверждение этому находим в мифах как одной из форм познания мира и самопознания, отражающих представления человека о реальности, обрамленные фантазией. Так, по словам М.М. Маковского, «Диалектика мифа состоит именно в том, что человек как бы «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении; вместе с тем это овладение силами природы (пусть фантазии) означает начало истории «духа» и конец чисто животного бытия»¹. С древнейших времен славяне, будучи земледельцами, поклонялись стихиям как представителям мира природы, обожествляли их, искренне

¹ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейский языках / М.М. Маковский. М, 1996. С.15.

веруя во всемогущество природных сил, в свою зависимость от них, что фиксировалось в обрядах и верованиях, направленных на обеспечение богатого урожая, хорошего приплода скота, счастливой семейной жизни, защиту от воздействия злых сил. Стихии ЗЕМЛЯ, ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ одухотворялись в язычестве, и именно от них во многом зависела жизнь наших предков.

ВОДА почиталась в древнем мире как источник жизни. Люди также верили в ее очистительную, священную силу, и «водопоклонение оставалось долго у русских в своей силе»². С принятием христианства появился обряд водосвятия, после совершения которого вода считалась целебной.

ОГОНЬ в понимании славян, стихия, дающая тепло и свет, энергию, также живой огонь (постоянно поддерживаемое на домашнем очаге пламя, добытое из сухой сердцевины дерева) применялся как мера борьбы с болезнями. Домашний очаг считался в старину священным. В огне видели силу, не только дававшую человеку тепло и пищу, но и отгонявшую от жилища всю нечесть, всякую болезнь лютую.

ВОЗДУХ славянам представлялся той средой, где содержатся болезни, по воздуху могла начаться порча. Такие свойства для воздуха были характерны либо во время затмения луны, либо в безлунные ночи. Чтобы обезопасить себя от негативного воздействия, человек, оказавшись вне дома, должен был не вдыхать нечистый воздух, упав на землю вниз лицом. После принятия христианства воздух стал восприниматься как место временного пребывания души человека после смерти. Как правило, для стихий ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ характерно было наличие двух начал: положительного, в этом случае они представляли собой источник жизни, и отрицательного, здесь они уже обладали разрушительной силой, представляли опасность. Лишь воздействие ЗЕМЛИ на человека могло быть только благоприятным и созидательным. На современном этапе развития общества ЗЕМЛЯ, ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ, как отмечает в своей работе М.В. Скляр, рассматривая понятийное содержание лексемы *стихия* в современном русском языке, отмечает, что данные субстанции «по-прежнему остаются основными природными источниками всего живущего и произрастающего на земле. Их роль неоспорима, но онтологический статус стихий изменился: из первоначал, ... из простейших строительных элементов, конструирующих своими комбинациями всю действительность, они превратились в условия жизни, организующие компоненты «дома» всех существ на Земле. Водная стихия – это природная вода, покрывающая нашу планету ... Воздушная стихия – это воздух, обволакивающий Землю. Огненная стихия ... есть именно огонь, пламя в самых разных его проявлениях»³. Стихия ЗЕМЛЯ, ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ вызывают интерес у исследователей в различных областях современной научной мысли. Достаточно широко и интенсивно они изучаются в естественных дисциплинах: физике, географии, геологии, химии и др. Представляя собой базовые элементы культуры, обретая широкую семантическую потенцию в художественном восприятии носителей языка, стихии также становятся объектами наблюдения и в гуманитарной сфере: философии, истории, литературоведения, языкознания, и др. Согласно высказыванию русского философа В.К. Кантора, слово *стихия* благодаря творчеству русских писателей стало одним из ключевых понятий в русской культуре, которое невозможно объяснить словами, но которое ощущается всеми русскими и остается загадкой для цивилизованных европейцев⁴. На современном этапе лингвокультурология относится к наиболее активно развивающимся отраслям лингвистики и описание культурных концептов актуально и важно: они отражают менталитет языковой личности, в них сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология народа. Стихии являются центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира, помогающей вскрыть механизмы преломления в сознании человека объективной реальности (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицка, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и

² Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 114-117.

³ Скляр М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке АКД, М, 2005. С. 105.

⁴ Кантор В.К. Стихия и цивилизация: две фактуры «российской судьбы» // Вопросы философии. М, 1994. – №5 – С. 27-46.

др.). Окружающий человека мир природы концептуализируется в языке, определяя в значительной мере особенности семантического пространства языка. Специфика концептов, за которыми стоят разнообразные проявления природных явлений, привлекает внимание ученых. В последние годы возрос интерес к анализу особенностей реализации стихий в рамках художественного текста. Целесообразность подобных исследований определяется не только самоценностью фактов, связанных с изучением закономерностей художественного мышления и мироощущения, но и тем, что индивидуальный когнитивный опыт художника как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. В результате формируются структуры – фрагменты индивидуально-авторского значения о мире, которые находят свое выражение в текстовом пространстве. Обращение к творческому наследию русской литературы определялось мастерством писателей в выражении фундаментальных принципов ментальности, широким отражением, а также высокой частотностью употребления лексических единиц с наименованием стихий и, в частности, репрезентирующих концепт ВОЗДУХ.

ВОЗДУХ – одна из важных стихий картины мира русского народа, и это подтверждается значительным числом лексем, репрезентирующих данный концепт, и постоянным обращением русских поэтов и писателей к *воздуху, ветру, вьюге, метели, вихрю, туману*. Приведем примеры из поэтических и прозаических текстов XX и XXI веков.

Воздух: Но скользишь ты, утопая, /В бездне воздуха и света (Бальмонт); Крылья легкие раскину, /Стены воздуха раздвину, /Страны дальние покину (А. Блок); *Воздух* казался жидким минералом и вливался в легкие сам по себе (В. Токарева); Ему казалось, что *воздух* вокруг них насыщен предательством, как радиацией (В. Токарева); Мне казалось, что я пью жидкий *воздух* (В. Токарева); Инфекция любви, как вирус, висела в *воздухе* (В. Токарева); Солнце – счастье, чистые воды и *воздух* – счастье, просторы нетронутых степей, гор, лесов – великое счастье (Н. Сладков); Таежный *воздух* насыщался смолистым, опьяняющим ароматом, долина реки благоухала запахом ромашки, полыни, мяты и отцветающей черемухи. (В. Шишков);

Ветер: Поднимайся, *ветер*, по равнинам, /Торопись, *ветрило-вихрь-бродяга*, ... (М. Цветаева); Буйный *ветер* в пустыне второй *властелин* (Н. Гумилев); Только *ветер* резвый, *озорник* такой, /Запоет разлуку вместо упокой (С. Есенин); *Отрок-ветер* по самые плечи /Зоголил на березке подол (С. Есенин); И *ветер*, *пес послушный*, лижет /Чуть пригнутые камыши (А. Блок); Очередь на такси была небольшая, но *ветер* дул, как на вселенском *сквозняке* (В. Токарева); Был такой *ветродуй*, как шторм в открытом море. (В. Токарева); *Ветер* как беркут падает на распахнутые крылья (Н. Сладков); Всю ночь ревел *ветер*, молотя кулаками в крышу, двери и окна (Н. Сладков); Океанские *ветры* звенят, как струна (Ю. Визбор); *Ветер* в двери скребет, как бродяга (Ю. Визбор); *Ветер ураганом* взвился по тайге, обрывая шелковые хвои (В. Шишков); *Ветер* травой шуршит, *ветер* палатку треплет,..; *Ветер*, злясь, треплет встречные деревья и спешит дальше, вглубь, будит тайгу (В. Шишков); *Ураган* умчался, лишь *ветер* робко блуждал меж хвой тайги (В. Шишков);

Вихрь: И снежных *вихрей подъятый молот* /Бросил нас в бездну, где искры неслись, /Где снежинки пугливо вились (А. Блок); Уж *демон вихрей* реет грозно, /Свинцовой тучей облачен (Ф. Сологуб); И вдруг в этой напряженной и испуганной тишине пронесся *вихрь*, как долгий вздох облегчения (Н. Сладков);

Вьюга: Заносит вьюга на порог/ Пожар метели белокрылой... (А. Блок); Кто, под вопли вьюги снежной, /Под упорный зов зыбей, /Сохранил сурово-нежный /Говор древних дней? (В. Брюсов); Там незримый, неизбежный /Мертвый голос вьюги снежной /Посетит меня (А. Блок).

Лексема «вода» тоже издавна занимает важное место в области человеческого сознания, это не просто слово, а общекультурное понятие, которое лежит в основе духовной жизни общества. Помимо представлений о воде с физической, химической и географической точки зрения, господствующих в XX веке, существуют трактовки данного понятия с других позиций. Так анализ словарных дефиниций лексемы вода позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении ВОДЫ как стихии количество значений варьируется от двух (С. Кузнецов, Д. Ушаков) до четырех (Т. Ефремова, С. Ожегов), но ни одна словарная дефиниция не дает полного представления о стихии ВОДА. В «Словаре живого велико-

русского языка» В. Даля вода рассматривается как стихия, которую нельзя познать научным путем, ведь стихия не подчиняется разуму человека, ее можно познать только мифологически, поэтому за основу принимаем определение В. Даля: «вода – стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родник, ручьи, реки, озера, а в смеси с солями, – моря. Кипящая вода обращается в пар, мерзлая образует лед, испарения водные (влага, мокрота, сырость) наполняют мироколицу, в виде облаков, тумана, росы, дождя, снега. Едва ли не все жидкости содержат в себе воду; твердые ею могут быть проникнуты, а с иными она сама обращается в твердое тело; сама же она состоит из двух газов: водорода и кислорода»⁵.

Особый интерес представляет метафорическое использование наименований водной стихии. Время-вода – универсальная метафора, представленная во многих языках, существует предположение, что она связана со старинными водяными часами – клепсидрами (букв. «водокрад», «ворующий воду»), которые существовали в Вавилоне, а потом перешли в Грецию и Рим. Традиционно в представлении о бытии кого или чего-либо, о времени, о человеческой жизни во всем ее многообразии ассоциируется с водным потоком. Рефлексия личности по поводу сложного и касающегося каждого человека феномена времени приводит к возникновению значительного числа образов, связанных с его ролью в жизни, судьбе человека: реализацией наименований-существительных стихии ВОДА смыслы:

- «гибельность, разрушительная сила»: бездонный *омут* жизни (Астафьев)
- «интенсивное движение»: беспокойное *течение* жизни (Астафьев); по морям, по *волнам* бурной современности (Астафьев); по бурной *реке* современной жизни (Астафьев);
- «безвозвратность»: последняя *капля* жизни (Астафьев). Водоем – время вбирает в себя и поглощает, опуская на дно, не возвращая на поверхность или берег прошлое, однако у В. Тендрякова нарушается это традиционное представление: произошло какое-то тихое потрясение, столь же тихое и значительное, как просыпание – выныривание из небытия (Тендряков).

Языковое выражение стихии Земля тоже представляет интерес для исследователей. Репрезентанты стихии ЗЕМЛЯ в поэзии конца XX – начала XXI века образуют достаточно «природно-земное» семантическое пространство, в котором моноксеммы, принадлежащие к разным частям речи, и полилексемные единицы объединяются общностью содержания и в силу своей семантики представляют общую понятийную сферу. В аспекте выражаемого лексемами значения выделяются наименования, использующиеся для выражения категориальных смыслов, родовых понятий и являющиеся наиболее употребительными, их часто составляет – 14 % (*край, долина, яма, берег, камень, поле, лес, растение, корень, ветвь и др.*). Преобладающее количество единиц – 86 %, выражая в определенных контекстуальных условиях семантику сферы ЗЕМЛЯ в художественных текстах Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, имеют меньшую частотность и могут наполняться образными значениями, характеризоваться экспрессивностью, стилистической маркированностью: (*околица, гора, ущелье, джунгли, рощица, смородинник, медный и др.*). К устойчивым традициям изображения земли, нашедшем отражение в языке поэзии исследуемых авторов, можно отнести особенности персонификации рассматриваемой субстанции, подчеркивающие ее действенное начало, а также созидательную сущность восприятия земной стихии как Матери – земли. Классическая формула «Мать-земля» в языковом пространстве исследуемых авторов выражает значение «материнское начало», в котором выделяются следующие компоненты, подчеркивающие важность земли в мировоззрении поэтов:

1) сема «рождающая». С древнейших времен плодоносящая и жизнотворная сила земли считаются одними из важнейших ее качеств. Ср.:

И летом, благодатным красным летом, /когда проходят с тусеками лесом, /то силу им (о русских талантах) /через ступни босые /передает их мать – /земля России (Евтушенко);

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2001. 218 с.

Ты рождаешь, Земля. Говорят, здесь красивые горные встанут массивы ... (Вознесенский);

Пусть вечно он благодарит тебя, / земля, меня исторгшая, родная, ... (Ахмадулина);

2) сема «дарующая энергию» выявляется в семантическом пространстве поэзии А. Вознесенского, характеризуя землю как неиссякаемый источник энергии, из которого человек черпает жизненные силы:

От земли, как в стволах соки, /по ногам поднимаются токи, /ноги праздничные гудят – /танцевать, танцевать хотят! (Вознесенский).

3) сема «дарующая талант». Е. Евтушенко в процессе осмысления истоков поэтического таланта свойственно восприятие Матери-земли прежде всего как своей сущностной, культурной основы. Таким образом, прослеживается зависимость личностного становления, судьбы человека от земной субстанции. Культурообразующее начало созидательности-земли можно проиллюстрировать следующими примерами:

Таланты русские, /откуда вы беретесь? /Откуда, где весной, припав к березе, /еще не зная этому цены, /пьют сок земли российской /пацаны; История – не в тезоименитствах, / а в раскрытых соках матери-земли, /и сколько ни рождалось бы магничких, /в России Лобачевские росли; Как будто уральские самоцветы, /землю /накапливаются /поэты (Евтушенко).

Отражение культурных традиций в художественном дискурсе XX и XXI веков при изображении стихий позволяет выявить процесс развития лексической и образной системы языка, а также стихий в художественном дискурсе разных веков.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2001. – 218 с.
2. Кантор В.К. Стихия и цивилизация: две фактуры «русской судьбы» // Вопросы философии. – М., 1994. – № 5 – С. 27-46
3. Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. – М., 1994. – 688 с.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках / М.М. Маковский – М., 1996. – 415 с.
5. Скляр М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке – АКД, М., 2005. – 25 с.
6. Туралина Н.А. Стихия ВОДА в языке художественной прозы В. Астафьева, В. Тендрякова // Н.А. Туралина, Н.А. Меженская – Белгород, 2003, 160 с.

Список художественных текстов

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 6 томах. – М., 1992.
2. Ахмадулина Б.А. Сочинения: в 3 т. / Б.А. Ахмадулина – М.: ПАН Корона-Принт, 1997.
3. Вознесенский А.Н. Собрание сочинений: в 3 т. / А.Н. Вознесенский – М.: Вагриус, 2002.
4. Евтушенко Е.А. Стихотворения и поэмы: в 3 т. / Е.А. Евтушенко. – М.: Советская Россия, 1987.
5. Паустовский К.А. Собрание сочинений: в 3 т. – М., 1981.
6. Тендряков В.Ф. Собрания сочинений: в 5 т. – М., 1988.
7. Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1989.

CULTUROLOGICAL ASPECT OF RESEARCH OF ELEMENTS IN THE ART DISCOURSE

N.A. TURANINA

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: ved_2phil@bsu.edu.ru

The article is devoted to research of a culturological orientation of an art discourse. The specification of verbal expression of potential meanings in texts of various authors is revealed in the paper. The results of research allow to draw a conclusion on the features of development of lexical system and a language picture of the world.

Keywords: cultural science, elements, discourse, world picture, representation.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.346.2

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В.В. БАХАРЕВ¹⁾
Г.А. НАДЕЕВ²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: bakharev@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: nadeev31@yandex.ru

Представлены результаты социологического исследования государственных служащих Белгородской области относительно гендерной асимметрии в сфере управления. Раскрыто отношение респондентов к данному феномену. Выявлены ее причины, целесообразность и возможность достижения гендерного баланса в сфере управления, его возможные управленческие и социальные эффекты.

Ключевые слова: государственное управление, государственный служащий, гендерные отношения, гендерная асимметрия.

Равенство прав мужчин и женщин зафиксировано в Конституции РФ. Принцип гендерного равноправия имеет прямое отношение и к сфере государственного управления¹. Продвижение женщин во власть рассматривается в настоящее время как инструмент стабильного, гуманного и устойчивого развития общества². Статистика свидетельствует, что государство, имеющее в своих парламентах и правительствах меньше 25-30% женщин, плохо справляется с проблемами охраны материнства и детства, прав ребенка, социальной защиты³. Многим странам удалось добиться представительства женщин в парламентах на уровне одной трети и более от общего числа депутатов. За вторую половину XX века процент женщин в законодательных органах власти в странах, имеющих парламенты, вырос в 4 раза. Вместе с тем, по показателю участия женщин в высших органах представительной власти Россия делит 84 место с Гвинеей-Бисау. Нас оставили далеко позади не только европейские страны СНГ, но и Таджикистан (17,5%), Узбекистан (17,5%, Туркменистан (16%), Казахстан (15,9%). В Государственной Думе РФ пятого созыва

¹ Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. – М. – 2001. – // <http://www.owl.ru/win/books/gender/11/htm>.; Барчунова Т.В. «Эгоистичный гендер», или воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. – 2002. – №5; Создание институциональных структур для соблюдения принципов гендерного равенства в России. – М.: Издательство «МИК», 2003 // <http://zhlp.tomsk.ru/content.php?id=66>.

² Тюрина, И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // *Социологические исследования*. – 2002. – №11.

³ Никовская Л.И. Женщины в политике: за и против. – [Электронный ресурс] // Режим доступа к изд.: http://www.spravedlivie.ru/i_ghenthiny_v_politike_zh_i_protiv.htm

(с 24 декабря 2007 г по 4 декабря 2011 г) из 450 депутатов была 41 женщина (9,1%), в нынешнем ее составе стало 60 женщин-депутатов (13,3%).

Такая же картина наблюдается и в региональных органах представительной власти. Так, в составе Думе Белгородской области уже в течение последних созывов остается неизменным процентное соотношение мужчин и женщин: на 88,6% мужчин-депутатов приходится 11,4% женщин-депутатов.

Очевидная гендерная асимметрия в органах представительной, да не только представительной государственной власти⁴, побуждает к исследованию вопросов о том, как относятся к этой асимметрии сами государственные служащие, видят ли необходимость и возможность установления гендерного баланса и т.п. Нами были опрошены 346 сотрудников органов государственного управления Белгородской области, в том числе 95 мужчин и 251 женщина. Респонденты представляли сотрудников как региональных (n=246), так и федеральных (n=100) органов государственного управления, а также все возрастные группы: до 30 лет – 133 чел.; 30-40 лет – 134 чел.; 40-50 лет – 47 чел.; св. 50 лет – 39 чел. Были опрошены и руководители структурных подразделений органов государственного управления (n=109).

Первый вопрос, который был предложен респондентам, относился к тому, в достаточной ли мере, по их мнению, представлены женщины в органах государственного управления. Как оказалось, большинство респондентов – как руководителей, так и рядовых сотрудников – считает, что женщины в достаточной мере представлены в органах государственного управления. Вместе с тем, 26,6% опрошенных руководителей и 19,4% сотрудников придерживаются противоположного мнения. Это мнение, как и следовало ожидать, имеет сравнительно большее распространение среди респондентов-женщин, а также среди респондентов, представляющих региональные органы государственного управления, что дает повод думать, что именно в этих органах уровень представительности женщин ниже, нежели в федеральных органах государственного управления. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: убежденность в достаточном представительстве женщин в органах государственного управления сравнительно больше присуща респондентам в возрасте до 30 лет. В других возрастных группах она ослабевает.

Респонденты опрашивались также на предмет того, замечают ли они гендерное неравенство в органах государственного управления. В полученных ответах обращает на себя внимание, прежде всего, уровень чувствительности респондентов к гендерному неравенству в органах государственного управления, который составляет для респондентов-сотрудников 0,82, а для респондентов-руководителей – 0,86. (при максимальном значении, равном 1). При этом уровень чувствительности у женщин, как это ни парадоксально, оказался ниже, нежели у мужчин. Последних, получают, больше волнуют вопросы гендерного равенства/неравенства, нежели самих представителей прекрасного пола.

Сравнительно большая часть респондентов не замечают гендерного неравенства, и их относительно больше среди респондентов-мужчин. Вместе с тем, это неравенство замечают 38,9% респондентов-женщин и 37,6% респондентов-руководителей. Примечательно то, что чувствительность к гендерному неравенству повышается с возрастом респондентов, что объясняется, видимо, сравнительно большим профессиональным и жизненным опытом и более адекватной оценкой управленческих ситуаций.

В ходе исследования выяснялось также ценностное отношение респондентов к гендерному неравенству в органах государственного управления. При этом были выделены четыре типа такого отношения:

- положительное, т.е. одобрительное отношение;
- отрицательное отношение;
- нейтральное, безразличное отношение;
- неопределенное отношение.

Оказалось, что в спектре возможных вариантов отношения к гендерному неравенству преобладают типы неопределенного и отрицательного отношения. При этом отрицательное отношение сравнительно больше выражено респондентами-женщинами и руководителями. Безразличное отношение проявляется примерно в равной мере у всех групп опрошенных. У некоторой части опрошенных и, прежде всего, у мужчин проявляется также положительное отношение к гендерному неравенству. Принимая во внимание

⁴ В нынешнем составе Правительства РФ из 29 министров только 2 женщины (7%).

возрастной фактор, можно отметить, что отрицательное отношение сильнее проявляется в возрастной группе свыше 50 лет, безразличное отношение – в возрастной группе до 40 лет, а неопределенное положительное отношение – в возрастной группе 40-50 лет.

Анализ ценностного отношения респондентов к гендерному неравенству был продолжен посредством выяснения их мнений о социальном статусе этого феномена. В качестве возможных вариантов были предложены следующие статусные определения:

- гендерная дискриминация – это нормальное явление,
- гендерная дискриминация – это отклонение от нормы,
- гендерная дискриминация – это нарушение прав женщин,
- гендерная дискриминация – это дискриминация женщин,
- гендерная дискриминация – это нарушение прав мужчин.

Треть опрошенных затруднилась дать статусное определение гендерному неравенству, причем больше затруднений, как ни парадоксально, пришлось на руководителей. Остальные мнения разделились преимущественно между двумя позициями: гендерное неравенство – нормальное явление, 2) гендерное неравенство – отклонение от нормы. При этом, первая позиция заметно «перевешивает» вторую (во всяком случае, в мнениях опрошенных сотрудников).

Имеются определенные половозрастные различия в мнениях респондентов о статусе гендерного неравенства. Во-первых, позиция «гендерное неравенство – нормальное явление» сильнее выражена респондентами из средних возрастных групп, и, как это ни странно, респондентами-женщинами; на нормальность гендерного неравенства указывают 28,6% женщин и всего 17,9% опрошенных мужчин. Во-вторых, восприятие гендерного неравенства как социального отклонения больше выражено респондентами из крайних возрастных групп (от 30 лет и свыше 50 лет), а также респондентами – «регионалами». «Нарушение прав женщин» акцентировано, прежде всего, старшей возрастной группой и сотрудниками-мужчинами, что представляется несколько неожиданным; «дискриминация женщин» – возрастной группой от 40 до 50 лет и, на этот раз «сотрудниками-женщинами». В качестве одного из вариантов ответов было предложено «нарушение прав мужчин», но его выбрали 0,9% опрошенных и, преимущественно, из возрастной группы до 30 лет.

В процессе исследования выяснялись причины, препятствующие более широкой, нежели сейчас, представленности женщины в органах государственного управления. Таких причин довольно много. При проведении эмпирического исследования они были разделены на две большие группы: внутренние и внешние. В составе внутренних причин были выделены, в свою очередь, две подгруппы: личностные и профессиональные, в составе внешних причин – социально-ресурсные, социально-статусные и социально-психологические. Социологические данные о распространенности указанных подгрупп причин приведены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка респондентами причин, препятствующих широкой представленности женщин в органах государственного управления, %

№ п/п	Причины	Категории опрошенных			
		Сотрудники			Руководители
		Все	Муж.	Жен.	
1	2	3	4	5	6
<i>Личностные причины</i>					
1	Нежелание брать ответственность	11,3	12,6	10,7	7,3
2	Недостаточная амбициозность	6,6	3,2	3,9	11,9
3	Отсутствие стратегического мышления	9,9	8,4	9,1	0,9
4	Меньшая конкурентность	2,0	1,1	2,4	6,4
<i>Профессиональные причины</i>					
5	Недостаточная компетентность	2,7	1,1	2,8	1,8
6	Меньшая эффективность женского руководства	8,1	9,5	7,5	4,6
<i>Социально-ресурсные причины</i>					
7	Недостаток времени	17,9	6,3	22,2	16,5

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
8	Неблагоприятные условия	2,6	1,1	3,2	1,8
9	Трудности в получении поддержки официальных лиц	7,5	2,1	9,5	9,2
<i>Социально-психологические причины</i>					
10	Воздействие стереотипов о руководстве как прерогативе мужчин	24,6	14,7	28,2	28,4
11	Явное и неявное противодействие со стороны мужчин	8,1	5,3	9,1	10,1
<i>Социально-статусные причины</i>					
12	Сложность сочетания продвижения в карьере и воспитания детей	39,9	37,7	42,1	47,7
13	Невостребованность женщин-руководителей	16,2	10,5	18,3	20,2

Рассмотрим эти группы причин более подробно, но прежде чем приступить к такому рассмотрению, обратим внимание на два момента, имеющих общий характер. Во-первых, часть респондентов – а это 13% от общего числа опрошенных, – утверждают, что ничего не мешает более широкой, нежели сейчас, представительности женщин в органах государственного управления. Согласных с таким утверждением сравнительно больше среди респондентов-мужчин, а также респондентов в возрасте до 30 лет. Причем, с возрастом это согласие имеет тенденцию к убыванию. Во-вторых, каждый 12-й из опрошенных затруднился с определением причин гендерной асимметрии в сфере управления, а таких затруднившихся сравнительно больше среди респондентов в возрасте до 30 лет, респондентов-мужчин и респондентов – «федералов».

Личностные причины. Среди данной группы причин выделяется, прежде всего, «нежелание брать ответственность», на что указывают преимущественно респонденты-мужчины. Респонденты-руководители особо выделяют «недостаточную амбициозность», руководители-женщины и их сравнительно меньшую конкурентоспособность, а респонденты-сотрудники – «отсутствие стратегического мышления». Имеются и определенные возрастные, статусные различия в ответах респондентов. Так мнение о нежелании брать ответственность чаще проявляется в ответах респондентов до 30 лет и опускается до минимального значения в возрастной группе свыше 50 лет. Респонденты-«регионалы» более чувствительны к такой причине, как, «нежелание брать ответственность», респонденты – «федералы» – «недостаточная амбициозность».

Профессиональные причины. Небольшое число респондентов – от 1,8% до 2,7% – указывают на «недостаточную компетентность» руководителей-женщин, несколько больше (от 4,6% до 8,1%) на «меньшую эффективность женского руководства». Примечательно то, что вторую причину акцентируют сравнительно чаще респонденты-мужчины, первую же причину – сами женщины, а обе рассматриваемые причины – респонденты в возрасте до 30 лет. Возможно, это вызвано действием гендерных стереотипов, что сильнее проявляется в начале профессионального пути респондентов, а в последующем начинает постепенно ослабевать.

Социально-ресурсные причины. Из трех причин, включенных в данную группу, явно преобладает «недостаток времени», на что указывают сравнительно чаще сами респонденты-женщины, а также респонденты в возрасте до 30 лет. С возрастом такие указания становятся все более резкими. Видимо можно прокомментировать такую причину как «неблагоприятные условия», которую отмечают всего от 1,8% до 2,6% респондентов. Остается предположить, что общие (внешние) условия не препятствуют более широкой, нежели сейчас, представленности женщин в органах государственного управления. Остается еще одна социально-ресурсная причина – «трудности в получении поддержки официальных лиц», на которую указывают 9,2% респондентов-руководителей и 7,5% респондентов-сотрудников (прежде всего, женщин – 9,5%).

Социально-психологические причины. В составе этих причин – одна из наиболее действенных: «воздействие стереотипов о руководстве как прерогатива мужчин». Ее акцентируют 28,4% респондентов-руководителей и 24,6% респондентов-сотрудников и,

прежде всего, самих женщин. Особо важное значение придают действию этой причины респонденты из старшей возрастной группы (38,5%) и респонденты – «регионалы» (27,6%). Кстати сказать, респонденты из старшей возрастной группы сами по себе меньше подвержены воздействию гендерных стереотипов, но они, вместе с тем, чувствительны к их воздействию как «посторонние аналитики». Появляется и такая причина как «явное и неявное противодействие со стороны мужчин», на что указывают 10,1% респондентов-руководителей и 8,1% респондентов-сотрудников и, прежде всего, самих женщин. Чем старше респонденты, тем большее значение придают они рассматриваемой причине.

Социально-статусные причины. Данная группа причин, судя по результатам исследования, наиболее значима в контексте рассматриваемой проблемы. Почти половина респондентов-руководителей – 47,7% и 39,9% респондентов-сотрудников указывают на «сложность сочетания продвижения в карьере и воспитания детей» как на основную причину недостаточной представленности женщин в органах государственного управления. Особо выделяют и акцентируют эту причину респонденты-женщины, респонденты в возрасте от 40 до 50 лет и респонденты – «регионалы». Довольно значима и вторая причина из данной группы – «невысокая требовательность женщин-руководителей», на что указывают 20,2% респондентов-руководителей, 16,2% респондентов-сотрудников и, прежде всего, женщин.

Анализ причин недостаточно широкой представленности женщин в органах государственного управления приводит к общему выводу о том, что наибольшие препятствия связаны отнюдь не с личностными или профессиональными качествами женщин, а с социальными причинами и, прежде всего, со сложностью совмещения продвижения по службе и воспитания детей, воздействием гендерных стереотипов, недостатком времени, невысокой требовательностью женщин-руководителей.

Вместе с тем, не стоит сбрасывать со счета и личные качества женщин, которые мешают их более широкой, нежели сейчас, представленности в органах государственного управления. Предварительно были выделены девять таких качеств: недостаточная целеустремленность; эмоциональность; склонность к сочувствию, сопереживанию; излишняя общительность; недостаточная мотивация; недостаточная организованность; недостаточная требовательность; неуверенность в своих силах; неготовность к риску. Основаниями для выделения и оценки этих качеств явилась частота их упоминания в научной литературе по гендерным аспектам управленческой деятельности. В табл. 2 приведены сравнительные данные социологического опроса о негативном влиянии отдельных личных качеств женщин на их представленность в органах государственного управления.

Таблица 2

Личные качества женщин, препятствующие их более широкой представленности в органах государственного управления, %

№ п/п	Личные качества	Категории опрошенных			
		Сотрудники			Руководители
		Все	Мужчины	Женщины	
1	Эмоциональность	40,5	34,7	42,5	37,6
2	Склонность к сочувствию, сопереживанию	22,5	13,7	25,8	25,7
3	Неготовность к риску	20,8	18,9	21,4	21,1
4	Неуверенность в своих силах	19,1	12,6	21,4	26,6
5	Недостаточная мотивация	12,7	11,6	13,1	9,2
6	Излишняя общительность	11,6	16,8	9,3	0,9
7	Недостаточная организованность	9,8	10,5	9,5	5,5
8	Недостаточная целеустремленность	7,5	5,3	8,3	11,0
9	Недостаточная требовательность	6,4	8,4	5,6	8,3

Сразу же выделяются две группы качеств по степени их негативной значимости для представительства женщин в органах государственного управления. Первая группа

качеств отмечена в таблице пунктами 1-4. Это – эмоциональность; склонность к сочувствию, сопереживанию; неготовность к риску; неуверенность в своих силах. Вторая группа включает качества, отмеченные в пунктах 5-9 и начинающаяся со слова «недостаточная», за исключением «излишней общительности». Причем негативный эффект первой группы качеств акцентирован преимущественно респондентами-женщинами, второй группы качеств – респондентами-мужчинами.

Сравнительно больше «препятствий» в женских качествах видят респонденты возрастной группы от 40 до 50 лет – во всяком случае, в шести из девяти рассматриваемых качествах. Респонденты-«регионалы» акцентируют негативный эффект качеств: недостаточная целеустремленность, эмоциональность, недостаточная мотивация, респонденты-«федералы» – качеств «недостаточная организованность» и «недостаточная требовательность».

Признание гендерной асимметрии приводит к различным практическим позициям и решениям:

- одобрение и культивирование гендерной асимметрии;
- нейтрально-безразличное отношение к гендерной асимметрии;
- противодействие гендерной асимметрии.

В этой связи выяснялся вопрос о том, следует ли добиваться равного представительства женщин и мужчин в органах государственного управления. Мнения опрошенных по этому вопросу разделились на две равные доли: 39% поддерживают практическую реализацию идеи гендерного равенства в сфере государственного управления, 41% – не поддерживают и 20% опрошенных не определились со своей позицией. Ответы респондентов-руководителей на этот же вопрос распределились, соответственно, следующим образом: 38,6%, 48,7%, 12,7%. Половина опрошенных руководителей не видят необходимости в том, чтобы добиваться равного представительства мужчин и женщин в органах государственного управления. Как и следовало ожидать, сторонников практической реализации идеи гендерной симметрии сравнительно больше среди респондентов-женщин. Их также сравнительно больше среди представителей старшей возрастной группы и меньше – представителей возрастной группы от 40 до 50 лет. Кстати сказать, затруднившихся с ответом относительно больше в возрастной группе до 30 лет.

Стремление добиваться гендерного равенства в органах государственного управления – это важно, но это еще не все. Не менее важна оценка реальной возможности добиться такого равенства. Почти половина респондентов-сотрудников (46,2%) и немногим менее половины респондентов-руководителей уверены в том, что можно добиться равного представительства женщин в органах государственного управления; более трети опрошенных (34,7%) не уверены в этом, а 22,1% затруднились с определением собственной позиции. Сравнительно более оптимистично настроены респонденты-мужчины, респонденты-«регионалы», а также респонденты в возрасте до 30 лет. При этом, с возрастом уровень оптимизма заметно убывает.

Респондентам было предложено указать на возможный эффект от достижения равного представительства женщин в органах государственного управления. Следует обратить внимание, прежде всего, на то, что каждый четвертый из опрошенных руководителей, и каждый пятый из сотрудников полагают, что достижение гендерного равенства в сфере управления ничего бы не дало. Примерно столько же респондентов (только в обратном соотношении) затруднилось с определением своей позиции. Таким образом, почти половина ответивших составили «пессимисты» и «безразличные». Что касается другой части респондентов – «оптимистов», то их мнения разделились, по сути, между двумя вариантами. Одни из них считают, что достижение гендерного равенства привело бы к более полной реализации профессионально-трудового, творческого потенциала женщин. Такие предположения сравнительно более полно распространены среди руководителей структурных подразделений и сотрудников-женщин. Вторые считают, что достижение гендерного равенства привело бы к соединению гендерно-ролевых достоинств мужчин и женщин и, как следствие, повышению эффективности их совместной деятельности.

Проявляются определенные возрастные и статусные различия в мнениях респондентов о возможных результатах достижения гендерного равенства. «Пессимистов» относительно больше среди сотрудников в возрасте от 40 лет и выше, «безразличных» – в возрасте до 30 лет. Чем старше становится респонденты, тем больше появляется оптимизма в отношении возможных позитивных результатов достижения гендерного равенства.

ства. Что касается статусных различий, то они проявляются в том, что респонденты – «регионалы» акцентируют возможное соединение гендерно-ролевых достоинств мужчин и женщин, а респонденты – «федералы» – более полную реализацию профессионально-трудового, творческого потенциала женщин.

Выводы.

1. Судя по результатам проведенного исследования, относительно большая часть респондентов не замечает гендерного неравенства в органах государственного управления. В спектре возможных вариантов отношения к гендерному неравенству преобладает неопределенное и отрицательное отношение. Мнения респондентов разделились относительно статусного определения гендерного неравенства: треть из них оценивает его как нормальное явление, другая треть – отклонение от нормы, остальные – затруднились с определением.

2. Сравнительно большие препятствия для широкой представленности женщин в органах государственного управления связаны с социальными причинами и, прежде всего, со сложностью совмещения продвижения по службе и воспитания детей, воздействием гендерных стереотипов, недостатком времени, невостребованностью женщин-руководителей. Вместе с тем, выделяются две группы личностных качеств по степени их негативной значимости для представительства женщин в органах государственного управления; 1) эмоциональность; склонность к сочувствию, сопереживанию; неготовность к риску; неуверенность в своих силах; 2) недостаточная мотивация, недостаточная целеустремленность, недостаточная организованность.

3. Выявлено расхождение мнений респондентов относительно идеи гендерного равенства в сфере государственного управления. Половина респондентов-сотрудников и респондентов-руководителей уверена в том, что можно добиться равного представительства женщин в органах государственного управления. Достижение гендерного равенства привело бы, по их мнению, к более полной реализации профессионально-трудового, творческого потенциала женщин, к соединению гендерно-ролевых достоинств мужчин и женщин и, как следствие, повышению эффективности их совместной деятельности.

Список литературы

1. Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. – М. – 2001. – [Электронный ресурс] // <http://www.owl.ru/win/books/gender/11/htm>.
2. Барчунова, Т.В. «Эгоистичный гендер», или воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. – 2002. – №5.
3. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов. Отв. ред. и сост. д.ф.н О.А. Воронина. М., 2008.
4. Никовская Л.И. Женщины в политике: за и против.- [Электронный ресурс] // http://www.spravedlivie.ru/i_ghenthiny_v_politike_zh_i_protiv.htm.
5. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / под ред. Ф.Гардинер. – М.: Идея-Пресс, 2000.
6. Создание институциональных структур для соблюдения принципов гендерного равенства в России. – М.: Издательство «МИК», 2003.- [Электронный ресурс] // <http://zhlp.tomsk.ru/content.php?id=66>.
7. Тюрина, И.О. Гендерные аспекты занятости и управления // *Социологические исследования*. – 2002. – №11.

GENDER ASYMMETRY IN THE EVALUATION OF CIVIL SERVANTS (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

V.V. BAHAREV¹⁾
G.A. NADEEV²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: bakharev@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: nadeev31@yandex.ru

The article presents the results of the sociological research of civil servants of Belgorod region regarding gender asymmetry in management. It discloses the attitude of respondents to this phenomenon. It also reveals its causes, the desirability and feasibility of achieving gender balance in management, its possible management and social effects.

Keywords: public administration, civil servant, gender relations, gender asymmetry.

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)¹

С. А. ВАНГОРОДСКАЯ¹
И. С. ШАПОВАЛОВА²
Н. С. ГОВОРУХА³

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail:
Vangorodskaya@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: *shapovalova@bsu.edu.ru*

³⁾ e-mail: *Govorukha@bsu.edu.ru*

В статье изложены итоги теоретического и эмпирического анализа готовности менеджеров к инновационной деятельности в системе высшего профессионального образования. Представлены результаты экспертного опроса, проведенного среди менеджеров российских вузов и позволившего сделать вывод о том, что проектная активность современных вузов зачастую является отражением формализации инновационных процессов и возведения в ранг инноваций повседневных нововведений. Обосновано введение ранговых коэффициентов, позволяющих повысить объективность общей оценки готовности менеджера к инновационной деятельности. Сделан вывод о необходимости совершенствования системы подготовки менеджеров к инновационной деятельности в системе ВПО.

Ключевые слова: инновационная деятельность, готовность менеджеров к инновационной деятельности, система высшего профессионального образования, компоненты готовности к инновационной деятельности, ранговые коэффициенты компонентов инновационной готовности.

Значение инновационной деятельности в современном мире трудно переоценить. Нововведения в организации производства, труда и управления открывают перед компаниями огромные перспективы. По оценкам экспертов, за счет реализации инноваций в области менеджмента в российских компаниях можно увеличить ВВП страны на 50-80%².

При всей значимости материально-технической и научно-исследовательской составляющих инновационной деятельности главенствующее место в ней занимают кадры специалистов и ученых, обеспечивающие инновационный процесс новыми знаниями, идеями, изобретениями, новыми технологиями. И в этих условиях способность и *готовность кадров* – лидеров/организаторов и исполнителей к *инновационной деятельности* рассматриваются как одно из главнейших условий успешной реализации инноваций³.

В постановлениях Правительства РФ по инновационной политике подчеркивается, что обеспечение готовности современных кадров к инновационной деятельности является одним из решающих факторов успеха предприятия, отрасли, региона, государства и общества в целом⁴.

В настоящее время проблема изучения инновационной готовности становится все более актуальной, предопределяя характер и направленность изменений во всех сферах жизни современного общества. Анализ существующих методологических подходов к изучению инноваций и смежных с данной дефиницией понятий позволил определить инновационную готовность как сложную, многоаспектную характеристику,

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект №12-06-00220-а Системная модель инновационной готовности менеджера в учреждениях ВПО: диагностика, проектирование и внедрение).

² Шевченко С.Г., Егоров В.В. Организационно-управленческие инновации: практика российских компаний // СПЛАН: группа консультационных компаний: сайт. URL: <http://www.splan.ru/files/oui.doc> (дата обращения: 27.06.2012).

³ Терехова И.В. Готовность и способность к инновациям как результат повышения квалификации библиотечного специалиста // История и культура Приамурья. 2008. № 1(3). С. 143.

⁴ Федоров И.В., Муратова Е.И. Проблема оценки готовности специалистов в области техники и технологии к инновационной деятельности // Инженерное образование. 2007. № 4. С. 64.

обуславливающую эффективность и направленность менеджера в реализации инновационных проектов. Применительно к вузам это означает деятельность по переходу от комплексности к системной целостности интегративного взаимодействия образования, науки и производства. Их интеграция должна превратиться в инновационный процесс, создающий синергетический эффект в подготовке специалистов новой формации, предпринимателей наукоемкого бизнеса, создании интеллектуальных продуктов нового качества и, как результат, формировании новой модели высшей школы, обеспечивающей инновационное качество как научно-исследовательской работы, так и подготовки современных профессиональных кадров.

В ходе теоретико-методологического анализа было выявлено, что, несмотря на различия исследователей в отношении трактовки самого понятия, представляется возможным выделить ряд обязательных компонентов, характеризующих в совокупности инновационную готовность менеджера в системе ВПО. К их числу нами были отнесены:

1) *мотивационный* (С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, С.В. Осина) или *мотивационно-ценностный* (Е.А. Подвигина, Е.В. Максименко) *компонент*, включающий в себя отношение к инновационной деятельности как к ценности и представленный устойчивым интересом к социальным инновациям, мотивом самосовершенствования и самореализации, мотивом преодоления затруднений, ценностями профессионального самовыражения и инновационной деятельности как одного из средств решения социальных проблем общества, психологической установкой на инновационную деятельность⁵. По мнению Л.Я. Косалса, мотивационный компонент является одним из важнейших в структуре инновационного сознания⁶ (наряду с инновационными потребностями, инновационными замыслами, ценностью инновационной деятельности в сравнении с традиционной)⁷;

2) *когнитивный компонент* (С.И. Дворецкий, Е.В. Максименко, Е.И. Муратова, С.В. Осина, Е.А. Подвигина, М.В. Чигринова), связанный с пониманием целей инновационной деятельности, наличием знаний об объекте и субъекте труда, инновационных технологиях и программах, умением обобщать, систематизировать и применять их при выполнении профессиональных функций. Так, например, М. В. Чигринова, исследовавшая инновационный потенциал руководителя методом репертуарных решеток Дж. Келли, пришла к выводу, что система субъективных представлений человека о сущности инновационной деятельности и психологических особенностях участника внедрения новшеств является одним из компонентов инновационного потенциала эффективного руководителя. При этом, по мнению М.В. Чигриновой, инновационный потенциал руководителя является высоким, если в индивидуальной концепции фиксируются следующие содержания: видение личностью своей роли во взаимодействии с миром как активное, инициативное участие в инновационной деятельности; всесторонние представления о творческом подходе к профессиональной деятельности; коммуникативная компетентность; представление о творческом, активном отношении к действительности как значимой ценности в деятельности⁸;

3) *операциональный* (С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, С.В. Осина) или *операционно-исполнительский* (Е.А. Подвигина) *компонент*, включающий в себя профессиональное мышление, умения и навыки решения задач, индивидуальный стиль деятельности;

⁵ Оригинальную методику изучения мотивации инновационной деятельности предлагает Г.Н. Соколова, основываясь на методологическом подходе Ф. Херцберга (более подробно об этом см.: Соколова Г.Н. Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы. Минск: Беларус. наука, 2006. – С. 201-211).

⁶ Под инновационным сознанием понимается часть экономического сознания людей, включающая интересы, цели, мотивы, ориентации, связанные с осуществлением инновационной деятельности (см.: Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов / Отв. ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С. 60).

⁷ Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов / Отв. ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С. 60-65.

⁸ Цит по: Яковлев Б.П., Жукова В.Ф. Управление инновационными процессами в системе образования: компетентность и потенциал руководителя // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. URL: www.science-education.ru/102-5631 (дата обращения: 08.07.2012).

4) *рефлексивный компонент*, предполагающий осознание и способность к критическому анализу собственной инновационной деятельности, критичность мышления, адекватность профессиональной самооценки (Е. В. Максименко);

5) *эмоциональный* (Е. В. Максименко) или *эмоционально-волевой* (С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, С.В. Осина) *компонент*, включающий в себя целеустремленность, волю к преодолению внешних и внутренних преград в процессе инновационной деятельности, а также и связанный с переживанием позитивных эмоциональных состояний по отношению к социальным инновациям;

6) *деятельностный компонент*, отражающий способность к поиску и оценке социальных инноваций, разработку, внедрение и использование инновационных технологий и программ в профессиональной деятельности (Е. В. Максименко)⁹.

7) *креативный компонент*, выделенный Е.А. Подвигиной и представляющий собой наличие «отношения к инновационной деятельности не как к соединению готовых форм, найденных в практике, а как к преобразованию, развитию в новых сложных синтезах сообразно собственной индивидуальности и особенностям ... коллектива, а также наличие научной рефлексии, необходимой для осмысления ... собственного новаторского опыта»¹⁰;

8) *информационный*, включающий в себя готовность к использованию информационных технологий и систем в профессиональной деятельности (С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, С.В. Осина, Е.А. Подвигина)¹¹. Что касается данного компонента, то в исследовании Е.А. Подвигиной представлены основные этапы реализации средств информационных технологий в процессе формирования готовности к инновационной деятельности, к числу которых автором отнесены: адаптивно-ориентационный (формирование представлений об инновационных технологиях в выбранной специальности), познавательно-рефлексивный (формирование навыков прогностической деятельности, опора на анализ собственной инновационной деятельности), креативно-продуктивный (формирование навыков системной организации работы с инновационными средствами и технологиями)¹².

Результаты экспертного опроса, проведенного в 2012 году среди менеджеров российских вузов 12 округов РФ показали, что 46% опрошенных наделили менеджера правом выбора приоритетных путей инновационного развития, планирования реализации проектов, а 30% отвели ему роль инициатора, разработчика и участника коммерциализации инновационных идей (рис. 1). В тоже время, 43% опрошенных предложили отвести менеджеру роль исполнителя государственных заказов, а 13% уверены, что его деятельность должна быть ограничена образовательным процессом.

В данном случае, по мнению экспертов, к числу основных характеристик инновационного менеджера в системе ВПО были отнесены такие, как «информированность и осведомленность менеджера об инновационных направлениях развития вуза», «способность к реализации инновационных проектов», «знание, умения и навыки по разработке и реализации инновационных проектов и программ».

Среди компонентов инновационной готовности на первое место эксперты поставили *деятельностный компонент* (67%), который был определен в анкете как способность к поиску и оценке социальных инноваций, разработка, внедрение и использование инновационных технологий и программ в профессиональной деятельности. На втором месте, по мнению экспертов, находится *креативный компонент* (57%) – отношение к инновационной деятельности как к преобразованию, развитию, на третьем (46%) *когнитивный компонент*, связанный с пониманием целей инновационной деятельности, наличием знаний об объекте и субъекте труда,

⁹ Максименко Е.В. Формирование готовности будущих специалистов по социальной работе к инновациям в профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2011. С. 13.

¹⁰ Подвигина Е.А. Формирование готовности будущего педагога к инновационной деятельности средствами информационных технологий : автореф. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2011. С. 7.

¹¹ Дворецкий С.И., Муратова Е.И., Осина С.В. Система инновационно-ориентированной подготовки магистров техники и технологии // Современные проблемы многоуровневого образования : тр. междунар. науч.-метод. симпозиума. Р-н/Д : Донской гос. ун-т, 2006. С. 6.

¹² Подвигина Е.А. Указ. соч. С. 8.

инновационных технологиях и программах, умением обобщать, систематизировать и применять их при выполнении профессиональных функций. Следующими по значению и близкими по статическому распределению (40% и 43%) стали *мотивационный компонент*, включающий в себя отношение к инновационной деятельности как к ценности и представленный устойчивым интересом к инновациям и *операционно-исполнительский компонент* – профессиональное мышление, умения и навыки решения задач, индивидуальный стиль деятельности (рис. 2).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какая роль в инновационном развитии вуза может быть отведена менеджеру в системе ВПО?»

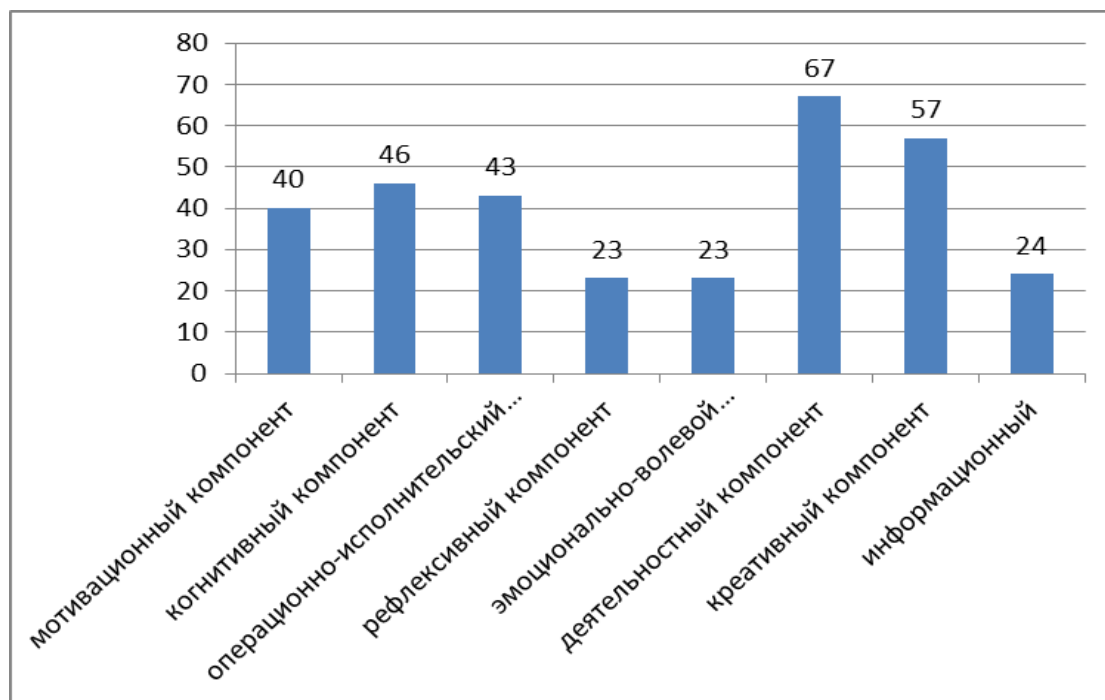

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие компоненты инновационной готовности менеджера ВПО кажутся Вам наиболее значимыми?»

Наименьшее внимание экспертов привлекли такие компоненты, как *рефлексивный*, предполагающий осознание и способность к критическому анализу собственной инновационной деятельности, критичность мышления, адекватность профессиональной самооценки (23%), *эмоционально-волевой компонент* – целеустремленность, воля к преодолению внешних и внутренних преград в процессе инновационной деятельности, переживание позитивных эмоциональных состояний по отношению к социальным инновациям (23%) и *информационный* – готовность к использованию информационных технологий и систем в профессиональной деятельности (24%). С одной стороны, мы не можем не согласиться с приоритетностью выделенных экспертами позиций, но с другой стороны, ранжирование компонентов инновационной готовности менеджера следующим образом представляют ее в свете «внешней» готовности, без включения личности в инновации, без «переживания» инновационной деятельности.

Такое отношение экспертов может быть продиктовано опытом и собственно восприятием инновационной деятельности как таковой. Повышенная инновационная и проектная активность современных вузов заставляет нас сделать вывод о формализации инновационных процессов и возведении в ранг инноваций повседневных нововведений. Утрата статуса такого явления как инновация создают риск распыления усилий и ресурсов для организационной поддержки «пустых» изменений и не дают возможности создать и поддержать реальные инновационные направления и проекты, потому что инновационный проект требует значительных усилий на этапе инициации.

Таким образом, по результатам оценки и ранжирования мнений экспертов мы можем сделать следующий вывод о доли каждого компонента в инновационной готовности менеджера в системе ВПО (рис. 3).

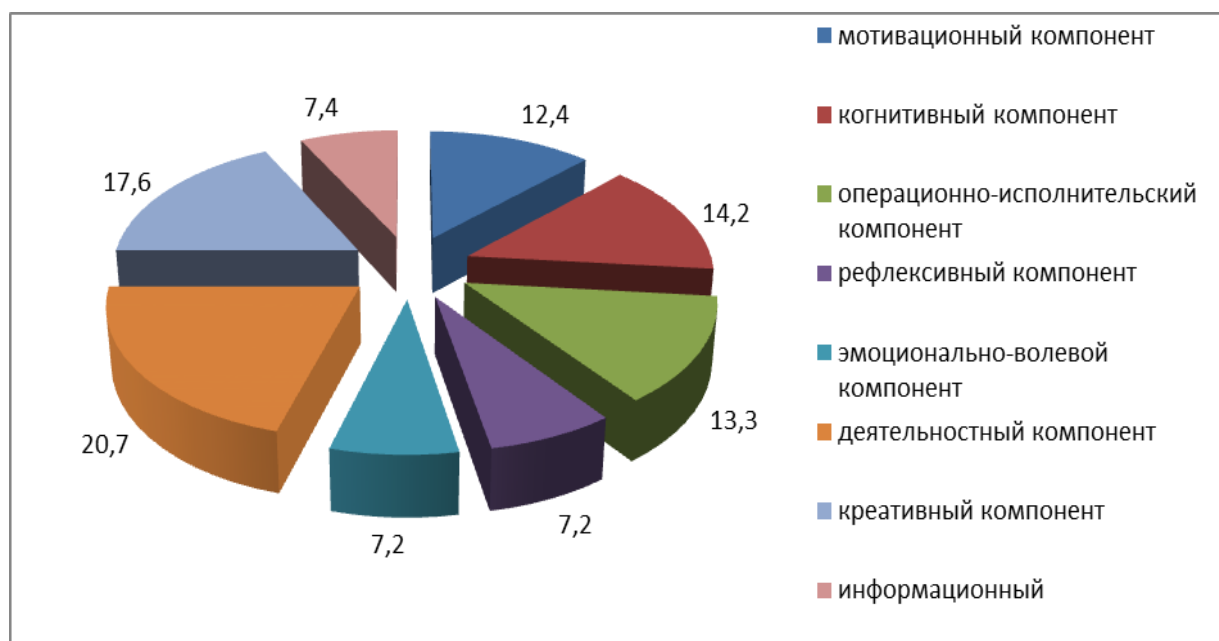

Рис. 3. Доля компонентов в инновационной готовности менеджера в системе ВПО

Выделение доли каждого компонента может стать основой для введения коэффициентов, позволяющих повысить объективность общей оценки инновационной готовности менеджера, согласно рангу соответствующей компетенции (табл. 1).

Таблица 1

Ранговые коэффициенты компонентов инновационной готовности менеджеров ВПО

№	Компоненты инновационной готовности	Ранговые коэффициенты
1	<i>Мотивационный компонент</i>	1,12
2	<i>Когнитивный компонент</i>	1,14
3	<i>Операционно-исполнительский компонент</i>	1,13
4	<i>Рефлексивный компонент</i>	1,07
5	<i>Эмоционально-волевой компонент</i>	1,07
6	<i>Деятельностный компонент</i>	1,2
7	<i>Креативный компонент</i>	1,17
8	<i>Информационный</i>	1,07

Один из вопросов экспертной анкеты был направлен на оценку экспертами наличия данных компонентов у менеджеров своего вуза и у себя лично (1 балл – компонент развит недостаточно, 2 – компонент развит в средней степени, 3 – компонент хорошо развит). Результатами оценки компонентов инновационной готовности менеджеров вузов РФ стало следующее распределение (рис. 4).

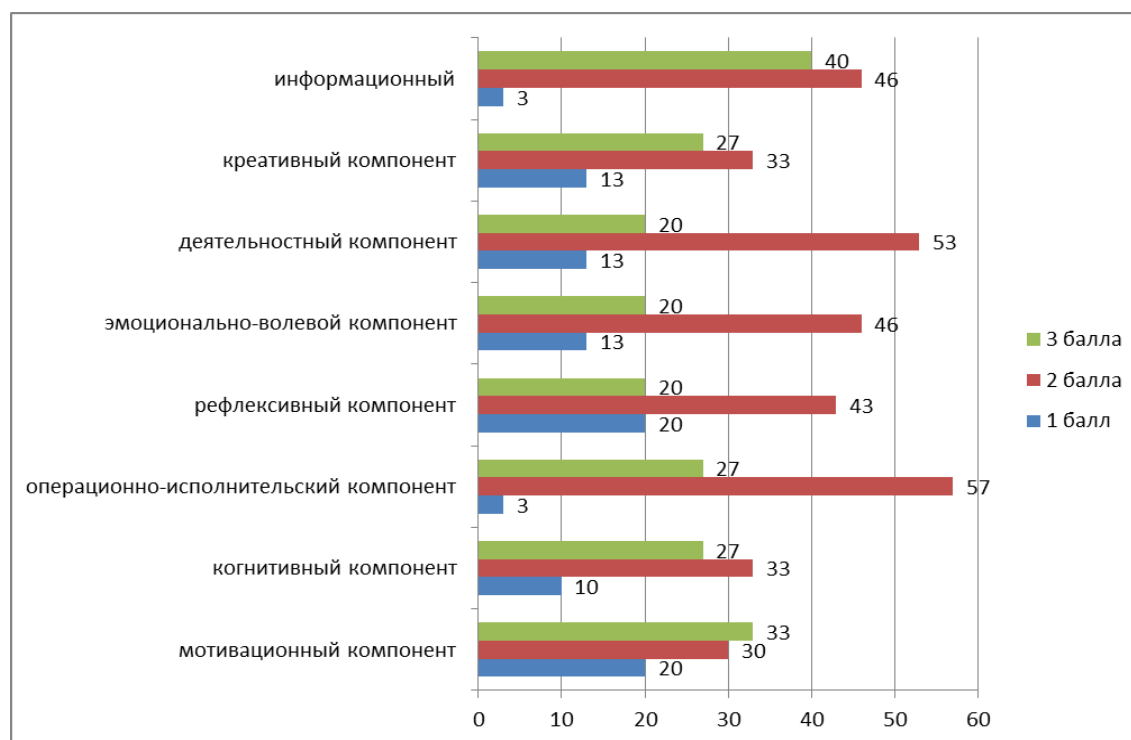

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените наличие компонентов инновационной готовности у менеджеров своего вуза»

Полученные данные дают основание предположить, что превалирование средней оценки в мнениях экспертов может быть результатом ошибки центральной тенденции в оценке. Поэтому основное внимание следует обратить на крайние распределения в мнениях. Менее всего отмечен недостаток таких компонентов, как информационный (3%) и операционно-исполнительский компонент (3%). Наибольший дефицит наблюдается по мотивационному (20%) и рефлексивному (20%) компонентам.

Больше других, по мнению экспертов, сформированы информационный (40%) и мотивационный (33%) компоненты. При этом, мотивационный компонент имеет близкие значения в каждой из трех групп оценок, разделяя менеджеров фактически на равные группы.

Совокупная оценка по каждому компоненту (сумма произведений баллов на процент выборов) позволила определить результаты балльной диагностики (общей и десятибалльной), а также итоговый результат каждой компоненты готовности российских менеджеров в системе ВПО к инновационной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Оценка компонентов инновационной готовности менеджеров ВПО

№	Компоненты инновационной готовности	Балльная оценка	Ранговые коэффициенты	Ранговая оценка	Оценка по 10-балльн. шкале
1	<i>Мотивационный компонент</i>	179	1,12	200	6,6
2	<i>Когнитивный компонент</i>	157	1,14	179	6
3	<i>Операционно-исполнительский компонент</i>	198	1,13	224	7,4
4	<i>рефлексивный компонент</i>	166	1,07	177	5,9
5	<i>Эмоционально-волевой компонент</i>	165	1,07	176	5,8
6	<i>Деятельностный компонент</i>	179	1,2	215	7,1
7	<i>Креативный компонент</i>	160	1,17	187	6,2
8	<i>Информационный</i>	215	1,07	230	7,6
	<i>Итоговые оценки инновационной готовности</i>	1419		1588	6,6

Таким образом, общая оценка инновационной готовности менеджеров в системе ВПО имеет показатель выше среднего (6,6 баллов). Наивысший балл получили такие компоненты, как информационный (7,6), операционально-исполнительский (7,4) и деятельностный (7,1). Из этих компонентов только деятельностный, по мнению экспертов, вошел в тройку важнейших. Наименьшую оценку получили такие компоненты, как эмоционально-волевой (5,8), рефлексивный (5,9) и когнитивный (6). При этом можно предположить, что наиболее ощутим дефицит последнего, так как именно он отнесен экспертами к наиболее важным компонентам инновационной готовности.

Так как *когнитивный компонент* связан с пониманием целей инновационной деятельности, наличием знаний об объекте и субъекте труда, инновационных технологиях и программах, умением обобщать, систематизировать и применять их при выполнении профессиональных функций, можно сделать закономерный вывод о необходимости совершенствования системы подготовки менеджеров к инновационной деятельности в системе ВПО и целесообразности систематической актуализации их знаний посредством конкретного приложения на практике (тем более, что подобное предложение высказали в ходе опроса 86% экспертов).

Это может быть осуществлено посредством продуктивного взаимодействия всех заинтересованных структур, как на уровне содержания образования (введение в стандартные учебные планы «нестандартных» дисциплин: основы патентования, менеджмент инновационной деятельности и др.; организация образовательного процесса в соответствии с требованиями работодателей к квалификации выпускников; оценка качества подготовки специалистов независимыми экспертными комиссиями по тестам, составленным совместно с работодателями; сертификация квалификационных характеристик выпускников с участием социальных партнеров; внедрение в образовательный процесс инновационных педагогических технологий, в первую очередь, модульно-компетентностных; организация практики студентов на современном оборудовании в условиях производства), так и на институциональном уровне, для которого характерны вариативные формы социального партнерства (проектная интеграция, формирование базовых кафедр ведущих вузов в академических институтах и отраслевых лабораторий в вузах, создание «распределенных» научных школ и др.).

Полученные в ходе теоретико-методологического и эмпирического анализа данные позволяют констатировать, что, несмотря на большой объем исследований по данной проблематике и ряду смежных проблем, изучение инновационной готовности менеджеров в системе ВПО представляет собой фактически неограниченное поле для дальнейших социологических и иных научно-исследовательских практик. При этом, на наш взгляд, построение теоретических и эмпирических конструктов должно стать не самоцелью, а необходимым условием для последующей разработки практических рекомендаций, призванных (при условии их активного использования) способствовать более эффективному использованию инновационного потенциала менеджеров в системе высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Шевченко, С.Г. Организационно-управленческие инновации: практика российских компаний [Электронный ресурс] / С.Г. Шевченко, В.В. Егоров // СПЛАН: группа консультационных компаний: сайт. – Режим доступа: <http://www.splan.ru/files/oui.doc>.
2. Терехова, И.В. Готовность и способность к инновациям как результат повышения квалификации библиотечного специалиста [Текст] / И.В. Терехова // История и культура Приамурья. 2008. № 1(3). С. 143.
3. Федоров, И.В. Проблема оценки готовности специалистов в области техники и технологии к инновационной деятельности [Текст] / И.В. Федоров, Е.И. Муратова // Инженерное образование. 2007. № 4. С. 64.
4. Соколова, Г.Н. Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы [Текст] / Г.Н. Соколова. – Минск: Беларус. наука, 2006. – С. 201-211.
5. Косалс, Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов [Текст] / Л.Я. Косалс; отв. ред. Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С. 60-65.
6. Максименко, Е.В. Формирование готовности будущих специалистов по социальной работе к инновациям в профессиональной деятельности [Текст] / Е.В. Максименко: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Калининград, 2011. С. 13.
7. Подвигина, Е.А. Формирование готовности будущего педагога к инновационной деятельности средствами информационных технологий [Текст] / Е.А. Подвигина: автореф. ... канд. пед. наук. – Воронеж, 2011. С. 7-8.
8. Дворецкий, С.И. Система инновационно-ориентированной подготовки магистров техники и технологии [Текст] / С.И. Дворецкий, Е.И. Муратова, С.В. Осина // Современные проблемы многоуровневого образования: тр. междунар. науч.-метод. симпозиума. – Ростов н/Д : Донской гос. ун-т, 2006. С. 6.

ASSESSMENT OF READINESS OF MANAGERS FOR INNOVATION ACTIVITY IN THE SYSTEM OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION (ACCORDING TO THE RESULTS OF THE EXPERT POLL)

S.A. VANGORODSKAYA¹⁾
I.S. SHAPOVALOVA²⁾
N.S. GOVORUKHA³⁾

*Belgorod National
Research University*

^{1) e-mail:}
Vangorodskaya@bsu.edu.ru

^{2) e-mail:}
shapovalova@bsu.edu.ru

^{3) e-mail:}
Govorukha@bsu.edu.ru

The article presents the results of the theoretical and empirical analysis of readiness of managers for innovation activity in the system of higher professional education. It presents the results of the expert survey carried out among managers of Russian universities and made a conclusion that the project activity modern universities often a reflection of formalization of innovative processes and elevation to the rank of innovation everyday innovations. The authors justify the introduction of ranking factors which allow to increase the objectivity of the overall evaluation of the readiness of managers for innovation. The authors conclude on the necessity of improving the system of training managers for innovation activity in the system of the higher professional education.

Key words: innovative activity, the willingness of managers to innovate, the system of higher professional education, the components of readiness for innovation, ranking the coefficients of the components of an innovation readiness.

УДК 352/353: 364.122.2

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИМ ДЕФОРМАЦИЯМ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

И.И. ВОЛКОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: 448642@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются сущность, причины и формы проявления бюрократизма в системе муниципального управления. Обозначены проблемы противодействия бюрократическим деформациям и предложены мероприятия, направленные на снижение издержек бюрократизма в функционировании органов местного самоуправления. Обосновывается актуальность разработки технологий дебюрократизации, внедрение которых позволит минимизировать бюрократические проявления, повысить эффективность и результативность деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: бюрократизм, технологии дебюрократизации, система муниципальной службы, органы местного самоуправления, коррупция.

Противодействие бюрократизму в условиях экономической, политической и социальной модернизации страны должно стать постоянным и необходимым компонентом политики органов местного самоуправления. Система муниципального управления как бюрократическая структура потенциально создает все условия для бюрократических деформаций, представляющих собой изменения, искажения бюрократической системы, основанные на умышленном создании чиновниками административных барьеров, преград, затруднений в процессе управления, имитации деятельности, пренебрежении должностными обязанностями ради личных интересов.

В системе муниципального управления в связи с бюрократическими издержками возникают преграды и затруднения для своевременного реагирования на обращения, заявления и жалобы населения, организации эффективного делопроизводства, упрощения процедур согласования документов, контроля за ходом исполнения решений. В системе муниципального управления важно обозначить формы проявления бюрократизма.

1. Бумаготворчество, канцелярщина, злоупотребление документальностью. Распространенным явлением в практике муниципальной службы выступают бюрократические инновации, связанные с процессом документооборота – это, как правило, увеличение потока служебной документации с обязательными процедурами согласований, визирований и т.п. Большое количество согласований, визирований влечет за собой негативные социальные и организационные последствия, среди которых рутинность в работе муниципальных служащих, снижение активности и инициативности чиновников, увеличение сроков исполнения тех или иных заданий.

Среди факторов, влияющих на усложнение процесса согласований, можно выделить следующие: большое количество документов, подлежащих согласованию, согласование и визирование документов во многих инстанциях, нерациональный порядок рассмотрения и подписи документов, искусственное создание сложностей и согласуемых документов, отсутствие персональной ответственности за принимаемые решения.

2. Волокита, возникающая в связи с лимитом времени на принятие решений по конкретному вопросу. Муниципальные служащие часто переключаются с одного стола на другой, с полки на полку, от одного начальника к другому проекты, справки, заявления, лишь создавая видимость рабочей атмосферы и акцентируя внимание на своей занятости.

3. Коррупция на муниципальном уровне. Наиболее полное, целостное определение коррупции представлено в Федеральном законе от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции». В соответствии с ним коррупция представляет собой злоупо-

требление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами¹. Так, занимая высокие должности, муниципальные служащие нередко начинают действовать исключительно в своих целях, невзирая на потребности населения, интересы которых они призваны защищать. В настоящее время коррупция стала носить системный характер, превратившись в один из элементов функционирования органов власти. Основным фактором, обуславливающим коррупцию, является отсутствие общепризнанных и обязательных норм, регламентирующих деятельность органов власти. В связи с этим становится невозможным применение механизмов контроля над деятельностью муниципальных служащих, как со стороны представительного органа власти, так и общества в целом, что стимулирует произвол и безответственность чиновников.

4. Административная пассивность – отказ от серьезных самостоятельных решений, ожидание указаний «сверху». В системе муниципальной службы часто творческие идеи и энтузиазм молодых специалистов подчиняет себе «бюрократическая машина», и молодые кадры начинают действовать, строго соблюдая принципы формализма, столь характерные для государственной и муниципальной службы.

5. Имитация бурной деятельности в системе муниципального управления. Имитационные практики в муниципальном управлении представляют собой систему действий, в ходе которых осуществляется подмена реальных значений формальными процедурами. Отметим в данной связи универсальность имитационных практик в современном управлении. В.П. Бабинцев подчеркивает: «распространяясь практически на все компоненты управленческого процесса, имитации приобретают самостоятельное значение. Они реализуются не только в виде масштабных технологических моделей, но становятся важнейшей составляющей бюрократического мировоззрения, имманентно заключающего в себе возможность подобных действий»². Имитации в практике муниципального управления, как правило, системно выстроены, предполагают выполнение действий по определенному образцу с возможностью изобретения новых алгоритмов в зависимости от ситуации.

6. Протекционизм – подбор людей на службу не по деловым качествам, а по знакомству, по протекции. Протекция, в свою очередь, определяется как покровительство в устройстве на работу, в продвижении по службе и т.п.³ Наряду с протекционизмом на муниципальной службе распространены следующие формы злоупотребления служебным положением:

- фаворитизм – выгоды и преимущества от покровительства высокопоставленного лица;
- семейственность – предоставление льгот родственникам и устройство их на работу под своим начальством;
- кумовство – служебное покровительство друзьям и родственникам;
- блат – использование знакомства и связей в личных, корыстных интересах;
- nepотизм – раздача доходных должностей и служебное покровительство родственникам и своим людям⁴.

Очевидно, подобные проявления протекционизма, как системы неформальных политических и административных связей и услуг, ведут к возникновению семейных, земляческих и корпоративных кланов в виде групп политической, экономической, ин-

¹ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.

² Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 26.

³ Герменчук В. Протекционизм как он и есть. Угрозы бюрократизма и методы их преодоления // http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_295237.pdf.

⁴ Там же.

теллектуальной и силовой поддержки «своих людей»⁵. При этом поступление на службу осуществляется в обход официальных механизмов подбора и расстановки кадров, характеризуется раздачей различного рода должностей, льгот и привилегий в обмен на преданность, послушание, поддержку и лояльность «своих людей». Следует отметить, что неформальные отношения, которые произрастают на почве протекционизма, создают условия для укрепления коррупционного потенциала. Так некоторые руководители и должностные лица часто извлекают дополнительную ренту из своего положения, разрушая тем самым механизмы власти и управления, угрожая при этом безопасности и стабильности общества.

Таким образом, в настоящее время практика попадания на муниципальную службу исключительно по родственным и дружеским связям некомпетентных людей, не обладающих ни специальным образованием, ни имеющих определенных навыков, умений и знаний является довольно распространенным явлением. В связи с этим граждане, обращаясь в органы местного самоуправления, имеют дело с муниципальными служащими, часто не обладающими соответствующим уровнем компетентности и не способными решить проблемы населения в срок и надлежащим образом.

Данная практика поступления на муниципальную службу порой является единственным способом обладания должностью, что закрывает доступ к управлению высококвалифицированным профессионалам, обладающим высоким уровнем знаний в области законодательства о муниципальной службе, муниципального права, навыками планирования и организации рабочего времени, аналитической оценки в процессе принятия и выработки решений, а так же молодым, талантливым, инициативным специалистам с креативными, инновационными идеями и взглядами. Важно заметить, что протекционизм в органах местного самоуправления снижает результативность управления и авторитет власти.

С целью выявления представления населения о бюрократических деформациях системы муниципального управления, оценки степени удовлетворенности граждан муниципальным управлением, изучения мнения муниципальных служащих о причинах и методах противодействия бюрократизму центром социальных технологий Белгородского государственного университета в марте 2011 г. было проведено пилотажное исследование на тему «Бюрократизм и способы минимизации его негативных последствий в Восточном округе города Белгорода» (N = 300), а также пилотажное исследование «Технологии де-бюрократизации муниципального управления» (N=20) в феврале 2012 г., респондентами которого выступили сотрудники комитета по управлению Восточным округом администрации города Белгорода. В ходе опроса выяснилось, что более половины анкетированных (58,67%) для решения повседневных проблем и иных вопросов, получения консультаций обращались в органы местного самоуправления. Следует отметить, что в процессе взаимодействия с муниципальными служащими лишь у 4,00% респондентов не возникало трудностей. Более того, обращения в органы местного самоуправления не вызвали каких-либо проблем и затруднений преимущественно у государственных и муниципальных служащих (28,57%), что объясняется занимаемым ими должностным положением, корпоративной солидарностью, принципами круговой поруки, взаимной поддержкой, взаимоуважением в системе отношений административной элиты.

Согласно результатам исследования 34,33% опрошенных граждан бюрократические деформации в практике муниципального управления соотносят, прежде всего, с волокитой и бумаготворчеством. 26% респондентов отметили, что бюрократические издержки связаны с административной пассивностью муниципальных служащих, а также использованием служебного положения в личных целях. По-мнению большей части участвующих в опросе жителей, создание административных барьеров и искусственных затруднений выгодно для чиновников, так как подобные преграды порождают дополнительный спрос на их услуги и создают возможности для коррупционных отношений. 17,33% участников опроса считают, что качественному решению возникающих у них про-

⁵ Герменчук В. Протекционизм как он и есть. Угрозы бюрократизма и методы их преодоления // http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_295237.pdf.

блем препятствует низкий уровень профессионализма и компетенции муниципальных служащих.

По мнению опрошенных муниципальных служащих комитета по управлению Восточным округом администрации города Белгорода, наиболее распространенными бюрократическими деформациями в муниципальной практике являются: волокита, бумаготворчество (60,00%), имитация деятельности (40,00%), административные барьеры в ходе решения проблем (35,00%), большое количество согласований, визирований (35,00%), низкий уровень профессионализма муниципальных чиновников (30,00%).

Наличие множества бюрократических деформаций в практике муниципального управления снижает авторитет и эффективность всей системы управления. Оценки респондентами эффективности деятельности органов местного самоуправления и служб, которые им подчиняются, в городе Белгороде в ходе проведенного исследования неоднозначны (табл. 1).

Таблица 1

Оценка работы органов местного самоуправления и служб, которые им подчиняются в городе Белгород

		Как бы Вы оценили работу органов местного самоуправления и служб, которые им подчиняются в Вашем муниципальном образовании (г. Белгороде)?					
		Вполне эффективно	Скорее эффективно	Скорее неэффективно	Совершенно неэффективно	Затрудняюсь ответить	Всего
Администрация г. Белгорода	абс.	73	102	51	20	54	300
	%	24.33%	34.00%	17.00%	6.67%	18.00%	100.00%
Городской совет г. Белгорода	абс.	39	85	49	30	97	300
	%	13.00%	28.33%	16.33%	10.00%	32.33%	100.00%
Коммунальные службы	абс.	35	71	99	71	24	300
	%	11.67%	23.67%	33.00%	23.67%	8.00%	100.00%
Собес, центр занятости	абс.	31	65	77	51	76	300
	%	10.33%	21.67%	25.67%	17.00%	25.33%	100.00%

Большая часть опрошенных граждан считают работу администрации и городского совета города Белгорода эффективной (58,33% и 41,33%). Исследование показало, что более половины опрошенных не довольны работой коммунальных служб, собеса и центра занятости (56,67% против 42,67%). Причем 23,67% анкетированных придерживаются более критичной позиции и оценивают деятельность коммунальных служб, как совершенно неэффективную. Важно отметить, сторонниками подобной позиции среди респондентов являются работники сферы услуг (32,61%) и пенсионеры (29,55%). Государственные и муниципальные служащие не столь критичны в суждениях – 47,62% считают деятельность администрации эффективной, около половины опрошенных чиновников оценивают работу городского совета, коммунальных служб, собеса и центра занятости как скорее эффективную.

Показатели эффективности находятся в прямой зависимости от степени бюрократизации органов местного самоуправления. Громоздкость, рутинность и запутанность процедур, дублирование функций, низкий уровень реагирования бюрократических учреждений на нужды граждан, пренебрежение сутью дела ради соблюдения формальностей – все это снижает эффективность работы органов местного самоуправления. Причины бюрократизма большинство респондентов видят в отсутствии четких механизмов контроля над деятельностью муниципальных служащих (41,33%). Треть опрошенных уверены, что причины нарастания бюрократических тенденций в муниципальных органах власти связаны с личностными особенностями чиновников, отсутствием у них стимулов к решению проблем населения (35,00%), несовершенством законодательства (33,33%) и низким уровнем правовой культуры и законопослушания подавляющего числа населения (30,00%). Кроме того, часть опрошенных жителей города Белгорода ключе-

вые причины бюрократических деформаций соотносят с низкой заработной платой, отсутствием страха перед наказанием у муниципальных служащих, отсутствия необходимой ответственности, низким уровнем профессионализма и недобросовестностью чиновников. Тем не менее, 2,00% анкетированных причины бюрократизма связывают с укоренившимся в сознании народа принципом невозможности снижения негативных последствий бюрократизма.

Одной из причин нарастания бюрократических тенденций является духовно-нравственная – отсутствие моральных принципов у муниципальных служащих, тотальная безответственность, двойные моральные стандарты. Актуальность фактора порядочности при определении отношения к бюрократии подтверждается ответами респондентов на вопрос о том, кто, по их мнению, мог бы наиболее эффективно управлять их муниципальным образованием. Согласно оценкам опрошенных, наиболее эффективными управленцами могут стать только честные и компетентные в своем деле люди. В этом уверены 47,67% респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Эффективные управленцы муниципального образования

Если речь идет о Вашем муниципальном образовании, Кто, на Ваш взгляд, способен наиболее эффективно им управлять?	Количество	
	абс.	%
Крупные бизнесмены, имеющие опыт работы в рыночных условиях	24	8.00%
Профессиональные политики	47	15.67%
Военные и представители спецслужб	24	8.00%
Неважно кто, главное, чтобы это были честные и компетентные люди	143	47.67%
Затрудняюсь ответить	29	9.67%
Молодые, инициативные, перспективные специалисты	10	3.33%
Высококвалифицированные специалисты в области государственного/муниципального управления	11	3.67%
Представители прежней советской номенклатуры	6	2.00%
Научные работники, ученые	3	1.00%
Представители общественных организаций	3	1.00%

Часть опрошенных белгородцев считают, что хорошими специалистами в сфере управления муниципальным образованием являются профессиональные политики, крупные бизнесмены, имеющие опыт работы в рыночных условиях, военные и представители спецслужб. По мнению респондентов, молодые, инициативные, перспективные специалисты, представители прежней советской номенклатуры, научные работники, ученые, высококвалифицированные специалисты в области государственного и муниципального управления, представители общественных организаций обладают меньшими способностями к эффективному управлению. Следовательно, у большей части участников опроса сформировалось представление, что главным показателем успешного управления должен быть не профессиональный, а морально-этический фактор, который, разумеется, важен, но не является решающим.

Бюрократизм – важнейший источник безнравственности и серьезных аномалий в системе управления. Следствием бюрократизации является тотальная деформация общественного сознания и социальных нравов, круговая порука, правовой нигилизм, двойные моральные стандарты, демонстративно-пренебрежительное отношение к закону и нормам морали. Бюрократизм многоликое, противоречивое явление, победить его сложно. Объясняется это многими факторами как объективного, так и субъективного характера:

а) слабостью нормативно-правовой базы противодействия бюрократическим и коррупционным проявлениям;

б) укоренившейся практикой назначения на должности по признакам личной преданности, кумовства и землячества, провоцирующей «внедрение» в аппарат людей слабых и неподготовленных, «невыдержавших конкуренцию на свободном рынке труда с другими

видами деятельности», превращающей чиновничество в замкнутую надменную касту, понимающую государственную и муниципальную службу как разновидность бизнеса;

в) отсутствием четко отработанной системы кадрового обеспечения государственной и муниципальной службы;

г) формальностью технологий отбора на службу и оценки эффективности управленческой деятельности;

д) неразработанностью научно-обоснованных критериев объективной диагностики успехов или неудач служащего в выполнении должностных обязанностей;

д) кадровым застоём и замедленной кадровой обновляемостью аппарата, нередкими случаями торможения карьерного продвижения талантливых специалистов и открытого сопротивления приходу в аппарат настоящих специалистов-профессионалов⁶.

Результаты проведенного исследования дают основания полагать, что, несмотря на широкое распространение бюрократических тенденций в практике муниципального управления 36,67% опрошенных жителей города Белгорода, 70,00% участвующих в опросе муниципальных служащих уверены, что можно значительно снизить негативные последствия и издержки бюрократизма. Однако противодействие ему должно носить системный характер, комплексные мероприятия целесообразно внедрять по всем направлениям с учетом установленных приоритетов – правовых, организационных, управленческих, воспитательных и других (табл. 3).

Таблица 3

Мероприятия противодействия бюрократизму

Какие меры борьбы с бюрократизмом Вы считаете наиболее эффективными?	Количество	
	абс.	%
Повышение заработной платы	55	18,33%
Совершенствование законодательства	108	36,00%
Усиление общественного контроля за деятельностью муниципальных служащих	114	38,00%
Сокращение численности муниципальных служащих	89	29,67%
Более тщательный отбор при поступлении на муниципальную службу с учетом образования и квалификации	128	42,67%
Затрудняюсь ответить	14	4,67%
Ужесточение законодательства	12	4,00%
Реформирование системы управления	5	1,67%
Введение запрета на занятие муниципальной должности тем, кто был уличен в коррупции	6	2,00%
Провести омоложение кадров чиновников	10	3,33%
Внедрение системы оплаты труда муниципальным служащим в соответствии с выполненной работой	4	1,33%
Поступление на муниципальную службу не по связям и знакомству, а исключительно благодаря знаниям и навыкам	7	2,33%

Большинство респондентов считают, что эффективной мерой борьбы с бюрократизмом является тщательный отбор на муниципальную службу. При этом важно учитывать образование и уровень квалификации претендента на должность. В этом уверены 42,67% опрошенных. Среди результативных мероприятий, направленных на снижение негативных последствий бюрократизма, участники опроса отмечают усиление общественного контроля за деятельностью муниципальных служащих (38,00%), совершенствование законодательства (36,00%), сокращение численности чиновников (29,67%). Важно заметить, что 18,33% анкетированных белгородцев среди существующих мероприятий противодействия бюрократизму наиболее эффективным считают материальную составляющую. То есть, респонденты склонны думать, что повышение заработной платы

⁶ Охотский И.Е. Противодействие бюрократизму и коррупции – важнейшее направление организационно-правового укрепления и нравственного оздоровления системы государственного управления // Право и управление. XXI век. 2008. № 1 (6). С. 88.

будет вызывать у муниципальных служащих страх потерять хорошую должность, чиновники станут дорожить высокооплачиваемой работой и выполнять свои должностные обязанности качественно и ответственно, исключая злоупотребление своим служебным положением. Кроме того, среди мер, направленных на минимизацию издержек бюрократизма в органах местного самоуправления, участники опроса отмечают: ужесточение законодательства; омоложение чиновничьего аппарата; реформирование системы управления; введение запрета на занятие муниципальной должности тем, кто был уличен в коррупции; поступление на муниципальную службу не по связям и знакомству, а исключительно благодаря собственным знаниям и навыкам; внедрение системы оплаты труда муниципальным служащим в соответствии с выполненной работой.

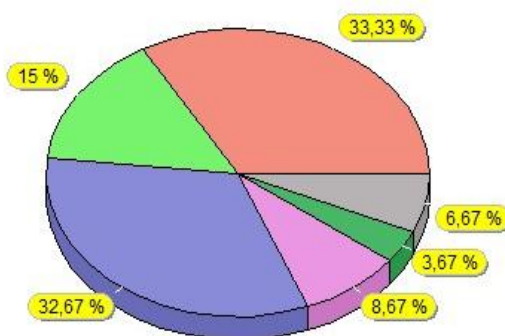
Будущие государственные и муниципальные служащие залогом улучшения работы российской бюрократии считают усиление контроля за чиновниками (50,00%) и совершенствование законодательства (45,00%).

Успех борьбы с бюрократизмом во многом зависит от общественно-политической активности граждан. Результаты проведенного исследования дают все основания полагать, что личная активность белгородцев невысока, только треть респондентов готовы участвовать в обсуждении и решении местных проблем (33,33%) (диаграмма).

Диаграмма

Готовность населения участвовать в местном самоуправлении

Мнения респондентов распределились равномерно, 33% опрошенных готовы принимать активное участие в обсуждении и решении местных проблем, в свою очередь 32% уверены, что это невозможно, так как чиновники действуют исключительно в своих интересах и простые граждане не могут оказывать влияния на местную власть.

10. Готовы ли Вы принимать участие в местном самоуправлении?	
100	Да, готов(а) активно участвовать в обсуждении и решении местных проблем
45	Нет, не готов(а) в связи с недостатком свободного времени
98	Это невозможно, т.к. муниципальные служащие действуют исключительно в своих интересах и простые граждане не могут оказывать влияния на местную власть
28	Затрудняюсь ответить
11	Нет, не готов(а) ввиду недостаточной компетентности
20	Нет, не готов(а) участвовать в местном самоуправлении

Важно заметить, что 32,67% опрошенных считают систему муниципального управления закрытым институтом и убеждены, что участвовать в той или иной форме в местном самоуправлении невозможно, так как граждане не смогут повлиять на решения чиновников. Часть респондентов объясняют свою неготовность участвовать в местном самоуправлении нехваткой свободного времени (15,00%) и недостаточным уровнем компетентности в данной области (15%). Исходя из этого, можно предположить, что часть граждан не осведомлены о своих правах, возможностях и формах участия в местном самоуправлении, что позволяет говорить о необходимости информирования населения по данным вопросам.

Таким образом, результаты проведенных исследований дают основание полагать, что для снижения бюрократических проявлений, качественного и своевременного решения вопросов местного значения, повышения результативности работы органов местного самоуправления в целом необходимо активизировать работу по внедрению технологий дебюрократизации.

Технология дебюрократизации представляет собой комплекс последовательных приемов и способов, направленных на выявление причин бюрократизма, анализ условий

и факторов, способствующих проявлению бюрократических издержек и систему механизмов, направленных на снижение его негативных последствий.

В ходе разработки технологий дебюрократизации муниципального управления необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, следует формулировать реальные цели и задачи дебюрократизации. Результатом борьбы с бюрократизмом не должно быть искоренение бюрократической системы управления, которая основана на формальных процедурах и правилах, характеризуется четким разделением труда, обезличенной структурой власти, иерархией структурных единиц, зависимостью от официально установленных правил, трудоустройством на основе профессиональных качеств работника и возможностями для карьерного продвижения. Базовой целью дебюрократизации является создание системы противодействия бюрократизму в органах местного самоуправления, в сфере производственной и предпринимательской деятельности и повседневной жизни граждан муниципального образования. Система противодействия бюрократическим деформациям должна включить в себя комплекс правовых, организационных, управленческих, воспитательных мероприятий, ориентированных на ликвидацию предпосылок и причин, способствующих усилению бюрократических тенденций, а также минимизацию негативных последствий бюрократизма.

Во-вторых, важно разработать систему показателей для оценки результативности проведенной работы по противодействию бюрократизму.

В-третьих, необходимо понимать, что борьба с бюрократизмом требует инновационных решений, характеризующихся наибольшей эффективностью, но в то же время рискованым характером в связи с неполнотой и неточностью управленческой информации.

Список литературы

1. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.
2. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24 – 29.
3. Герменчук В. Протекционизм как он и есть. Угрозы бюрократизма и методы их преодоления. URL: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_295237.pdf.
4. Охотский, И.Е. Противодействие бюрократизму и коррупции – важнейшее направление организационно-правового укрепления и нравственного оздоровления системы государственного управления [Текст] / И. Е. Охотский // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 1 (6). – С. 88-90.
5. Васильев, А. А. Бюрократизм на государственной гражданской службе: факторы формирования и пути преодоления [Текст] / А. А. Васильев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – Том 15. – № 1. – С. 151-155.
6. Ротация кадров как элемент системы управления деловой карьеры // Все из жизни менеджера. URL: <http://www.hr-life.ru/rotatsiya-kadrov-kak-element-sistemy-upravleniya-delovoi-karery>.
7. О муниципальной службе в Российской Федерации [Текст] : федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Российская газета. – 2007. – 7 марта.

PROBLEMS OF COUNTERACTION TO BUREAUCRATIC DEFORMATIONS OF MUNICIPAL MANAGEMENT SYSTEM

I.I. VOLKOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: 448642@bsu.edu.ru

The paper discusses the essence, the reasons and forms of manifestation of bureaucracy in system of municipal management. The counteraction problems to bureaucratic deformations are observed in the article and the actions directed on decrease in expenses of bureaucracy in functioning of local governments are offered by the authors. The author claims the relevance of development of technologies of the debureaucratization which introduction will allow to minimize bureaucratic manifestations locates, to increase efficiency and productivity of activity of local governments.

Keywords: bureaucracy, technologies of debureaucratization, system of municipal service, local governments, corruption.

ПАЛЛИАТИВНАЯ ПОМОЩЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

М.С. ГОТОВКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*e-mail:
gotovkina.rita@yandex.ru*

В данной статье рассматриваются проблемы оказания паллиативной помощи в современной России. Анализируются данные проведенного социологического опроса населения. На основе анализа полученных данных стало очевидно, что большинство опрошенных респондентов, считают что, профессиональная и квалифицированная паллиативная помощь доступна не всем категориям граждан. Основными трудностями в оказании паллиативной помощи респонденты считают нехватку финансовых средств и времени. Результаты исследования могут быть полезны при составлении программ по улучшению оказания паллиативной помощи населению, а так же информационных мероприятий, направленных на распространение идей хосписного движения. Состояние паллиативной помощи в нашей стране обусловлено тем, что она как вид профессиональной социально-медицинской помощи, только начинает формироваться. Вследствие этого остается неразработанным ряд важных теоретических и практических вопросов организации паллиативной помощи.

Ключевые слова: паллиативная помощь, инкурабельные больные.

В начале XXI века человечество столкнулось с проблемой глобального старения населения. В развитых странах мира люди живут дольше, и все большее их число преодолевает 65-летний рубеж и достигает весьма преклонного возраста¹. Параллельно с этим растёт число людей с диагнозом злокачественного новообразования, установленным впервые в жизни. В России ежегодно умирает около 300 тыс. онкологических больных. Так же кроме увеличения численности людей страдающих онкологическими заболеваниями, имеет место рост числа больных другими заболеваниями в терминальной стадии развития².

Не менее острой проблемой в современном обществе является прогрессирующий рост заболеваемости ВИЧ/СПИДом. По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, число людей, живущих с ВИЧ, в Российской Федерации продолжает увеличиваться и по состоянию на конец 2012 года составляет 704 тысячи человек³. Совокупность этих тенденций приводит к постоянному увеличению группы инкурабельных (неизлечимых) больных, которым необходима специализированная социально-медицинская помощь.

В середине прошлого века мировая научная общественность заговорила о формировании новой философии оказания помощи инкурабельным больным. основополагающей концепцией этой философии является концепция «тотальной» (всесторонней) боли, которая заключается в том, что больной испытывает не только физические страдания, но также и психологическую, социальную, духовную боль. Новая философия паллиативной помощи явилась пересмотром отношения общества к умирающим его членам. основополагающим принципом нового подхода стало гуманное отношение к неизлечи-

¹ Паллиативная помощь. Убедительные факты. Всемирная организация здравоохранения, 2005. Режим доступа URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения 21.05.2013).

² История создания хосписов. Режим доступа URL: <http://www.pallcare.ru/ru/?p=1190872408> (дата обращения 04.02.2013).

³ Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Справка: ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2012 г. Режим доступа URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/2012-3.shtml> (дата обращения 02.05.2013).

мым больным. Она получила название паллиативная помощь. От латинского слова *pallium*, что значит «покров, защита». По определению, паллиативная помощь – направление медико-социальной деятельности, целью которого является улучшение качества жизни больных и членов их семей, оказавшихся перед лицом смертельного (уносящего жизнь) заболевания⁴.

Паллиативная помощь – это в первую очередь избавление умирающего человека от страданий не только физического, но и психологического, социального и духовного плана. Таким образом, можно сказать, что паллиативная помощь представляет собой совокупность поведенческих актов (способов поведения), в основе которых лежат ценностно-ориентированные действия, направленные на облегчение страданий тяжелобольных людей.

Паллиативная помощь является относительно новым видом социально-медицинской помощи. Особенность ее заключается в том, что в основе ее лежит междисциплинарный подход, в соответствии с которым паллиативную помощь должны оказывать специалисты различных направлений: медицинский персонал, социальные работники, психологи, юристы, священники.

Безусловно, проблемы оказания паллиативной помощи заслуживают самого пристального внимания со стороны общества, так как они касаются каждого его члена. К сожалению, на сегодняшний день стоит отметить отсутствие социологического подхода к изучению проблем, связанных с оказанием паллиативной помощи.

Исключением можно назвать несколько исследований, проведенных в середине прошлого века. Одним из первых исследований в этом направлении была разработка «траектории умирания». Авторы Б. Глейзер и А. Страус в своей работе анализировали случай одинокой пациентки, умирающей в больнице от рака. Они описывали стадии, которые прошли пациентка и медицинский персонал, сражаясь с болью и смертью. Авторы предложили концептуализацию, на основе которой единичный случай стал основой для социологического понимания ситуации в целом и влияния на реальную практику отношения к больным⁵.

Ещё одно социологическое исследование организации паллиативной помощи было проведено в 1952 г. фондом Марии Кюри. На основе опроса районных медицинских сестёр были описаны симптомы физического и социального стресса у онкологических больных, находящихся дома⁶.

В нашей стране немногочисленные исследования паллиативной помощи представлены работами медицинского плана. Среди них можно назвать работы А.К. Хетагуровой, Н. В. Эккерт, Г.А. Новикова, Е.С. Введенской, Ю.А. Ходаревской, А.В. Гнездилова, В.И. Чиссова.

В России система паллиативной помощи только начинает формироваться. Естественно существует множество проблем в организации паллиативной помощи, которые предстоит еще решить. Стоит отметить, что на данный момент отсутствует информация об отношении общества к актуальным проблемам развития паллиативной помощи в нашей стране.

В ноябре – декабре 2012 года нами было проведено социологическое исследование методом анонимного анкетирования. В исследовании приняли участие 112 респондентов, жители г. Москвы и Московской области. Выборка была случайной.

Задачей исследования было определение информированности населения относительно проблем оказания паллиативной помощи населению и выявление отношения к сложившейся ситуации.

В ходе анализа полученных данных стало очевидно, что более половины опрошенных респондентов сталкивались в своей жизни с проблемой ухода за безнадежно

⁴ Новиков Г.А. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. Режим доступа URL: <http://pmarchive.ru/palliativnaya-pomoshh-v-rossijskoj-federacii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения 15.10.2013).

⁵ Тактика качественного исследования. Режим доступа URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения 12.03.2013).

⁶ История создания хосписов. Режим доступа URL: <http://www.pallcare.ru/ru/?p=1190872408> (дата обращения 04.02.2013).

больным человеком (рис. 1). Этот факт еще раз доказывает высокую степень актуальности данного вопроса.

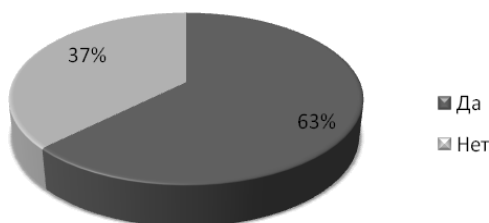

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы или Ваши близкие с оказанием помощи безнадежно больными людьми?» (в % от числа ответивших; n=112)

На основании этого распределения в составе респондентов можно выделить две группы: 1-те кто сталкивался с оказанием паллиативной помощи и 2 – те, кто не знакомы пока с этим.

В первой группе подавляющее большинство женщины, их 91 %. Это объясняется тем, что традиционно функция оказания помощи больными членам семьи принадлежала женщинам.

В ходе опроса было проведено сравнение мнений двух групп респондентов относительно развития и состояния паллиативной помощи в России. Респондентам был задан вопрос о самых значимых, на их взгляд, проблемах развития паллиативной помощи.

По мнению первой группы респондентов, в пятерку главных трудностей, с которыми сталкиваются люди, оказывающие помощь больным с неизлечимыми заболеваниями относятся: трудность совмещения работы (учебы) и ухода, нехватка финансовых средств, отсутствие поддержки, отсутствие специальных навыков и информации об уходе за безнадежно больными людьми, нехватка времени (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные проблемы ухода за безнадежно больным человеком
(мнение респондентов 1)**

В % от числа ответивших	С какими основными проблемами сталкиваются люди при уходе за безнадежно больными людьми?
69	Трудность совмещения работы (учебы) и ухода за больными
67	Нехватка финансовых средств
48	Отсутствие поддержки
43	Отсутствие специальных навыков и информации об уходе за безнадежно больными людьми
41	Нехватка времени

Практически схожее распределение ответов было выявлено в группе, где опрошенные респонденты не сталкивались с подобной проблемой. Здесь основными заявленными трудностями, по мнению респондентов, выступают: нехватка финансовых средств, трудность совмещения работы (учебы) и ухода, трудность в приобретении и получении льготных лекарств, отсутствие специальных навыков и информации об уходе за безнадежно больными людьми, нехватка времени (см. табл. 2).

Таблица 2

**Основные проблемы ухода за безнадежно больным человеком
(мнение респондентов 2)**

В % от числа ответивших	С какими основными проблемами сталкиваются люди при уходе за безнадежно больными людьми? (не сталкивались)
81	Нехватка финансовых средств
63	Трудность совмещения работы (учебы) и ухода за больными
56	Трудность в приобретении и получении льготных лекарств
53	Отсутствие специальных навыков и информации об уходе за безнадежно больными людьми
53	Нехватка времени

На основании сравнения представленных распределений можно сделать вывод, что мнения респондентов обеих групп в большинстве своем совпадают. Так, главной трудностью, отмеченной обеими группами респондентов, является «нехватка финансовых средств». Так же большинством в двух группах респондентов было отмечено, что существенной проблемой может являться «трудность совмещения работы (учебы) и ухода за больными».

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ мнений различных групп респондентов по вопросу о доступности на данный момент паллиативной помощи большинству российских граждан. Преобладающим ответом в группе респондентов, которым приходилось оказывать помощь умирающим людям, было то, что она недоступна (89 %). В группе респондентов, которым не приходилось сталкиваться с такими трудностями превалирующим ответом было, что «доступна, но не всем» (84 %).

Еще одним важным вопросом был вопрос о том, кто должен оказывать паллиативную помощь (Рисунок 2). Мнения респондентов распределились следующим образом: большинство опрошенных респондентов считают, что этим должны заниматься государственные органы (71 %), далее 12 % сказали, что это задача семьи и ближайших родственников, всего лишь 7 % ответили, что благотворительные организации должны заниматься оказанием паллиативной помощи, и очень немногие (3 %) сказали, что религиозные организации.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кто, по вашему мнению, должен оказывать паллиативную помощь?» (в % от числа ответивших; n=112)

Объяснением такого распределения может служить то, что в обыденном сознании среднего россиянина имеет место постулат: все заботы о социальном обеспечении государство должно взять на себя. Стоит отметить, что опрошенные респонденты до 35 лет в большинстве своем отмечают, что паллиативную помощь могут оказывать благотворительные и религиозные организации. Среди респондентов, ответивших, что все же это главная задача родственников больного, мнения разделились почти пополам (34 % старше 50 лет, 15 % старше 35 лет и 51 % моложе 35 лет). Безусловно, что для любого человека, оказавшегося на пороге жизни и смерти, очень важна помощь его близких. Однако, современные тенденции развития семейных отношений, обусловленные уменьшением количества членов семьи, растущим уровнем миграции и разобщенностью внутрисемейных связей приводят к тому, что членам семей всё труднее становится находить время для оказания необходимой помощи членам своей семьи.

Еще одним важным вопросом является: «Что, на Ваш взгляд могло бы облегчить состояние безнадежно больного человека?». Проводя сравнительный анализ двух групп респондентов, можно констатировать, что в большинстве своем мнения респондентов совпадают. Так в первой группе главным фактором, способным облегчить состояние incurable больного, является поддержка и забота родственников больного (97 %) (см. рис. 3). Следующим по значимости фактором является квалифицированная медицинская помощь, и третьим фактором – духовно-религиозная практика. Распределение ответов респондентов, не принимавших участие в оказании паллиативной помощи, получилось

схожим (рисунок 4). Так, на первом месте забота и поддержка родственников (89 %), на втором квалифицированная медицинская помощь (67 %), на третьем новейшие медицинские препараты (55 %). На представленных распределениях можно увидеть, что значительная часть респондентов не сталкивающаяся в своей жизни с проблемами оказания паллиативной помощи, склонны отдавать предпочтение поддержанию физического состояния, тогда как значительная часть опрошенных первой группы склонны придавать большое значение именно духовно-религиозной составляющей помощи инкурабельному больному.

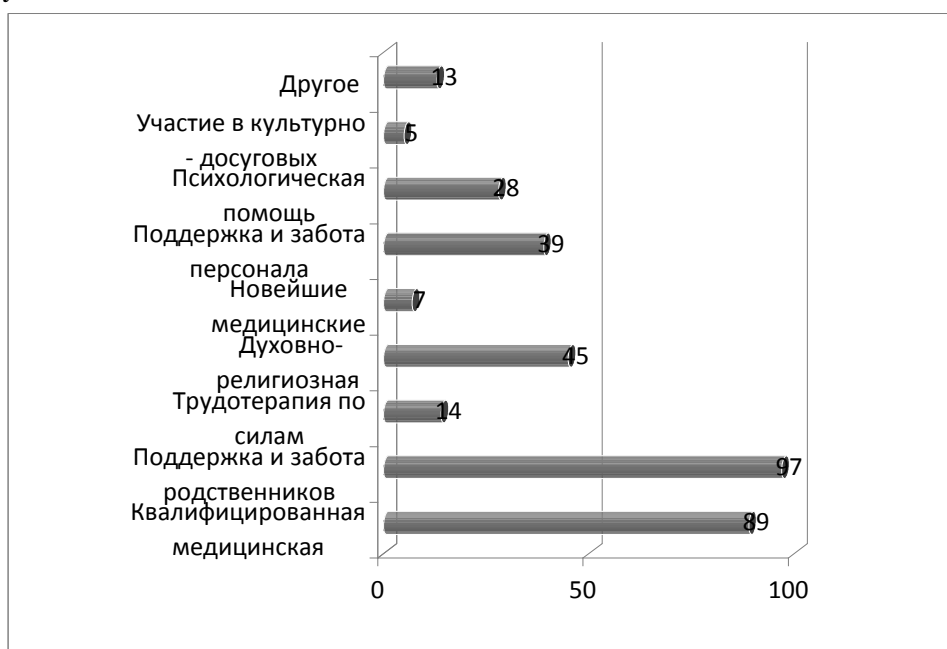

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд могло бы облегчить состояние безнадежно больного человека?» (в % от числа ответивших; n=112)

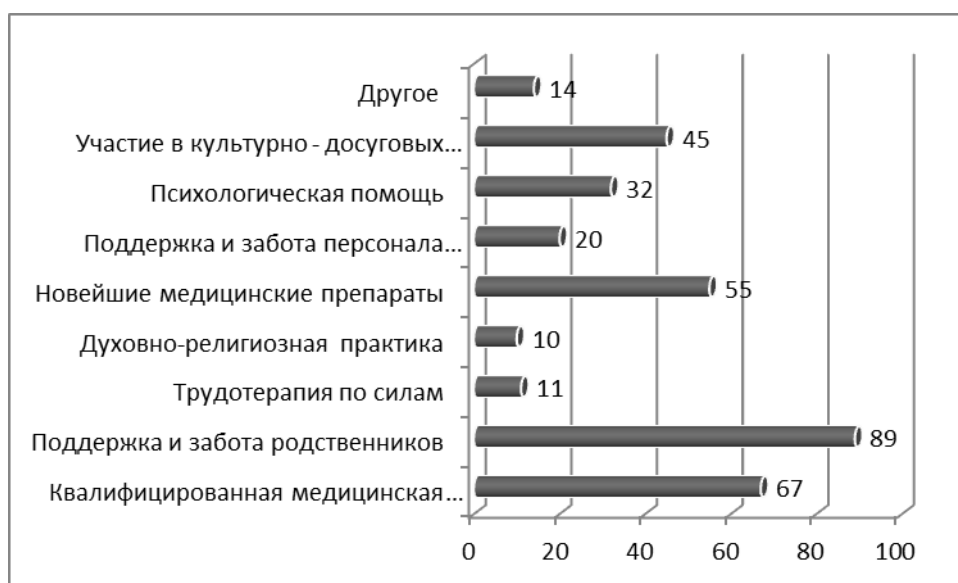

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд могло бы облегчить состояние безнадежно больного человека?» (в % от числа ответивших; n=112)

Следует отметить, что многие как зарубежные, так и отечественные специалисты в области паллиативной помощи свидетельствуют о значимости духовной составляющей паллиативной помощи. Например, в Рекомендациях Совета Европы по организации пал-

лиативной помощи (2003) говорится о том, что задачей паллиативной помощи наряду с решением физических, психологических проблем является решение духовных проблем, возникающих при развитии неизлечимого заболевания⁷.

Академик РАМН Г.А. Новиков в пособии по оказанию паллиативной помощи онкологическим больным, указывает на тесную взаимосвязь между болевой симптоматикой и нерешенными духовными проблемами пациента. «Каждый человек, верит он в Бога или нет, имеет внутреннюю духовную жизнь. Духовные и экзистенциальные переживания являются серьезным источником клинических проблем. Духовность определяет цель и смысл жизни человека. Боль и другие симптомы, не купируемые адекватной терапией, должны указать клиницисту на вероятность скрытых духовных или экзистенциальных проблем»⁸.

Значение духовной составляющей паллиативной помощи обусловлено тем, что тяжело больным людям свойственны особые переживания и ценности, в этот период жизни человека как никогда интересует вопросы смысла жизни и жизни после смерти. Духовный ресурс помогает человеку справиться с безысходностью ситуации при смертельном заболевании. Поэтому духовная помощь в такой ситуации не менее важна, чем медицинская⁹.

В организации паллиативной помощи в странах Западной Европы и США достаточно широко применяется помощь волонтеров. Волонтерство – это безвозмездная добровольная деятельность, направленная на помощь нуждающимся людям. В нашей стране сама по себе волонтерская активность не так развита. Аспекты волонтерской деятельности в учреждениях паллиативной помощи – это тема для отдельного исследования. Нами же был затронут только один вопрос, касающийся отношения респондентов к волонтерской помощи безнадежно больным людям. Этот вопрос представляется достаточно спорным и находит как сторонников, так и противников среди представителей медицинской и светской общественности. На вопрос «Могут ли волонтеры оказывать помощь безнадежно больным людям?» большинство респондентов 82 % ответили что могут, 8 % ответили, что нет, и оставшаяся часть – 10 % затруднились с ответом на вопрос.

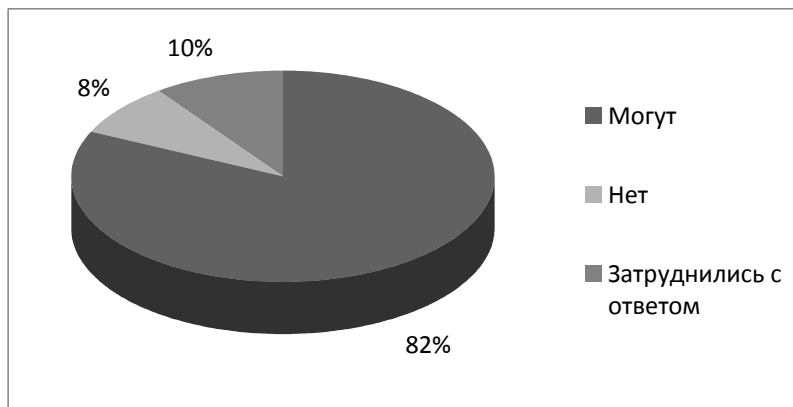

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «могут ли волонтеры оказывать помощь безнадежно больным людям?» (в % от числа ответивших; n=112)

Большинство респондентов из тех, кто сталкивался с подобной проблемой (77,8 %), ответили, что волонтеры могут принимать участие в этой помощи. В том числе, из тех, кто согласился с этим утверждением, 47,1% отметили, что волонтеру необходимо пройти специальную подготовку для этой работы и 24,3% отметили, что это, скорее, необходимо. Таким образом, на основании данного распределения ответов можно ска-

⁷ White Paper on standards and norms for hospice and palliative care in Europe: part 1. Режим доступа URL: <http://www.eapcspeaksrussian.eu> (дата обращения 23.12.2013).

⁸ Новиков Г.А. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. Режим доступа URL: <http://pmarchive.ru/palliativnaya-pomoshh-v-rossijskoj-federacii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения 15.10.2013).

⁹ См. там же.

зять: в большинстве своем опрошенные респонденты оценивают деятельность волонтеров в системе паллиативной помощи как положительное явление.

На основании полученных результатов в ходе исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, по мнению большинства респондентов, безнадежно больной человек нуждается в духовно-религиозной помощи не менее, чем в медицинской. Так же большинство респондентов считают, что профессиональная и квалифицированная паллиативная помощь доступна не всем категориям граждан. Основными трудностями в оказании паллиативной помощи респонденты считают нехватку финансовых средств и времени.

Список литературы

1. Эккерт Н.В. Научное обоснование организационно-функциональной модели системы паллиативной помощи населению: Автореф. дис. ...д-ра. мед. наук. М., 2010. 49 с.
2. История создания хосписов. Режим доступа URL: <http://www.pallcare.ru/ru/?p=1190872408> (дата обращения 04.02.2013).
3. Новиков Г.А. Паллиативная помощь в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. Режим доступа URL: <http://pmarchive.ru/palliativnaya-pomoshh-v-rossijskoj-federacii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения 15.10.2013).
4. Паллиативная помощь онкологическим больным. Учебное пособие под редакцией профессора Г.А.Новикова. URL: <http://www.europadonna.by/index> (дата обращения: 23.12.2013).
5. Паллиативная помощь. Убедительные факты. Всемирная организация здравоохранения, 2005. Режим доступа URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения 21.05.2013).
6. Тактика качественного исследования. Режим доступа URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения 12.03.2013).
7. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Справка: ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2012 г. Режим доступа URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/2012-3.shtml> (дата обращения 02.05.2013).
8. White Paper on standards and norms for hospice and palliative care in Europe: part 1. Режим доступа URL: <http://www.eapcspeaksrussian.eu> (дата обращения 23.12.2013).

PALLIATIVE CARE IN MODERN RUSSIA: SOCIOLOGICAL ASSESSMENT

M.S. GOTOVKINA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
gotovkina.rita@yandex.ru*

This article discusses the challenges of palliative care in modern Russia . The objective of the study was to determine the awareness about the problems of palliative care to the population and to identify the relationship to the situation. On the basis of the obtained data, we can say that the majority of respondents believe that professional and skilled palliative care is not available to all categories of people today. The main difficulties in the provision of palliative care respondents felt a lack of financial resources and time.

Keywords: palliative care , patients are incurable.

УДК 316.354.2

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАДРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.М. ЗАХАРОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail:
zakharov@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрена Президентская программа подготовки управленческих кадров как технология воспроизводства профессионального потенциала кадров регионального управления. Приведены данные по реализации Президентской программы в Белгородской области, определены основные показатели, характеризующие эффективность Президентской программы.

Ключевые слова: управленческие кадры, технология, профессиональный потенциал, кадры, региональное управление.

Проблема воспроизводства профессионального потенциала управленцев носит междисциплинарный характер, что обуславливает необходимость применения в ее решении комплексных подходов, новейших методов и технологий с учетом экономических, юридических, социологических, психологических и других факторов. Важнейшим элементом процесса воспроизводства профессионального потенциала является система компетентностноориентированного обучения. В этом аспекте наиболее значимым является создание условий профессиональной подготовки менеджеров, отвечающим текущим и перспективным социально-экономическим потребностям развития региона.

Современные требования рынка к управленческим кадрам нового поколения сегодня можно сформулировать следующим образом:

- ✓ Новатор и лидер, более интегрированный с организацией в целом.
- ✓ Имеет широкий панорамный кругозор.
- ✓ Способен увидеть изменения (сдвиги), происходящие в реальном мире бизнеса.
- ✓ Имеет способность к определению возможной перспективы и создания нового будущего.
- ✓ Стремится к профессиональному и личному развитию.
- ✓ Умеет работать в команде на результат.

Именно на развитие этих качеств нацелена Программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации. Указ о запуске такой программы был подписан Президентом Российской Федерации 23 июля 1997 года.

Стратегическая цель Президентской программы:

- создание федерального резерва высококвалифицированных, компетентных руководителей;
- формирование управленческого потенциала, способного обеспечить развитие предприятий всех отраслей экономики России.

За 15-летний период реализации Президентской программы в ведущих образовательных учреждениях страны прошли обучение более 73 000 российских специалистов, в том числе:

- более 13 000 – стажировались на ведущих зарубежных предприятиях как в рамках взаимных обменов, так и по целевым проектным стажировкам;
- более 350 – зарубежных менеджеров прошли стажировку на российских предприятиях в рамках взаимных обменов.

Схематично весь процесс участия специалиста в Президентской программе выглядит следующим образом.

Рис. 1. Схема участия в Программе подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ

Обучение специалистов ведется сегодня в 102 вузах Российской Федерации. Целевой группой для подготовки являются люди с законченным высшим образованием, имеющие не менее пяти лет трудового стажа, из них не менее трех – управленческого, и в возрасте, преимущественно, до 40 лет. Кроме того, необходимо владение иностранным языком, компьютерной грамотностью, а также наличие концепции-проекта или проектной идеи развития организации поддержанной работодателем.

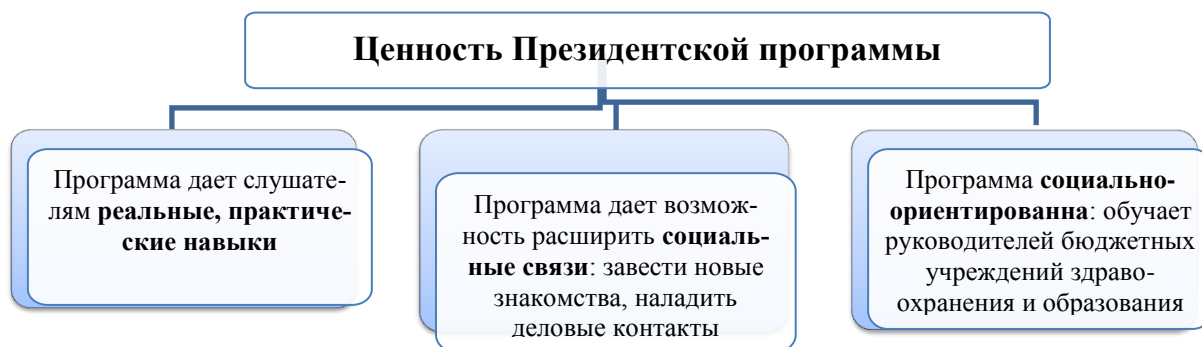

Рис. 2. Ценностные приоритеты Президентской программы

В рамках Программы реализуется три типа образовательных программ:

- базовые – предусматривают обучение специалистов с ориентацией на развитие компетенций менеджера по одному из направлений: менеджмент, маркетинг, финансы на базе предметного подхода.
- проектно-ориентированные – предусматривают обучение специалистов с ориентацией на развитие компетенций менеджера в области экономики и управления, подготовку и реализацию под руководством и при консультации преподавателя проекта, встроенного в процесс обучения.
- программы повышения квалификации, целью которых является изучение современных подходов к управлению организациями малого и среднего бизнеса и инновациями в них, совершенствование практических навыков менеджеров в области организации инноваций в компаниях и управления инновационными разработками.

Рис. 3. Инновационные образовательные технологии

Проекты, которые разработали участники программы, имеют практическую направленность на решение конкретных задач, содействуют инновационному развитию региона.

Стоимость обучения на Президентской программе в 2,5 раза ниже аналогичных коммерческих программ. 33% стоимости оплачивает федеральный бюджет, 33% бюджет субъекта РФ и 34% оплачивает организация, направляющая специалиста на обучение.

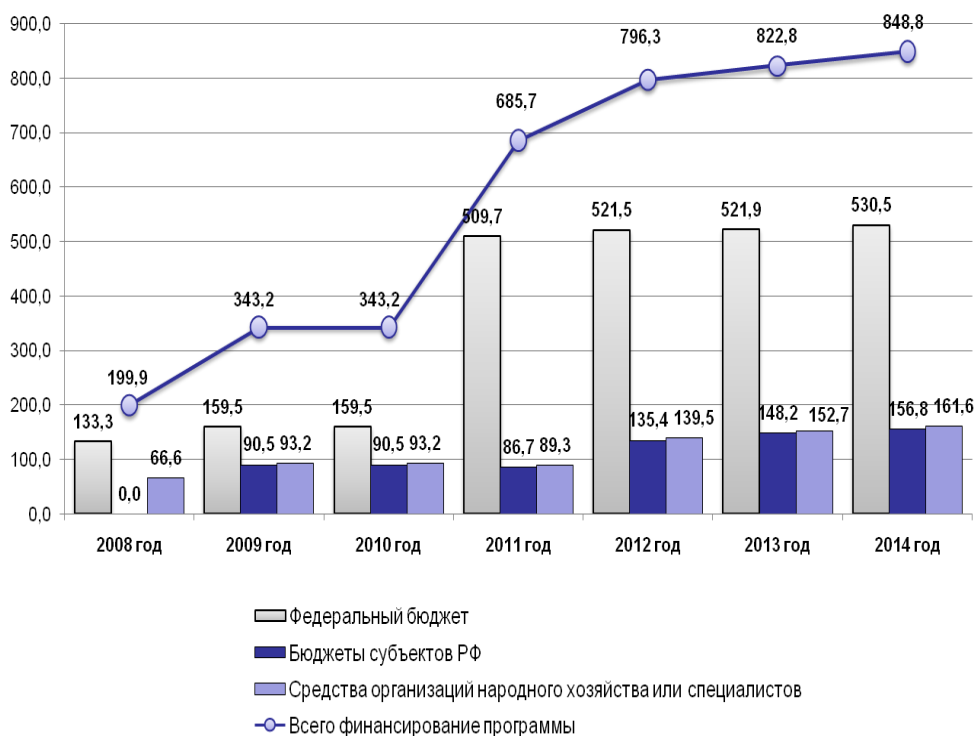

Рис. 4. Финансовое обеспечение Программы в 2008-2011 гг. и на период 2012-2014 гг.

К участию в реализации Программы допускаются вузы, прошедшие конкурсный отбор, целью которого является обеспечение необходимых требований к образовательному процессу при подготовке управленческих кадров высшего и среднего звена, эффек-

тивного использования финансовых средств, выделяемых на реализацию обучение. Конкурсный отбор проводится Министерством экономического развития РФ по мере открытия новых направлений подготовки.

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», по итогам проведенных конкурсов, входит в перечень образовательных учреждений, участвующих в реализации Программы по направлениям:

- «Экономика и управление» – с 2007 года;
- «Менеджмент в здравоохранении», «Менеджмент в образовании», «Менеджмент в сфере инноваций», «Развитие предпринимательства» – с 2010 года.

Это даёт возможность специалистам повышать квалификацию без отрыва от производства, непосредственно в Белгородской области. Продолжительность обучения составляет 2-9 месяцев в зависимости от выбранной образовательной программы и формы обучения.

Для выявления конкретных образовательных потребностей участников Президентской программы используются комплексные анкеты, результаты обработки и анализа которых позволяют повысить адаптивность содержания обучения под запросы целевой аудитории. Говоря об уровне оценки качества образовательных программ, нельзя не отметить проводимый образовательными учреждениями рейтинг преподавательского состава и важности самих учебных курсов по итогам полугодий. На основе результатов рейтинга вуз вносит коррективы в качество представляемого слушателям материала и проводит коррекцию подбора преподавателей.

При ответе на вопрос о тех сферах, в которых лежат основные проблемы, мешающие работе предприятия, большинство респондентов поставили на первое место финансы, далее (по приоритетам) – производственные проблемы предприятия, кадры, маркетинг, общую экономическую ситуацию, внешние взаимоотношения (с партнерами, местными властями, контролирующими органами и т.д.).

На основе анализа анкетирования руководителей предприятий, направляющих на переподготовку своих специалистов и менеджеров различных уровней, сформировалось четкое представление, что для развития Президентской программы необходимо формализовать круг компетенций менеджера. Компетентностный подход становится необходим при разработке программ обучения не только слушателей, но, что более важно, преподавателей, участвующих в реализации программ.

При правильном построении (дизайне) программ по-новому формулируются задачи повышения качества предлагаемых учебными заведениями программных продуктов, наиболее полно удовлетворяющих как индивидуальные, так и корпоративные потребности.

В процессе обучения также применяются инновационные образовательные технологии. Как пример, специалисты принимают участие в чемпионате по стратегии и управлению бизнесом – Global Management Challenge, в основе которого заложен бизнес-симулятор, который дает возможность участникам почувствовать себя в роли топ-менеджеров крупной производственной компании, работающей на глобальном рынке. Симулятор полностью эмитирует процесс планирования и принятия решений в компании – за раунд участники принимают 66 управленческих решений – от планирования закупки сырья, объема производства каждого из видов товаров, организации системы логистики, определяют ценовую политику и осуществляют инвестиции в НИОКР и рекламу.

Рис. 5. Типовое устройство бизнес-симулятора

Так же в НИУ «БелГУ» обучение специалистов Программы основано на компетентностном подходе (обучение рассматривается под углом развития способностей специалиста решать личностные и профессиональные задачи). Программа нацелена на развитие таких качеств современного менеджера как:

- способность увидеть изменения (сдвиги), происходящие в управлении;
- глубоко понимать суть надвигающихся (широких) изменений;
- способность к определению возможной перспективы и создания нового будущего;
- иметь широкий кругозор, стремиться к профессиональному и личному развитию;
- способность быть лидером, новатором, интегрироваться с интересами организации;
- уметь работать в команде на конкретный результат.

Компетентностный подход позволяет сочетать потребности предприятий, слушателей Президентской программы и нужд региона.

В ходе обучения слушатели Программы проходят оценку уровня профессиональных компетенций, которые должны формироваться в ходе обучения и стажировки специалистов (руководителей среднего и высшего звена предприятий и организаций).

В таблице представлен перечень основных ключевых компетенций, которые должны формироваться в ходе обучения и стажировки специалистов.

Наименование группы компетенций	Компетенции (примеры)
Управление отношениями (людьми)	
Когнитивные	- знание методов управления человеческими ресурсами в организациях - знание организационной культуры и организационных изменений - знание методов планирования и организации кадровой работы
Функциональные	- знание принципов и методов управления конфликтами - умение формировать команду и эффективно в ней работать - умение осуществлять эффективные коммуникации, деловую переписку

<i>Самоменеджмент</i>	
Когнитивные	- знание методов управления временем, самоанализа и самоменеджмента
Функциональные	- навыки презентации и ведения переговоров, знание делового этикета - умение организовывать свое время - навыки формирования рационального образа жизни - умение проводить самоанализ
<i>Личностные</i>	
Когнитивные	- умение развития в себе лидерский качеств - знание (наличие) уровня общей культуры и эрудиции - инициативность
Функциональные	- прагматический компонент (умение пользоваться языковыми средствами в определенных функциональных целях)

Для оценки уровня достижения этой цели наиболее оптимальной является технология Ассесмент центра.

Ассесмент центр – это технология, оценивающая компетенции человека в профессиональном ключе. Она заключается в том, чтобы в специально смоделированных ситуациях, типичных для исследуемой деятельности, выявить, проанализировать и оценить степень выраженности у специалиста профессионально важных качеств, необходимых для успешной работы, дать описание его личностных особенностей, сформулировать задачи для профессионального роста и развития. Так же Ассесмент центр дает возможность очень точно выявить потребности в обучении – как разрыв между требуемым и наличным уровнем квалификации. На основании этих оценок можно обеспечить эффективную логику обучения – учить того, кого нужно, тому, что нужно и тогда, когда нужно; сделать обучение целевым, максимально индивидуализированным и очень эффективным.

На сегодняшний день среди выпускников НИУ «БелГУ», участников программы:

- более 20 выпускников программы работают в органах исполнительной власти региона, социальной сфере;
- более 40 выпускников состоят в кадровом резерве региона.

После завершения подготовки в образовательных учреждениях специалисты на конкурсной основе получают право прохождения зарубежной стажировки, являющейся инструментом развития экономического партнерства между российскими и зарубежными компаниями.

Отбор на стажировку осуществляют представители национальных координаторов зарубежных стран. В рамках Программы предусмотрены стажировки двух видов:

- по взаимному обмену – для групп специалистов, сформированных по отраслевому или тематическому принципу;
- целевые проектно-ориентированные стажировки по приоритетным направлениям, которые сегодня наиболее актуальны для модернизации российской экономики, например, энергоэффективность, реформа жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранение, образование, инновационный менеджмент.

Цель стажировки – познакомиться с особенностями рынка развитых стран, современными технологиями управления предприятием, найти зарубежных партнеров.

Прохождению стажировки за рубежом предшествует двухступенчатая процедура отбора: сначала эксперты проводят конкурс документов, затем – отборочное собеседование. Необходимо отметить, что отборочные собеседования проводятся в регионах, отобранных партнерами Программы и выпускники выезжают на них за свой счет. Это свидетельствует о высокой мотивации специалистов к повышению своего профессионального уровня.

Разнородность подбора групп на стажировки часто приводит к тому, что в процессе проведения стажировки дополнительно определяются необходимые предприятия в

соответствии со спецификой направляющей организации. Контакты, установленные в данных организациях, носят характер взаимовыгодной обратной связи.

Каждая страна имеет свой формат проведения стажировок и специализируется на определенных темах для российских управленцев.

Страна	Срок стажировки	Темы стажировок
Германия	1-3 месяца	Широкий спектр, прежде всего промышленность, энергосбережение, здравоохранение судостроение, нефть, газ, IT, др.
Япония	2 недели	Энергоэффективность, контроль качества, здравоохранение, управление МСП, экологический бизнес, строительство, др.
Франция	6 недель	Широкий спектр, в т.ч. одежда, мода, пищевая промышленность, ядерные технологии
Финляндия	2 недели	Деревообработка, строительство, туризм, логистика, профессиональное обучение
Нидерланды	1 месяц	Энергетика, инновации, с/х и животноводство, др.
Норвегия	1 месяц	Судостроение, нефть, газ, IT, др.
США	1 месяц	Управление в инновационных сферах экономики

Стажировки за рубежом организуют партнеры Президентской программы: Национальный координатор Германии Общество InWent (Германия), Торгово-промышленная палата Франции, Конфедерация Бизнеса и Промышленности Норвегии (NHO), Агентство содействия внешней торговли Нидерландов (EVD Agency for International Business and Cooperation), Центр по оказанию услуг и составлению документации для международного экономического сотрудничества INFORMEST (Италия), ОJT (Япония) и ряд других.

Результаты прохождения зарубежных стажировок российскими специалистами в рамках Президентской программы показаны на рис. 6.

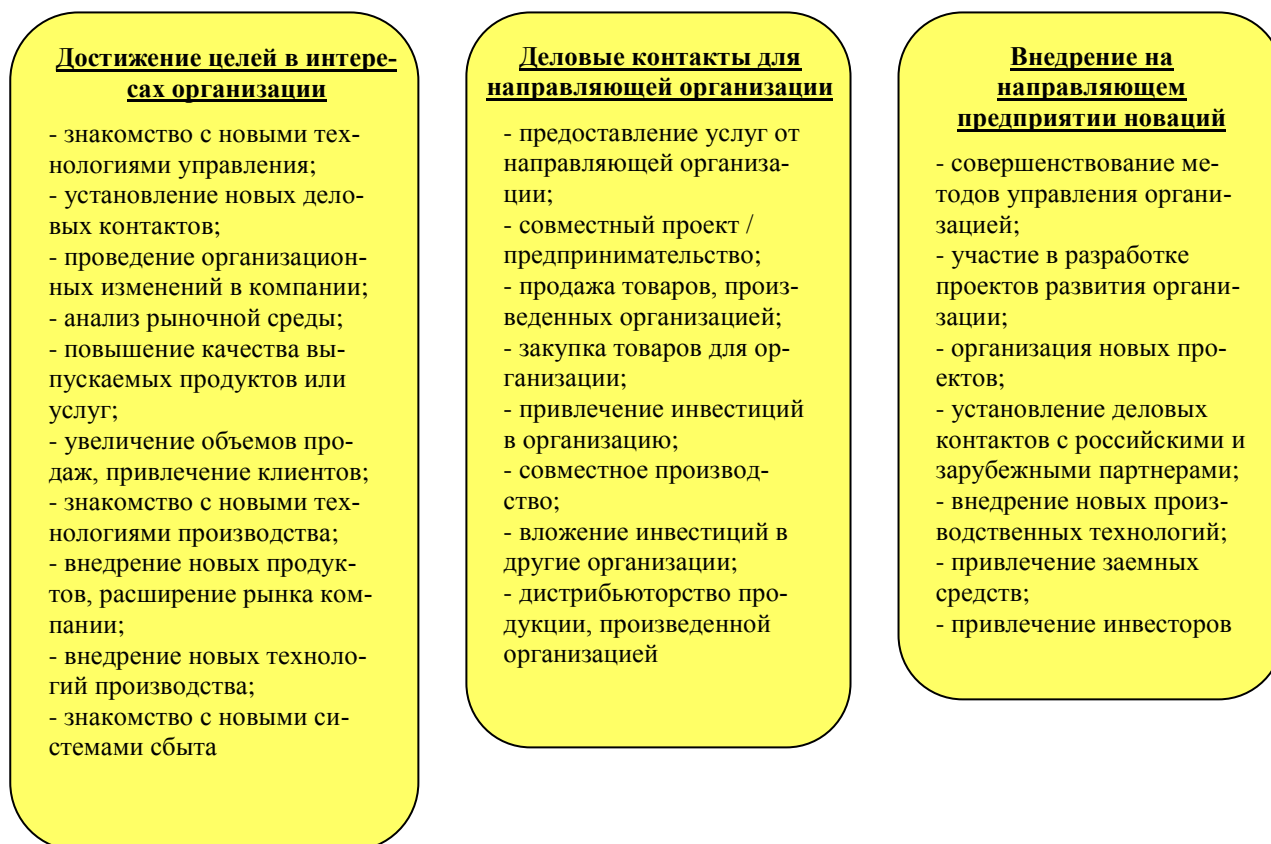

Рис. 6. Результаты прохождения зарубежных стажировок

Важное место в реализации Президентской программы занимает постпрограммная работа, которая включает в себя два направления – объединение выпускников в общественную организацию и дальнейшее повышение их компетенций и конкурентоспособности. Почти во всех регионах РФ созданы ассоциации выпускников Президентской программы, основными задачами которых является развитие управленческих профессиональных компетенций, образование экспертного сообщества и профессионального выпускников Программы, повышение бизнес-культуры в регионах, а также деятельность, включающая социальные, спортивные, благотворительные проекты.

Анализ показателей эффективности Президентской программы за 2009 – 2012 годы показывает следующее:

- в среднем 8% выпускников создают новые предприятия (до 400 в год);
- ежегодно от 15 до 35% выпускников по итогам Программы реализуют проекты с созданием новых рабочих мест (в среднем 15-20 рабочих мест на один реализуемый проект), что в сумме создает ежегодно от 5 000 до 10 000 новых рабочих мест;
- в результате зарубежных стажировок 10-15% участников создают совместные предприятия или проекты (до 80 совместных проектов в год);
- ежегодно 30% выпускников Программы реализуют проекты снижения издержек на своих предприятиях, которые оцениваются в среднем в 15%;
- ежегодно 25% выпускников по итогам обучения в Программе реализует эффективные проекты, со средним экономическим эффектом в 4 млн. рублей, что составляет более 4 млрд. рублей в год;
- ежегодно выпускниками Программы по итогам зарубежных стажировок привлекаются иностранные инвестиции в размере от 5 до 20,0 млн. евро (автомобильная промышленность, туризм, образование и др.).

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что выпускники Президентской программы – колоссальный кадровый, управленческий ресурс. Это специалисты, обладающие современными управленческими и инновационными технологиями. Они являются активными участниками проектов по отбору кандидатов в кадровый резерв, как на региональном, так и на федеральном уровне.

Значение Президентской программы для Белгородской области и эффективность ее реализации подтверждается теми позитивными сдвигами, которые происходят в сферах развития кадрового потенциала региона, повышения качества управления региональными предприятиями и организациями.

Проведенный анализ показал, что:

- в среднем 75% выпускников Программы устанавливают новые деловые и коммерческие контакты;
- 15% выпускников Программы получают повышение в должности в течение 1 года после завершения обучения, 25% – в последующие 2-3 года;
- более 60% выпускников отмечают расширение круга полномочий и «укрепление собственных позиций на предприятии»;
- 4% выпускников создают собственное предприятие;
- ежегодно 28% выпускников Программы реализуют проекты снижения издержек на своих предприятиях;
- в среднем 60% выпускников Программы реализуют проекты развития организации, разработанные в ходе обучения и стажировки, из них более половины реализуют проекты с созданием новых рабочих мест;
- 11 выпускников перешли на работу в органы исполнительной власти области на руководящие должности.

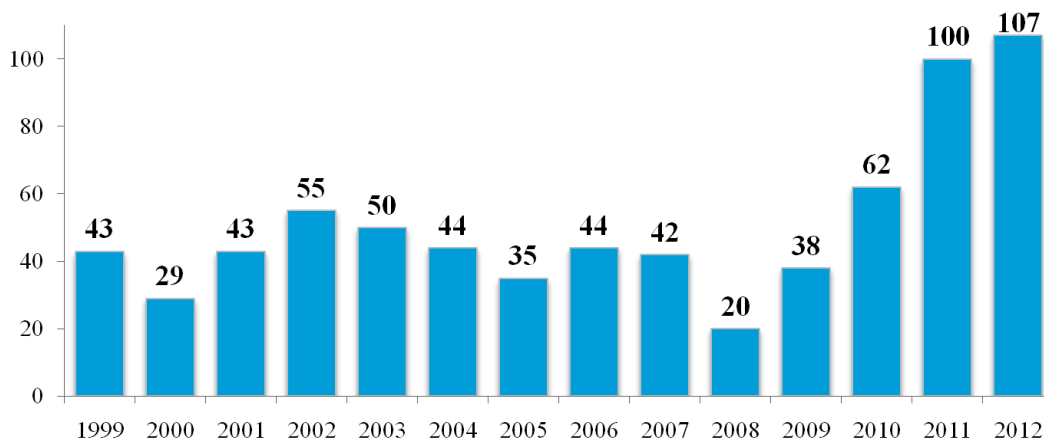

Рис. 7. Реализация Президентской программы в Белгородской области (участников).

На сегодняшний день Программа выполнила задачи, поставленные перед ней Президентом Российской Федерации в 1997 году – обеспечила «стартовую» управленческую и экономическую грамотность управленческих кадров в российских регионах.

Новая цель Программы – подготовка современных высококвалифицированных менеджеров для решения задач модернизации социальной сферы и экономики (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, электроэнергетика и др.), внедрения инноваций, улучшению инвестиционного климата.

Для достижения поставленной цели Правительством Российской Федерации было принято решение о продлении сроков реализации Президентской программы до 2015 года.

Программа должна решить новые задачи:

- ✓ подготовка эффективных менеджеров для приоритетных отраслей экономики;
- ✓ формирование управленческих компетенций у субъектов малого и среднего предпринимательства;
- ✓ обеспечение социальной сферы менеджерами нового поколения для эффективной реализации модернизационных процессов в здравоохранении и образовании;
- ✓ формирование контактов с иностранным бизнесом, трансфер технологий, привлечение инвестиций, создание совместных предприятий;
- ✓ повышение культуры бизнеса.

Уже сегодня можно сказать кратко об итогах реализации нового формата Программы в РФ за 2011-2012 годы:

- повышение квалификации управленческих кадров в сфере здравоохранения и образования – 6985 человек;
- подготовка профессорско-преподавательского состава Программы – 200 человек;
- организация проведения зарубежных стажировок участников Программы – 196 человек;
- формирование банка проектов участников Программы – более 300 проектов;
- разработаны 60 УМК, 4 компьютерных симулятора и 30 учебных модулей, характеризующих проблемные ситуации, представляющие наилучшие практики реализации проектов модернизации здравоохранения и образования;
- формирование списков участников Программы, отобранных в установленном координаторами Программы порядке для их рекомендации в кадровые резервы.

Понимая, что эффективность и результативность Программы в части влияния на развитие экономики регионов РФ может быть определена, в основном, с точки зрения оценки постпрограммного периода, нужен механизм, методика оценки «отдачи» Программы. Это можно сделать через мониторинг реализации проектов выпускников. В связи с этим необходима разработка технологии управления портфелем проектов, индикаторами.

торов результативности и эффективности проектов. Разработка данной технологии даст возможность не только оценить результативность, но и активно влиять на реализацию проектов, а значит увеличивать эффективность Программы.

Основными показателями, характеризующие эффективность Президентской программы являются:

- улучшение инвестиционного климата в регионе;
- создание новых предприятий и организаций, в том числе субъектами малого и среднего предпринимательства;
- создание новых рабочих мест;
- внедрение инновационных проектов в различные сектора экономики;
- реализация проектов в сфере энергосбережения и энергоэффективности;
- создание совместных предприятий с зарубежными партнерами;
- привлечение промышленных технологий;
- ускорение модернизационных процессов в социальной сфере, прежде всего, в здравоохранении и образовании.

Сегодня экономике необходимы менеджеры определенного склада – волевые, с умом и воображением, с умением преобразовать знания в практические навыки; управленцы, которые понимают, что обучаться и получать новые компетенции необходимо непрерывно.

Решить проблему воспроизводства и обеспечения кадрами развивающуюся региональную экономику можно только тогда, когда образование, наука, производство и государство выступают как социальные партнеры, ответственные за решение общей задачи: повышение качества жизни белгородцев.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 года № 1665-р «О программе подготовки управленческих кадров в сфере здравоохранения и образования в 2011 – 2014 годах».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2011 года № 783 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 177»
3. По материалам доклада заместителя Министра экономического развития Российской Федерации А.Ю. Левицкой «О развитии Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2011 – 2014 годах» 14 июля 2011 года.
4. www.pprog.ru

PRESIDENT'S MANAGEMENT TRAINING PROGRAMME AS REPRODUCTION OF TECHNOLOGY PROFESSIONAL STAFF CAPACITY FOR REGIONAL ADMINISTRATION

V.M. ZAKHAROV

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
zakharov@bsu.edu.ru*

The «President» program on training managers as the technology of reproduction of the professional potential of personnel for regional management has been considered in the article. The author discusses the data for the realization of the Presidential program in the Belgorod region and the main indicators of the effectiveness of the Presidential program.

Keywords: administrative staff, technology, professional potential, frames, regional management.

УДК 378.091

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ В ВУЗЕ**В.Б. ТАРАБАЕВА***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы производства интеллектуальных знаний в вузе и проблема управления интеллектуальным капиталом в системе высшего профессионального образования.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, воспроизводство, знания, управление, вуз.

Способность использовать интеллектуальные ресурсы и создавать новые решения для удовлетворения человеческих потребностей начинает занимать центральное место в экономике, основанной на знаниях. Несмотря на то, что исторически практическое использование определённых форм, образующих интеллектуальный капитал, связано с началом производственной деятельности человека, в научный оборот понятие «интеллектуальный капитал» введено сравнительно недавно. Чаще всего это понятие обозначает нематериальные активы, стоимость которых составляет разность рыночной цены фирмы и стоимости её материальных активов. Вместе с тем категория интеллектуального капитала должна определяться выделенным К. Марксом фундаментальным свойством категории «капитал» как самовозрастающей стоимости. К. Маркс, моделируя трансформацию денежной и товарной форм стоимости, выделяет эффект её самовозрастания в процессе производства, где она «изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает её в капитал»¹. Согласно определению К. Маркса, «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превращается в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним»².

Попытки анализа феномена знания в бизнесе прослеживаются на всех этапах его развития. Ф. У. Тейлор в своей школе «научного управления» начал формализовывать опыт и навыки рабочих в объективное и научное знание, не осознавая при этом, что решение рабочего было источником нового знания³. Честер Барнард изучал значение «поведенческого знания» в процессах управления. П. Друкер, вводя термин «интеллектуальный работник», позже утверждал, что в «обществе знания» базисным экономическим ресурсом уже являются знания, а не капитал, природные ресурсы или рабочая сила. В дальнейшем он отмечал, что «знание стало ключевым экономическим ресурсом и доминантой — и возможно даже единственным источником конкурентного преимущества»⁴. Это следует из его утверждения, что увеличение производительности на основе знания представляет большую задачу менеджмента XX века, наравне с инновациями и увеличением производительности при сплошной индустриализации процессов ручного труда. Знанию отдаёт приоритет и А. Маршалл, утверждая, что капитал составляют в большей части знания и организация, и знание является самым мощным двигателем производства⁵.

Сегодня считается, что интеллектуальный капитал — это знания, навыки и производственный опыт конкретных людей и нематериальные активы, включающие патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и др., которые производительно

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1, кн. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 161.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. // Соч. 46, ч. II. С. 215.

³ Тейлор Ф. «Принципы научного менеджмента» // монография, 1911. С. 125.

⁴ Drucker P. Beyond the Information Revolution // The Atlantic Monthly, October 1999. — Vol. 284., № 4.

⁵ Managing Industrial Knowledge: Creation, Transfer and Utilization. — Sage Publications, 2001. — p. 138.

используются в целях максимизации прибыли и других экономических и технических результатов.

В работах отечественных авторов и переводах зарубежных публикаций совокупность объектов, включаемых в состав интеллектуального капитала, называют активами, так же как в структуре материальных и финансовых ресурсов в бухгалтерском балансе. Вместе с тем за термином «актив» закреплены определённые экономические и правовые атрибуты, какими не обладает доминирующий ресурс интеллектуального капитала — знания. Поэтому интеллектуальный капитал включает и материальные авуары, и активы типа патентов, торговых марок, операционных технологий и компьютерных программ, и неосязаемые ресурсы — знания, технические навыки, компетентность и деловые возможности сотрудников.

Ресурсы интеллектуального капитала объединены в три группы: человеческие ресурсы, структурные и рыночные ресурсы и активы⁶. Человеческие ресурсы включают совокупность индивидуальных и коллективных знаний персонала фирмы, компетенцию — знание и опыт в конкретной области, творческие способности, технологические и управленческие навыки и т. п. Рыночные активы и ресурсы связаны непосредственно с операциями на рынке и обеспечением конкурентных преимуществ фирмы. Структурные активы обеспечивают успешное функционирование основного производства.

Среди человеческих ресурсов в первую очередь обычно называют «знания», но гносеологические и онтологические атрибуты этого понятия не конкретизируются. При этом фактически происходит отождествление понятий «знание», «информация» и «базы данных». Таким образом, рассматриваются только субстантивные аспекты «знания», а процедурные аспекты подразумеваются только на технологическом уровне ноу-хау. Вследствие этого в структуру интеллектуального капитала не включены общенаучные, экономические и математические методологии и методы. Эти методологии и методы не имеют отраслевых ограничений (как ноу-хау) и ограничений, связанных с правами собственности. Они являются результатом прошлого исключительно интеллектуального труда (в большинстве случаев — неоплаченного). Приобретение и использование этого интеллектуального ресурса не связано с какими-либо издержками и, соответственно, в отличие от традиционных факторов производства они не переносят свою стоимость на вновь созданный продукт и не увеличивают его себестоимость. Эти ресурсы вследствие своей неограниченной распространённости не обладают ликвидностью и имущественными правами, их наличие в той или иной форме не может оказать влияние на рыночную стоимость фирмы. Тем не менее, они являются ресурсом и производственным фактором. По своей экономической сущности знания являются идеальным возобновляемым ресурсом, производство и эксплуатация которого также является идеальным. При соответствующих условиях их применения они обеспечивают извлечение дополнительной экономической выгоды. Эти новые стоимости создаёт интеллектуальный труд менеджеров.

Таким образом, общенаучные, экономические и математические методологии и методы обладают основным свойством капитала — производить новые стоимости — и должны быть включены в структуру интеллектуального капитала. Формально эти ресурсы образуют базу методологических знаний, которая в равной мере может включаться в состав человеческих и структурных ресурсов интеллектуального капитала.

Гносеологические и онтологические концепции структуризации знаний определяются тем, что они являются ядром интеллектуального капитала. В общенаучном, философском аспекте знание — проверенный общественно-исторической практикой и удостоверяемый логикой результат процесса познания действительности, адекватное её отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. При этом структура знаний имеет гносеологическую основу в зависимости от природы их формирования — научные, житейские, художественные и др. Вместе с тем имеет основное и онтологический подход к структуризации знания и близких к нему категорий по направлению их использования. В случае интеллектуального капитала для этих целей можно применить понятие «корпоративные знания» в следующем определении: корпоративные знания — совокупность общенаучных и специальных знаний, производствен-

⁶ Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. М.: Поколение, 2007. 368 с.

ного опыта и навыков, баз знаний и данных, используемых в интеллектуальном капитале фирмы для получения экономических и технологических результатов. В общем случае в корпоративных знаниях следует выделить нормативные знания — руководства по использованию средств и предметов труда, know-how, технологические инструкции и т. п. Другую группу знаний — дескриптивных, образуют общенаучные и специальные знания.

В корпоративных знаниях можно выделить следующие типы специальных знаний: экономические, математические, отраслевые и технологические знания. При этом общенаучное знание «пронизывает» все виды специальных знаний. Особые свойства экономического знания в интеллектуальном капитале заключаются в том, что в отличие от общенаучных, оно рассматривает достаточно узкий диапазон искусственных систем и деятельность человека как экономического агента, вместе с тем и по тем же причинам захватывают более широкую область, чем традиционные технологические и отраслевые знания. Сгруппированные по конкретным признакам названных научных и технологических знаний на твердых или электронных носителях, они образуют тематические базы знаний (библиотеки).

В рамках интеллектуальной экономики человеческий интеллект принимает форму интеллектуального потенциала, творческое применение которого в воспроизводственном процессе обеспечивает создание интеллектуальных жизненных благ. Интеллектуальный потенциал, реализуемый в созидательной деятельности субъекта, принимает форму интеллектуального капитала. Исследованию интеллектуального капитала в целом, а также интеллектуального капитала современной организации посвящается работа Б.В. Салихова⁷.

Особое место здесь отводится рассмотрению интеллектуальных знаний, расширенное воспроизводство которых составляет основу развития интеллектуального капитала субъекта.

Таким образом, знание — это сознательно и целенаправленно актуализированная, обобщенная, систематизированная, структурированная и скоординированная информация, представляющая собой проверенный практикой и относительно истинный результат познания действительности. Если к приведенному определению добавить такие характеристики, как «созидательность» и «ноосферность», то возникнет интеллектуальное знание. Важнейшим выводом из приведенного определения сущности знания является то, что обобщающий характер знания объективно предопределяет системность поиска и выявления нового знания. Производство новейших знаний не может быть фрагментарным: нужна систематизированная процедура их формирования и позиционирования в более общей системе уже существующих знаний.

Очевидно, что способность создавать знания должна формироваться в процессе подготовки специалистов. И именно в этом заключается основная задача вузов.

Создание (производство) знания — это процесс выявления из соответствующих источников определенной востребованной информации и формирование на этой основе требуемого нового знания. Либо это процесс сознательной генерации нового знания в ходе экономического дискурса, осуществляемого, например, в рамках организации, некоего профессионального сообщества и т.д. Производство нового знания, таким образом, может заключаться в систематизации ранее существующей информации, а также представлять собой результат целенаправленного дискурса, где на основе существующих знаний создается новое знание⁸.

И. Нонака и Х. Такеучи⁹ разработали методологию, предлагающую четыре способа приобретения и создания знаний: социализация, экстернализация, интернализация и комбинация. Эта методология описывает четыре состояния знаний в процессе управления ими на этапе создания и трансформации двух типов знаний — явных и неявных.

Социализация знаний заключается в предоставлении знаний в общее пользование или превращение неявных знаний. В этом случае происходит расширение поля или

⁷ Салихов Б.В. «Интеллектуальный капитал организации (Сущность, структура и основы управления)» Дашков и К. 2009. 265 с.

⁸ Салихов Б.В., Нейматова Б.А. Интеллектуальное предпринимательство в сфере производства корпоративных знаний / Б.В. Салихов, Б.А. Нейматова // Креативная экономика — 2009, № 1(25).

⁹ Nonaka T., Takeuchi H. Knowledge — Creating Company. New York: Oxford University Press, 1995.

числа собственников неявных знаний. В процессе социализации осуществляется невербальная передача скрытого знания от одного человека к другому, в том числе и путём наблюдения. Последнее широко используется в социальном научении.

Экстернализация знаний – это превращение неявных знаний в явные представления. Такой перевод скрытых знаний в формализованные И. Нонака предлагает осуществлять поэтапно через метафоры, аналогии и формирование интеллектуальной модели или представления о новом знании.

Комбинация или соединение разных знаний осуществляется с целью создания новых знаний или имеет целью превращения явных знаний в другие явные знания. Завершающим этапом этого процесса являются создаваемые исследователями концепции и теории. Передача явных, кодифицированных знаний от одних людей к другим происходит преимущественно вербально. Здесь также могут быть использованы электронные носители, книги и т.д.

Интернализация знаний или их усвоение представляет собой воплощение – превращение явных знаний в неявные знания. Происходит это путём освоения опыта и обогащения интуитивного знания. Превращение явного знания на основе индивидуального восприятия в скрытую форму обычно осуществляется в ходе выполнения какой-либо работы.

Вербализация и усвоение передаваемых знаний не могут происходить без активного участия человека, без его личной заинтересованности. И. Нонака уверен, что «человек хочет учиться/ научиться и усвоить/ передать свои знания»¹⁰. Эти этапы приобретения и создания знаний можно проследить в деятельности преподавателей и студентов вуза.

Однако, не только передача и усвоение знаний характерно для вуза. Необходимо, на наш взгляд, дополнить ещё один этап – этап обогащения и появления новых знаний. В ходе применения тех или иных знаний в конкретной ситуации происходит их обогащение. «Усваивая и применяя знания, человек, с одной стороны, максимально использует имеющиеся у него явные знания, а с другой – добавляет к этому нечто личностное, известное только ему, создавая в каждом конкретном случае неявные знания. В результате начальные знания поднимаются на новый уровень, т.е. появляются новые знания»¹¹. Таким образом, вуз непосредственно связан с производством новых знаний. Фактором такого производства является уже созданный интеллектуальный капитал вуза, материализованный в созидательных свойствах членов коллектива вуза и представленный системой знаний. Ранее отмечалось, что существует «внутреннее» интеллектуальное производство, направленное на развитие интеллектуальных сил и способностей членов коллектива вуза. Фактором этого интеллектуального производства является, как известно, интеллектуальный капитал.

Кадровое и институциональное обеспечение процесса производства интеллектуальных знаний – основное направление деятельности руководства вуза. Сегодня широкое распространение в вузах получила проектная деятельность, в том числе области производства новых знаний. Задача руководства здесь состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить «точечность» использования кадров в рамках организуемых проектов (возглавлять созидательные проекты должны руководители, способные неординарно мыслить и умеющие организовать и возглавить «мозговые штурмы», что и есть способ производства знаний).

Кадровая стабильность, особенно в среде руководителей проектных групп, их обеспеченность всем необходимым для креативной деятельности, развитая система поощрений и «беспредельность» стратегических исследовательских перспектив позволят создать устойчивость и предсказуемость в расширенном воспроизводстве интеллектуальных знаний, а, значит, в осуществлении проектов в вузе. Предметом особого внимания руководителя вуза является создание норм, регулирующих и координирующих развитие лидерских качеств у руководителей проектных групп, да и у всего персонала вуза.

Во-вторых, менеджмент интеллектуального капитала вуза должен интенсифицировать кадровую и информационную «подпитку извне», что оградит персонал от созидательных повторов. Отмеченная «подпитка извне» может заключаться в найме «целевых»

¹⁰ Нонака И. Компания – создатель знания // Управление знаниями (серия «Классика Harvard-BusinessReview»): пер. с англ. М: Альпина Бизнес Букс, 2006.

¹¹ Наумов А.И., Взоров В.Н. Концепция управления знаниями и практика компании IBM // Вестник Московского университета. Серия 24. Менеджмент. – 2012. – №2. – С. 53.

сотрудников – носителей требуемых знаний. Кроме того, вуз может осуществить патентный поиск и приобрести лицензию на использование ранее произведенных знаний. Однако, в контексте расширенного воспроизводства знаний, приобретенные знания «со стороны» предназначены не столько для непосредственного использования, сколько для генерации новых интеллектуальных знаний.

В-третьих, менеджмент интеллектуального капитала вуза призван создать благоприятные социально-экономические условия для расширенного воспроизводства интеллектуальных знаний. Практика показывает, что эффективность созидательной деятельности персонала вуза определяется их морально-материальной заинтересованностью. По сути, речь идет о развитости системы собственности каждой личности на свой интеллектуальный капитал.

В-четвертых, производство интеллектуальных знаний должно осуществляться в рамках определенной институциональной инфраструктуры. В связи с этим, институциональное знание сотрудников вуза может иметь ключевое значение для интеллектуального производства. Практика свидетельствует, что «институты имеют значение» (по Д. Норту)¹² не в абстрактной постановке, а с точки зрения обеспечения скорости осуществления внутренних и внешних трансакций. Отсюда императивом современного интеллектуального предпринимательства все более становится предпринимательство институциональное, призванное обеспечить, в том числе, высокоэффективную трансформацию неявных знаний – в знания явные.

В рамках вуза могут действовать, например, открытость и доступ любого сотрудника к имеющимся базам знаний, что способствует «открытости» и самого сотрудника; пример формального или неформального лидера в распространении «добытых» знаний (любой пример всегда заключает в себе институциональный потенциал); демонстрация успешности и система поощрений для тех, кто не «скупится» на свои знания и осуществляет их формализацию; внедрение правила, связанного с требованием к каждому сотруднику иметь индивидуальную базу знаний; введение и развитие «совещательности» и дискуссионности и др.

Механизм производства интеллектуальных знаний в вузе можно определить как взаимосвязанное и развивающееся единство источников, условий, факторов и способов, обеспечивающих синергетический результат в форме создания новейших знаний в рамках дискурсивного созидательно-энергетического пространства. Задача руководителя вуза заключается в «наладке» данного механизма и обеспечении его «бесперебойной» работы.

В результате, можно сделать следующие умозаключения. Во-первых, управление процессом производства интеллектуальных знаний в вузе должно быть системным. Только в этом случае обеспечивается оптимизация явных и неявных знаний, а также «внутреннего» и «внешнего» интеллектуального капитала вуза.

Во-вторых, исходным звеном деятельности менеджеров в сфере обеспечения высокой эффективности управления знаниями в вузе является определение общественной потребности в интеллектуальном продукте, что позволяет осуществить адекватный экономический выбор в использовании интеллектуального потенциала вуза. Для решения задачи необходимо развивать маркетинг интеллектуальных продуктов, который должен работать на опережение, формируя в сознании реальных и потенциальных потребителей образ «товарных замыслов», заключающих в себе ключевые свойства инновационных продуктов.

В-третьих, результаты интеллектуально ориентированного маркетинга менеджеров интеллектуального капитала «внедряет» в дискурсивное пространство вуза. Недостаток требуемых знаний актуализирует управление дополнительным их производством в рамках обмена-общения. Очевидно, что не существует опасности «перепроизводства» интеллектуальных знаний, поскольку возникающее в процессе творческой деятельности и дискуссий «попутное знание» может пригодиться в будущем. Созданные новые знания, материализуются в конечном рыночном продукте и в этой своей «оболочке» переходят в сферу рынка, где и тестируются на предмет их доходности. Чем выше уровень качества произведенных новых знаний, тем на больший объем интеллектуальной ренты может рассчитывать предприятие.

¹²Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

В-четвертых, ключевым звеном управления знаниями является активизация «внутреннего» интеллектуального капитала вуза. Конкретика этого управления непосредственно увязывается с созданием благоприятных социально-экономических и институциональных условий. Речь идет о развитии системы интеллектуальной корпоративной собственности, а также о создании инновационных институтов, обеспечивающих сокращение транзакционных издержек, интенсифицирующих обмен-общение.

Особое внимание должно быть уделено формам доходности от интеллектуального предпринимательства в вузе. В условиях одноименного производства базовой формой доходности является не опосредованная товарно-денежными транзакциями потребительская удовлетворенность от творческой самореализации участников созидательного процесса. В процессе такой самореализации осуществляется действительное развитие преподавателя или сотрудника вуза как творца-интеллектуала, что и является для него основным результатом интеллектуально-инновационной деятельности.

В-пятых, сферой особого исследовательского внимания и практического использования является синергетическая эффективность социально-экономических внутривузовских взаимодействий. Данная эффективность является функцией интенсивности дискурсивных транзакций. При этом любые проявления администрирования и внутренней бюрократизации приводят к разрушению пространства развивающего обмена-общения.

Дискурсивное пространство созидательных транзакций следует рассматривать как интеллектуальный важнейший базовый актив вуза. Существующие характеристики созидательных сил дискурсивного пространства часто трактуются как «творческий корпоративный дух», или «благоприятная атмосфера для делового сотрудничества» и т.д. Руководству вуза необходимо заботиться о том, как произвести и сохранить эту атмосферу, обладающую потенциалом созидания новых идей и знаний.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Т. 1, кн. 1. — М.: Политиздат, 1988. — С. 161.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Соч. 46, ч. II, с. 215.
3. Наумов А.И., Взоров В.Н. Концепция управления знаниями и практика компании IBM//Вестник Московского университета. Серия 24. Менеджмент. — 2012. — №2 — С.53.
4. Нонака И. Компания — создатель знания // Управление знаниями (серия «Классика HarvardBusinessReview»): пер. с англ. — М: Альпина Бизнес Букс, 2006.
5. Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180с.
6. Салихов, Б.В. «Интеллектуальный капитал организации (Сущность, структура и основы управления)» — Дашков и К., 2009. — 265 с.
7. Салихов Б.В., Нейматова Б. А. Интеллектуальное предпринимательство в сфере производства корпоративных знаний / Б.В. Салихов, Б.А. Нейматова // Креативная экономика, 2009, № 1(25).
8. Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. — М.: Поколение, 2007. — 368 с.
9. Тейлор Ф. «Принципы научного менеджмента» : монография, 1911. — С 125.
10. Drucker P. Beyond the Information Revolution // The Atlantic Monthly, October 1999.— Vol. 284, № 4.
11. Managing Industrial Knowledge: Creation, Transfer and Utilization. — Sage Publications, 2001. — P. 138.
12. Nonaka, T., Takeuchi, H. Knowledge — Creating Company. New York: Oxford University Press, 1995.

MANAGEMENT OF THE INTELLECTUAL CAPITAL IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

V.B. TARABAEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

The article discusses the questions of production of intellectual knowledge and the intellectual capital management in higher education institution.

Keywords: intellectual capital, reproduction, knowledge, management, higher education institution.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.4

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ ФРАНЦУЗСКОГО ОПЫТА КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ

Л.В. БУТЬКО*Кубанский государственный
аграрный университет**e-mail: ved2_lav@bsu.edu.ru*

В статье показаны особенности реформирования Конституции Франции 1958 г. и возможности использования в России опыта конституционных реформ этого государства. С учетом цикличности преобразовательных процессов и на основе сравнения представлены концептуальные сходства и различия Основных законов двух стран, дана оценка механизмов и процедур совершенствования Конституции, возможности их применения в России.

Ключевые слова: Конституция, конституционные реформы, постепенность трансформации, юридический инструмент, цикличность конституционного развития.

Наблюдая разнообразие мировой конституционно-правовой практики, следует считать одной из задач правовой науки необходимость объяснения причин такого разнообразия на основе сравнительного правоведения. Богатую фактологическую базу для этого дают процессы конституционного реформирования, которые заметно активизировались в последние десятилетия не только в России, но и в других странах. В связи с этим юридическая наука вновь и вновь вынуждена возвращаться к оценкам эффективности проведения конституционных реформ в контексте отражения в конституциях идей конституционализма. Рост актуальности указанных вопросов предопределен процессами глобализации и модернизации, наблюдаемыми в реальной жизни, влекущими трансформацию конституционно-правовой материи и модификацию научных исследований. Необходимость сравнительного анализа подтверждается еще и тем, что признаки и черты объекта исследования можно отыскать «в политической практике самой седой древности, а все его современные воплощения обросли столь многими и разнородными обобщениями, что впору говорить еще об одной очень давней и никак не поддающейся внятному растолкованию теме»¹.

Уникальный опыт конституционного строительства имеет место в истории Франции. Он дает возможность наблюдать завидное постоянство и преемственность воплощения идей конституционализма в конституциях разных исторических эпох этого государства, а также трансформацию, как применяемых моделей конституционализма, так и юридических особенностей конституций, их структуры, принципов, порядка принятия, изменения и др.

¹ Графский В.Г. Конституционализм как предмет изучения // Право. 2009. № 3. С. 3.

В истории конституционных реформ России и Франции можно обнаружить не мало сходного, чем объясняется востребованность в России французского опыта при выборе модели конституционного строя, институтов государственности (вспомним, к примеру, о том, что одной из форм социалистической государственности, пропагандируемой в советское время, считалась модель типа Парижской коммуны). В определенной степени французский опыт использован и при создании действующей российской Конституции. Так, институт Конституционного Сопреждения, использованный при обсуждении и доработке проекта Конституции РФ в 1993 г. сравнима с обсуждением Конституции Франции 1958 г. на консультативном комитете, конституции обеих стран принимались на референдумах. Сравнимыми могут считаться и политические кризисы, предшествующие принятию указанных конституций. Возможности дальнейшего обращения к французскому опыту по-прежнему сохраняют свою актуальность.

В научной литературе в оценках процессов реформирования, которые вызывают самые разноречивые мнения², применяется теория цикличности. По мнению А.Н. Медушевского, «конституционный цикл – период, в ходе которого в обществе через известные промежутки времени происходит смена основных состояний конституционного регулирования – от утраты старой конституции (Основного закона) к принятию новой, а затем – трансформации последней под влиянием реальности»³. Фазами цикличности ученый называет *деконституционализацию* как отказ от старого Основного закона; *конституционализацию* в лице принятия нового Основного закона; *реконституционализацию* – процесс изменения новой конституции под влиянием изменившейся социальной реальности⁴.

Несколько по-иному содержание и цикличность конституционных процессов представляет В.Е. Чиркин, органично связывая их с судьбоносными историческими событиями, которые ученый именует «историческими вызовами»⁵. Образцом страны, прошедшей в истории своей Конституции все три предлагаемые В.Е. Чиркиным цикла (вызова), следует считать Францию. Первому циклу соответствует Конституция Франции 1791 года, второму циклу – Конституция Франции 1946 года и, наконец, третьему циклу соответствует Конституция 1958 года.

В связи с этим конструкция цикличности, предложенная В.Е. Чиркиным, как доказанная историей, несмотря на известную условность хронологии, заслуживает поддержки и внимания. Идеи ценности конституционализма каждого времени находили свое подтверждение при закреплении принципов, категорий, дефиниций в нормах конституций соответствующих исторических периодов.

Этот опыт позволяет обосновать особенности современного конституционного развития. Во-первых, назовем стремительность нарастания изменений в мироустройстве в связи с расширением демократических процессов на постсоветском пространстве и в других регионах мира – Азии, Африке, Латинской Америке. Эти изменения потребовали конституционализации новых моделей власти, новых условий конституционного регулирования статуса человека и гражданина, модернизации институтов государственного устройства и других фрагментов предмета конституционного регулирования, включение в него новых блоков отношений, к примеру, касающихся экологии и экологической безопасности. Во-вторых, имеются попытки создания универсальных теоретических кон-

² Аничкин Е.С. Конституция Российской Федерации в условиях современного развития; Киреев В.В. Политико-правовые проблемы развития теории конституционных реформ; Бутько Л.В. Теория конституционных реформ как научное направление; Безруков А.В. Современные конституционные реформы в России: тенденции и перспективы / Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран. Материалы международной научной конференции, Москва 10-13 марта 2010 года. М., 2010. С. 22-57.

³ Медушевский А.Н. Право и справедливость в политических дебатах постсоветского периода // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2012. № 2 (87). С. 25.

⁴ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2005.

⁵ Первым таким вызовом автор считает «вызов общества Нового времени», суть которого состояла в требованиях «равноправия, ликвидации абсолютизма и феодальных привилегий». «Второй крупный вызов, – по мнению В.Е. Чиркина, – был связан с демократическими и особенно социальными требованиями широких слоев населения», в результате которых «в конституции стали включаться социальные положения». «Третий крупный вызов, – утверждает ученый, – сопутствует нашему времени» / Чиркин В.Е. Вызовы современности и развитие французской конституции // Право. 2008, № 1. С.100-101.

струкций конституционализма на базе усиления вариативности их юридического воплощения в конституционных нормах.

Из опыта французских конституционных реформ для использования в России представляются полезными: 1) моменты, свидетельствующие о реализации преемственности и постепенности воплощения идей конституционализма; 2) особенности структурирования предмета конституционно-правового регулирования; 3) своевременное реагирование на актуальные вызовы современности.

Отметим, что действующая ныне Конституция Франции считается 17-й в истории государства и ею оформлен 22-й по счету политический режим⁶. В Конституции 1958 г. нашли подтверждение такие конституционные принципы, как суверенитет народа, многопартийность, ответственность правительства перед парламентом. На ее основе были проведены реформы, изменившие конституционный режим, избирательную систему, систему управления, законодательные полномочия, финансовую сферу, правосудие, армию. Эти реформы были нацелены на долгосрочную перспективу, благодаря чему данная Конституция оказалась столь жизнеспособной и имеет самый длительный срок применения среди французских конституций – уже более 50-ти лет⁷.

Опыт ее применения свидетельствует о постепенности накопления в юридическом содержании конституционных норм различных ценностей конституционализма, воспринимаемых каждой очередной конституционной реформой на основе преемственности, а также об их эмпирической обусловленности практикой государственного строительства страны. Тем самым соответствие конституции и конституционализма доведено до уровня, обеспечивающего реальность и действенность Конституции. Изменения и поправки, вносимые в Конституцию Франции 1958 года в последние десятилетия, свидетельствуют о продолжении процесса накопления в конституционном блоке страны ценностей обновляемой концепции современного конституционализма⁸.

Структура действующей французской Конституции представлена не одним, а несколькими консолидированными документами. Автономными частями (элементами) структуры французской Конституции, выстроенными хронологически, считаются: Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Преамбула Конституции 1946 г., Конституция Франции 1958 г., Хартией окружающей среды 2004 г. введенная в структуру французской Конституции со 2 марта 2005 г. Следует также отметить ряд поправок к Конституции 1958 г., внесенных в разные годы. Но элементами структуры Французской Конституции они не признаются. Для понимания исторической преемственности Французской Конституцией идеалов конституционализма наукой конституционного права введено в оборот понятие «конституционного блока», объединившего все перечисленные элементы. Их описание позволяет не только углубить представление о структуре Французской Конституции, но и наглядно продемонстрировать особенности ее реформирования, а также же воплощение компонентов конституционализма французскими конституциями разных исторических эпох на основе принципа преемственности.

Первым элементом конституционного блока является сама Конституция 1958 года в полном объеме своего текста. Во второй элемент включены акты, названные в Преамбуле Конституции 1958 г., а именно – Декларация человека и гражданина 1789 года и Преамбула Конституции 1946 года⁹. Если первые два элемента блока оказываются со-

⁶ Debbasch Ch., Bourdon J., Pontier J.M., Ricci J.C. La V-e Republique.P.: Eco-nomica. 1985. P. 5. Хотя в других источниках речь идет о 15-ти конституциях. См.: Morabito M. Histoire constitutionally de la France. P., 2010. P. 5.

⁷ Значения указанных реформ проявляется в том влиянии, которое они оказали и на современную Российскую Конституцию, поскольку «в постсоветский период Конституция 1993 года ввела смешанный политический режим французского образца (в его голлистской интерпретации периода установления Пятой республики 1958 года), который, ... получил трактовку, позволяющую ему функционировать как президентский или даже сверхпрезидентский режим» / А.Н. Медушевский. Право и справедливость в политических дебатах постсоветского периода // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2012. № 2 (87). С. 23.

⁸ Конституционные законы до 23 июля 2008 г. обозначены в книге В.В. Маклаков. Конституции зарубежных государств. Учеб. Пособие. 8-е издание. Москва*Берлин Инфотропик Медиа, 2012. С. 81-82.

⁹ Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия; учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. 2006. С. 44.

вершено доступными для восприятия, то с третьим элементом дела обстоят сложнее. Он носит название «Основные принципы, признанные законами Республики». Такое название требует существенного пояснения, поскольку формирование третьего элемента блока основывается на косвенных доказательствах, отсылочных документах и аргументах, подтвержденных конституционно-применительной практикой.

Полагаем, что предлагаемые выводы помогут разъяснить эту непростую ситуацию. Во-первых, формулировка «основные принципы, признанные законами Республики», названа в Преамбуле Конституции 1946 года. Но перечень самих принципов в данном документе отсутствует, поскольку перечисленные в тексте после этой фразы принципы предложены помимо «основных принципов, признанных законами Республики». Следовательно, нужно объяснить не только содержание последних, но и указать их место нахождения. Считается, что они содержатся «в законах трех первых Республик: Первой, существовавшей с 22 сентября 1792 г. по 18 мая 1804г.; Второй – с 28 февраля 1848 г. по 7 ноября 1852 г.; Третьей – с 4 сентября 1870 г. по 16 июня 1940 г.¹⁰ Тем самым определены исторические истоки «основных принципов». Что же касается их содержания, то о нем свидетельствует, прежде всего, практика применения конституционного законодательства и осуществления конституционного контроля в стране.

Поэтому, во-вторых, следует учитывать, что на эти принципы ссылается в своих решениях Конституционный совет, осуществляя функцию конституционного контроля¹¹. Например, в своем решении от 16 июля 1971 г. Конституционный совет указал на принцип свободы ассоциаций, который был провозглашен Законом от 1 июля 1901 года. Этому закону не был придан статус конституционного, а указанный в нем принцип приобрел ранг «основного принципа, признанного законом Республики» в силу вышеуказанного решения Конституционного совета.

Наконец, в третьих, принципы, о которых идет речь, могут содержаться и в законах Пятой Республики. Но для этого необходима воля законодателя и Конституционного совета, к примеру, так, как она была проявлена Конституционным советом в его решении от 15 января 1975 года, которым установлено, что международные договоры или соглашения, ратифицированные или одобренные должным образом, не включаются в конституционный блок. Как видим, государственно-правовая практика Франции дала сложный механизм формирования третьего элемента конституционного блока.

Знаковым событием в конституционной реформе Франции явилось учреждение в 2005 году четвертого элемента конституционного блока – Хартии окружающей среды 2004 года. Такой статус она получила в результате введения ее в конституционный текст Конституционным законом от 2 марта 2005 года. Тем самым продемонстрировано существенное отличие реформы Французской Конституции от преобразований конституций других государств (к примеру, России), поскольку в ней особое внимание уделено одному из острейших вопросов современности – проблемам экологии.

Каждый из названных документов знаменует собой отдельные этапы и фрагменты французских конституционных реформ, юридическое учреждение и введение в действие определенных положений концепции конституционализма, представляет картину воплощения его идеалов в жизнь. Несмотря на всю сложность представленной конструкции конституционного блока, он дает основание для вывода о том, что юридическими инструментами воплощения идей конституционализма в жизнь могут выступать не только конституции, но и другие источники права, посредством которых может осуществляться конституционная реформа. Возможно, по этой причине наиболее значимые конституционные законы с некоторых пор стали получать специальные названия. К примеру, Конституционный закон от 23 июля 2008 года назван «О модернизации институтов V Республики», которым в Конституцию Франции внесены 62 поправки и включено 8 новых статей.

¹⁰ Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия; учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. С. 44.

¹¹ Как известно, конституционному контролю подвергаются органические законы, международные договоры, простые законы, регламенты палат французского Парламента.

В общей сложности «за более чем 50 лет своего существования Конституция 1958 г. была реформирована 24 раза; некоторые из пересмотров (например, 23 июля 2008 г.) изменяли или включали в себя по несколько десятков поправок, другие же касались лишь незначительных вопросов (об установлении точных сроков открытия сессий – поправка от 30 декабря 1963 г.). В одном случае два закона об изменении конституции были изданы с интервалом в три дня (25 и 28 марта 2003 г.) и три закона в один и тот же день – 23 февраля 2007 г.¹²

Особое место в структуре Французской Конституции занимает Хартия окружающей среды 2004 года. Она состоит из преамбулы и десяти статей. В ней провозглашено право каждого жить в условиях сбалансированной и сочетающейся со здоровьем окружающей среды, иметь право на получение информации о состоянии окружающей среды и на участие в разработке государственных решений, влияющих на окружающую среду. Каждый обязан принимать участие в сохранении и улучшении окружающей среды (статьи 1, 2), содействовать возмещению причиненного ей ущерба. На органы государственной власти возлагается обязанность принимать меры по ограничению рисков, по выработке политики, согласованной с использованием окружающей среды, экономическим развитием и социальным прогрессом¹³.

Принятие Хартии явилось ответом на призывы и требования международного сообщества и международных организаций о необходимости разработки каждым государством концепции устойчивого экономического развития, прозвучавших на международных саммитах 1972, 1992, 2002 и последующих годов и нашедших отражение в принятых на них документах. Эти требования вошли составной частью в обновленную модель конституционализма и послужили началом разработки концепции Ноосферной конституции, как совокупности принципов экологического благополучия и безопасности.

Наиболее масштабные изменения внесены в Конституцию Франции Конституционным законом № 2008-724 от 23 июля 2008 года. Можно считать, что этот закон внес изменения во все блоки отношений, составляющих предмет конституционного регулирования. В их числе политические, экономические, социальные, духовные отношения. Так, в сферах экономической и социальной учрежден новый орган – Экономический, социальный и экологический совет (взамен бывшего Экономического и социального совета). В числе его полномочий такие, как дача заключений на законопроекты, получение петиций по сферам своей деятельности, обращение с предложениями по предлагаемым мерам в Правительство и Парламент, консультирование по вопросам экономики, социальных отношений, окружающей среды.

Введены новые форматы взаимоотношений в сфере организации всех ветвей государственной власти, в особенности законодательной и президентской. Просматривается явная тенденция повышения роли Парламента, демократизации его деятельности. Появились нормы, определяющие статус оппозиции в Парламенте. Усилены его контрольные полномочия в отношениях с Правительством, парламентарии призваны к процедуре формирования Конституционного совета. Палаты Парламента могут создавать следственные комиссии.

Установлен более строгий контроль Парламента над деятельностью Президента страны по использованию им своих чрезвычайных полномочий. Содержание и условия реализации этих полномочий предусмотрены в ст. 16: «После осуществления чрезвычайных полномочий Председатель Национального Собрания, Председатель Сената, 60 депутатов или 60 сенаторов могут обратиться в Конституционный Совет с просьбой проверить, существуют ли по-прежнему все условия, предусмотренные в абзаце первом. Конституционный совет в кратчайшие сроки объявляет свое решение в виде публичного заключения. Он производит эту проверку по праву и объявляет свое решение в соответствии с этими же условиями по окончании 60-дневного срока осуществления чрезвычайных полномочий и в любой момент после этой даты»¹⁴.

¹² Хартия окружающей среды 2004 г. / Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие. – 8-е издание. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. С. 121-122.

¹³ Там же.

¹⁴ Если учесть, что некоторые разделы из нее исключены (Раздел «О Сообществе» – Конституционный закон № 95-880 от 4 августа 1995 г.), наряду с тем, что в нее включены новые разделы

Получила, наконец, конституционное закрепление практика избрания одного и того же лица Президентом страны не более чем на два срока подряд. Имеются новеллы регламентации законодательной деятельности. В частности, учрежден новый вид законов – программные законы, которые предназначены для определения задач деятельности государства, к примеру в сфере социальной политики, политики в области окружающей среды и др. Учреждена предварительная стадия для рассмотрения законопроектов, подготовленных Правительством, – конференция председателей палаты. В случае возникновения разногласий, к их разрешению подключается Конституционный совет. По требованию депутатских фракций (групп) в парламенте могут проводиться дебаты.

В сфере защиты прав и свобод личности введена должность Защитника прав, в структуру Конституции включен специальный новый «Раздел XI bis. Защитник прав». Это особое должностное лицо, назначаемое Президентом Республики сроком на 6 лет без возможности его переназначения. Функции Защитника несовместимы со статусом парламентариев и членов Правительства. О своей деятельности он отчитывается перед Президентом и Парламентом. Статус Защитника определяется органическим законом, принятым 29 марта 2011 года «О Защитнике прав». Характеризуя в целом поправки 2008 года, можно предложить следующие основные направления внесенных изменений. Реформированию были подвергнуты

1. Порядок создания, компетенция и принципы взаимодействия высших органов государственной власти: **Парламента** (в части восстановления равновесия между ним и другими органами, усиления контроля за деятельностью Правительства и Президента, оценки государственной политики, увеличения числа постоянных комиссий, создания комиссий по расследованию, введения новой области законодательства); **Президента** (в части ограничения его руководства Высшим советом магистратуры и установления контроля над введением чрезвычайного положения); **Конституционного совета** (в части усиления его контрольных полномочий по введению в стране чрезвычайного положения на основе ст. 16 и разрешению дел при нарушении прав и свобод граждан по запросу Кассационного суда или Государственного совета); **Экономического и социального совета** (в части изменения его названия и статуса); **Высшего совета магистратуры** (в части изменения статуса с целью восстановления принципа разделения властей).

2. Внесены изменения в институты представительной демократии (установлен неизменный численный состав палат Парламента: 577 – Национального собрания и 348 – Сената), непосредственной демократии (референдум), в статус политических партий.

3. Усилены меры по защите прав и свобод личности – учрежден новый институт Защитника прав (по типу омбудсмена).

4. Установлены новые нормы, регламентирующие законодательную деятельность. Таким образом, значение опыта французских конституционных реформ дает возможность сформулировать следующие выводы. Во-первых, во Франции сложились механизмы обновления Французской Конституции, позволяющие на протяжении достаточно длительного времени (более чем полста лет) своевременно реагировать на вызовы времени и обеспечивать эволюционирование Конституции без потрясений и конституционных революций. При этом достигается необходимая трансформация государственного строя страны, организации и осуществления власти, положения личности в государстве и обществе, организации территории государства и его составных частей в лице заморских территорий.

Во-вторых, опыт конституционных процессов Франции позволяет считать юридическим инструментом воплощения идей и концепций конституционализма не только конституцию, но и иные источники права, что представляет практическую ценность для стран, стремящихся совершенствовать механизмы воплощения идей конституционализма в жизнь.

(Раздел «Об уголовной ответственности членов Правительства» – Конституционный закон № 93-952 от 27 июля 1993 г.; Раздел XI-bis «Защитник прав» – Конституционный закон. № 2008-724 от 23 июля 2008 г.).

В-третьих, мы не исключаем, что в перспективе общемировая тенденция на обновление конституций может коснуться и Конституцию Франции. Такая потребность может возникнуть в силу известного усложнения структуры Французской Конституции 1958 г.¹⁵

Общемировые тенденции развития общественных процессов, явления глобализации в мире, конвергенции в праве, кризисное состояние финансово-экономической сферы во всем мире, приведшее к открытой борьбе за передел сфер влияния на международном пространстве, способны не только существенно повлиять на смену конституционных парадигм, но и ускорить все процессы конституционного обновления. Россия находится на пороге очередного периода конституционного обновления, полагаем, что опыт французских конституционных реформ может оказаться полезным.

Список литературы

1. Аничкин Е.С. Конституция Российской Федерации в условиях современного развития; Киреев В.В. Политико-правовые проблемы развития теории конституционных реформ; Бутко Л.В. Теория конституционных реформ как научное направление; Безруков А.В. Современные конституционные реформы в России: тенденции и перспективы / Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран. Материалы международной научной конференции, Москва 10-13 марта 2010 года. М., 2010.
2. Графский В.Г. Конституционализм как предмет изучения // Право. 2009. № 3.
3. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие. – 8-е издание. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012.
4. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия; учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. 2006.
5. Медушевский А.Н. Право и справедливость в политических дебатах постсоветского периода // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2012. № 2 (87).
6. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2005.
7. Чиркин В.Е. Вызовы современности и развитие французской конституции // Право. 2008, № 1.
8. Debbasch Ch., Bourdon J., Pontier J.M., Ricci J.C. La V-e Republique. P.: Economica. 1985.
9. Morabito M. Histoire constitutionally de la France. P., 2010.
10. <http://www.conseil-constitutionnel.fr>

THE POSSIBILITY OF USING THE FRENCH EXPERIENCE OF CONSTITUTIONAL REFORMS IN RUSSIA

L.V. BUTKO

Kuban state agrarian university

e-mail: ved2_law@bsu.edu.ru

The article shows the features of the reform of the French Constitution of 1958 year and possibilities of their use in Russia the experience of constitutional reforms of this state .With cyclical nature of the transformation processes and on the basis of comparison of the conceptual similarities and differences of the Basic laws of the two countries ,it was given an assessment of the mechanisms and procedures for improvement of the Constitution, the possibility of their application in Russia.

Key words: Constitution, constitutional reforms, gradual transformation, legal instrument, cyclicity of constitutional development.

¹⁵ Если учесть, что некоторые разделы из нее исключены (Раздел «О Сообществе» – Конституционный закон № 95-880 от 4 августа 1995 г.), наряду с тем, что в нее включены новые разделы (Раздел «Об уголовной ответственности членов Правительства» – Конституционный закон № 93-952 от 27 июля 1993 г.; Раздел XI-bis «Защитник прав» – Конституционный закон. № 2008-724 от 23 июля 2008 г.).

УДК 343.13

КОНСУЛЬТАЦИОННОЕ УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

И.Н. КИСЛИЦИНА

*Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

*e-mail:
kislitsina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы консультационной деятельности специалиста-криминалиста в судебном производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: консультационная помощь; участие специалиста-криминалиста в суде при рассмотрении уголовного дела, сторона защиты, сторона обвинения.

В условиях действия современных норм, определяющих состязательный порядок уголовного судопроизводства, помощь специалиста-криминалиста при рассмотрении уголовного дела в суде на основе дачи консультаций приобретает важное значение, способное положительно воздействовать на принятие сторонами и судом правильных решений. Данный вид деятельности может быть востребован не только судом, но и любыми другими участниками судебного разбирательства как со стороны защиты, так и обвинения.

Вместе с тем, консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве востребована ещё не в полной мере. В значительной степени это связано с отсутствием научно обоснованных рекомендаций и процессуальных норм, обеспечивающих практическую реализацию специальных знаний данного вида в судебном производстве.

Учёными высказывается мнение, что данную форму участия специалиста-криминалиста называют «справочной, консультативной, вспомогательной, ориентирующей деятельностью сведущих лиц, консультационной, справочно-консультационной»¹.

По определению Н.В. Корепанова, консультативная форма – это привлечение специалиста в любых других случаях, не оформленных как следственное действие. По существу, эта форма представляет собой приглашение специалиста для освещения вопросов узкопрофильного характера в областях знаний, где следователь и адвокат некомпетентны².

Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста – это форма его взаимодействия со следователем с целью оказания помощи последнему с помощью своих профессиональных знаний в определении характера явлений, процессов и объектов, имеющих отношение к расследуемому преступлению³.

* В рамках выполнения проекта внутривузовского конкурса грантов «Инициатива» НИУ «БелГУ», № проекта 027-2013, внебюджетные средства.

¹ Гришина Е.П., Саушкин С.А. Консультативно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в производстве по уголовным делам // Российский судья. №6. 2006. С. 38; Кислицина И.Н. Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 9(152). 2013. Вып. 24. С. 241; Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1. С. 54.

² Корепанов Н.В. Использование адвокатом специальных познаний при осуществлении защиты по экономическим преступлениям // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С. 75.

³ Кислицина И.Н., Комаров И.М. Справочная деятельность специалиста в расследовании краж. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. С. 28.

Консультационную помощь специалист-криминалист может оказывать участникам судебного разбирательства со стороны защиты. По уголовным делам в качестве защитника допускаются адвокаты (п.2 ст.49 УПК РФ).

Деятельность специалиста по поручению защитника предусмотрена ч.1 п.3 ст. 53 УПК РФ, в которой указано, что защитник вправе привлечь специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ.

По мнению большинства учёных, системный анализ норм УПК РФ и Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» позволяет сделать вывод о том, что «по уголовному делу адвокат может привлечь специалиста как на договорной основе, так и с помощью властных полномочий органов, ведущих производство по уголовному делу»⁴.

Например, защитники нередко обращаются за помощью к частным экспертам, которые выступают в качестве специалистов-рецензентов заключений экспертов, официально назначенных по делу. Анализ таких рецензий, проведённый Е.А. Зайцевой, позволяет утверждать о высоком профессиональном уровне таких специалистов, об умении аргументировать свою позицию, о знании слабых мест официально установленных методик. Это позволяет специалисту-рецензенту дать всестороннюю оценку научной обоснованности заключения эксперта, его компетентности, соблюдению им методик⁵.

Кроме защитника-адвоката использовать консультации специалиста-криминалиста со стороны защиты может и сам обвиняемый. Согласно п. 5 ч.4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе заявлять ходатайства и отводы. Мы считаем, что это не препятствует обвиняемому заявлять ходатайство о привлечении специалиста-криминалиста для дачи консультации.

Однако, в данном случае возникает естественное препятствие, а именно, отсутствие у обвиняемого (так же как и у подозреваемого) и их защитников, в большинстве случаев, специальных познаний, которые необходимы для обоснованного заявления тех самых ходатайств⁶

Ч.4 ст. 271 УПК РФ устанавливает, что «Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон».

В основном, данная деятельность носит характер консультаций, по вопросам, требующим специальных знаний. Консультация может быть дана в устной форме и тогда она заносится в протокол судебного заседания и является очень ценной для правильного и эффективного построения защиты. Специалист-криминалист может изложить своё мнение в письменной форме, например справки, и тогда защитник-адвокат может ходатайствовать перед следователем и судом о приобщении её к делу в качестве иного документа, и использовать её при обосновании своего ходатайства о назначении экспертизы, о постановке перед экспертом дополнительных вопросов и т.д. Мнение специалиста-криминалиста может быть выражено и в форме заключения специалиста, которое является доказательством по уголовному делу. Однако, в законе не предусмотрены ни форма, ни процедура получения заключения специалиста.

На основе анализа и обобщения научных источников⁷ можно выделить следующие случаи получения консультаций адвокатом от специалиста-криминалиста:

⁴ Гуляев А.Г., Ривкин К.Е. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями. М. 2010. С.55; Жеребятёва Т.И. Адвокат-защитник и специалист: проблемы совершенствования законодательства // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С.83.

⁵ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 330.

⁶ Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в использовании специальных знаний по уголовным делам // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С. 271.

⁷ Конин В.В. Использование адвокатом-защитником специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 67; Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 10.; Россинская Е.Р. Использование специальных

- при необходимости оценки правильности предварительных исследований, проведённых в непроцессуальной форме, как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе его расследования;

- для получения суммы готовых знаний с целью определения возможности и необходимости заявления ходатайств о назначении экспертизы; о привлечении конкретного лица в качестве эксперта; о постановке вопросов эксперту; о направлении на экспертизу дополнительных материалов; о признании доказательств недопустимыми или недостоверными; для оценки правильности постановления о назначении экспертизы; оценки самого заключения эксперта, для определения предмета экспертизы; пригодности объектов для экспертного исследования и др.⁸

В судебном производстве по уголовному делу помощь в форме консультации специалист-криминалист может оказывать и стороне обвинения. В ходе судебного производства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность, прокурор (п.3 ст.37 УПК РФ).

П. 4 ст. 246 УПК РФ устанавливает, что по ходатайству прокурора суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших, экспертов либо иные судебные действия. Мы считаем, что сюда можно включить и специалиста. Однако, у прокурора может быть достаточно специальных знаний для постановки вопросов эксперту, правильного определения предмета экспертизы, её возможности, и даже для оценки заключения эксперта. Поэтому прокурор может и не обратиться за консультацией к специалисту.

Таким образом, помощь специалиста-криминалиста в форме консультаций при рассмотрении уголовных дел в суде могут использовать и сторона защиты, и сторона обвинения.

Кроме этого, консультационное участие специалиста-криминалиста может быть эффективно использовано при рассмотрении уголовных дел в суде на этапах и стадиях, определённых уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, в частности, на стадиях предварительного слушания и судебного разбирательства.

Порядок предварительного слушания по всем категориям уголовных дел при наличии к тому законных оснований создаёт реальные условия состязательности при исследовании доказательств в ходе предварительного слушания.

Согласно ч.1 ст. 229 УПК РФ суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе проводит предварительное слушание при наличии к тому законных оснований:

- 1) при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства, заявленного в соответствии с частью третьей настоящей статьи;
- 2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных статьей 237 настоящего Кодекса;
- 3) при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела;
- 4) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Наибольшую эффективность консультационная деятельность специалиста-криминалиста может иметь в тех случаях, когда предварительное слушание проводится судом «при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства, заявленного в соответствии с частью третьей настоящей статьи (п. 1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ).

Согласно ч. 5 ст. 234 УПК РФ, если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательств, судья выясняет у другой стороны, имеются ли у неё возражения против данного ходатайства. При отсутствии возражений судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства и выносит постановление о назначении судебного заседания, если отсутствуют иные основания для проведения предварительного слушания.

При несогласии стороны с требованием об исключении какого-либо доказательства, заявленным противоположной стороной, происходит исследование доказательств,

знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С.111.

⁸ Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. С. 76.

которые, как правило, предоставляет сторона, заявившая ходатайство об исключении доказательств. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство (ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

Таким образом, суду предоставлено право исследовать материалы дела уже на этой стадии. Так, на основании ч. 3 ст. 235 УПК РФ, в случае, если одна из сторон возражает против исключения доказательства, судья вправе огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами.

Ст. 253 УПК РФ определяет, что судья вправе допросить свидетелей и приобщить к уголовному делу документ, указанный в ходатайстве. По ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. В частности, судья, сторона защиты, сторона обвинения могут допросить не только свидетеля, но и обвиняемого, потерпевшего, следователя, эксперта.

На наш взгляд, данное положение не препятствует суду, или сторонам посредством ходатайства перед судом пригласить на предварительное слушание специалиста-криминалиста, заслушать его мнение по определённым вопросам, толкование которых требует специальных знаний. Данное толкование следует расценивать как получение участниками уголовного процесса от специалиста-криминалиста консультации или дачи справок по сложным вопросам:

- о назначении экспертизы;
- о постановке вопросов эксперту;
- правильно ли были изъяты и зафиксированы следы преступления, выступающие в качестве доказательств;
- иные вопросы, связанные с применением криминалистических рекомендаций при проведении следственных действий.

В случае назначения судьёй судебного заседания специалист-криминалист может участвовать в нём на основании ст. 251 УПК РФ в соответствии со ст. 58 и 270 УПК РФ.

Судебное разбирательство – это центральная стадия уголовного процесса. В ней суд первой инстанции на основании всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела принимает решение по существу и выносит приговор. Приговор – это процессуальный акт, в котором отражается вопрос о виновности или невиновности подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении от наказания.

Участники судебного разбирательства могут предоставлять дополнительные доказательства, ходатайствовать перед судом об исключении из перечня доказательств, и предъявляемых в судебном заседании, ранее собранных доказательств⁹.

Во всех случаях, когда для установления конкретных обстоятельств дела необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле, следует решать вопрос, требуется ли проведение экспертизы или эти обстоятельства могут быть выяснены путём привлечения к участию в судебном разбирательстве соответствующего специалиста.

Специалист-криминалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут понадобиться специальные знания и навыки (например, при объяснении технологического или производственного процесса).

На наш взгляд, консультационная деятельность специалиста-криминалиста может быть востребована судом, когда:

- требуется назначить судебную экспертизу (включая определение объектов экспертизы, формулирование вопросов перед экспертом);
- требуется независимое суждение о заключении эксперта;

⁹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 344.

- одна из сторон, участвующая в судебном разбирательстве, или суд не согласны с выводами эксперта;
- одна из сторон судебного разбирательства не согласна с выводами эксперта о невозможности дачи заключения по представленному объекту или поставленным вопросам;
- имеются сомнения в правильности заключения эксперта, сделанном как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства;
- заключение эксперта недостаточно ясно для сторон, участвующих в судебном разбирательстве;
- имеются разногласия между экспертами, проводившими комиссионную или комплексную экспертизу.

Получение такой консультации в свою очередь, позволит суду дать оценку собранным по делу доказательствам в совокупности с консультацией специалиста, что также будет способствовать объективному и своевременному разрешению уголовного дела.

Получение квалифицированной консультации в некоторых случаях будет достаточным для принятия хорошо мотивированного решения без назначения и проведения экспертизы, что, конечно же, сократит процесс рассмотрения дела. Консультация специалиста, данная в письменной форме, оглашается в судебном заседании и приобщается к делу. Устные консультации и пояснения специалиста отражаются в протоколе судебного заседания¹⁰.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что специалист-криминалист вызывается в судебное заседание для дачи независимой консультации по вопросам содержания заключения эксперта. Однако, достаточно часто для этого в суд вызывается эксперт, проводивший данную экспертизу.

Кроме того, специалист-криминалист приглашается в судебное заседание для объяснения обстоятельств участия специалиста-криминалиста в следственных действиях на стадии предварительного расследования преступлений, а именно:

- правильно ли специалист-криминалист описал следы, обнаруженные на месте происшествия, и соответствуют ли они представленным для ознакомления участникам судебного заседания;
- соответствует ли криминалистическим рекомендациям порядок обнаружения, изъятия, упаковки и хранения обнаруженных на месте происшествия следов;
- соответствует ли процессуальным требованиям порядок изъятия экспериментальных образцов для сравнительного исследования;
- иные вопросы, связанные с правильностью использования криминалистических рекомендаций в процессе расследования преступлений.

Проблемы участия специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве не ограничиваются вопросами, возникающими в стадии предварительного слушания и в ходе самого судебного разбирательства. В соответствии с ч. 5 ст. 365 УПК РФ, в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции «стороны вправе заявить ходатайство о вызове новых свидетелей, производстве судебной экспертизы...» в порядке, предусмотренном ст. 271 УПК РФ. Ч. 4 указанной статьи запрещает суду отказывать в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля или специалиста, приглашенного сторонами.

Исходя из п. 1 ст. 58 УПК РФ специалист-криминалист может быть вызван в суд для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Однако, закон не определяет, каков процессуальный порядок дачи разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в компетенцию специалиста. Косвенный вывод можно сделать из анализа ч. 4 ст. 271 УПК, гласящей, что суд не вправе отказать в допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон. Следовательно, специалист дает свои разъяснения в ходе допроса. Но в каком качестве он допрашивается? Такого следственного действия, как допрос специалиста, за-

¹⁰ Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве. // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1. С. 55.

коном не предусмотрено. Следовательно, считает А. Давлетов, «он может допрашиваться только в качестве свидетеля. Таким образом, появляется фигура так называемого сведущего свидетеля, хотя и без официального применения такого термина. Однако, специалист и свидетель – разнородные участники уголовно-процессуальной деятельности, что подтверждается закреплением статуса каждого в разных статьях УПК РФ (56 и 58), собственной совокупностью прав и обязанностей того и другого, а главное – различным характером приобретенного знания. Поэтому допрос специалиста есть самостоятельное следственное действие, подлежащее безотлагательному внесению в УПК РФ»¹¹.

Таким образом, консультационное участие специалиста-криминалиста при рассмотрении уголовных дел в суде может быть востребована судом, стороной защиты и стороной обвинения в целях обнаружения следственных ошибок и недостатков предварительного расследования для их своевременного устранения в суде в установленном уголовно-процессуальном законом порядке. Однако, данный вид деятельности используется не в полной мере. Для того, чтобы это носило полноценный характер, необходима уголовно-процессуальная регламентация, которая в настоящее время недостаточна.

Список литературы

1. Гришина Е.П., Саушкин С.А. Консультативно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в производстве по уголовным делам // Российский судья. №6. 2006. С. 38.
2. Кислицина И.Н. справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 9(152). 2013. Вып.24. С. 241.
3. Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.- практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1. С. 54.
4. Корепанов Н.В. использование адвокатом специальных познаний при осуществлении защиты по экономическим преступлениям // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С. 75.
5. Кислицина И.Н., Комаров И.М. Справочная деятельность специалиста в расследовании краж. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. С. 28.
6. Гуляев А.Г., Ривкин К.Е. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями. М., 2010. С.55.
7. Жеребятьева Т.И. Адвокат-защитник и специалист: проблемы совершенствования законодательства // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С.83.
8. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 330.
9. Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в использовании специальных знаний по уголовным делам // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Междунар. науч.-практич. конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С. 271.
10. Конин В.В. Использование адвокатом-защитником специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 67;
11. Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 10;
12. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) //

¹¹ Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 34.

Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 111.

13. Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. С. 76.

14. Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 34.

CONSULTING PARTICIPATION OF THE CRIMINALIST IN THE LEGAL PROCESSES ON CRIMINAL CASES

I.N. KISLITSINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kislitsina@bsu.edu.ru

In the article the questions of consultative activity of criminal specialist-lawyer are examined in the court proceeding on criminal cases.

Keywords: consultative help; participating of criminal specialist-lawyer in a court at consideration of criminal case, side of defence, advocate, side of prosecution, public prosecutor.

УДК 340.15

ЗЕМСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1865 Г.

А.И. КОЗАЧЕНКО

*Полтавский юридический
институт
Национального университета
«Юридическая
академия Украины имени
Ярослава Мудрого»*

e-mail: kozachenko.a.i@mail.ru

Статья содержит характеристику земской избирательной системы, которой одновременно свойственны нормы феодального и буржуазного права. Особенности введения земского самоуправления на территории Полтавской губернии предопределились тем, что крестьянство после реформы 1861 г. относилось с недоверием к проведению земской реформы. Введение земских учреждений состояло из черырех этапов: подготовки к проведению земских выборов, избрания земских гласных, избрания членов уездных земских управ и губернских гласных, избрания председателя и членов губернской управы.

Ключевые слова: земское самоуправление, выборы, курия, гласные, губерния, уезд.

Проблема совершенствования местного самоуправления в равной степени является актуальной, как для современной России, так и для Украины. Этим объясняется тот факт, что правоведы и историки обеих стран обращают внимание на исторический опыт функционирования земского самоуправления на территории Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. По мнению известного японского исследователя земства доктора юридических наук Кимитака Мацузато «наивно полагать, что можно изучать российское земство не будучи знакомым с деятельностью украинских земств, таких как Харьковское, Полтавское, Черниговское, Екатеринославское. И, наоборот, украинская земская школа может состояться только при тесном контакте и сотрудничестве с российской земской школой»¹.

В дореволюционной России земская избирательная система вызывала наиболее острый общественный и научный интерес. Ведущие учёные в отрасли государственного права в частности В.М. Гессен, Н.М. Коркунов, М.И. Свешников, Б.Н. Чичерин первыми исследовали законодательство о выборах. Советских учёных эта проблема интересовала в большей степени с целью анализа сословной структуры общества и классовой борьбы. И только в постсоветский период началось системное изучение земской избирательной системы. В этой связи в наибольшей степени заслуживают внимания работы В.Ф. Абрамова, Л.Е. Лаптевой и А.Ю. Шутова², авторы которых провели детальный анализ законодательства о выборах земских гласных и определили особенности проведения земских выборов в Российских губерниях на практике.

Введение земских учреждений в Полтавской губернии достаточно подробно охарактеризовал член-корреспондент Императорской Академии наук Ф.А. Щербина, который получил в 1914 г. приглашение от земской управы подготовить историю Полтавского земства в связи с его 50-летним юбилеем³.

Основной целью статьи является характеристика земской избирательной системы, предусмотренной Положением 1864 г., выявление общих тенденций введения

¹ Земский феномен: политический подход / Под ред. В.Ф. Абрамова, А.А. Ярцева, Мацузато К. Саппоро, 2001. С. 10.

² Абрамов В. Земская избирательная система // Родина. 1992. № 11-12. С. 30-33; Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993; Шутов А.Ю. Политические дискуссии о земской избирательной системе в России начала XX века // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 1998. № 6. С. 103-119.

³ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914.

земских учреждений и особенностей этого процесса на территории Полтавской губернии.

В 1865 г. царское правительство ввело земские учреждения на территории 18 из 78 губерний, в том числе – в 6 украинских губерниях: Екатеринославской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской и Черниговской. После проведения крестьянской реформы 1861 г., Полтавская губерния, по сравнению с другими регионами России, пребывала в худшем социально-экономическом положении. Около 90% населения губернии занимались сельскохозяйственным производством. При этом 72,2% сельскохозяйственных земель принадлежали помещикам, которые составляли только 1,6% населения губернии. Полтавская губерния была одним из наиболее густонаселенных регионов Российской империи. По результатам переписи 1862 г. на ее территории проживало 1,89 млн. человек. По количеству населения она занимала 7-е место в России и 2-е место после Киевской губернии среди украинских губерний. Густонаселенный характер губернии стал причиной обезземеливания крестьян.

В 1861 г. на территории губернии проживало 682 тыс. крепостных крестьян, что составляло 37,5% населения. По официальной информации состоянием на 1865 г. примерно треть бывших крепостных крестьян выкупили землю у помещиков⁴. При этом, в связи с малоземельем, крестьяне теряли около 40% земли, в сравнении с до-реформенными площадями. В среднем по украинским губерниям этот показатель составлял около 28%. Грабительский характер реформы стал причиной массового крестьянского движения, которое длилось до весны 1863 г. Крестьянские выступления удалось придушить только с помощью частей регулярной армии. Таким образом, земская реформа в Полтавской губернии проводилась в условиях, когда основная часть населения – крестьянство было недовольно результатами реформы 1861 г. и относилось к проведению новой реформы с недоверием.

Крестьянская реформа вызвала недовольство и у мелкопоместных помещиков, количество которых в Полтавской губернии было наибольшим по сравнению с другими губерниями России. В Полтавской губернии их было 5 037 лиц, в Харьковской – 1896, в Херсонской – 1 303. Чтобы компенсировать потери, связанные с проведением реформы, правительство выделило мелкопоместным помещикам 5 млн руб. Из этой суммы помещики Полтавской губернии получили почти 500 тыс. руб. – наибольшую компенсацию, в сравнении с другими губерниями⁵.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. (далее – Положение 1864 г.) предусматривало создание избираемых, представительских, всесословных, срочных органов местного самоуправления. Уездные земские гласные избирались один раз в 3 года земскими избирательными съездами. Законодательство предусматривало внесословную куриальную систему выборов в соответствии с имущественным цензом. Избиратели делились на 3 курии: землевладельцев, жителей городов и представителей от сельских обществ⁶.

По землевладельческой курии в Полтавской губернии, в соответствии со специальным расписанием, право на участие в выборах принадлежало тем лицам, которые владели землей на территории уезда площадью не менее 200 десятин; лицам, которые владели иным недвижимым имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб., или промышленными предприятиями с годичным оборотом не менее 6 тыс. руб.; уполномоченным от нескольких землевладельцев, каждый из которых владел не менее 1/20 площади земли, которая давала право на участие в выборах по этой курии (для Полтавской губернии она составляла 10 десятин). В соответствии со ст. 21 Положения 1864 г. право принимать участие в земских выборах по землевладельческой

⁴ Бодянский П. Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год. Полтава, 1865. С. 316.

⁵ Распределение 5 миллионов на пособие мелкопоместных владельцев // Полтавские губернские ведомости. 1862. 28 февр. № 9.

⁶ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 4.

курии принадлежало лицам, которые арендовали земельные наделы на территории уезда при условии, что контракт составлялся не позже чем за 2 года до выборов сроком не более чем на 6 лет и до его окончания оставалось не менее трёх лет⁷.

Для украинских губерний законодатель установил земельный ценз от 200 до 475 десятин. Таким образом, в связи с малоземельем для Полтавской губернии предполагался самый низкий земельный ценз.

По городской курии право на участие в выборах принадлежало жителям городов, которые имели купеческие свидетельства, собственникам торгово-промышленных предприятий с годичным оборотом средств не менее 6 тыс. руб., лицам, которые владели недвижимостью на территории города с количеством жителей больше 10 тыс. – стоимостью не менее 3 тыс. руб., в городах от 2 тыс. до 10 тыс. жителей – стоимостью от тысячи до 3 тыс. руб., в городах до 2 тыс. жителей – стоимостью от 500 до тысячи руб.⁸ Избиратели первой и второй курий выбирали своих представителей – уездных гласных непосредственно на избирательном съезде.

По сельской курии имущественный ценз не был предусмотрен – избирательным правом пользовались все крестьяне – домохозяева, в том числе и временно зависимые крестьяне. Но для сельских избирателей законодательство устанавливало трёхступенчатую систему выборов. На первом этапе сельский сход назначал выборщиков от сельской общины. На втором – выборщики от сельской общины на волостном сходе избирали сельских выборщиков от волости. Количество таких выборщиков не должно превышать треть от общего количества лиц, которые имели право принимать участие в волостном сходе⁹. На третьем этапе крестьянские выборщики принимали участие в уездном земском избирательном съезде. Таким образом, только сельские избиратели были лишены права непосредственно выбирать гласных.

Как отмечал Н.М. Коркунов, выборы по дворянской и городской куриях проводились по коллективной системе: «все гласные от дворян и все гласные от городских обывателей избираются совместно»¹⁰. Только по крестьянской курии выборы проводились индивидуальным образом. Такая избирательная система создавала условия для формирования земских объединений из числа представителей первых двух курий и предоставляла им дополнительный перевес во время выборов.

В соответствии со ст. 17 Положения 1864 г. не имели права принимать участие в выборах лица, которым на время выборов не исполнилось 25 лет; чиновники губернского и уездного правления, чиновники от полиции, прокуроры и судьи; лица, пребывающие под следствием и осужденные; женщины, а также иностранцы, не имеющие Российского подданства. Но на основании ст. 18 женщины, имущество которых отвечало требованиям ценза, могли делегировать свой голос доверенным лицам¹¹.

Законодательство предусматривало проведение выборов земских гласных путем открытого голосования. Избиратели голосовали с помощью специальных шаров и избирательных урн с фамилиями кандидатов. Урны состояли из двух частей: одна для голосования «за» данного кандидата, другая для голосования «против» него. Таким образом, избиратели могли отдать свой голос как «за», так и «против» одного из кандидатов. Избранными считались те кандидаты, которые набрали наибольшее количество голосов, с учётом вычитания голосов «против».

На случай низкой избирательной активности, если количество избирателей, которые прибыли на уездный избирательный съезд, не будет превышать количество

⁷ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 4.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1904. С. 411.

¹¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 4.

избираемых гласных, руководствуясь ст. 34 Положения 1864 г., прибывшие избиратели без выборов зачислялись гласными¹².

Законодательство не предусматривало избрание председателей уездных и губернских земских собраний. Эти должности занимали предводители уездного и губернского дворянства соответственно. Избранных земскими собраниями председателей уездных управ утверждал в должности губернатор, а председателя губернской управы – министр внутренних дел¹³.

Таким образом, Положение 1864 г. устанавливало такую избирательную систему, в соответствии с которой земские избиратели объединялись в три избирательные курии на основании имущественного ценза и сословного положения. Выборы были цензовыми, не всеобщими, не равными, по крестьянской курии не прямые и проводились путем открытого голосования. Земская избирательная система объединяла в себе нормы феодального и буржуазного права, была недемократичной, достаточно сложной и противоречивой.

Количество земских гласных определяла специальная комиссия по подготовке введения земских учреждений, исходя из средних размеров земельных наделов и количества населения по сословиям в губерниях и уездах¹⁴. Информация об этом была размещена в Земском табеле. В соответствии с ним, в Полтавской губернии необходимо было избрать 618 гласных: в том числе по землевладельческой курии – 285 человек, по сельской курии – 257, по городской курии – 76. Земский табель предполагал избрание в каждом уезде от 30 до 54 уездных гласных и 100 человек губернских гласных¹⁵. Это самое большое количество гласных в России. По количеству губернских гласных с Полтавской губернией могла сравниться только Тамбовская губерния.

В соответствии с постановлением Государственного совета «О введении в действие Положения 1864 г.» разработка программы создания земских учреждений и ее реализация возлагалась на министра внутренних дел П.А. Валуева и губернаторов. Для проведения первых земских выборов программа предусматривала создание временных губернских комитетов и уездных комиссий. Полтавский временный губернский комитет возглавил губернатор А.П. Волков. В состав комитета вошли губернский прокурор и члены губернского присутствия по земским повинностям и крестьянским делам. Губернскому комитету были предоставлены широкие полномочия. Он имел право проводить проверку списков избирателей, составленных уездными комиссиями, устанавливал порядок проведения выборов избирательными съездами, производил проверку списков уездных гласных, рассматривал жалобы о нарушениях законодательства во время проведения выборов¹⁶. Материалы о результатах своей работы комитет передавал губернатору, который в свою очередь направлял их в МВД.

Временные уездные комиссии возглавили предводители уездного дворянства, назначаемые губернатором. Председатель комиссии подавал на утверждение губернатора персональный состав уездной комиссии. В их состав, как правило, входили мировые посредники, исправники, чиновники палаты государственного имущества, городские головы. На временные уездные комиссии возлагалась задача составления списков лиц, которые имели право принимать участие в уездных избирательных съездах. В Полтавской губернии уездные комиссии приступили к работе в ноябре 1864 г. Свою деятельность они осуществляли на основании информации, которую получали от волостных правлений, городских и сословных приставов, домовладельцев.

¹² Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 6.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Абрамов В. Земская избирательная система // Родина. 1992. № 11-12. С. 31.

¹⁵ Штаты и табели // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7.

¹⁶ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 122.

В январе 1865 г. временные уездные комиссии завершили подготовительную работу для составления избирательных списков. До 10 февраля 1865 г. избиратели могли ознакомиться со списками, а в случае необходимости обратиться с жалобой в губернский комитет. По результатам проверки предварительных списков избирателей временный губернский комитет обнаружил больше двух тыс. нарушений Положения 1864 г. Среди них наиболее распространенными было внесение в избирательные списки лиц, которые не имели права принимать участия в выборах. Почти 90% всех нарушений комитет обнаружил в списках мелких землевладельцев. Например, уездные комиссии включили в списки избирателей 830 женщин, не имеющих права голоса, 632 человека, не достигнувших 25 лет, 328 человек, не владеющих необходимым имуществом¹⁷.

Подобные нарушения законодательства при составлении списков земских избирателей имели место и в других губерниях России. Прежде всего это объясняется несовершенством избирательного законодательства и различными ограничениями избирательных прав. Поэтому те лица, которые в соответствии с Положением 1864 г. не имели избирательных прав, прибегали к фальсификации личных данных или подкупу чиновников, ответственных за составление списков. Кроме этого, члены уездных комиссий и волостных правлений не имели достаточного уровня подготовки и опыта проведения таких работ.

19 марта 1865 г. временный губернский комитет опубликовал окончательные списки земских уездных избирателей по куриям. По землевладельческой курии право принимать участие в избирательных съездах получили 36 тыс. 764 человека. Среди них только 1 657 человек владели земельными угодьями больше 200 десятин и имели право принимать участие в выборах непосредственно, 96% из них были дворянами. Остальные землевладельцы – собственники земли от 10 до 200 десятин получали право принимать участие в выборах, делегируя свое право уполномоченным представителям, 86% из них составляли казаки и крестьяне. По городской курии избирательное право получили 1596 человек, из них 66% представители буржуазии, остальные – дворяне, чиновники и священнослужители. По сельской курии право на участие в выборах получили 4 595 казаков и свободных крестьян, а также 3 653 временно зависимых крестьян. Всего право на участие в первых земских выборах в Полтавской губернии получили 46 614 человек. По сословной принадлежности 11,5% из них составляли дворяне, 3,2% жители городов, 85% – крестьяне и меньше одного процента – священнослужители¹⁸. Таким образом, крестьяне составляли основную часть земских избирателей, но при этом право на участие в выборах получили лишь 15% крестьян домохозяев.

На основании ст. 31 Положения 1864 г. Полтавский временный губернский комитет по проведению земских уездных съездов создал 58 избирательных участков, определил дату и время проведения выборов для каждой избирательной курии. Землевладельческая курия состояла из двух частей – больших и мелких землевладельцев, каждая из которых проводила выборы в разное время. Временный губернский комитет определил время проведения уездных избирательных съездов следующим образом: с 9 апреля по 13 мая – для мелких землевладельцев; с 20 по 25 мая – для крестьян; с 6 по 31 мая – для больших землевладельцев и городских избирателей¹⁹. Следовательно, для самой многочисленной крестьянской курии было установлено самый короткий период проведения выборов. Проведение земских выборов в разное время давало дополнительные возможности уездным комиссиям и местной администрации контролировать избирательный процесс.

¹⁷ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 122-125.

¹⁸ Бодянский П. Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год. Полтава, 1865. С. 331-334.

¹⁹ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 128.

Таким образом, подготовка к проведению земских выборов осуществлялась местной администрацией под руководством и контролем губернатора. Местные территориальные общества к этому процессу допущены не были, что противоречило демократическим принципам самоуправления.

Первые земские выборы в Полтавской губернии прошли при низкой активности избирателей. По подсчетам автора от землевладельческой курии участие в выборах приняли около 60% избирателей, от городской курии – 33% и от крестьянской – около 80%. Как видим, наиболее активными участниками земских выборов стали крестьяне, которые надеялись на то, что земское самоуправление будет защищать их интересы.

Временный губернский комитет, проверив материалы о результатах проведения уездных избирательных съездов, обнаружил отдельные нарушения законодательства и признал недействительным избрание гласными тех лиц, которые находились под следствием, не владели землей или другим имуществом на территории уезда, где баллотировались, или не имели поручения для участия в выборах. Комитет установил факты противодействия свободному волеизъявлению избирателей. Такие правонарушения следует рассматривать, в одних случаях, как результат чиновничьих ошибок, а в других – как целенаправленную деятельность местной администрации, которая преследовала цель избрать гласными представителей, лояльных к власти сословий.

Проверив результаты выборов, временный губернский комитет утвердил списки уездных гласных и на период с 15 по 20 августа назначил проведение уездных земских собраний. На этом губернский комитет и уездные комиссии прекратили работу и были распущены.

В соответствии со ст. 46 и 51 Положения 1864 г. уездные земские собрания должны были сформировать уездные управы и избрать губернских гласных. На основании ст. 88 порядок подачи голосов во время выборов и принятие решения уездные собрания устанавливали самостоятельно²⁰. Поэтому уездные собрания прежде всего принимали правила о порядке проведения собраний. Правила предполагали проведение выборов путем открытого поименного голосования. Как отмечал Ф.А. Щербина, тайным голосованием в большинстве уездов избирали только председателей и секретарей управ²¹.

Следуя законодательству, уездную управу необходимо было избрать в количестве не более 6-ти человек²². Фактически в Полтавской губернии уездные земские собрания без нарушений законодательства и конфронтации избрали состав управ в количестве от 3-х до 5-ти членов. Это объясняется тем, что такая работа предполагала наличие образования и профессиональной подготовки, что лишало возможности работы в составе управы крестьян. В свою очередь, дворян и представителей других обеспеченных сословий не устраивал размер оплаты труда. Поэтому желающих работать в уездных управах было мало. Уездные управы формировались, как правило, из гласных, избранных по землевладельческой курии – мелкопоместных дворян-помещиков. Председателями уездных управ стали только дворяне. В 9-ти уездах это были предводители дворянства, у 4-х уездах – чиновники и отставные офицеры, у 2-х – мировые посредники²³.

Руководствуясь ст. 51 и 52 Положения 1864 г., губернских гласных избирали уездные земские собрания. В соответствии с Земским табелем уездные земства изби-

²⁰ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7, 11.

²¹ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 144, 199-200.

²² Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7.

²³ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 140-185, 200.

рали от 5-ти до 9-ти губернских гласных²⁴. Во время первых выборов Полтавских губернских гласных заметной борьбы между кандидатами не наблюдалось, так как ни работа гласных, ни расходы, связанные с выполнением ими своих обязанностей не оплачивались. Из 100 человек, избранных губернскими гласными, 63 были дворянами, 28 – крестьянами и 9 – «городскими обывателями»²⁵.

В целом по России губернскими гласными в 1865 г. за данными В.Ф. Абрамова стали 74% представителей дворян, 10,6% – крестьян, 11% – мещан и 3,4% – представители других сословий²⁶. Таким образом, в Полтавской губернии, по сравнению с другими губерниями России, дворяне в губернском земском собрании получили на 11% мест меньше, а крестьяне почти в три раза больше. По мнению автора, это свидетельствует о более высокой избирательной активности крестьянства, что и обеспечило более демократичный первый состав Полтавского губернского земства.

Губернское земское собрание начало свою работу 19 сентября 1865 г. принятием присяги гласными, что свидетельствовало о правомочности собрания. Во время первой сессии губернское собрание должно было избрать председателя и шестерых членов управы²⁷. Кандидатуры на эти должности заранее были согласованы с губернатором, предводителем губернского дворянства и гласными от дворян. Но в связи с баллотированием альтернативных кандидатов, выборы управы проходили в условиях жесткого противостояния между ними. Губернскую управу собрание смогло сформировать только 2 октября 1865 г. после длительного процесса согласования ее персонального состава²⁸. Не вызывает сомнений тот факт, что борьба за членство в губернской управе объясняется достаточно широкими полномочиями управы и возможностью распоряжаться денежными средствами. Должность председателя губернской управы занял предводитель Прилуцкого уездного дворянства И.Г. Милорадович²⁹. Членами управы гласные избрали влиятельных представителей от дворянства, в то время как в целом по Российской империи, по данным Л.Г. Захаровой, часть дворян в губернских управах составляла лишь 66%³⁰.

Таким образом, процесс введения земских учреждений в Полтавской губернии состоял из черырёх этапов: 1) подготовки к проведению земских выборов временными губернским комитетом и уездными комиссиями (ноябрь 1864 г. – март 1865 г.); 2) избрания уездными избирательными съездами земских гласных (апрель – май 1865 г.); 3) избрания уездными собраниями членов уездных земских управ и губернских гласных (август 1865 г.); 4) избрания губернским земским собранием председателя и членов губернской управы (сентябрь – октябрь 1865 г.).

Основной задачей первого этапа было составление списков земских избирателей. Крестьяне составляли основную часть земских избирателей, но при этом право на участие в выборах получили лишь 15% крестьян домохозяев. Несмотря на то, что наиболее активными участниками земских выборов во время проведения уездных избирательных съездов стали крестьяне, большинство мест в уездных земских собраниях получили дворяне, благодаря преимуществам, которые им предоставляло земское законодательство. Заметная конкурентная борьба происходила только на последнем этапе введения земских учреждений в Полтавской губернии – во время выборов председателя и членов губернской управы.

²⁴ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7; Штаты и табели // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7.

²⁵ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 139.

²⁶ Абрамов В. Земская избирательная система // Родина. 1992. № 11-12. С. 31.

²⁷ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457. С. 7.

²⁸ Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений. Полтава, 1914. С. 196.

²⁹ Там же. С. 186.

³⁰ Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 14.

Список литературы

1. Земский феномен: политический подход / Под. ред. В.Ф. Абрамова, А.А. Ярцева, Мацузато К. – Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. – 198 с. Электронный адрес: <http://src-h.slav.hokudai>
2. Абрамов В. Земская избирательная система / В.Ф. Абрамов // Родина. – 1992. – № 11-12. – С. 30-33.
3. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М. : ИГП РАН, 1993. – 133 с.
4. Шутов А.Ю. Политические дискуссии о земской избирательной системе в России начала XX века / А.Ю. Шутов // Вестник Москов. ун-та . – Сер. 12. Полит. науки. – 1998. – № 6. – С. 103-119.
5. Щербина Ф.А. История Полтавского земства. Дореформенный период и введение земских учреждений / Ф.А. Щербина. – Полтава: [б., и.], 1914. – Вып. 1. – 236 с.
6. Бодянский П. Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год / П. Бодянский. – Полтава: Изд. Полт. губ. стат. комит., 1865. – 367 с.
7. Распределение 5 миллионов на пособие мелкопоместных владельцев // Полтавские губернские ведомости. – 1862. – 28 февр. – № 9.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // ПСЗ. – СПб., 1867. – Т. XXXIX. – № 40457. – С. 1-14.
9. Коркунов Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. – Т. 1. Введение и общая часть: учебник. – Изд. 5-е. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – 573 с.
10. Штаты и таблицы // ПСЗ. – СПб., 1867. – Т. XXXIX. – № 40457. – С. 1-9.
11. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л.Г. Захарова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 176 с.

TERRITORIAL ELECTORIAL SYSTEM AND SPECIFICS OF TERRITORIAL AUTHORITIES ESTABLISHING IN POLTAVA GOVERNORATE IN 1865**A.I. KOZACHENKO**

*Poltava Institute of Law
National University «Yaroslav
the Wise
Law Academy of Ukraine»*

e-mail: kozachenko.a.i@mail.ru

The article contains the description of territorial electoral system, which simultaneously combined rules of feudal and bourgeois law. The features of introduction of territorial (“zemstvo”) self-government in Poltava province were stipulated by the fact that after the 1861 reform the peasantry treated the zemstvo reform with distrust. Introduction of zemstvos consisted of four stages: preparation of zemstvo elections, election of zemstvo councillors, election of members of district zemstvo boards and provincial councillors; election of the chairman and members of the provincial council.

Keywords: zemstvo self-government, elections, curia, councillors, province, district.

УДК 342.7

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА МИНИМИЗАЦИЮ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВ)¹

А.Е. НОВИКОВА¹
А.М. ЖОРНИК²

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

^{1) e-mail:}
novikova_a@bsu.edu.ru

^{2) e-mail:} *zhornik94@mail.ru*

В статье представлен авторский анализ конституций европейских федеративных государств на предмет выявления в них норм, направленных на минимизацию правозащитных рисков. Полученные результаты систематизированы, а также даны рекомендации в направлении совершенствования исследованных конституционных параметров.

Ключевые слова: права человека, обязанность, гарантии, обеспечение, судебная защита, омбудсмен.

Исходя из одинакового способа территориальной организации государства, а также высокого уровня развития в них демократических ценностей и принципов, представляется интересным исследование зарубежного опыта конституционно-правового закрепления положений, направленных на минимизацию правозащитных рисков (на примере европейских федераций).

С учетом отправных моментов рассмотрим зарубежный опыт конституционно-правового закрепления положений, направленных на минимизацию правозащитных рисков. В качестве таких параметров-положений предлагаем считать:

- аксиологическое предпочтение человека, его прав и свобод в государстве;
- императивы о государственной обязанности и гарантиях по защите человека, его прав и свобод;
- судебную форму защиты субъективных прав (заслуживает особой акцентуации из-за высокой популярности у населения);
- обособление специализированных правозащитных структур, аналогичных Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

Итак, по первому положению отметим, что в Разделе «Основные права» в ст. 1 Основного Закона Федеративной Республики Германия закрепляется, что права человека неприкосновенны и неотчуждаемы и являются основой всякого человеческого сообщества, мира и справедливости в мире².

Что касается учредительного документа Австрийской Республики, то в нем отсутствует указание на права и свободы человека как высшей ценности, а также на честь и достоинство личности. Полагаем, что такой пробел является весьма существенным и негативным для нормального функционирования государства, провозгласившего себя демократическим. В качестве оправдания австрийского законодателя можем привести норму ст. 9, в которой говорится: «общепризнанные нормы международного права действуют в качестве составной части федерального права»³. Представляется, что данную норму можно расценивать как указание на приоритет прав и свобод человека, т.к. во всех общепризнанных нормах международного права таковое указание присутствует.

В Главе 1 «Основные права» Части 2 «Основные права, гражданские права и социальные цели» Конституции Швейцарии норма ст. 7 закрепляет, что достоинство человека

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

² Основной Закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. с последующими изменениями и дополнениями до 20 октября 1997 года // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 565-637.

³ Конституция Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

подлежит уважению и охране⁴. Иные упоминания о том, что права человека охраняются, защищаются или гарантируются государством отсутствуют. Представляется, что «перечень» аксиологических предпочтений в данном государстве сужен, что можно считать негативным моментом. Считаем, что в демократическом правовом государстве на первом месте должны стоять именно права и свободы человека, защита и охрана которых – одна из основных целей такой политической организации общества. А закрепление прав и свобод в качестве ценности для государства и общества будет способствовать и даже гарантировать их признание, соблюдение и уважение.

Анализируя нормы Бельгийской Конституции обнаруживаем также несовершенство с содержательной точки зрения, которые проявляются в том, что права и свободы человека не обозначены как ценность государства или общества, а также отсутствует указание на их гарантированность государством. Через призму нормы о недискриминации в бельгийском обществе указывается на то, что права и свободы признаются государством за бельгийцами (ст. 11)⁵. Хотя в самой норме ст. 11 Конституции Бельгии заложен мотив дискриминации, т.к. права и свободы признаются лишь за бельгийцами, что можно расценить как непризнание прав и свобод за иностранными гражданами и лицами без гражданства. Считаем неприемлемым тот факт, что Основной Закон Бельгии игнорирует права и свободы всех людей на территории государства, а также не гарантирует обеспечение, как минимум, соблюдения таковых.

Учитывая высокий уровень жизни населения в последних рассматриваемых государствах, а также уровень обеспечения в них прав и свобод человека и гражданина, мы не можем говорить о том, что отсутствие положений о правах и свободах человека как высшей ценности не позволяет им реально соблюдать, охранять и защищать таковые. Однако считаем, что для приведения норм основных законов в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также сохранения авторитета в глазах других государств и своих же граждан такие положения стоит закрепить на конституционном уровне.

Нетрадиционной, однако в позитивном смысле, по сравнению с уже приведенными формулировками характеризуется Учредительный документ Боснии и Герцеговины⁶. В его ст. 2 определено, что государство обеспечивает наивысший уровень международно-признанных прав человека и основных свобод. Права и свободы, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁷ и протоколах к ней, имеют прямое действие в Боснии и Герцеговине. Они имеют преимущественную силу относительно всех других норм права. Полагаем, что нормы Европейской конвенции являются признанными стандартами в рассматриваемой сфере, и, бесспорно, таковыми определено аксиологическое предпочтение в пользу прав и свобод человека. Поэтому, не смотря на отсутствие прямого указания в Конституции Боснии и Герцеговины прав и свобод человека как высшей ценности, таковое их качество презюмируется.

Если обратиться к рассмотрению норм о государственной обязанности и гарантиях по защите человека, его прав и свобод, то можно представить следующие результаты.

Основной Закон Федеративной Республики Германии в ст. 1 установил обязанность государственной власти уважать и защищать человеческое достоинство. Касательно прав человека указано, что основные права обязательны для законодательной, исполнительной и судебной власти как непосредственно действующее право. Норма об уважении и защите человеческого достоинства является универсальной с позиции правозащитного потенциала, т.к. она использует термин «защита» и обособляет данную обязанность от других, подчеркивая ее первостепенную важность. Вместе с тем, на наш взгляд, не совсем удачно сформулирована обязанность государства относительно прав человека: указыва-

⁴ Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 531-581.

⁵ Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 г. // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 331-381.

⁶ Конституция Боснии и Герцеговины от 14 декабря 1995 года // <http://www.spinform.ru/isp.htm>

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ется лишь на их обязательность для государства, что не гарантирует их охрану и защиту государством.

Обратим внимание на ст. 23 Конституции Бельгии, в которой определено, что каждый имеет право вести жизнь, соответствующую человеческому достоинству и с этой целью закон гарантирует с учетом соответствующих обязательств экономические, социальные и культурные права. Перспективным считаем наличие в данной норме положения о гарантировании прав человека. Вместе с тем, обнаруживается два ограничения такого гарантирования: во-первых, это ограничение по целевому назначению – для ведения жизни, соответствующей человеческому достоинству. При этом в Конституции нет указания на то, какая жизнь соответствует человеческому достоинству, что позволит в правоприменении манипулировать данным понятием. Во-вторых, круг прав, которые гарантируются ограничен лишь экономическими, социальными и культурными правами. Представляется, что для полноценного существования человека в обществе и государстве невозможно забвение его личных и политических прав.

Конституция Австрии в принципе обходит вопросы обязанности и гарантий государства по защите прав и свобод человека. Так, лишь в ст. 7 указывается, что служащим публичных учреждений гарантируется беспрепятственное осуществление политических прав. Полагаем, данная норма не означает, что осуществление политических прав гарантируется лишь служащим публичных учреждений, однако отсутствие общей основополагающей нормы о гарантированности всем людям соблюдения и защиты всех провозглашенных прав является несомненным пробелом конституционного законодательства.

Наоборот конституционно закрепляется защита прав и свобод народа в Швейцарии (ст. 2 Конституции Швейцарии). С одной стороны, употребление слова «народ» можно расценить как нацию, народность в целом, и, соответственно, права и свободы народа как общности, а не как каждой личности в этой общности отдельно. Однако, если обратиться к толковому словарю С.И. Ожегова, то он определяет «народ» как «население государства, жители страны»⁸, в этой трактовке мы смело можем интерпретировать норму ст. 2 швейцарской конституции как гарантирующую защиту прав и свобод каждой личности, проживающей или находящейся в Швейцарии.

В ст. 2 Конституции Боснии и Герцеговины искомая формулировка обнаруживается через термин «обеспечение»: государство обеспечивает наивысший уровень международно-признанных прав человека и основных свобод. Толкование термина «обеспечение» в качестве «залога, гарантии, поруки, ручательства»⁹, позволяет судить о гарантной деятельности государства в отношении прав и свобод человека и гражданина.

При обращении к выявлению конституционных положений о судебной защите, конкретизированных в конституциях, представим следующие результаты.

Уточним, что не смотря на то, что в фокусную группу входят истинно правовые и демократические государства, данное положение характерно не для всех конституций. Для тех же, которых оно характерно, содержится в отличной от российской Конституции формулировке.

Так, в Конституции Швейцарии в ст. 29 «Общие процессуальные гарантии» и ст. 30 «Судебное производство» мы находим указание на право каждого лица на бесплатное правосудие, на бесплатную юридическую помощь, на учрежденный законом, компетентный, независимый и беспристрастный суд и иные права, которые скорее можно отнести к процессуальным правам, нежели непосредственно к праву на судебную защиту. Однако, полагаем, что из прослеживаемой логики положений швейцарской Конституции, можно судить о наличии права на судебную защиту. Безусловно, прямое указание на такое сможет наделить Конституцию еще большим правозащитным потенциалом.

В Основном Законе Германии и Конституции Австрии рассматриваемое положение вовсе отсутствует. В Германии имеет место лишь право на судебное слушание (ст. 103 Конституции Германии). Тем не менее, в доктринальной литературе и судебной практике Конституционного суда Германии принято говорить о целом ряде конституционно-

⁸ Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН, Российский фонд культуры; – 3-е изд. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 383.

⁹ <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=abramov&word=obespechenie>

правовых притязаний, в том числе, о притязании на судебную защиту, о притязании на судебную защиту права, а также о притязании на эффективную правовую защиту. Как установлено, в том числе, и практикой Конституционного суда Германии, притязание на судебную защиту права подразумевает, что «каждый обладает правом обратиться со своим делом к независимому суду, который должен со всем вниманием к фактическим и юридическим обстоятельствам разрешить данное дело и обеспечить исполнение принятого решения»¹⁰. Что касается Австрии, то в ее Конституции мы можем лишь найти нормы, посвященные административным судам и Конституционному суду. Однако и в науке, и на практике в Австрии люди имеют право обращаться в суд для защиты своих прав, что урегулировано отраслевым законодательством. Считаем, что закрепление в основных законах государств такого важнейшего права, посредством которого человек может защитить все иные нарушенные права, как право на судебную защиту, является неотъемлемой частью Конституции любого правового демократического государства.

Напротив, Конституция Бельгии располагает нормой о судебной защите прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с ней никто не может быть лишен против своей воли судебной защиты, установленной законом (ст. 13). Такая формулировка устанавливает «двойную» гарантию обеспечения права на судебную защиту: во-первых, непосредственно само право на судебную защиту, а, во-вторых, невозможность лишения такого права ни в каких ситуациях, кроме решения самого лица, что делает это право абсолютным.

Анализ конституционных норм Федерации Боснии и Герцеговины показал, что напрямую право на судебную защиту не сформулировано в ее Конституции. Это объясняется тем, что в ст. 2 «Права человека и основные свободы» закреплено следующее: «права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней, имеют прямое действие в Боснии и Герцеговине». А это означает, что в данном государстве наличествует право на судебную защиту, а также гарантии осуществления этого права (ст. 5-7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Относительно, четвертого из заявленных параметров-положений, следует заметить, что в соответствии с современными тенденциями мировой практики в большинстве стран институт омбудсмена закреплен на уровне Конституции и конкретизируется в законе (Россия, Хорватия, Румыния, Литва, Венгрия и др.).

Проведенный анализ конституций фокусной группы государств показал, что в некоторых из них не закреплен институт омбудсмена в принципе, однако, что примечательно, функционирует он во всех государствах.

В Боснии и Герцеговине впервые основа для работы и функционирования омбудсмена была закреплена Приложениями IV и VI Генерального рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине 14 декабря 1995 г. На основе указанных документов институт начал функционировать в 1996 г. С этого времени институт омбудсмена действовал совместно с Палатой по правам человека и вместе они составляли комиссию по правам человека. Первый закон об Уполномоченном по правам человека в Боснии и Герцеговине был принят в 2000 г., далее был принят новый закон в 2002 г., в который неоднократно вносились поправки. В настоящее время омбудсмен в этом государстве действует как самостоятельный национальный механизм защиты основных прав и свобод человека¹¹.

Что касается Австрии, то в ее Конституции содержится норма, которая позволяет говорить о конституционном закреплении института Уполномоченного по правам человека. Так, в ст. 148а, которая расположена в 7 Разделе «Народная правозащита», говорится, что каждое лицо может обратиться в Коллегию народной правозащиты с жалобой на недостатки в осуществлении федерального управления, включая деятельность Федерации как субъекта частноправовых отношений, в случаях, когда эти недостатки затрагивают его интересы и когда оно не имело права на использование каких-либо средств об-

¹⁰ Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: монография / В.О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 45-46.

¹¹ <http://www.ombudsmen.gov.ba/Default.aspx?id=14&lang=EN>

жалования. А в ст. 148j содержится отсылка к федеральному законодательству, касающемуся данного института. Федеральный закон о Народном защитнике в Австрии был принят в 1982 г.¹² В настоящее время в Австрии функционируют не один, как это принято в Российской Федерации, а три омбудсмена¹³.

В Германии институт омбудсмена был учрежден раньше, чем в других государствах – в 1956 г., однако в том виде, в котором он функционирует сейчас, немецкий институт Уполномоченного по правам человека был создан в марте 2001 г. по рекомендации Федерального парламента Германии¹⁴.

Резюмируя проведенное исследование, отметим, что в Конституциях федераций Европы обнаруживается разнообразный набор параметров-положений, направленных на минимизацию правозащитных рисков. В большинстве конституций отсутствуют такие важнейшие положения как признание прав и свобод человека высшей ценностью, государственные гарантии этих прав, в том числе права на судебную защиту. Вместе с тем, полагаем, что уровень развития исследованных государств, уровень их коррумпированности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина свидетельствует о том, что закрепление данных положений на конституционном уровне не умаляет достигнутых результатов в правозащитном направлении.

Список литературы

1. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: монография / В.О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 208 с.
2. Конвенция о защите прав и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Конституция Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
4. Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 г. // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 331-381.
5. Конституция Боснии и Герцеговины от 14 декабря 1995 года // <http://www.spinform.ru/isp.htm>
6. Основной Закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. с последующими изменениями и дополнениями до 20 октября 1997 года // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 1 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 565-637.
7. Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. // Конституции государств Европы. В 3 т. Т. 3 / Под общ. ред. Окунькова Л.А. – М.: Норма, 2001. – С. 531-581.
8. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН., Российский фонд культуры; – 3-е изд., – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
9. <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=abramov&word=obespechenie>
10. <http://www.ombudsmen.gov.ba/Default.aspx?id=14&lang=EN>
11. <http://volksanwaltschaft.gv.at/en/the-austrian-ombudsman-board/legal-bases>
12. <http://www.ombudsman.kg/kg/about-us/history.html>
13. <http://www.institut-fuer-menschenrechte.de/en/about-us/mandate.html>

FOREIGN EXPERIENCE OF THE CONSTITUTIONAL LEGALISATION OF STATEMENTS FOR MINIMIZATION OF HUMAN RIGHTS RISKS (THE CASE OF EUROPEAN FEDERAL STATES)

A. NOVIKOVA¹⁾
A. ZHORNIK²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

The article presents the author's analysis of the constitutions of the European federations to identify their rules aimed at minimising human rights risks. The obtained results are systematized and recommendations towards improving the studied constitutional parameters.

Keywords: human rights, obligation, warranty, support, judicial protection, the Ombudsman.

¹² <http://volksanwaltschaft.gv.at/en/the-austrian-ombudsman-board/legal-bases>

¹³ <http://www.ombudsman.kg/kg/about-us/history.html>

¹⁴ <http://www.institut-fuer-menschenrechte.de/en/about-us/mandate.html>

УДК 1342.572:342.71 (100)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ

Е. А. ОГНЕВА

*Брянский филиал Российской
академии народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте Российской
Федерации (РАНХиГС)*

e-mail: ogneva-elena@yandex.ru

В статье рассматривается зарубежный опыт реализации правотворческой инициативы граждан. Проводится компаративный анализ порядка и условий ее осуществления, а также законодательного механизма закрепления. Автор отмечает, что правовое регулирование правотворческой инициативы граждан служит одним из показателей развития гражданского общества и является важнейшей гарантией реализации прав человека.

Ключевые слова: общественная (народная) правотворческая (законотворческая) инициатива граждан; общественный контроль; пропозитивный референдум; «петиционный» референдум; права человека.

В последние годы в России все более широкое распространение получает такой способ правовой защиты граждан как их собственная правотворческая инициатива. В этой связи изучение богатого зарубежного опыта регулирования народной правотворческой инициативы позволяет глубже понять правовую природу института народной правотворческой инициативы, его предназначение в современном обществе, а в конечном итоге избежать ошибок в процессе закрепления данного института в российском законодательстве.

В зарубежных государствах понятие и сам механизм реализации правотворческой инициативы граждан сформировались гораздо раньше, чем в России. При этом зачастую механизм осуществления данной формы общественного контроля тесно связывают, а иногда и отождествляют с такими формами непосредственного осуществления народом своей власти, как референдум и обращения граждан, в частности с петицией (например, в Швейцарии).

Институт общественной правотворческой инициативы, как это предусмотрено законодательством ряда зарубежных стран, предполагает наличие проекта, подписанного определенным числом граждан, который обязателен к рассмотрению парламентом. В этом отношении от общественной правотворческой инициативы отличается так называемый «законодательный почин», предусматривающий обращение в средствах массовой информации, на митинге, в письме или иным способом практически любого лица или группы лиц к законодательным органам государственной власти с предложением принять определенный нормативный правовой акт, причем в большинстве случаев детально разработанный проект уже содержится в качестве приложения. Данная форма обращения никакой обязанности для соответствующих законодательных органов не влечет.

Первые формы реализации народной законотворческой инициативы (отметим, содержащие минимальные требования к численности инициативной группы: единственный инициатор) за рубежом уходят корнями в античность: например, в Спарте на протяжении трех столетий действовал закон Ликурга, согласно которому каждый свободный гражданин мог выступить с законодательной инициативой. Однако в случае, если законопроект не принимался большинством граждан, инициатора казнили через повешение. Позднее, в эпоху Средневековья, подобная возможность выдвижения проекта нормативного правового акта «снизу» отсутствовала и вновь начала возрождение лишь с постепенным развитием парламентаризма.

В настоящее время общественная правотворческая инициатива получила широкое признание в США, Германии, Швейцарии, Италии, Испании. Данный институт

предусмотрен также конституциями Польши, Словении, Румынии, Латвии и Литвы. Тем не менее, в ряде стран общественная правотворческая инициатива не нашла должного признания. Так, в Италии с 1947 г. в таком порядке был принят лишь один закон, хотя здесь ежегодно принимается около 300 законов¹.

В каждой стране установлены свои требования к количеству граждан, участвующих во внесении в законодательный (представительный) орган проекта нормативного правового акта, а также инициативной группе по его выдвижению. Как правило, это число соответствует количеству подписей, необходимых для инициирования референдума. Подлинность необходимых для внесения проекта подписей граждан подлежит проверке и удостоверяется уполномоченными на то должностными лицами либо нотариусом. Затем проект передается в законодательный (представительный) орган власти и рассматривается им в соответствии с обычно установленной процедурой.

Общим для большинства стран является требование содержательного соответствия. Общественная правотворческая инициатива не допускается по вопросам, подлежащим рассмотрению на референдуме, по международным вопросам и по вопросу конституционной реформы.

В нормативных правовых актах ряда стран закреплено, что граждане, осуществляющие общественную правотворческую инициативу, должны представлять различные районы страны в определенной пропорции. Соблюдение этого условия позволяет говорить об общегосударственном, а не местном характере инициативы. К примеру, в Бразилии инициативная группа должна представлять не менее 5 штатов из 26, в Румынии – не менее 1/4 общей численности субъектов². Как правило, срок сбора подписей обычно составляет не более шести месяцев.

Одной из наиболее активно применяющих данный институт на практике стран является Швейцария: за период с 1848 г. по 2008 г. проведено 162 референдума на федеральном уровне. В Швейцарии общественная правотворческая инициатива по частичному пересмотру Конституции может исходить от инициативной группы численностью не менее 100 тысяч граждан. В случае если высший законодательный орган государственной власти одобряет представленный «в общих выражениях» проект общественной инициативы, то далее следует непосредственный пересмотр Конституции в указанной части, после чего Конституция выносится на голосование народа и кантонов. Если же федеральное собрание отклоняет инициативу, то она автоматически выносится на голосование народа, который принимает решение о необходимости данной инициативы. При подтверждении необходимости внесения изменений в Конституцию по итогам проведенного голосования Федеральное собрание подготавливает проект, требуемый инициативой³.

В Испании общественная правотворческая инициатива может осуществляться по предложению 500 тыс. граждан. Помимо высокого количественного «барьера», в стране существуют и содержательные ограничения. Так, не допускается внесение проектов относительно норм, регулируемых «органическими» законами, в том числе в отношении основных прав и свобод, всеобщего избирательного права, статусов автономных сообществ и иных областей, предусмотренных конституцией, а также в отношении помилования, налоговой, бюджетной, экономической политики, международных отношений. Кроме того, исключается общественная правотворческая инициатива и в отношении пересмотра Основного закона страны⁴.

¹ См.: Руденко В. Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 307.

² Комарова В. В. Институт народной правотворческой инициативы (понятие, виды, правовые основы) // Lex Russica = Русский закон. 2006. Т. LXV. № 3. С. 462.

³ См.: Матвеева Т. Д. Референдумы – образ жизни швейцарцев // Международная жизнь. 1995. № 9. С. 86-91.

⁴ Руденко В. Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 309.

В Австрии общественная правотворческая инициатива может быть внесена через посредничество центральной избирательной комиссии в нижнюю палату парламента – Национальный совет при поддержке 100 тыс. граждан или 1/6 населения трех земель, обладающих правом голоса⁵.

Народная инициатива в Италии, согласно ч. 2 ст. 71 Конституции страны, осуществляется посредством внесения в одну из палат Парламента составленного проекта от имени не менее 50 тысяч граждан⁶. Проверку и подсчет подписей инициативной группы осуществляет сама Палата. Важное значение приобретает также региональный опыт отдельных областей Италии, в которых вопросы общественной правотворческой инициативы решаются с помощью так называемого «пропозитивного референдума», предполагающий рассмотрение проекта общественной инициативы, не одобренной парламентом⁷.

Так, к примеру, 14 марта 2006 года вступил в силу Закон области Валле д'Аоста, устанавливающий, что результат народного голосования на пропозитивном референдуме имеет обязательную силу. В поддержку проекта общественной инициативы, выносимого на пропозитивный референдум, необходимо собрать подписи не менее 5% граждан, имеющих право голоса. Референдум считается состоявшимся, если в нем приняли участие не менее 45% граждан, имеющих право голоса. Законопроект принимается простым большинством голосов и вступает в силу после опубликования в официальном бюллетене области⁸.

Первый пропозитивный референдум был проведен в области Джунта в Италии 18 ноября 2007 года. Однако на референдум пришли только 28 000 граждан из 100 000 граждан, обладающих правом голоса, то есть 28% при низшем пороге явки в 45%. Тем не менее, за 4 проекта, предложенных инициаторами, проголосовало около 95% участников голосования⁹.

Подобный закон принят в Коммуне Суверето, статья 46 которого закрепляет возможность проведения пропозитивного референдума. Согласно этому закону, проекты общественной инициативы, отклоненные Советом Коммуны, могут стать предметом пропозитивного референдума, для инициирования которого необходимо желание не менее 300 граждан (или лиц без гражданства), проживающих, работающих или обучающихся в Коммуне и достигших 16 лет.

В Германии общественные или гражданские правотворческие инициативы как институт закрепились повсеместно на коммунальном и земельном уровнях с начала 1990-х годов. В 1993-1994гг. пять восточных земель включили гражданские правотворческие инициативы и плебисциты во вновь принятые коммунальные уставы. Уже к 1997 году «прямая демократия» в землях была введена повсеместно. В настоящее время граждане Германии все активнее пользуются этим инструментом, дающим возможность напрямую решать насущные политические вопросы. В числе лидеров – Бавария: в течение 22 месяцев со дня вступления в силу соответствующего закона было проведено почти 220 плебисцитов и зафиксировано более 330 общественных правотворческих инициатив. Тем не менее в некоторых землях данный институт использовался слабо, например, в Баден-Вюртемберге за 35 лет было инициировано всего 197 гражданских законотворческих

⁵ Конституция Австрии. Ч. 2 ст. 41 // Конституции государств мира: Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL://<http://worldconstitutions.ru/archives/160/3> (дата обращения: 10.06.2013 г.)

⁶ Конституция Итальянской Республики / Конституции зарубежных государств / Сост. Маклаков В. В. – М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 259.

⁷ Термин используется Е.А. Хохловой (от итал. il referendum proposotivo). По аналогии с применением термина «аброгативный референдум» во многих учебниках и монографиях по конституционному праву зарубежных стран от итал. il referendum abrogativo // Хохлова Е.А. Народная правотворческая (законодательная) инициатива в России и Италии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 56-61.

⁸ Халиков М. И., Гимаев И. З. Формы реализации общественного мнения в системе современного государственного управления // Евразийский юридический журнал. 2012. № 52. С. 155-156.

⁹ Хохлова Е.А. Народная правотворческая (законодательная) инициатива в России и Италии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 56-61.

инициатив. Отдельные федеральные земли снижают барьер для принятия к рассмотрению общественной правотворческой инициативы с 20 до 10 процентов граждан, обладающих правом голоса¹⁰.

В США аналогом общественной правотворческой инициативы выступает «петиционный референдум» – референдум, проводимый по требованию законодательно установленного числа граждан, обладающих правом голоса и подписавших петицию о принятии, изменении или отмене соответствующего закона¹¹. Данная форма нашла признание в большинстве штатов, установивших, тем не менее, различные количественные барьеры: так, число необходимых подписей под петицией в Массачусетсе составляет всего 2%, в Мэриленде – 3%, в Аризоне, Калифорнии, Кентукки, Колорадо, Мичигане – 5%, в других штатах – до 15-20%¹². В петиционном референдуме совмещаются два института непосредственной демократии – общественная правотворческая инициатива и референдум.

В Бразилии право законодательной народной инициативы было закреплено Конституцией в 1988 г. (§ 2 ст. 61). Согласно действующему бразильскому законодательству, для инициирования законопроекта необходимо собрать в целом по стране не менее 1% подписей граждан, обладающих правом голоса, проживающих как минимум в 5 штатах, при этом в каждом из них не менее 0,3% избирателей. По некоторым вопросам (например, организация судов, администрации, вооруженные силы и др.) гражданская правотворческая инициатива не может осуществляться. Тем не менее, фактического использования этого права на общенациональном уровне в Бразилии пока не состоялось. При этом на уровне штатов и муниципальных образований для издания нормативных актов может быть применен институт, аналогичный народной законодательной инициативе общенационального уровня¹³.

В Колумбии общественная законотворческая инициатива может осуществляться по предложению 5% от общего числа граждан, имеющих право голоса.

В Польше народная законодательная инициатива может осуществляться по предложению 100 тысяч избирателей. В Венгрии и Перу – по предложению 50 тысяч избирателей.

Граждане Евросоюза могут быть инициаторами законодательного процесса, напрямую выдвигать законопроекты и формировать законодательную повестку ЕС: Лиссабонский Договор от 13.12.2007 г. о внесении изменений в учредительные договоры ЕС закрепил гражданскую инициативу как форму прямого участия граждан Союза в политике ЕС. В соответствии со ст. 11 указанного договора, не менее одного миллиона граждан Евросоюза, являющихся национальными представителями определенного количества государств-членов ЕС, могут взять на себя инициативу и предложить Европейской Комиссии, в соответствии с ее полномочиями, направить любое соответствующее предложение по тем вопросам, по которым граждане считают необходимым принять законодательный акт ЕС в целях исполнения положений учредительных договоров. Европейская Комиссия обязана рассмотреть заявление с просьбой ввести тот или иной нормативно-правовой акт, если заявление подписано хотя бы одним миллионом граждан. Инициировать процесс реализации права гражданской инициативы могут как граждане, так и организации. Заявление должно быть зарегистрировано в Европейской Комиссии, а также существует условие об опубликовании отчета, в котором будет содержаться информация о финансировании и о тех, кто поддерживает такую инициативу. После регистрации организаторы получают один год для сбора подписей, который может проходить как непосредственно при личном участии, так и через Интернет. Европейская Комиссия подгото-

¹⁰ Руденко В. Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 324-325.

¹¹ Зиммерман Дж. Прямая демократия в Соединенных Штатах Америки: опыт и проблемы // Вестник МГУ. Сер. «Право». 1991. № 5. С. 56.

¹² См.: Tomas E. Cronin. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, 1989. P.51.

¹³ Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004.

вила ряд технических предложений по осуществлению гражданской инициативы. Одним из предложений Европейской Комиссии стало условие о том, что 1/3 всех государств должна принять участие в реализации гражданской инициативы. Это означает, что граждане как минимум девяти государств, входящих в ЕС, должны подписать заявление. Количество подписей от каждого государства зависит от количества населения: в маленьких государствах-членах необходимо меньшее количество подписей, в крупных – не менее 0,2% от количества населения¹⁴.

На территории постсоветского пространства рассматриваемый институт также получил распространение и признание. Например, закон Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» от 26 ноября 2003 г. № 248-З устанавливает, что право законодательной инициативы принадлежит гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек. Право законодательной инициативы о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, о толковании Конституции Республики Беларусь принадлежит не менее чем 150 тысячам граждан. Гражданами, выступающими с предложением о внесении проекта закона в Палату представителей, должна быть образована инициативная группа по реализации права законодательной инициативы в количестве не менее 100 человек.

Право подавать законопроекты предоставляется и гражданам Украины при условии, что они соберут в поддержку 100 тысяч подписей (не менее чем в пяти областях и не менее чем по 15 тысяч в каждой из них). Соответствующий проект закона «О внесении изменений в закон «О Кабинете министров» был внесен в Верховную раду 4 апреля 2012 года. При этом законодательная инициатива не может распространяться на вопросы территориального устройства государства, налогов, бюджета и амнистии.

В Грузии общественная законодательная инициатива может осуществляться по предложению 30 тысяч избирателей.

Существуют также примеры государств с отсутствием института народной законодательной инициативы, среди них имеются развитые страны с очень богатой демократической историей. Так, во Франции, Великобритании, Индии институт общественной правотворческой инициативы не применяется. Законодательная инициатива в Великобритании принадлежит только членам парламента. Всякое законодательное предложение должно быть облечено в форму законопроекта (билля), причем представляемый в парламент законопроект должен соответствовать установленной форме.

Даже исходя из опыта развитых стран с сильнейшими демократическими традициями, очевидно, что осуществить законодательную инициативу гражданам, оставив её положения нетронутыми, чрезвычайно сложно. Более того, даже в политически активном и социально ответственном обществе не просто найти ресурс для воплощения идей отдельных граждан и организаций, если эти идеи не встречают поддержки во властных структурах. В отдельных странах общественная правотворческая инициатива не популярна в силу традиций и доверительного отношения к представительным органам, в других государствах общество просто не готово осуществлять законотворческие функции.

В целом же следует отметить, что в большинстве стран, признавших и законодательно закрепивших механизм функционирования института правотворческой инициативы, граждане обладают реальной возможностью защиты своих интересов и прав посредством участия в управлении делами государства, что, в свою очередь, свидетельствует о развитом гражданском обществе и достаточно эффективном государстве.

Список литературы

1. Руденко В. Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 303-342.

¹⁴ Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007) [англ.] // Official Journal of the European Union С. 306, 17.12.2007.

2. Комарова В. В. Институт народной правотворческой инициативы (понятие, виды, правовые основы) // Lex Russica = Русский закон. 2006. Т. LXV. № 3. С. 459-473.
3. Матвеева Т. Д. Референдумы – образ жизни швейцарцев // Международная жизнь. 1995. № 9. С. 86-91.
4. Конституция Австрии. Ч. 2 ст. 41 // Конституции государств мира: Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL://http://worldconstitutions.ru/archives/160/3 (дата обращения: 10.06.2013 г.)
5. Конституция Итальянской Республики / Конституции зарубежных государств. Сост. Маклаков В. В. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Хохлова Е.А. Народная правотворческая (законодательная) инициатива в России и Италии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 56-61.
7. Халиков М. И., Гимаев И. З. Формы реализации общественного мнения в системе современного государственного управления // Евразийский юридический журнал. 2012. № 52. С. 155-156.
8. Зиммерман Дж. Прямая демократия в Соединенных Штатах Америки: опыт и проблемы // Вестник МГУ. Сер. «Право». 1991. № 5. С. 53-62.
9. Tomas E. Cronin. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, 1989.
10. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004.
11. Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007) [англ.] // Official Journal of the European Union С. 306, 17.12.2007.

LEGAL REGULATION OF THE LAW-MAKING INITIATIVE OF CITIZENS AS A GUARANTEE FOR THE REALIZATION OF HUMAN RIGHTS: FOREIGN PRACTICES

E. A. OGNEVA

*Bryansk branch of The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public
Administration (RANEPA)*

e-mail: ogneva-elena@yandex.ru

The article considers the international experience of implementing public law-making initiatives. Conducted comparative analysis of the procedure and conditions for its implementation, as well as the legislative mechanism of fixing. The author notes that the legal regulation of the law-making initiative of citizens is one of the indicators of development of civil society and is an important guarantee for the realization of human rights.

Key words: public legislative initiative; public control; propositional referendum; petition's referendum; human rights.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕЗИСА ПОКОЛЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Н.Н. Олейник¹
А.Н. Олейник²

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

*²⁾ Харьковский национальный
педагогический
университет имени
Г.С. Сковороды*

В статье раскрывается взаимодействие государства и личности в контексте развития института прав человека и гражданина. Обобщается и анализируется процесс возникновения и развития теории и практики четырех поколений прав человека.

Ключевые слова: личность, человек, права человека, поколение прав человека, естественные права, личные права, гражданские права.

Взаимодействие государства и личности пронизывает всю историю существования человечества. Еще древнегреческие мыслители, создавая концепции идеальных государств и обществ, прежде всего, выделяли соотношение государства, общества и личности. Они указывают, что именно благодаря государству и обществу человек вообще становится «личностью». Вступая в жизнь, человек осваивает сначала определенный минимум знаний, профессиональные навыки, а затем приобретает совокупность статусов в экономике, культуре, политике. При этом личность характеризуется совокупностью осваиваемых социальных связей; через объем знаний, опыта, профессиональных ориентаций, индивидуальных особенностей, мировоззренческий потенциал и т.п. Таким образом, если понятие «человек» – биологическое, то «личность» – безусловно, социальное явление.

Вместе с формированием понятия «личность» в научный оборот вводится понятие «права человека», которые и отображают развитие прав личности в обществе и государстве. В результате научной систематизации прав человека в историческом ключе и появилась теория трех поколений прав человека. В начале XXI века некоторые исследователи начинают выделять четвертое поколение¹.

Термин «права человека» сравнительно новый. Его стали использовать после Второй мировой войны, когда в 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций. И тогда вводится и другой термин – «естественные права». Таким же образом было заменено более раннее выражение «права мужчины», так как оно не учитывало права женщин².

Специалисты по правам человека прослеживают историческое происхождение этой концепции еще со времен Древней Греции и Рима. Тогда она была тесно связана с доктринами естественного права греческого стоицизма. Эта была философская школа, основанная Зеноном с Китиона, который считал, что всю вселенную пронизывает универсальная творческая сила. Поэтому поведение человека необходимо рассматривать согласно законам природы и согласовывать с ними³. Эллинистический стоицизм существенно повлиял на формирование и распространение римского права, можно сказать, что он предусматривал существование естественного права и отвечал *jus gentium* («права народов») – универсальному праву, которое выходило за границы прав гражданства. Например, римский юрист Ульпиан считал, что естественное право – это

¹ Скакун О. Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс). / О.Ф. Скакун. Х.: «Еспада «Ай Бі», 2006. С. 211.

² Уетсон Бернс Г. Права людини / Бернс Г. Уетсон // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік. К.: вид-во «Ай Бі», 2003. С. 13.

³ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов. / А.Н. Чанышев. М.: Высшая школа, 1991. С. 130-131.

право, которое дается от природы, а не от государства. И оно дается всем человеческим существам, независимо от того римские ли они граждане или нет⁴.

Однако доктрины естественного права стали тесно связывать с либеральными политическими теориями о правах человека лишь во времена позднего средневековья. Для того чтобы идея о правах человека, то есть о естественных правах, как общая социальная потребность и реальность, постоянно доминировала, должны были состояться фундаментальные изменения в убеждениях и практике общества, что произошло в период Возрождения и упадка феодализма. То есть, начиная с XIII в. до начала буржуазных революций. Это было связано с тем, что сопротивление религиозному догматизму и политико-экономической рабской зависимости постепенно стало трансформироваться в либеральные понятия свободы и равноправия, особенно относительно владения и пользования собственностью, лишь тогда по-настоящему были заложены основы, понятия, которые мы сегодня называем правами человека. В течение этого периода состоялся переход от обязанностей естественного права к правам естественного права⁵.

Однако, лишь в XVII и XVIII вв. была разработана модернистская концепция естественного права, которая предусматривала наделением всех людей естественными правами. В ее разработке особый вклад внесли такие философы, и просветители нового времени как Джон Локк, Шарль Монтескье, Вольтер и Жан-Жак Руссо. Наибольшее влияние на развитие этой концепции, по нашему мнению оказало творчество Дж. Локка. В своих произведениях, связанных с революцией 1688 г. в Англии («Славной революцией»), он последовательно доказывал, что каждой личности принадлежат определенные права (поскольку она, как человеческое существо, существовала в «естественном состоянии» еще до того, как человечество стало гражданским обществом). Основными среди этих прав, по мнению названного мыслителя, являются право на жизнь, свободу и собственность; что после наступления гражданского общества (в соответствии с «общественным соглашением»), человечество отказалось в пользу государства не от самых прав, а лишь от реализации этих естественных прав. И что неспособность государства обеспечить эти зарезервированные права (государство само обязалась обеспечить интересы своих граждан) порождает право на соответствующую народную революцию⁶. Вместе с Ш. Монтескье Дж. Локк также разработал концепцию разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Что касается прав человека, то Ш. Монтескье считал, что "свобода есть право делать все, что дозволено законами"⁷. Это определение не потеряло свою актуальность и сегодня.

Многие философы нового времени, опираясь на учение Локка и других ученых-обществоведов разных направлений мысли и имея большую веру в здравый смысл, решительно критиковали религиозный и научный догматизм, нетерпимость, цензуру и социально-экономические ограничения. Они стремились действовать на основе универсальных справедливых принципов, которые гармонично руководят одновременно природой, человечеством и обществом, а теория неотчуждаемых «прав человека» стала их основными этическими и социальными постулатами.

Не удивительно, что все эти либерально-интеллектуальные поиски имели большое влияние на западный мир конца XVIII – начала XIX вв. Вместе с практическим примером Английской революции 1688 г. и Билля о правах, который стал ее результатом, они содействовали логическому обоснованию революционной волны, которая к тому времени охватила западную цивилизацию и особенно Северную Америку и Францию. Томас Джефферсон, который изучал Дж. Локка и Ш. Монтескье утверждал, что его соотечественники – «свободные люди. Они претендуют на права, которые

⁴ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Составитель: В. А. Томсинов. М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 182.

⁵ Уетсон Бернс Г. Права людини / Бернс Г. Уетсон // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік. К.: вид-во «Ай Бі», 2003. С. 14.

⁶ Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. / Локк Дж. М.: Мысль, 1988. – Т. 3. С. 264-267.

⁷ Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. / под ред. М.П. Баскина. М.: гос. изд-во пол. лит-ры, 1955. С. 289-291.

вытекают с естественного права, а не являются подарком верховного судьи»⁸. Эта ж идея была закреплена в Декларации независимости, провозглашенной тринадцатью американскими колониями 4 июля 1776 г. В ней подчеркивалось: «мы считаем очевидной истиной, что все люди созданы равноправными, что они наделены Богом определенными неотчуждаемым правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью.»⁹. Маркиз де Лафайет – близкий друг Джорджа Вашингтона и который делил с ним трудности американской войны за независимость, – повторил лозунги английской и американской революций в Декларации прав человека и гражданина Франции от 26 августа 1789 г. Подчеркивая, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах», в этой декларации провозглашалось: «цель каждой политической ассоциации состоит в сохранении естественных и неотъемлемых прав человека»¹⁰. Декларация определяла эти права как «Свободу, Собственность, Безопасность и Сопротивление притеснениям». В понятие «свобода» она включала свободу слова, свободу объединения, религиозную свободу и свободу от своевольного ареста и тюремного заключения (словно опережая Билль о правах (1791 г.)¹¹, принятый в дополнение к Конституции Соединенных Штатов 1787 г.)¹².

Можно подытожить, что традиции прав человека продукт своего времени. Они отображают процессы исторической непрерывности и изменений и, как предмет кумулятивного опыта, помогают предоставить им содержание и форму. Таким образом, чтобы лучше понять формы и законный объем прав человека полезно проанализировать основные школы, которые определили традиции прав человека, начиная с периода Возрождения.

Особенно полезным в этом отношении являются понятия и понимание связи «трех поколений прав человека». Этот термин ввел в 1970-х гг. Карел Васак, чешский юрист и первый генеральный секретарь Международного института прав человека в г. Страсбурге (Франция)¹³. Три поколения прав человека, по его мнению, соотносятся с тремя идеалами Французской революции: свободой, равенством и братством¹⁴. Модель Васака, конечно лишь упрощенное отображение чрезвычайно сложного исторического периода, но дает возможность создать систему развития прав человека в контексте развития государства и общества.

Первое поколение гражданских и политических прав ведет свое начало от указанных выше реформистских теорий XVII и XVIII вв., связанных с Английской и особенно с Американской и Французской буржуазно-демократическими революциями. Первое поколение включает личные права, вытекающие из естественных прав и созданных на основе позитивного права политических прав. Они находят свою конкретизацию в законодательстве первых буржуазно-демократических государств. Речь идет о личных (гражданских) и политических правах: право на свободу вероисповедания, на участие в управлении государственными делами, на равенство перед законом и судом, на жизнь, свободу и безопасность лица, от своевольного (незаконного) ареста, задержание. Эти права закрепили так называемую «негативную свободу» – т.е. они обязали государство воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы. Это, например, хорошо отображено коротким утверждением, которое приписывается Х. Л. Менкену – «любое правительство, конечно ж выступает против свободы»¹⁵. Таким образом, до этого первого поколения относятся заявленные права, изложенные в статьях 2-21 Общей Декларации прав человека

⁸ Уетсон Бернс Г. Указ. соч. С. 15.

⁹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: Н. А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 132-133.

¹⁰ Там же. С.88-89.

¹¹ Там же. С.153-155.

¹² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран под ред. З.М. Черниловского. М.: Юридическая литература, 1984. С. 189-199.

¹³ Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov.

¹⁴ Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / Ed. by C. Swinarski. Hague, 1984. P. 837, 839.

¹⁵ Mencken H.L. A Mencken Chrestomathy. N.Y.: Alfred A.Knopf, 1949. P. 145.

принятой ООН 10 декабря 1948 г.¹⁶. К первому поколению прав также можно отнести право на собственность. И любая попытка лишить человека собственности является незаконным действием. Каждое из этих прав отстаивало интересы, за которые велась борьба во время Американской и Французской буржуазных революций, а также интересы, важные для развития капиталистического общества. Однако в этой концепции первого поколения главным есть понятие свободы – щита, который защищает личность (или группу лиц) от злоупотреблений и плохого отношения к ним политических властей. Эта основная правовая ценность в наше время записана в конституциях более чем 180 стран – о есть практически во всех действующих конституциях мира¹⁷. Эти права закреплены в большинстве международных деклараций и соглашений, которые касаются прав человека принятых после Второй мировой войны. Это – западная либеральная концепция прав человека, которую иногда представляют в романтическом свете, как триумф индивидуализма Гоббса-Локка над статизмом Гегеля.

Второе поколение экономических, социальных и культурных прав ведет свое начало от социалистической традиции, которая возникает среди сенсимонистов во Франции в начале XIX в. Эти права сформировались в процессе борьбы народов мира за улучшение своего экономического уровня (конец XIX – начало XX ст.) – к ним относятся социально-экономические права. Они впервые были закреплены также в конституциях социалистических стран. К ним относятся право на работу, образование, отдых, на защиту материнства, детства.

Исторически эта традиция противопоставляется первому поколению гражданских и политических прав. Второе поколение прав человека воспринимается в более положительном («право на»), чем в негативном («свобода от») плане. Эти права требуют вмешательства государства в обеспечение равного участия всех людей в производстве и распределении соответствующих ценностей. Показательными для характеристики данной модели являются права человека, изложенные в статьях 22-27 Декларации ООН принятой 10.12.1948 г., такие как право на социальную безопасность, право на работу и защиту от безработицы, право на отдых и досуг, в том числе на периодический оплачиваемый отпуск, право на достойный уровень жизни, соответствующий здоровью и благополучию самого лица и его семьи, право на образование и право на защиту научной, литературной и художественной продукции деятельности человека и др.

Однако, как все гражданские и политические права первого поколения неверно характеризовать их как «негативные права». Объяснять это тем, что все права, которые принадлежат ко второму поколению экономических, социальных и культурных прав, в сущности, не могут иметь понятия «положительные права». Например, право на свободный выбор занятости, право создавать профессиональные союзы и принимать участие в них, право свободного участия в культурной жизни общества в своей основе не требуют положительных действий государства для обеспечения удовлетворения этих прав. Однако, большинство прав второго поколения, в соответствии с некоторыми критериями справедливого распределения благ, требуют определенного государственного вмешательства о выделении необходимых ресурсов. Ведь эти права относятся к категории скорее материальных, чем нематериальных ценностей. Таким образом, права второго поколения в своей основе являются требованиями социального равенства. Интернационализация этих прав состоялась с определенным опозданием, частично из-за социалистического влияния в нормативной сфере международных отношений. Но с выходом на глобальную арену стран Третьего мира, которые действовали под лозунгом «революций больших ожиданий», эти права начали интенсивно развиваться.

В конце концов, третье поколение солидарных прав базируется на двух предыдущих поколениях прав, связывает их между собой и по-новому их концептуализирует. Однако лучше всего рассматривать это поколение как продукт в стадии формирования – результат одновременного подъема и упадка наций-государств второй половины XX века. Третье поколение прав получило свое выражение в статье 28 Общей Декларации прав человека ООН, которая провозглашает, что «каждый имеет право на общественный и

¹⁶ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. / Голос України від 10.12.2008 – № 23б.

¹⁷ Уетсон Бернс Г. Указ. соч. С. 21.

международный порядок, в котором права, изложенные в этой Декларации, могут быть полностью реализованы»¹⁸. Третье поколение охватывает ныне шесть вышеуказанных прав. Три из них отображают появление национализма в странах Третьего мира и их требований относительно перераспределения власти, богатства и других важных ценностей: право на политическое, экономическое, социальное и культурное самоопределение; право на участие и получение прибылей от «общего наследства человечества» (общее околоземное пространство; научная, техническая и другая информация и прогресс; культурные традиции, памятники и памятники). Следующие заявленные права третьего поколения – право на мир, право на здоровую и сбалансированную окружающую среду и право на гуманитарную помощь в случае различных катастроф – дают нам возможность понять, что нации-государства неспособны эффективно решать наиболее сложные проблемы самостоятельно без участия международного сообщества в современном мире.

Все шесть вышеизложенных прав – коллективные права, которые требуют общих усилий всех социальных сил на планетарном уровне. Однако каждое из них выявляет как индивидуальную, так и коллективную сторону. Например, обеспечение нового международного экономического порядка, который устранил препятствия на пути экономического и социального развития заявленных прав, можно считать коллективным правом всех стран и народов (особенно развивающихся стран). Можно также утверждать, что получение пользы от политики развития, которая базируется на удовлетворении людских материальных и нематериальных нужд, это индивидуальное право всех людей. Когда, например, право на самоопределение и право на гуманитарную помощь находят свое отображение, как на законодательном, так и на моральном уровне, большинство из этих солидарных прав по своему характеру скорее желательны, чем обеспечены судебной властью, и имеют лишь неоднозначный юридический статус международных норм права человека.

Таким образом, на разных этапах современной истории – после «буржуазных» революций XVII и XVIII вв., социалистических революций XX в. и антиколониальных революций, которые начались вскоре после окончания Второй мировой войны, – содержание прав человека определялось в общих чертах. Новое содержание прав человека развивалось путем расширения и добавления. Отображая развитие осознания того, какие именно ценности в разные исторические периоды требовали самого большого поощрения и защиты, история содержания прав человека также показывает периодические требования всего человечества о непрерывности и стабильности.

Между двумя первыми и третьим поколениями прав человека есть взаимозависимость, осуществляемая через принцип: реализация коллективных прав не должна ограничивать права и свободы личности.

В XXI в. продолжается процесс возникновения и закрепления новых прав личности, поэтому некоторые исследователи выделяют и четвертое поколение прав человека¹⁹. Объясняется это тем, что вместе с развитием и углублением права на информационное пространство нашей планеты, на предоставления различных услуг, основанных на интеллектуальных информационных технологиях (в том числе новейших различных технологических исследований). Так в технологиях связи, использование глобальной сети «Интернет», обеспечение информационных отношений внутри страны и за рубежом, расширяет коллективные права человека. Активно началось становление прав человека, связанных с научными открытиями в области микробиологии, медицины, генетики и т.п. Эти права – результат вмешательства в психофизиологическую сферу жизни человека (например, право человека на искусственную смерть (эвтаназия), право женщины на искусственное оплодотворение и вынашивание ребенка для другой семьи и др.). Эти права тоже имеют границы. Например, во многих странах введен запрет клонирования человека и установлены другие правовые границы по отношению к другим правам этого поколения прав.

Нельзя утверждать, что каждое из этих четырех поколений прав одинаково приемлемо для всех, или что они или их отдельные элементы всегда и всюду находят одинаковое положительное отношение. Например, некоторые защитники прав первого поко-

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. / Голос України від 10.12.2008 – № 236.

¹⁹ Скакун О. Ф. Указ. соч. С. 213-214.

ления склонны исключать права второго и третьего поколения из своего определения прав человека вообще (или, по крайней мере, называют их второстепенными). В то же время многие ученые не признают появление четвертого поколения прав. В частности, это объясняется сложностью, которая возникала в процессе реализации этих прав. Приверженцы прав первого поколения, которые доказывают их особую значимость, вытекающую из естественного права и традиции невмешательства в их реализацию государства, небезразличны к мысли, что права человека в своей основе независимы от гражданского общества и являются индивидуалистическими, то есть только они составляют классические права личности. И наоборот, защитники прав второго, третьего и четвертого поколений считают, что права первого поколения, по крайней мере, на уровне общей практики, уделяют недостаточное внимание материальным потребностям людей и используются несправедливыми национальными, транснациональными и международными общественными институтами в качестве легитимизирующих инструментов и это «буржуазная иллюзия». Подобным образом, не исключая права первого поколения со своего определения прав человека, они по обыкновению предоставляют этим правам низкий статус и, соответственно, трактуют их как хронологически отдаленные цели, достижения которых возможно лишь после постепенного осуществления фундаментальных экономических и социальных преобразований, которые полностью будут реализованы лишь в далеком будущем. В конце концов, ни один из механизмов прав человека, на сегодняшний день действующих или предложенных, ничего не говорят о легитимности или упорядочении прав, которых они касаются, за исключением прав, которые по международному соглашению определены как неотъемлемые и потому они являются более фундаментальными чем иные (например, свобода от своевольного или незаконного лишения жизни, свобода от пытки и нечеловеческого или унижительного отношения и наказания, свобода от рабства, свобода от тюремного заключения за долги). Вероятно, когда вопрос касается проблемы осуществления заявленных прав, среди юристов, философов, политологов и других обществоведов не существует единой мысли относительно их легитимности и иерархии.

Таким образом, легитимность прав личности и заявленные среди них приоритеты определяются контекстом определенной эпохи. Поскольку люди в разных частях планеты отстаивают и уважают те или иные права человека в соответствии с различными процедурами и практикой, эти вопросы целиком зависят от времени, места, обстоятельств, уровня кризиса и других причин. При этом взаимоотношения государства и личности в историческом генезисе через поколения права человека свидетельствуют, что по мере развития прав личности их количество и распространение в различные сферы общественной и социальной жизни, по нашему мнению, только увеличивается. Об этом убедительно свидетельствует и появление третьего и четвертого поколений прав человека. С другой стороны гармоническое развитие личности возможно только в правовом демократическом государстве и в развитом гражданском обществе.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека / Голос України від 10.12.2008 – № 236.
2. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. / Локк Дж. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
3. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. / под ред. М.П. Баскина. – М.: гос. изд-во пол. лит-ры, 1955. – 843 с.
4. Скакун О. Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс). / О.Ф. Скакун. – Харьков: «Еспада«Ай Бі», 2006. – 776 с.
5. Уетсон Бернс Г. Права людини / Бернс Г. Уетсон // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік. – К.: вид-во «Ай Бі», 2003. – 262 с.
6. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юридическая литература, 1984. – 472 с.
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Составитель: В. А. Томсинов. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – 480 с.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: Н. А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
9. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов. / А.Н. Чанышев. – М.: Высшая школа, 1991. – 512 с.

10. Mencken H.L. A Mencken Chrestomathy. N.Y.: Alfred A.Knopf, 1949. – 627 p.
11. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov.
12. Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / Ed. by C. Swinarski. Hague, 1984.

RELATIONSHIP OF THE PROBLEM OF STATE AND PERSONALITY TO THE GENESIS OF GENERATIONS OF HUMAN RIGHTS

N.N. OLIYNIK¹⁾
O.N. OLIYNIK²⁾

¹⁾ *Belgorod National
Research University*

²⁾ *Kharkiv National Pedagogical
University named G.S. Skovoroda*

e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

The article reveals the interaction between the state and the individual in the context of the development of the institution of human rights and civil rights. Compile and analyze the origins and development of the theory and practice of four generations of human rights.

Key words: personality, people, human rights, the generation of human rights, natural rights, individual rights, civil rights.

УДК 347.4

О ЗАЩИТНОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (ОБЕСПЕЧЕНИЙ)

И.И. ПУЧКОВСКАЯ*Национальный университет
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»**e-mail: Irina8888@meta.ua*

Статья посвящена сущности способов обеспечения исполнения обязательств. Автор, подчеркивая защитную природу данного института, относит обеспечения к способам защиты прав кредитора в договорных обязательствах. Основным отличительным признаком данных мер называет наличие источника исполнения нарушенного обязательства, за счет которого и осуществляется защита прав кредитора при нарушении договора.

Ключевые слова: способы обеспечения исполнения обязательств, меры оперативного воздействия, меры ответственности, способы защиты.

Отсутствие сложившихся взглядов на предназначение обеспечений в современной доктрине гражданского права в значительной мере объясняется тем, что в советские времена способы обеспечения исполнения обязательств анализировались исключительно при применении их в хозяйственных отношениях¹, поэтому лишь некоторые из них, в частности, неустойка, рассматривались в кандидатских диссертациях², а первое (с учетом советского периода) специальное монографическое исследование, посвященное общему учению об обеспечении обязательств было создано российским ученым Б.М. Гонгалом только в 1998 году³. Кроме того важно отметить, что в дореволюционный период в науке гражданского права общего учения об обеспечении обязательств не только не существовало, а даже суждения об обеспечении высказывались учеными в лаконичной форме как вступление перед характеристикой конкретного вида обеспечения исполнения обязательств или в связи с обсуждением иных юридических проблем. Так Д.И. Мейер способами обеспечения договоров называл создаваемые юридическим бытом «искусственные приемы для доставки обязательственному праву той твердости, которой недостает ему по его существу»⁴. С.В. Пахман подчеркивал, что обязательства «по самой природе своей нуждаются в таких средствах, которые бы гарантировали их исполнение», которые «направлены против неисправности по обязательствам и служат или побуждением к исполнению их, или даже полной гарантией исполнения»⁵. К.П. Победоносцев считал, что «лицо, которому принадлежит требование, может обеспечить себя дополнительным договором, усиливающим необходимость исполнения для обязанной стороны или привлекающим к ответственности особые, заранее выговоренные средства и способы исполнения»⁶.

В советский период способы обеспечения исполнения обязательств оказались практически невостребованными. В условиях планового хозяйства и приоритетного действия принципа реального исполнения обязательств использование таких способов, как

¹ Константинова В.С. Гражданско-правовое обеспечение исполнения хозяйственных обязательств: Автореф. дисс. доктора юрид. наук. – Свердловск. – 1989. – 32 с.; Пронина М.Г. Стимулирующая функция гражданско-правовых санкций. – Мн.: Наука и техника, 1977. – 200 с.

² Артеменко М.С. Роль неустойки в обеспечении исполнения плано-договорных обязательств в новых условиях хозяйствования: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 21 с.

³ Гонгало Б.М. Гражданско-правовое обеспечение обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. – 42 с.

⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч. Ч.2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. – С. 179.

⁵ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т.1. – СПб, 1877. – С. 77-78.

⁶ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Том 3/ Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – С. 250.

залог или поручительство, было значительно затруднено и в определенной мере рискованно⁷. Функционирование задатка ограничивалось отношениями между гражданами. Невостребованность способов обеспечения обязательств (кроме неустойки) открыто констатировалась в советской литературе⁸, что не могло не тормозить развитие данного института в науке гражданского права. Неустойка же получила бурное развитие, расцвела в четырех формах и, как верно отмечает Н.С. Кузнецова, признавалась «царицей» среди способов обеспечения исполнения обязательств в условиях планово-распределительной экономики⁹, что можно объяснить лишь её природой как меры гражданско-правовой ответственности. Уплата неустойки не освобождала товаропроизводителей от исполнения своих обязательств в натуре, одновременно карая за нарушение договора. Суммы выплаченных контрагентам и полученных от последних штрафов и пеней характеризовали работу юридической службы предприятия. А вопрос укрепления договорной дисциплины и, соответственно, ответственности за нарушение хозяйственных договоров, был обязательным в повестке дня государственных форумов любого уровня.

В период перехода к рынку, обобщив наработанное доктриной за предшествующие десятилетия, итоги в отношении природы и места института способов обеспечения исполнения обязательств в системе гражданского права подвел Б.М. Гонгало. Ученый определил способы обеспечения исполнения обязательств как обеспечительные меры имущественного характера, существующие в виде акцессорных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисправности должника¹⁰. Соответственно среди функций обеспечений Б.М. Гонгало выделил стимулирующую и защитную, и разделил способы обеспечения исполнения обязательств на такие, которые 1) стимулируют должника к исполнению обязательства (неустойка и задаток); 2) защищают имущественный интерес кредитора в случае неисправности должника (поручительство, банковская гарантия) и 3) стимулируют должника к исполнению обязательства, а в случае его неисправности защищают имущественный интерес кредитора (залог, удержание)¹¹. А.В. Латынцев же убежден, что для отнесения того или иного правового механизма к способам обеспечения исполнения договорных обязательств необходимо, чтобы ему были присущи одновременно оба названных признака (защитный и стимулирующий). Он считает, что отсутствие какого-либо из них не позволяет квалифицировать правовой институт в качестве способа обеспечения¹². Н.Ю. Рассказова считает, что нормы об обеспечении «направлены не на стимулирование должника к исполнению обязательства, а на защиту кредитора от риска его неисполнения»¹³, что свидетельствует о том, что среди ученых, которые специализируются на исследовании проблем способов обеспечения исполнения обязательств (на уровне кандидатских и докторских диссертаций), сложившегося взгляда на функции обеспечений и соответственно предназначение данного института ещё нет.

При этом в последнее время современные исследователи, подчеркивая наличие у обеспечений стимулирующей и защитной функций, всё чаще рассматривают значение данных мер с точки зрения интересов кредитора¹⁴. Перенесение акцентов при исследова-

⁷ Белов В.А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М.: ЮрИнфор, 1998. – С. 70-71.

⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 157-158; Советское гражданское право. Т.1 / Под ред. Д.М. Генкина. – М., 1950. – С. 458-459.

⁹ Цивільне право України: Підручник: У 2-х кн. / О.В. Дзера (керівник авт. кол.), Д.В. Боброва, А.С. Довгерт та ін.; За ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – Кн. 1 – К.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 663.

¹⁰ Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М.: «Статут», 2002. – С. 40.

¹¹ Указ. соч. – С. 9.

¹² Латынцев А.В. Обеспечение исполнения договорных обязательств. – М.: «Лекс-Книга», 2002. – С. 8.

¹³ Рассказова Н.Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. – 2004. – С. 46.

¹⁴ Жуков А. О правах кредитора-залогодержателя в процедуре банкротства // Предпринимательство, хозяйство и право. – 2001. – № 11. – С. 12; Кізлова О.С. Застава в цивільному праві України (концептуальні засади та правова природа): автореф. дис. д-ра юрид. наук. 12.00.03. – Одеса, 2011. – 38 с.

нии конкретных способов обеспечения исполнения обязательств с фигуры должника на кредитора хотя и не обосновывается исследователями, но сам факт свидетельствует о том, что независимо друг от друга они ощущают значение обеспечений именно для кредитора, справедливо связывая действие последних с нарушением обеспеченного обязательства, а некоторые и сознательно подчеркивают их защитную функцию. В частности А. Покачалова обеспечение имущественного интереса кредитора называет основной функцией способов обеспечения исполнения обязательств, а стимулирование должника к исполнению обязательства – дополнительной¹⁵.

По убеждению автора результаты достижений науки гражданского права при исследовании мер оперативного воздействия¹⁶ и мер гражданско-правовой ответственности¹⁷ позволяют уже сегодня по-новому посмотреть на предназначение института способов обеспечения исполнения обязательств, делая вывод о его защитной природе.

Пересмотрев критически поименованные способы обеспечения исполнения обязательств с целью выявления их общих признаков, и сравнивая последние с оперативными мерами и мерами гражданско-правовой ответственности, увидим, что меры оперативного воздействия, как и способы обеспечения исполнения обязательств, исключительно, а меры гражданско-правовой ответственности в том числе, реализуются при нарушении договорных обязательств. При этом названные меры в научной литературе между собой четкого разграничения не имеют. Исследователи то смешивают меры оперативного воздействия, меры ответственности и способы обеспечения исполнения обязательств между собой, то поглощают одни из них другими, то указывают на двойственную природу данных мер. В частности в доктрине гражданского права неустойка и задаток считаются как способами обеспечения исполнения обязательства, так и мерами гражданско-правовой ответственности¹⁸, а удержание, которое небезосновательно признано мерой оперативного воздействия, в новом ГК Украины (далее – ГК) заняло место в ст. 546 ГК среди способов обеспечения исполнения обязательств, что позволило исследователям меры оперативного воздействия относить к непоименованным («иным») способам обеспечения исполнения обязательств¹⁹, установленных законом или договором (ч.2 ст. 546 ГК).

Исследование мер оперативного влияния и мер ответственности позволило увидеть их направленность на стимулирование должника к исполнению договора, что указывает на выполнение последними стимулирующей функции и защиту прав кредитора в случае нарушения должником договорного обязательства. Стимулирующая ж функция способов обеспечения исполнения обязательств всегда подчеркивалась исследователями в дефинициях данных мер, и часто под названием обеспечительной фигурировала как основная функция способов обеспечения исполнения обязательств. «Очевидно, – пишет Б.М. Гонгало, – когда говорится о стимулирующей функции, то речь идет о неустойке как способе обеспечения исполнения обязательства. Если же в качестве назначения неустойки указывается компенсация потерь кредитора, то имеется в виду взыскание неустойки, т. е. гражданско-правовая ответственность»²⁰.

Между тем, рассматривая поименованные способы обеспечения исполнения обязательств (ст. 546 ГК), невозможно не обратить внимание на их защитное предназначение

¹⁵ Покачалова А. Поняття та права природа забезпечення зобов'язань // Юридична Україна. – 2010. – № 10. – С. 85.

¹⁶ Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. – М.: Статут, 2004. – С. 23.

¹⁷ Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. – М.: Статут, 2005. – 286 с.; Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей/ Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2010. – 413 с.; Примак В.Д. Цивільно-правова відповідальність юридичних осіб: Монографія. – К.: Юрінком Інтер, 2007. – 432 с.

¹⁸ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Кн. первая: Общие положения. – М.: Статут, 2001. – С. 484; Цивільне право України: Підручник: У 2-х кн./О.В. Дзера (керівник авт. кол.), Д.В. Боброва, А.С. Довгерт та ін.; За ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – Кн. 1 –К.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 662; Цивільне право України: Підручник: У 2т./ Борисова В.І. (кер. авт. кол.), Баранова Л.М., Жилінкова І.В. та ін.; За заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасиво-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – Т.2. – С. 33.

¹⁹ Гражданское право: в 2 т. Том II. Полутом 1: Учебник/ отв.ред. проф. Е.А.Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 53.

²⁰ Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М.: «Статут», 2002. – С. 55.

ние, ведь последние реализуются («срабатывают», «включаются») исключительно в случае нарушения обязательства должником. Они приспособлены для защиты нарушенных прав кредитора, что закреплено в понятии каждого из них. Так, неустойка – денежная сумма или другое имущество, которое должник обязан передать кредитору в случае нарушения должником обязательства (ст. 549 ГК); при нарушении должником обязательства, обеспеченного гарантией, гарант обязан уплатить кредитору денежную сумму в соответствии с условиями гарантии (ст. 563 ГК); задаток остается у кредитора, если нарушение обязательства произошло по вине должника. Если нарушение обязательства произошло по вине кредитора, он обязан вернуть должнику задаток и дополнительно уплатить сумму в размере задатка или его стоимости (ст. 571 ГК); в силу залога кредитор имеет право в случае невыполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, получить удовлетворение за счет заложенного имущества (ст. 572 ГК); кредитор в случае невыполнения должником обязательства имеет право удержать у себя вещь должника до выполнения должником обязательства (ст. 594 ГК).

Как видно, формулировки в отношении каждого из способов обеспечения исполнения обязательств использованы законодателем разные, но их объединяет то, что реализация определенного обеспечения связывается с нарушением обеспеченного договора и совершается в интересах кредитора.

При этом использование законодателем таких словосочетаний, как «гарант гарантирует перед кредитором выполнение должником своей обязанности», «поручитель ручается перед кредитором должника за исполнение им своей обязанности», «поручитель отвечает за нарушение», «гарант отвечает за нарушение» с одной стороны усложняют выяснение сущности способов обеспечения исполнения обязательств, а с другой свидетельствуют о близком (или даже тождественном) предназначении способов обеспечения исполнения обязательств и мер гражданско-правовой ответственности. Если же рассмотрим реализацию такого обеспечения как гарантия, то увидим, что «гарантирование» исполнения должником своей обязанности перед кредитором осуществляется гарантом путем уплаты денежной суммы в соответствии с условиями гарантии (ч.1 ст.563 ГК), то есть он исполняет за должника, а не гарантирует исполнение должником, что имеет принципиальное значение. Ни способы обеспечения исполнения обязательства, ни какие-либо иные правовые меры не способны обеспечить само исполнение обязательства. Не может одно лицо гарантировать исполнение другим лицом своей обязанности, поскольку даже при наличии огромного желания должника исполнить обязательство надлежащим образом, это не всегда от него зависит, а учитывая возможную недобросовестность последнего, тем более. Соответственно положения ч.3 ст. 14 ГК в отношении обеспечения исполнения гражданских обязанностей средствами поощрения и ответственностью могут рассматриваться лишь как стимулирование должника к исполнению обязанностей, а не как их гарантирование, учитывая невозможность последнего.

Указание ж законодателя в ч.3 ст. 14 ГК на ответственность как инструмент обеспечения исполнения гражданских обязанностей, и в гл. 49 ГК на способы обеспечения исполнения обязательств как на инструменты обеспечения исполнения обязательства приводит к выводу о тождественном предназначении данных мер, в частности в отношении исполнения обязанностей в обязательствах.

В результате сравнения мер гражданско-правовой ответственности, мер оперативного воздействия и способов обеспечения исполнения обязательств приходим к выводу об их общем предназначении, а соответственно и об исполнении одних и тех же функций, в частности стимулирующей и защитной как составных охранительной функции права при регулировании договорных отношений.

При этом важно подчеркнуть, что стимулирующую функцию способы обеспечения исполнения обязательств, меры оперативного влияния и меры ответственности осуществляют одинаково – одно их наличие в договоре или законе стимулирует должника к надлежащему исполнению обязательства и, соответственно, разграничить данные меры с помощью этого признака невозможно. Все они направлены на стимулирование должника к исполнению своих обязанностей за договором. Также все вышеназванные меры осуществляют защиту нарушенных прав кредитора, если их наличие не предотвратило нарушения договора.

Таким образом названными институтами осуществляется как стимулирующая, так и защитная функции. Предназначение этих институтов – стимулировать должника к надлежащему исполнению договорного обязательства, а в случае его нарушения – защитить права кредитора. Б.М. Гонгалло, отмечая важность функционального подхода при оценке направленности способов обеспечения исполнения обязательств, справедливо считает, что нельзя допускать его абсолютизации, поскольку именно абсолютизацией функционального подхода и объясняется включение в систему способов обеспечения исполнения обязательств мер оперативного воздействия, ответственности и т.д.²¹, что с одной стороны свидетельствует об общем предназначении институтов способов обеспечения исполнения обязательств, мер оперативного воздействия и мер гражданско-правовой ответственности, а с другой подчеркивает, что только функционального подхода недостаточно для разграничения данных мер.

При выполнении же названными институтами защитной функции, прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что меры ответственности и меры оперативного воздействия официально признаны законодателем способами защиты прав, что нашло закрепление в ч.2 ст. 16 ГК. Реализацию же способов обеспечения исполнения обязательств мы не увидим ни среди последствий нарушения обязательства (ст. 611 ГК), ни среди способов защиты прав (ст. 16 ГК), что свидетельствует о восприятии последних законодателем исключительно как мер стимулирующих должника к исполнению своих обязанностей, несмотря на наличие у каждого из способов обеспечения исполнения обязательства защитного механизма.

Не рассматриваются способы обеспечения исполнения обязательств в ракурсе способов защиты и исследователями. Исследователи называют обеспечения «особенными», «специальными», «дополнительными», «акцессорными» и т.д. мерами, прежде всего подчеркивая их стимулирующую направленность, а то, что с помощью способов обеспечения исполнения обязательств, точно также как и благодаря мерам ответственности и мерам оперативного воздействия, осуществляется защита прав кредитора при нарушении договорного обязательства должником и, соответственно, последние являются способами защиты прав кредитора в договорном обязательстве, не указывают. А «особенность», «специальность», «дополнительность», «акцессорность» способов обеспечения исполнения обязательства и объясняется их предназначением – защитить права кредитора в случае нарушения должником договора за счёт созданного для этого источника исполнения нарушенного обязательства. Лишь иногда в литературе встречаются отдельные высказывания в подтверждение данного мнения. В частности А.П. Сергеев пишет, что «в качестве примера иных способов защиты можно назвать обращение взыскания залогодержателем на имущество должника»²², а В.Л. Яроцкий отмечает, что «Примером закрепления способа самозащиты положениями актов гражданского законодательства является удержание (ст. 594 ГК)»²³.

Именно сравнение способов обеспечения исполнения обязательств с мерами ответственности и мерами оперативного воздействия позволяет увидеть как защитную природу способов обеспечения исполнения обязательств, так и выявить их определяющий признак – наличие источника исполнения нарушенного обязательства.

Если стимулирование должника вышеназванными мерами осуществляется одинаково, что и приводит до их полного отождествления как исследователями, так и законодателем, то защиту прав кредитора способы обеспечения исполнения обязательства осуществляют лишь им свойственным способом – благодаря специально созданному для этого источнику предоставляют кредитору исполнение нарушенного должником обязательства.

²¹ Гонгалло Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М.: «Статут», 2002. – С. 35.

²² Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева (и др.); под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2009. – С. 552.

²³ Цивільне право України: Підручник: У 2т./ Борисова В.І. (кер. авт. кол.), Баранова Л.М., Жилінкова І.В. та ін; За заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасиби-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – Т. 1. – С. 267.

Установление определенного способа обеспечения исполнения обязательства означает, что по требованию кредитора должником создается определенный источник (в размере равном или превышающем размер требования кредитора по обеспеченному договору), за счёт которого кредитор при нарушении должником своей обязанности получит исполнение, т. е. исполнение в порядке защиты.

Таким источником может выступать как определенное имущество (при залоге, удержании), так и обязанность третьего лица исполнить обязательство должника (при поручительстве, гарантии). Наличие данного источника и позволяет отграничить институт способов обеспечения исполнения обязательств от таких близких институтов как меры гражданско-правовой ответственности и меры оперативного воздействия, которые осуществляют защиту кредитора по-иному. Так меры ответственности возлагают на нарушителя-должника дополнительное имущественное обременение в виде обязанности уплатить неустойку, возместить убытки, возратить двойную сумму задатка. А меры оперативного воздействия позволяют кредитору путём самостоятельных действий изменить или прекратить договорное обязательство и тем самым не понести вовсе или значительно уменьшить убытки, вызванные нарушением договора должником.

Понимание того, что виды обеспечения исполнения обязательства являются способами защиты прав кредитора, которые, во-первых, могут быть реализованы кредитором самостоятельно в случае нарушения должником договора, а во-вторых, предоставляют кредитору защиту наиболее желанным для него способом – путем получения исполнения за счёт специально созданного для этого обеспечения, позволяют объяснить жизнеспособность обеспечений со времен римского права и до сегодняшнего дня. Наличие источника исполнения нарушенного обязательства выступает «лакмусовой бумажкой», определяющим признаком данных мер и не только убедительно свидетельствует в пользу защитного предназначения института способов обеспечения исполнения обязательств, но и позволяет ему занять особое место среди других способов защиты.

Список литературы

1. Константинова В.С. Гражданско-правовое обеспечение исполнения хозяйственных обязательств: Автореф. дисс. доктора юрид. наук. – Свердловск. – 1989. – 32 с.
2. Пронина М.Г. Стимулирующая функция гражданско-правовых санкций. Мн., «Наука и техника», 1977. – 200 с.
3. Артеменко М.С. Роль неустойки в обеспечении исполнения планово-договорных обязательств в новых условиях хозяйствования: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 21 с.
4. Гонгало Б.М. Гражданско-правовое обеспечение обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 42 с.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч. Ч.2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. – М.: Статут, 1997. – 455 с.
6. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т.1. СПб., 1877. – 447 с.
7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 608 с.
8. Белов В.А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М.: ЮрИнфор, 1998. – 234 с.
9. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
10. Советское гражданское право. Т.1 / Под ред. Д.М. Генкина. – М., 1950. – 520 с.
11. Цивільне право України: Підручник: У 2-х кн./О.В. Дзера (керівник авт. кол.), Д.В. Боброва, А.С. Довгерт та ін.; За ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – Кн. 1 –К.: Юрінком Інтер, 2002. – 720 с.
12. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. – М.: «Статут», 2002. – 222 с.
13. Лагынцев А.В. Обеспечение исполнения договорных обязательств. – М.: «Лекс-Книга», 2002. – 285 с.
14. Рассказова Н.Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. – 2004. – С. 41-59.
15. Жуков А. О правах кредитора-залогодержателя в процедуре банкротства// Предпринимательство, хозяйство и право. – 2001. – № 11. – С. 16-18.
16. Кізлова О.С. Застава в цивільному праві України (концептуальні засади та правова природа): Автореф. дис. докт. юрид. наук. 12.00.03. – Одеса, 2011. – 38 с.

17. Покачалова А. Поняття та правова природа забезпечення зобов'язань//Юридична Україна. – 2010. – № 10. – С. 82-87.
18. Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. – М.: Статут, 2004. – 141 с.
19. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. – М.: Статут, 2005. – 286 с.
20. Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сборник статей/ Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2010. – 413 с.
21. Примак В.Д. Цивільно-правова відповідальність юридичних осіб: монографія. – К.: Юрінком Інтер, 2007. – 432 с.
22. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Кн. первая: Общие положения. – М.: Статут. – 2001. – 848 с.
23. Цивільне право України: Підручник: У 2т./ Борисова В.І. (кер. авт. кол.), Баранова Л.М., Жилінкова І.В. та ін; За заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатеевої, В.Л. Яроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2004. Т.2. – 552 с.
24. Гражданское право: в 2 т. Том II. Полутом 1: Учебник/ отв.ред. проф. Е.А.Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 704 с.
25. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева (и др.); под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2009. – 1008 с.
26. Цивільне право України: Підручник: У 2т./ Борисова В.І. (кер. авт. кол.), Баранова Л.М., Жилінкова І.В. та ін; За заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатеевої, В.Л. Яроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2004. Т.1. – 480 с.

ON THE PROTECTIVE MISSION OF THE METHODS OF THE ENSURING OF OBLIGATIONS (COLLATERALS) FULFILLMENT

I. PUCHKOVSKA

*National University «Law Academy
of Ukraine named after
Yaroslav the Wise»*

e-mail: ved2_lav@bsu.edu.ru

The article is devoted to the essence of the obligations discharge enforcement. The author, emphasizing the defensive nature of the institution, relates it to methods of ensuring the creditor rights' protection in the contractual obligations. The main distinguishing feature of these measures refers to the presence of a source of fulfillment of the breached obligation, and by means of it the protection of the creditor's rights in case of the contract violation is fulfilled.

Key words: types of the obligations discharge enforcement, security measures, extent of operational impact, measures of liability, defenses.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

В. М. ПЫЦЬ

*Академия труда и социальных
отношений Федерации
профсоюзов Украины*

e-mail: ved2_lav@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению экологического правопорядка с учетом международного опыта. Автор анализирует экологические угрозы, механизмы защиты от них. Раскрывает основные субъекты инициирования и реализации экологической политики ЕС. Также в статье предлагаются пути преодоления глобальных проблем экологического правопорядка. Автор отмечает, что реализация международной экологической безопасности состоит в создании системы государственно-правовых мер, направленных сначала на ограничение негативного антропогенного воздействия, а в дальнейшем – на достижение баланса использования ресурсов человеком и восстановление природных ресурсов.

Ключевые слова: экологический правопорядок, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, экологическая политика.

Современный политический процесс характеризуется осознанием международным сообществом новых вызовов и угроз глобального цивилизационного развития. Наблюдается четкая тенденция расширения содержания понятия правопорядка с учетом не только политических, военных, экономических, но и культурно-цивилизационных и экологических аспектов.

На фоне мощных интеграционных процессов в условиях растущей взаимозависимости политические или экономические решения отдельных стран оказывают ощутимое влияние на мировое сообщество. Вопросы обеспечения экологического правопорядка приобретают геополитический характер, влияя на процессы принятия политических решений на мировом уровне. При таких условиях и политика, и экология становятся причинно-следственной цепью, взаимозависимыми факторами глобальной перспективы.

Исследованием проблематики экологического правопорядка занимались такие ученые, как В. Андрейцева, А. И. Бобылева, С. Б. Гавриш, В. И. Ивакина, С. М. Кравченко, В. Л. Мунтян, Н. И. Титова, Ю. С. Шемшученко и др.

Первые шаги в создании механизмов защиты от экологических угроз на уровне международного сотрудничества уже сделаны. Под эгидой ООН осуществлен ряд мероприятий, среди которых следует выделить такие:

– на Конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития в Рио-де-Жанейро в 1992 году была утверждена декларация «Повестка дня на XXI век»¹;

– на Конференции сторон Рамочной конвенции ООН в Киото в 1997 году принят Киотский протокол, который устанавливает обязательства развитых промышленных стран по ограничению уровня выбросов «парниковых» газов во избежание опасного нарушения климатической системы²;

– результатом саммита в Йоханнесбурге в 2002 году стала «Декларация по устойчивому развитию»³. В ней определены ключевые задачи усиления основ устойчивого

¹ Булгакова М.Г. Участь України у міжнародних переговорах з питань зміни клімату: економіко-правові та еколого-політичні аспекти / М. Г. Булгакова // Вісник Національного університету водного господарства та природокористування. – № 1(57). – 2012. – С. 37.

² Позиція делегації України на 17-й Конференції сторін РКЗК ООН та 7-й Зустрічі сторін Кіотського протоколу. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.neia.gov.ua/nature/control/uk/publish/article?art_id=133019&cat_id=133013.

³ Кравченко С. Всесвітній самміт з питань сталого розвитку: думки та враження учасника / С. Кравченко // Вісник екологічної адвокатури. – № 19, Літо. – 2002. – С. 5.

развития, экономической, социальной и экологической составляющих. Одним из путей преодоления глобальных проблем экологического правопорядка является необходимость изменения модели потребления и производства, обеспечение охраны и рационального использования природной ресурсной базы.

Многочисленные дискуссии мирового сообщества привели к осознанию необходимости выработки будущей стратегии в преодолении рисков глобальной экологической безопасности. На Конференции ООН в декабре 2007 года на Бали по проблеме изменения климата было принято решение о начале работы над соглашением, которое должно прийти на смену Киотскому протоколу. В принятом программном документе – Балийской дорожной карте – обозначены основные аспекты общего видения необходимости долгосрочной международной кооперации, включая достижение поставленных задач по снижению выбросов; взаимодействие и достижение консенсусного соглашения на основе принципов дифференцированной ответственности, исходя из соответствующих возможностей социального и экономического характера⁴. Функции полномасштабной организации по обеспечению многостороннего механизма решения проблем глобального климатического режима после 2012 года принимает на себя Организация Объединенных Наций.

В рамках ООН также действует специализированная программа по экологическим проблемам ЮНЕП, однако ее эффективность признается недостаточной. В связи с этим обсуждаются вопросы об изменении формата или реформировании ЮНЕП в Совет Экологической Безопасности с предоставлением статуса специализированной международной организации с широкой компетенцией в области охраны окружающей среды.

В нынешнее время наряду с вопросами климатических изменений ООН затрагивает проблему мирового продовольственного кризиса. По оценкам организации, кризис, связанный с подорожанием продовольствия, представляет опасность для 100 млн. людей, которым угрожает голод и социально-политические потрясения. Определены основные причины роста цен на продовольствие в мире: подорожание нефти, увеличение спроса на продукты питания в странах со стремительным развитием (Индии и Китае), климатические изменения, истощение резервных запасов и расширение выращивания технических культур. К обострению ситуации на рынке продовольствия приводит влияние новых тенденций на поведение ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции – Аргентины, Вьетнама, России, Украины, которые начали ограничивать экспорт продовольственного сырья. Для преодоления существующей проблемы на уровне ООН предложен ряд антикризисных мер, общая стоимость которых достигает 15 млрд. долларов. В ближайшей перспективе – снижение экспортных тарифов, в долгосрочной – увеличение капиталовложений, масштабные инвестиции в агропромышленный комплекс. В этих условиях Украина, на территории которой сосредоточено 30 % мировых черноземов, имеет значительное конкурентное преимущество – реальную возможность монополизации рынка зерновых. Отказ от производства генетически модифицированных продуктов, предложение на рынках потребления природных экологически чистых продуктов дали бы возможность украинскому сельскому хозяйству выходить на ведущие позиции мирового производства продовольствия. В этом контексте стоит вопрос сохранения стратегического ресурсного потенциала, а именно недопущения изъятия пахотных земель из сельскохозяйственного оборота. Реализация таких подходов в экологической стратегии способна действовать усилению геополитического влияния Украины⁵.

Под эгидой ООН проводится работа по подготовке оценочных докладов по вопросам глобальной безопасности на основе отчетов, консультаций, обмена информацией между организациями в самой системе ООН и международными организациями. В этом контексте примечательным является предложенный проект «плана действий» ООН на территориях, пострадавших от последствий аварии на ЧАЭС до 2016 года. Разработка этого плана была предусмотрена Резолюцией ООН 2007 года, которая провозгласила

⁴ Малиш Н. А. Ефективна державна політика України у сфері охорони довкілля / Н. А. Малиш // Теорія та практика державного управління. – 2011. – С. 2.

⁵ Стратегія екологічної безпеки України у контексті міжнародного досвіду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/Julio8/21.htm>

2006–2016 годы Десятилетием возрождения и устойчивого развития территорий, пострадавших от последствий катастрофы. Это свидетельствует о наличии в ООН единой позиции относительно необходимости внедрения «подходов, ориентированных на развитие» пострадавших территорий. Позиция сформирована на основе отчетов экспертов МАГАТЭ, ООН, ВОЗ, в которых ставится под сомнение катастрофичность последствий чернобыльской аварии для жизни населения загрязненных территорий, внимание акцентируется лишь на психологическом факторе (стресс, радиофобия), а не на медицинских и социальных последствиях. В заключении говорится о необходимости разработки программ возрождения этих регионов путем создания новых экономических возможностей, избавление населения чернобыльских территорий от страха негативного влияния радиации на здоровье. Одним из аргументов при формировании такой позиции для западных экспертов стали процессы самовоспроизведения экосистемы региона. Однако, по утверждению отечественных экспертов, воздействие радиации на живые организмы не имеет порогового уровня – безопасного уровня радиационного облучения не существует, а оценки последствий воздействия малых доз облучения, включая воздействие радионуклидов, вообще не существует⁶.

Таким образом, новые подходы к последствиям и перспективам преодоления аварии на ЧАЭС не учитывают позиции нашего государства, которая имеет кризисный опыт преодоления мощнейшей техногенной катастрофы. Украина не может оставаться в стороне от процессов формирования позиции международного экспертного общества и мирового сообщества относительно проблематики возрождения территорий, пострадавших от последствий аварии на ЧАЭС. Основой прогнозов пригодности территорий для проживания и восстановления инфраструктуры должен стать научно-экспертный анализ, государственная экспертиза по вопросам соответствия ситуации, существующей на территориях, прилегающих к ЧАЭС, экологическим нормативам.

Эволюция экологической политики Европейского Союза сформировала четкие подходы к проблемам окружающей среды, способствовала становлению ЕС как влиятельного субъекта международной экологической политики. С 1973 до 2000 года введено пять европейских программ действий в области окружающей среды. Шестая программа действий (2001–2010 гг.) принята накануне масштабного расширения ЕС. Программа предусматривает:

- координацию мероприятий в области окружающей среды не только государств-членов и стран-кандидатов и других европейских стран, но и международных экологических организаций;
- разработку и принятие семи тематических стратегий, касающихся загрязнения воздуха, защиты морской среды, устойчивого использования ресурсов, предотвращения образования отходов и их утилизации, устойчивого использования пестицидов, защиты почвы, защиты городской окружающей среды⁷.

Основными субъектами инициирования и реализации экологической политики ЕС являются:

- Европейская Комиссия – основной участник процесса выработки политики в сфере охраны окружающей среды. После 1992 г. значительное влияние в экологической политике получили неправительственные организации.

- Совет ЕС. Министры экологии на уровне ЕС имеют большую свободу действий, им часто удается принимать законодательные акты, которые вряд ли были бы поддержаны национальными правительствами.

- Европейский парламент, в отличие от многих парламентов государств-членов, имеет значительно большее влияние на экологическую политику Сообщества.

- Европейское экологическое агентство создано в соответствии с постановлением Совета министров ЕС в мае 1990 г. как независимый орган, целью которого является за-

⁶ Стратегія екологічної безпеки України у контексті міжнародного досвіду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/Julio8/21.htm>

⁷ Микієвич М.М., Андрусевич Н.І., Будякова Т. О.Європейське право навколишнього середовища / М.М. Микієвич, Н.І. Андрусевич, Т.О. Будякова // Навчальний посібник. – Львів, 2004. – 156 с.

щита и улучшение состояния окружающей среды в соответствии с положениями Договора и программами действий Сообщества в области окружающей среды.

– Суд ЕС играет важную роль, решая, какие экологические мероприятия являются допустимыми в контексте единого внутреннего рынка, а также кто из потенциальных истцов имеет право обжаловать экологические решения. Суд ЕС поддерживал политику ЕС в сфере защиты окружающей среды даже при отсутствии в течение определенного времени надлежащей юридической базы в договорах Содружества. Примерами влиятельной роли Суда в политике охраны окружающей среды является ряд его решений, а именно:

– в 1988 году поводом иска стала статья законодательства Дании, согласно которой производители и импортеры могли продавать слабоалкогольные напитки только в стеклянной таре с возможностью ее повторного использования. Принятое судом решение по делу «датских бутылок», в котором защищены права страны-импортера, продемонстрировало высокий приоритет целей защиты окружающей среды над принципом свободного движения товаров;

– в 2000 г. Суд ЕС наложил штраф на Грецию за неконтролируемое сваливание токсичных отходов на острове Крит, что нарушало директивы ЕС об обращении с отходами. Правительство Греции должно было ежедневно платить 20 тыс. евро до тех пор, пока загрязнение не прекратится, а свалка будет закрыта и очищена. Такое решение в отношении правительства государства-члена ЕС было принято Судом впервые;

– в ноябре 2003 г. Испании присуждена ежегодная уплата штрафа в размере более 624 тыс. евро за каждый процент технической воды, которая не отвечала предельным значениям, установленным директивой ЕС⁸.

Современные экологические инициативы Европейского Союза свидетельствуют о его готовности принять на себя лидерство в борьбе с глобальными изменениями климата.

С начала XXI века европейская политика в области изменений климата была сосредоточена на мероприятиях по сокращению вредных выбросов и попытке убедить международных партнеров подписать Киотский протокол. Однако глобальные климатические вызовы подтолкнули политиков Евросоюза к принятию в июне 2007 года первого программного документа – Зеленой книги «Адаптация к изменению климата в Европе – варианты действий ЕС»⁹. В документе Еврокомиссии говорится, что для решения проблемы глобального потепления необходимо наряду с мерами по уменьшению выбросов парниковых газов принять меры по адаптации к меняющимся климатическим условиям. Зеленая книга дает собственное определение стратегии адаптации как комплекса мер для борьбы с последствиями климатических изменений – повышением температуры, уменьшением водных ресурсов в случае их возникновения и предвидение возможных изменений в будущем. Адаптация должна включать национальные и региональные стратегии, меры по адаптации могут иметь предупреждающий или реактивный характер.

Политику ЕС в сфере защиты окружающей среды финансируют государства-члены. Однако если меры природоохранной политики требуют непропорционально высоких затрат по сравнению с возможностями органов государства-члена, Совет ЕС может принимать соответствующие положения с временными отступлениями от финансовых требований. Виды деятельности, которые Сообщество осуществляет или намеревается осуществлять для защиты окружающей среды и сохранения природы как в Европе, так и во всем мире, становятся все дороже, а значит, их следует планировать на долгосрочную перспективу. Осознание этих реалий стало мощным импульсом для создания финансовых программ.

С 2007 г. финансирование политики по охране окружающей среды происходит преимущественно с помощью двух финансовых программ – LIFE + и Финансового инструмента по гражданской защите. Обе программы оказывают финансовую поддержку

⁸ Микієвич М.М., Андрусевич Н.І., Будякова Т. О.Європейське право навколишнього середовища / М.М. Микієвич, Н.І. Андрусевич, Т.О. Будякова // Навчальний посібник. – Львів, 2004. – 156 с. – С.161.

⁹ Зелена книга України / Під загальною редакцією члена-кореспондента НАН України Я. П. Дідуха. – К. : Альтерпрес, 2009. – С. 245.

путем предоставления грантов. Четырьмя ключевыми направлениями работы инструмента LIFE + являются:

- а) борьба с изменениями климата;
- б) поддержание биоразнообразия и защита редких видов флоры и фауны;
- в) проекты, направленные на охрану здоровья и повышения качества жизни;
- г) инициативы, направленные на защиту природных ресурсов и утилизацию отходов.

Бюджет программы LIFE + на ближайшие семь лет (2007–2013) составит почти 1,9 миллиардов евро. 78 % бюджета пойдет на предоставление грантовой поддержки проектам, работающим в экологической сфере. 22 % Европейская Комиссия потратит на финансирование своих собственных мероприятий в сфере защиты окружающей среды¹⁰.

Консолидация внутренней позиции ЕС по проблеме глобального потепления способствовала принятию ограничений объемов выбросов CO₂. Стратегия ЕС–2020 предусматривает обязательное снижение выбросов парниковых газов государствами-членами на 20 % до 2020 года. Еврокомиссия предлагает расширение схем торговли квотами на выбросы (СТК) на большинство секторов экономики; энергопроизводители постепенно утратят право на бесплатные квоты¹¹. Квоты на выбросы должны определяться на общеевропейском уровне, заменяя схему, согласно которой предложения в Еврокомиссию подают страны-члены ЕС. Критики европейских инициатив выдвигают аргумент, что вследствие соблюдения этих требований промышленное производство будет страдать от вынужденного сокращения.

Следует отметить, что внедрение экологических стратегий в ЕС опирается на научно-экспертный анализ в процессе принятия решений в сфере экологической безопасности. В утвержденной лидерами ЕС в 2007 году программе перехода на альтернативные и возобновляемые источники энергии ключевая роль уделялась биотопливу как замене традиционного бензина. В 2008 году Еврокомиссия планировала законодательно обязать страны-члены ЕС переходить на предельные уровни использования на транспорте биотоплива (планировалось увеличение его доли до 10 % в общетопливном балансе). Однако анализ проблемы экспертами научного комитета Европейского агентства по окружающей среде привел к выводу, что значительное увеличение посевов культур для изготовления биотоплива будет иметь ряд негативных последствий. Существует большая вероятность, что увеличение площадей посевов технических культур приведет к значительной нагрузке на грунты, вызовет нарушение баланса водных ресурсов по причине значительных затрат воды на выращивание технических культур, вызовет дефицит сельскохозяйственного сырья, приведет к угрозе биоразнообразия и уничтожения существующих экосистем. Это вызвало пересмотр политических решений относительно приоритетности выработки и использования биотоплива за счет дополнительной нагрузки на природную среду. Хотя решение об увеличении процентной доли биотоплива было принято на высоком уровне и закреплено в Директиве ЕС об возобновляемых источниках энергии (январь 2008 года). Ныне не исключается постепенное дополнение этой сферы политики Евросоюза новыми ориентирами¹².

Одной из новых инициатив мирового сообщества по решению глобальных проблем экологической безопасности стало предложение Японии о создании специального «фонда технологий», направленных на защиту окружающей среды и активное противодействие процессам глобального потепления. Еще одна идея «секторального подхода» предлагает предоставление различным промышленным сферам в развивающихся странах технической помощи в процессе соблюдения ими требований по снижению вредных выбросов. Предложение поддержано американской стороной в части создания «зеленых рабочих мест», связанных с экологически чистыми технологиями в ключевых секторах экономики¹³.

¹⁰ Стратегія екологічної безпеки України у контексті міжнародного досвіду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/Julio8/21.htm>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Фундаментом экологической стратегии США на современном этапе является поддержка технологической инновационной деятельности. Так, только корпорация Intel вкладывает около 6 млрд долларов США в исследования и разработку проектов и концепций, посвященных экологии, здравоохранению. В отличие от ЕС, Вашингтон выступает против обязательных целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов, пытаясь обезопасить экономику страны от возможного сокращения производства. Однако в позиции США в этом направлении прогнозируются сдвиги после отставки администрации Дж. Буша. В частности одним из программных принципов избирательной кампании кандидата в президенты США от республиканской партии Дж. Маккейна определено энергосбережение как общенациональная задача в преодолении экологического кризиса. Ежегодно на развитие технологий возобновляемой энергии из бюджета страны выделяется около 150 миллионов долларов. По информации министерства энергетики США, в настоящее время в Соединенных Штатах работают около 1,2 миллиона солнечных генераторов. Однако недавно федеральное правительство объявило мораторий на разработку новых проектов по использованию солнечной энергии на государственных землях. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в США зависят от выводов исследований влияния строительства солнечных генераторов на окружающую среду, использования водных ресурсов в процессе их эксплуатации а также возможностей восстановления земель после завершения срока их работы¹⁴.

Учитывая глобальный характер экологических проблем, становление и реализация национального экологического правопорядка невозможны без учета международного опыта. Вместе с тем попытки преодоления глобальных экологических кризисов сформировали подходы мирового сообщества, при которых выполнение каких-либо специализированных программ активизируется при участии национальных правительств. Поэтому Украина на сегодняшний день имеет уникальную возможность осветить свое видение глобальной экологической безопасности, стать активным участником формирования международных стратегий в этой сфере. В частности крайне актуальной является необходимость обнародования на международном уровне своей позиции по реабилитации и адаптации пораженных чернобыльских территорий на основе биологических, медицинских, социально-психологических данных профильных ведомств и министерств с целью дальнейшей координации усилий нашего государства и международного сообщества в решении вопроса экологической перспективы этих земель.

Признаком современных мировых экологических стратегий является выделение проблемы глобального потепления в качестве приоритетной. Среди мер по уменьшению негативного влияния выбросов в атмосферу экономически эффективной считается система торговли квотами на выбросы.

Коммерциализация идеи борьбы с глобальным потеплением несет в себе риски в виде, во-первых, вероятности сосредоточения экологически вредных производств на территории стран, которые экономят свои объемы выбросов, во-вторых, привести к одноаспектному решению экологических проблем без учета других составляющих угрозы окружающей среде – загрязнение почв тяжелыми металлами, акваторий океанов и морей отходами и т.д. Следовательно Украина может выступить инициатором дополнительных и добровольных ограничений вредных выбросов в дополнение к уже оговоренным международными соглашениями.

По нашему мнению, национальная экологическая стратегия относительно экологического правопорядка на сегодняшний день должна создать предпосылки решения комплекса задач в области окружающей среды. Стратегическое планирование политики экологической безопасности должно опираться на такие принципы:

- принцип политической приоритетности решения проблем экологической безопасности;
- принцип интеграции экологической составляющей в отраслевые политики – экономическую, социальную;
- принцип экологической ответственности субъектов промышленной сферы;

¹⁴ Міжнародне право екологічної безпеки. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://referaty.com.ua/ukr/details/12381/4/>

- принцип сбалансированного и взаимного дополнения общенациональных и региональных экологических приоритетов;
- принцип научно-экспертного обоснования средств эффективного преодоления экологических угроз.

Также считаем целесообразным дополнить проект Стратегии национальной экологической политики Украины до 2020 года такими позициями:

- анализом возможностей реализации экологически чистых технологий в промышленном производстве;
- прогнозированием экономической эффективности экологически чистого сельскохозяйственного производства;
- заключениями по созданию благоприятного инвестиционного климата эконоинновационного развития;
- относительно научного обеспечения национальной экологической политики целесообразным будет представить экспертные оценки научных разработок отечественных ученых, рассмотреть перспективы создания экологически инновационного рынка, национальной базы научных изобретений, технологий, проектов, программ.

Создание концепции международной экологической безопасности, в том числе и экологического правопорядка, является логичной реакцией человечества на обострение угроз глобального экологического кризиса. Реализация международной экологической безопасности состоит в создании системы государственно-правовых мер, направленных сначала на ограничение негативного антропогенного воздействия, а в дальнейшем – на достижение баланса использования ресурсов человеком и восстановление природных ресурсов. Достижение гармоничного сосуществования человека и природы – вот конечная цель международной экологической безопасности. Построение системы международной экологической безопасности сочетает в себе элементы регулирования использования природных ресурсов, развития экономики, социально-культурного прогресса человечества и еще много других факторов.

Список литературы

1. Булгакова М.Г. Участь України у міжнародних переговорах з питань зміни клімату: економіко-правові та еколого-політичні аспекти / М. Г. Булгакова // Вісник Національного університету водного господарства та природокористування. – 1(57). – 2012. – С. 37-43.
2. Позиція делегації України на 17-й Конференції сторін РКЗК ООН та 7-й Зустрічі сторін Кіотського протоколу. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.neia.gov.ua/nature/control/uk/publish/article?art_id=133019&cat_id=133013.
3. Кравченко С. Всесвітній самміт з питань сталого розвитку: думки та враження учасника / С. Кравченко // Вісник екологічної адвокатури. – № 19, Літо. – 2002. – С. 5-7.
4. Малиш Н.А. Ефективна державна політика України у сфері охорони довкілля / Н. А. Малиш // Теорія та практика державного управління. – 2011. – С. 1-7.
5. Стратегія екологічної безпеки України у контексті міжнародного досвіду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/Julio8/21.htm>
6. Микієвич М. М., Андрусевич Н.І., Будякова Т.О. Європейське право навколишнього середовища / М. М. Микієвич, Н. І. Андрусевич, Т. О. Будякова // Навчальний посібник. – Львів, 2004. – 256 с.
7. Зелена книга України / Під загальною редакцією члена-кореспондента НАН України Я. П. Дідуха. – К. : Альтерпрес, 2009. – 448 с.
8. Міжнародне право екологічної безпеки. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://referaty.com.ua/ukr/details/12381/4/>
9. Андрейцев В.І. Екологічне право та проблеми екологічної безпеки / В.І. Андрейцев // Радянське право. – 1990. – № 4 – 34-38 с.
10. Андрейцев В.І. Право екологічної безпеки: Навч. та науково-практичний посібник / В.І. Андрейцев. – К. : Знання-Прес, 2002. – 332 с.
11. Богачов В. Необхідність підвищення екологічної безпеки в Україні / В. Богачов // Економіст. – 2008. – №9. – С. 12-14.
12. Дмитриченко І.В. Міжнародне право: Метод. вказівки з навч. дисципліни / І.В. Дмитриченко. – Миколаїв : Атол, 2004. – 80 с.

13. Європа, Японія, Україна: шляхи демократизації державно-правових систем: Матеріали міжнар. наук. конф., 17-20 жовтня 2000 року / НАН України; Інститут держави і права ім. В.М.Корецького. – К., 2000. – 405 с.
14. Заєць І.О. Розвиток екологічного законодавства України / І.О. Заєць // Бюлетень законодавства і юридичної практики України. – 2001. – № 4 : Екологічне законодавство України. – С. 3-4.
15. Стратегія екологічної політики України до 2020 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.u-e-p.eu/.../project-ukraine/strategy-2...
16. Про Загальнодержавну програму формування національної екологічної мережі України на 2000-2015 роки: Закон України від 21.09.2000 № 1989-III. / Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2000, N 47, ст.405.
17. Про заходи для подальшого поліпшення охорони природи й раціонального використання природних ресурсів : Постанова УСРС // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1972. – № 32. – С. 346.
18. Про основи національної безпеки України: Закон України від 19.06.2003 // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2003. – № 39. – С. 351.
19. Про охорону навколишнього природного середовища: Закон України від 25.06.1991 // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 1991. – № 41. – С. 546.
20. Хімич О. Екологічна безпека як елемент національної безпеки / О.Хімич // Право України. – 2002. – № 1.
21. Шмандій В.М., Солошич І.О. Управління природоохоронною діяльністю : Навчальний посібник. – Київ : Центр навчальної літератури, 2004. – 296 с.
22. Шемшученко Ю.С. Правовые проблемы экологии / Ю.С. Шемшученко. – К., 1989. – 372 с.

ENSURING ENVIRONMENTAL LAW IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

V.M. PYTS

*Academy of Labor and Social
Relations Federation
of Trade Unions of Ukraine*

e-mail: ved2_lav@bsu.edu.ru

This article deals with the environmental law and order with the international experience. The author analyzes the environmental threats, defense mechanisms against them, and reveals the main subjects of the initiation and implementation of EU environmental policy. Also, the article suggests ways to address global environmental problems of law and order. The author notes that the implementation of international environmental security is to create a system of state-legal measures, first to limit the negative anthropogenic impact, and in the future – to balance resource use rights and the restoration of natural resources.

Keywords: environmental law and order, environment, environmental protection, environmental policy.

УДК 349.2

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И.А. ГРАБОВСКИЙ¹
О.С. ЛИЛИКОВА²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹) e-mail: Grabovskiy@bsu.edu.ru

²) e-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

Статья посвящена пределам осуществления трудовых прав и последствиям злоупотребления такими правами. Проводится сравнительный анализ трудовых и гражданско-правовых отношений для определения возможности применения к трудовым отношениям пределов осуществления гражданских прав (запрет шиканы).

Ключевые слова: злоупотребление правом, гражданское право, трудовое право, теория применения злоупотребления.

Трудовой кодекс РФ не предусматривает норм, которые регулируют пределы осуществления трудовых прав и злоупотребление такими правами. В действующем Трудовом кодексе, термин «злоупотребление» употребляется только в одном случае. В частности ст. 355 ТК РФ¹ вменяет в обязанность Федеральной инспекции труда извещать соответствующие органы государственной власти в случае обнаружения факта нарушений, или злоупотребления, которые не входят в предмет трудового права. Других каких – либо определений о злоупотреблении правами в трудовых отношениях ТК РФ не дает и пределы осуществления трудовых прав теоретически и практически не обозначены.

Пределы осуществления трудовых прав можно определить, исходя из общих правил ст.17 Конституции РФ, где говорится, что реализация прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. В постановлении Пленума Верховного суда РФ № 2 от 17.03. 2004 г «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ»² принцип недопустимости злоупотребления правом был назван одним из в общеправовых.

Однако, чтобы исключить злоупотребления правом в трудовых отношениях необходимо ориентироваться не на общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, а на отраслевой. Представляется, что назрела необходимость внесения федерального законом в ст.2 ТК РФ специального принципа о злоупотреблении правом в трудовых отношениях. Данный принцип должен предусматривать негативные последствия за злоупотребление правами сторонами трудового договора, поскольку выход за пределы осуществления прав имеет место сторонами трудовых отношений.

Злоупотребление правом со стороны работодателя на практике возможно в отношении любого работника, или всего коллектива : например, пересмотр или установление новых условий труда в отношении неугодных работников, внеочередная аттестация или когда под предлогом сокращения штатов работодатель увольняет инициаторов коллективного трудового спора, обработка персональных данных работника без его ведома, когда работодатель злоупотребляет своим правом и вторгается в частную жизнь подчиненных и т.д.

Пленум Верховного Суда №2 от 17.03.2004 г. назвал лишь два вида злоупотреблений правом со стороны работника: сокрытие работником временной нетрудоспособности и что работник был избран в представительный орган, или руководителем выборного профсоюзного коллегиального органа. В данном случае решение об его увольнении по

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. -№ 1 (ч.1). – Ст. 3.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 28.09.2010) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Российская газета. – № 297. -31.12.2006.

инициативе работодателя должно производиться с учетом мотивированного мнения выборного профсоюзного органа. И разъяснил, что при установлении судом факта злоупотребления работником своим правом, суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе. При этом необходимо иметь в виду, что в трудовых отношениях отсутствует юридическая обязанность работника извещать работодателя о причинах своего отсутствия на работе. Поэтому необходимо доказать сам факт злоупотребления работником сокрытия болезни на момент расторжения с ним трудового договора, а не факт того, что работодатель не знал о временной нетрудоспособности работника.

Однако на практике встречаются и другие случаи злоупотребления правом со стороны работника. Это уклонение работника от предоставления работодателю обязательной информации о состоянии своего здоровья в случае, когда это требуется по условиям работы. Встречаются случаи, когда работник получает производственную травму или профессиональное заболевание, нехарактерное для остальных работников на данном предприятии. Злоупотребление правом со стороны работника может быть направлено не только против интересов работодателя, но и против интересов другой группы работников, или коллектива в целом.

Правовые последствия злоупотребления правом в трудовых отношениях обусловлены теми особенностями, что законодательство о труде не регулирует в законодательном порядке понятийный аппарат, а также правовые последствия злоупотребления правом. Это ставит перед данной отраслью задачу – выработать собственные правовые критерии применения соответствующих категорий. При этом, необходимо проанализировать насколько допустимо использование в трудовых отношениях нормы гражданского законодательства, в частности, ст. 10 ГК РФ³, которая определяет пределы реализации гражданских прав. Эта норма предусматривает запрет шиканы, то есть такие действия участников гражданских правоотношений, реализуемых с намерением умышленно причинить вред другому лицу, а также ограничение злоупотребления своими правами в иных формах.

Эта правило базируется на обеспечении равенства субъектов регулируемых им отношений, гарантии права собственности, обеспечение свободы договора, ограничения вмешательства любого участника гражданских отношений в частные дела. Использование понятийного аппарата гражданского права к трудовым отношениям в данном случае является едва ли оправданным. Трудовое право должно выработать собственный понятийный аппарат. Это объясняется тем, что в настоящее время усиливается частно – государственное и частно – партнерское регулирование трудовых отношений. Это объясняется тем, что большинство условий труда устанавливаются соглашениями, на федеральном, региональном, территориальном и локальном уровнях, а также актами, принимаемыми работодателем с учетом мнения профсоюзного органа. Поэтому, вызывает сомнение использование в трудовых отношениях межотраслевых принципов. Это объясняется тем обстоятельством, что межотраслевые принципы той отрасли права, где используется диспозитивный метод регулирования, который содержится в позитивном праве, противоречила бы основам правосудия. А это один из основных принципов, который закреплен как международными актами (Международный пакт о гражданских и политических правах⁴), так и Конституцией (ст. 55 Конституции РФ⁵.) На эти нормативные акты, в основном делает ссылку Конституционный Суд РФ при уточнении и обосновании своей правовой позиции.

Основываясь на положении п.27 вышеназванного Постановления Пленума РФ можно предположить, что речь может идти только о злоупотреблении субъективными правами. Представляется, что это очень важное для трудовых отношений положение, поскольку права субъектов трудового договора имеют свои особенности. Большинство норм,

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2013) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. -№ 32. – Ст. 3301.

⁴ Международный Пакт от 16.12.1966 "О гражданских и политических правах" // Бюллетень Верховного Суда РФ. -№12. – 1994.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 30.12.2008) // Российская газета. – №7. -21.01.2009.

закрепляющих права работников в трудовых правоотношениях, сохраняют свойства объективного, а не субъективного права. Так, право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск по Трудовому кодексу (ст.122 ТК РФ), может быть использовано на практике на основании графика отпусков, путем взаимного волеизъявления сторон и лишь с разрешения работодателя. Произвольное использование работником времени отпуска может быть расценено работодателем как грубое нарушение трудовой дисциплины, которое приравнивается к прогулу.

Пределы реализации субъектами трудового договора своих прав не должны быть формально определенными. Это дает основание предполагать, что субъективное право не абсолютно – оно ограничивается правомерными интересами управомоченного лица. При этом, необходимо отметить, что вопрос о злоупотреблении правом – это, прежде всего, анализ форм злоупотребления правом. Формой злоупотребления правом, как правило, понимают те действия или бездействия, которые формально соответствуют закону, но не противоречат существу, либо предназначением соответствующей нормы права, на основе которой реализуется субъективное право. В настоящее время формы злоупотребления правом субъектами трудовых отношений легально не установлены, но на практике активно используется данная правовая категория. В этом случае, основным источником для анализа может служить практика высших судебных инстанций, в том числе Верховного суда РФ, Арбитражного суда РФ, а также выводы Конституционного суда РФ.

В Постановлении Конституционного суда РФ от 24 января 2002 г. №3–П⁶ было обозначено правовое обоснование, в основу которого заложен тезис о том, что увольнение, обусловленное исключительными обстоятельствами, не связанными с профессиональной деятельностью считается незаконным, а следовательно, неконституционным. Поэтому, право на увольнение может быть ограничено, и предоставление иммунитета работнику имеют строго целевое назначение. Полномочия представительного органа на отказ в даче мотивированного согласия на увольнение может быть обусловлено обоснованной защитой работника от дискриминации за правомерное участие в профсоюзной деятельности.

Таким образом, напрашивается вывод, что судебная практика рассматривает вопросы злоупотребления правом в контексте совершения другим субъектом трудового договора неправомерных действий, направленных на создание препятствий в осуществлении трудовых прав. Так, например, ч.2 ст.81 ТК РФ предусматривает ограничения на прекращение трудового договора по инициативе работодателя в период болезни работника. Судебная практика исходила из императивности этого положения и судебные инстанции восстанавливали работника в прежней должности, если работник предоставлял доказательства того, что увольнение произведено в такой период.

Однако, если работник скрыл факт временной нетрудоспособности и был уволен, то руководитель не обязан нести отрицательные последствия из – за недобросовестного поведения работника. В данном случае злоупотребление работника правом, то есть умышленное сокрытие соответствующих обстоятельств от работодателя, может явиться законным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе. Важность указанных положений для трудового законодательства можно проанализировать на примере увольнения работника по инициативе работодателя по сокращению численности или штата работников. Судебные органы при разрешении трудовых споров о законности и обоснованности увольнения по данному основанию исследовали как правило объективные причины и процедуры, в силу которых, работодатель принял решение о сокращении штатов.

Зачастую, такая судебная практика, ограничивает возможности работника эффективно защищать свои трудовые права, не всегда принимая во внимание социальное по-

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.2002 № 3-П "По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово" // Собрание законодательства РФ. – 18.02.2002. – № 7. – Ст. 745.

ложение трудового права, в особенности назначение конкретных норм ТК РФ. Поэтому мы полагаем, что трудовое законодательство должно содержать нормы о недопустимости злоупотребления правом субъектами трудового договора, прежде всего со стороны работодателя, который, обладая властными полномочиями, не всегда соблюдает трудовое законодательство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 30.12.2008) // Российская газета. – №7. -21.01.2009.
2. Международный Пакт от 16.12.1966 "О гражданских и политических правах" // Бюллетень Верховного Суда РФ. -№12. – 1994.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. -№ 1 (ч.1). – Ст. 3.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2013) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. -№ 32. – Ст. 3301.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 28.09.2010) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Российская газета. – № 297. -31.12.2006.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.2002 № 3-П "По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона "О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности" в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово" // Собрание законодательства РФ. – 18.02.2002. – № 7. –Ст. 745.

ABUSE OF THE RIGHT: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIVIL AND LABOUR RELATIONS

**I.A.GRABOVSKIY¹⁾
O.S.LILIKOVA²⁾**

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: Grabovskiy@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Strebkova@bsu.edu.ru

The article is devoted to the limits of implementation of the labor law and consequences of abuse by such rights. The comparative analysis of the labor and civil relations for definition of possibility of application to the labor relations of limits of implementation of the civil rights (a ban шиканы) is carried out by the authors and presented in the paper.

Keywords: abuse of the right, civil law, labor law, theory of application of abuse.

УДК 342.9:352

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ АКТОВ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ

В.С. ОВСЯННИКОВ

*Национальный Университет
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого*

e-mail: Vladyslav_ovs@meta.ua

Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования процедуры принятия актов структурных подразделений. Анализируются принципы, на которых базируется издание актов; рассмотрены стадии подготовки и принятия актов. Значительное внимание уделено особенностям принятия актов структурных подразделений. Внесены предложения по совершенствованию процедуры разработки и принятия актов структурных подразделений.

Ключевые слова: акты структурных подразделений, разработка актов, принятие актов, совершенствование процедуры принятия актов.

Акты структурных подразделений местных государственных администраций – важнейшее средство руководства подчиненными им отраслями управления. По своему содержанию – это управленческие решения, в которых отражается обязательная для исполнителей программа действий. Многие из них включают в себя обоснованную постановку цели, сознательный волевой выбор наилучшего варианта ее достижения, определяют исполнителей и сроки, разнообразные организационные меры. Принятие актов выступает как начальный момент соответствующих управленческих циклов. Задачам успешной реализации правовых актов подчиняется вся последующая организационно-правовая деятельность структурных подразделений, подведомственных им органов, предприятий, учреждений и организаций.

Социальная роль, значение, вопросы разработки, принятия, содержания и реализации актов структурных подразделений получили определенное отражение в публикациях по административному праву и государственному строительству, в частности, в работах В.В. Богуцкого, Р.Ф. Васильева, Н.П. Воронова, Б.Н. Габригидзе, Е.В. Додина, М.П. Лебедева, А.С. Пиголкина, О.Н. Соловьева, О.Ф. Фрицкого и др. Что же касается работ об особенностях разработки и принятия актов структурных подразделений местных государственных администраций, то пока их еще нет, хотя практическая необходимость в них большая. В имеющихся публикациях исследуются общие вопросы подготовки и принятия органами управления правовых актов, без выяснения особенностей правотворчества и правоприменения в каждой подсистеме управленческих органов. Так, Р.В. Васильев процесс создания правового акта органами управления подразделяет на несколько стадий: подготовка проекта акта; рассмотрение проекта соответствующим коллегиальным органом или должностным лицом; принятие/утверждение проекта/акта; доведение его до сведения исполнителей¹. М.П. Лебедев выделяет три этапа принятия решения: подготовка решения; оформление акта и передача его к исполнению².

Приведенное выше подразделение процесса принятия управленческих актов на определенные стадии (этапы) в целом приемлемо и для актов структурных подразделений, несмотря на некоторую специфику во взглядах на этот процесс со стороны различных авторов. Однако, нельзя не учитывать особенности, влияющие на порядок разработки и принятия актов. Известно, что акты (приказы) структурных подразделений являются актами единоличного распорядительства, в их разработке и принятии проявляются элементы единоначалия в сочетании с коллегиальностью. Адресатом актов выступает

¹ Васильев Р.В. Правовые акты органов управления / Р. Васильев. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 71.

² Лебедев М.П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом / М. Лебедев. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 165.

внутренний аппарат, подчиненные органы, администрации предприятий, учреждений и организаций. Приказы структурных подразделений имеют отраслевую направленность, их основой служат законы, акты Кабинета Министров Украины, акты вышестоящих одноименных органов, соответствующих государственных администраций. Органы, издающие акты, – структурные подразделения, – могут быть двух уровней: областного /городов Киева и Севастополя/ и районного, что также влияет на создание приказов.

Акты структурных подразделений разрабатываются, принимаются и отменяются в определенном порядке, под которым понимается урегулированная последовательность, очередность действий по изданию актов. Закон Украины «О местных государственных администрациях»³ разрешил наиболее важные процедурные вопросы подготовки, оформления, издания и доведения до исполнителей актов местных государственных администраций, их исполнительно-распорядительных органов. Однако, наличие указанного закона и других нормативно-правовых актов не создает еще всех условий для полного урегулирования процедуры разработки и принятия актов структурными подразделениями. А.С. Пиголкин не случайно отмечает, что вся деятельность по подготовке и принятию актов в своей основе носит юридический, процессуальный характер, и поэтому ее обязательное урегулирование выступает необходимым требованием законности в правотворчестве, важным условием широкого участия в нем населения и специалистов, его гласности, повышения юридической культуры⁴. Хотя это мнение относится к нормативным актам, но его можно распространить и на акты организационные и индивидуального характера.

Издание актов структурных подразделений базируется на определенных принципах, основополагающих идеях, которые обуславливают единство и общую направленность этой деятельности. Представляется, что в основу процесса издания актов структурных подразделений положены такие принципы: ответственность перед человеком и государством; законность; приоритетность прав человека; гласность; сочетание государственных и местных интересов.

Обобщение многогранной практики разработки и принятия актов структурными подразделениями, анализ содержания ведомственных предписаний по этим вопросам позволяет выделить следующие стадии:

1) установление необходимости издания акта; 2) подготовка проекта акта и его внесение руководителю; 3) рассмотрение проекта; 4) принятие акта; 5) доведение акта до сведения исполнителей и вступление его в силу.

Установление необходимости издания акта, как первая стадия, начинается с действий аппарата структурных подразделений по выявлению объективных потребностей в издании приказа. Основой указанных действий может быть как инициатива самих этих органов, так и постановка вопроса об издании акта со стороны вышестоящих органов, общественных организаций, граждан.

Функционирование структурных подразделений может быть эффективной лишь в том случае, если эти органы имеют возможность постоянно и своевременно учитывать воздействия внешней и внутренней среды, в особенности «поведение» подчиненных предприятий, учреждений и организаций, а также своевременно реагировать на проявление различных факторов, видеть перспективы развития соответствующей отрасли. Важное значение при этом имеют своевременное обнаружение проблемной ситуации, недостатков в правовом регулировании, установление необходимости правовой регламентации тех или иных отношений. Представляется, что установлению необходимости издания акта должно носить постоянный и объективный характер, для чего целесообразно создание в структурных подразделениях специальных отделов, которые бы обеспечивали выявление таких потребностей. Им надлежит заниматься сбором информации о состоянии подведомственных структурному подразделению органов предприятий, учреждений и организаций, результатах воздействия внешних и внутренних факторов, анализировать и обобщать полученную информацию в целях определения проблемных ситуаций, разрешение которых требует воздействия со стороны структурных подразделений.

³ Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 20-21. – Ст. 190.

⁴ Правотворчество в СССР. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 60.

Деятельности государственных органов зачастую свойственен поисковый характер. Поиск проблем, отражающих потребности развития и требующих своего решения, должен осуществляться специализированным подразделением органа. На рассматриваемой стадии в функции этого подразделения целесообразно включить: сбор информации о функционировании подведомственных объектов; анализ её содержания; выявление проблемных ситуаций, требующих издания (изменения, отмены) актов; информирование руководителей отделов, управлений о наличии проблемных ситуаций и обоснование необходимости их правового разрешения; направление по указанию руководства материалов о выявленных проблемных ситуациях соответствующим работникам для разработки необходимых проектов актов. В связи с проблемной ситуацией соответствующее подразделение государственного органа анализирует информацию и составляет заключение о целесообразности и необходимости издания акта.

Изучение практики показывает, что многие акты структурные подразделения издадут по поручению вышестоящих органов исполнительной власти. Создание механизма установления проблемных ситуаций не исключает возможности использования предложений вышестоящих государственных органов, общественных организаций, граждан о необходимости издания акта по тому или иному вопросу. Выявление потребности в правовом регулировании общественных отношений служат основанием для издания структурным подразделением решения о подготовке проекта акта. Оно может быть принято руководителем структурного подразделения.

Рассматриваемая стадия выступает основой для всех последующих стадий издания акта, так как в её рамках определяются цели правового регулирования.

Вторая стадия в издании актов структурных подразделений, отличающаяся сложным содержанием – подготовка проекта акта и его внесение руководителю. Она включает в себя сбор информации, дающей представление структурному подразделению о функционировании подчиненных объектов, анализ этой информации, который позволяет в известной степени предвидеть уже на данной стадии последствия принятия акта. На основе анализа информации уточняются цели издания акта, всесторонне изучаются отношения, требующие правового регулирования, производится поиск решения проблемной ситуации. В пределах данной стадии можно определить ориентировочную стоимость предусматриваемых мероприятий, источники их финансирования и т.д. Наиболее ответственный момент стадии – составление текста проекта акта на основе действующих нормативных актов, в соответствии с требованием законности, выбор оптимального варианта акта, согласование с заинтересованными субъектами.

Действия, совершаемые на стадии подготовки проекта акта, можно подразделить на три этапа. Первый включает сбор и обработку информации для составления проекта, второй – разработку проекта, третий – его обсуждение, согласование. Проекты актов составляют сотрудники соответствующих внутривидовых подразделений, должностные лица либо работники, представляющие общественные организации, нижестоящие органы, подчиненные предприятия, учреждения, организации. Все три этапа подготовки проекта акта очень важны. Но наибольшую актуальность приобретает этап разработки проекта.

Формулирование текста проекта акта имеет как бы две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя направлена на конструирование модели правовых отношений, их содержание в проектируемом предписании, а внешняя – включает составление самого текста проекта акта, структуру и логику построения его предписаний. Конструирование содержания проектируемых предписаний зависит от цели издания актов и определяется в известной мере теми общественными отношениями, урегулировать которые призваны данные предписания. Следовательно, в процессе издания актов возникает необходимость в моделировании самих общественных отношений. В первую очередь моделируется схема общественных отношений в общих чертах и на этой основе в соответствии с правилами юридической техники определяются пределы возможного и должного поведения субъектов будущего правоотношения в качестве предписаний создаваемого акта. Использование моделирования отношений позволяет осуществлять разработку предписаний на научной основе, в особенности при проектировании сложных по содержанию актов. В иных случаях проект составляется на основе собранной информации без указанной под-

готовки. В зависимости от содержания тех или иных отношений для регулирования используются в различном соотношении такие его компоненты, как дозволение, предписание и запрет. Установление пределов действия каждого из них составляет содержание рассматриваемой процедуры. Полученные результаты находят свое выражение в тексте проекта. Другими словами, создается модель проекта неполной структуры (без атрибутов формы, вводной части и т.д.). Моделируется исключительно постановляющая часть, отдельные предписания. Уже в этот момент возможен выбор оптимального варианта проекта, если разрабатывается несколько вариантов. В необходимых случаях может производиться дополнительный сбор и обработка информации.

Центральная стадия принятия акта – рассмотрение проектов акта. В её рамках обеспечивается непосредственная подготовка к принятию решения по проекту акта. Обобщение практики в отделах и управлениях Харьковской областной государственной администрации показывает, что около 85% проектов приказов принимается руководителем без существенных поправок и дополнений. Несомненно, что большинство подготовленных проектов приказов отвечает тем требованиям, которые предъявляются к актам управления.

Вместе с тем, без всестороннего и тщательного рассмотрения проектов руководителем невозможно обеспечить принятие высокорезультативных, эффективных актов.

На стадии рассмотрения проект акта всесторонне оценивается руководителем структурного подразделения. В частности, руководитель определяет степень влияния будущего приказа на реализацию функций структурного подразделения, прогнозирует общий итоговый результат воздействия акта, его возможные негативные последствия. При этом руководитель вправе: выбрать оптимальный вариант из предлагаемых для рассмотрения; внести дополнения, уточнения, иные изменения в проект; признать проект непригодным для рассмотрения из-за существенных его недостатков.

Оценочная функция рассматриваемой стадии тесно связана с совершенствованием проекта акта в целях его полного соответствия предъявляемым требованиям. Именно на этой стадии создается реальный проект акта, направленный на урегулирование проблемной ситуации. В связи с этим необходимо, чтобы руководитель обладал соответствующим уровнем знаний необходимым опытом. Руководитель призван быть не только квалифицированным специалистом и организатором, но и политиком, социологом, воспитателем. От современного руководителя требуется инициатива, предприимчивость, активное использование новых научных и технических решений, передовых приемов организации труда и управления, творческий поиск, внимательный учет изменяющихся потребностей и спроса.

Подготовка к принятию решения по проекту акта не связана только с фактом одобрения или отрицательной оценки проекта. Данная стадия издания актов отличается от других стадий своим содержанием. Руководитель в соответствии с предоставленными ему полномочиями формирует волеизъявление, подлежащее трансформации в государственную волю. На этом этапе могут использоваться различные формы и методы (проведение совещаний, экспертных оценок и т.п.).

Итог всей подготовительной работы по изданию и совершенствованию проекта приказа – принятие акта. Принятие решения по проекту акта выступает основной, решающей стадией официального прохождения проекта. Именно здесь проект становится юридически значимым документом. Руководитель структурного подразделения, анализируя результаты рассмотрения проекта, внесенные в проект изменения и дополнения, оценивает как содержание проекта так и проблемную ситуацию, подлежащую разрешению посредством издания приказа. Окончательная оценка проекта может основываться на предварительных мнениях, совпадать или не совпадать с ними, исходить из ранее выработанной установки и т.д. При этом руководитель действует на основе принципов управления и требований морали, несет личную ответственность за последствия принятого акта. Считая, что рассмотренный проект приказа полностью отвечает предъявленным к нему требованиям, руководитель отдела, управления подписывает его.

Следует иметь в виду, что в соответствии с Указом Президента Украины от 03.10.1992 года с последующими изменениями от 21.05.1998 года «О государственной регистрации нормативно-правовых актов министерств и других органов исполнительной

власти» нормативно-правовые акты структурных подразделений, касающиеся прав, свобод и законных интересов граждан, или имеющие межведомственный характер подлежат государственной регистрации.

Акты структурных подразделений областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций должны регистрироваться в областных, Киевском и Севастопольском городских управлениях юстиции, а нормативно-правовые акты структурных подразделений районных, районных в городах Киева и Севастополя – в районных, районных в городах Киеве и Севастополе управлениях юстиции⁵.

Завершающая стадия издания актов – доведение акта до сведения исполнителей и вступление его в силу. Она дает возможность приступить к осуществлению актов, обеспечить контроль вышестоящих органов за содержанием актов структурных подразделений. А.С. Пиголкин справедливо отмечает, что процесс издания акта не завершён, если он утверждён, но его содержание не доведено в официальном порядке до сведения исполнителей⁶. Официальное оглашение принятого акта реально обеспечивает презумпцию знания закона, включение такого акта в общую систему правового регулирования, реальное его осуществление.

Доведение актов структурных подразделений местных государственных администраций до сведения адресатов осуществляется разными способами. В соответствии с законом Украины «О местных государственных администрациях» приказы руководителей структурных подразделений доводятся до исполнителей, а в случае необходимости – обнародуются. Они могут быть обнародованы в местных печатных изданиях, вывешиваться в общественных местах, транслироваться по радио и телевидению, через устное ознакомление, размещение в интернете.

Обычно акты структурных подразделений рассылаются исполнителям в разные сроки – от 1 до 5 дней после их принятия. Представляется, что сложившийся порядок рассылки приказов нуждается в правовом закреплении с указанием как минимальных, так и максимальных сроков. Устанавливать конкретный срок, на наш взгляд, не необходимости, так как он зависит от различных причин, в частности, от технической обеспеченности повседневной работы структурного подразделения издавшего акт, количества необходимых экземпляров копий приказа и др.

Акты структурных подразделений действуют, властно порождают юридические последствия как правило, с момента доведения их до сведения исполнителей. Срок вступления в силу некоторых актов оговорен в самих приказах.

Одним из направлений совершенствования разработки и принятия актов структурных подразделений выступает полное и правильное использование научных средств и приемов их создания, изложения правовых предписаний /юридической техники/. Речь идет о том, чтобы в процессе издания актов вырабатывалась наиболее целесообразная их внутренняя структура, подбирались четкое наименование и соответствующие виды предписаний /обязывающие, запрещающие или др./, соблюдались терминология /юридическая, общеупотребительная, техническая/ и внешние реквизиты. Большое внимание должно уделяться последовательному расположению описательного и предписывающего материала, обеспечению единства и внутренней логики акта, компактности и тесной взаимосвязи его составных частей, соответствия между наименованием и содержанием. Не менее важным является четкое изложение предписаний, установление сроков действия, соблюдение требований законодательной стилистики. С учетом мобилизующей роли актов, их язык и стиль должны отличаться максимальной простотой, лаконичностью, убедительностью и предельной ясностью. Необходимо, чтобы акты структурных подразделений, независимо от того, кому они адресованы, были текстуально безупречны.

⁵ Про державну реєстрацію нормативно-правових актів міністерств та інших органів виконавчої влади: Указ Президента України від 03.10.1992 р. №493/92. // Режим доступу: www.zakon1.rada.gov.ua/laws/show/493/92

⁶ Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР / А. Пиголкин. – Автореф. докт. дисс. – М., 1972. – С. 14.

Существенно улучшает содержание и документальное выражение актов структурных подразделений, повышает их юридическую культуру умелое использование законодательной техники.

Важно разработать правила подготовки, принятия и реализации актов структурных подразделений, что улучшит, несомненно, процедуру издания этих актов. Думается, что такие правила целесообразно установить для структурных подразделений областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций, которые принимают значительное количество актов по сравнению с нижестоящими одноименными органами, имеют разветвленный аппарат и другие возможности для проведения широкого комплекса организационно-правовых мероприятий, связанных с изданием актов.

Правила должны быть утверждены руководителями областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций. Предлагаемый документ можно назвать «Правила подготовки, принятия и реализации актов структурных подразделений местных государственных администраций».

Он может состоять из пяти разделов. Первый раздел целесообразно посвятить общей характеристике актов структурных подразделений как управленческих решений, их специфике, определению важнейших требований, предъявляемых к их содержанию и действию /обязательность акта, вступление его в силу, стабильность, основания и порядок приостановления и отмены/. Здесь же следует закрепить принципы правотворчества и правоприменения структурных подразделений организационно-правовые гарантии их осуществления.

Во второй раздел нужно включить подробные императивные правила, четко регулирующие наиболее важные действия по подготовке структурными подразделениями проектов актов /принятие решения о выработке проекта с соответствующими поручениями, изучение и оценка информации, составление проекта акта, его обсуждение и согласование, оформление проекта акта в окончательном варианте/. В предлагаемом документе целесообразно предусмотреть одновременную подготовку по наиболее важным вопросам нескольких вариантов актов, создав тем самым возможность выбора из них наиболее рационального.

В третьем разделе могут быть закреплены предписания, отражающие особенности обсуждения проекта и принятия решения, доведения акта до сведения исполнителей, исправление и дополнение отдельных положений акта/ устранение фактических ошибок, неточностей и т.п.

В четвертый раздел следовало бы включить основные правила, определяющие порядок разработки и принятия актов применения структурными подразделениями. В этом разделе должны быть закреплены основные требования, предъявленные к актам, условия их разработки, оформления и доведения до исполнителей, а также к обеспечению контроля за результатами осуществления.

В пятом разделе следует закрепить правила, относящиеся к организации реализации актов. Несомненно, что введение в действие указанных правил способствовало бы развитию демократических начал правотворчества и правоприменения, совершенствованию научных основ процедуры и методов подготовки, оценки и принятия актов, улучшит их содержание и обоснованность, учет и систематизацию, повысит правовую культуру в работе аппарата структурных подразделений местных государственных администраций. Правила позволят более рационально использовать время, отведенное для подготовки проектов актов, их обсуждения, согласования и визирования. Они послужат барьером против отступления от требований закона, элементов формализма, косности, которых еще немало в принимаемых сейчас приказах, будут способствовать тому, чтобы каждый приказ оптимальностью содержания, актуальностью, конкретностью, ясностью формулировок в максимальной степени выражая интересы дела.

Список литературы

1. Васильев Р.В. Правовые акты органов управления / Р. Васильев. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 107 с.
2. Лебедев М.П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом / М. Лебедев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 296 с.

3. Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 20-21. – Ст. 190.
4. Про державну реєстрацію нормативно-правових актів міністерств та інших органів виконавчої влади: Указ Президента України від 03.10.1992 р. №493/92. // Режим доступу: www.zakon1.rada.gov.ua/laws/show/493/92
5. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР / А. Пиголкин. – Автореф. докт. дисс. – М., 1972.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND ADOPTION OF LEGAL ACTS OF STRUCTURAL SUBDIVISIONS OF LOCAL PUBLIC ADMINISTRATIONS

V.S. OVSYANNIKOV

*National University “Yaroslav
the Wise Law Academy of Ukraine”*

e-mail: Vladyslav_ovs@meta.ua

The article is dedicated to actual problem of improvement of the adoption of legal acts of the structural subdivisions of local public administrations. The principles upon which the acts adoption is based are analyzed; stages of the acts preparation are considered. Considerable attention is paid to the peculiarities of acts adoption by structural subdivisions. Suggestions for the improvement of the procedure of development and adoption of acts are made by the author in the paper.

Keywords: legal acts of structural subdivisions, development of acts; adoption of acts; improvement of procedures of development and adoption of acts.

УДК 324.5

ИМПЕРАТИВНЫЕ И ИНИЦИАТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

О.Ю. ШЕМЕТОВА*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: ved2_lav@bsu.edu.ru*

В статье представлена авторская позиция на проблему разделения императивной и инициативной формы взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры в Российской Федерации.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, прокуратура, право, управление, законодательные акты

В рамках данной статьи исследовательское внимание сосредоточено на формах взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры. При этом уточним, что по Большому Энциклопедическому словарю «форма» (лат. forma) – внешнее выражение какого-либо содержания². В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля одному из определений «формы» соответствует «установленный порядок». Полагаем, взятые в совокупности приведенные толкования приемлемы для обозначения императивной и инициативной форм взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры, отражающих различные правовые подходы к регламентации и последующей деятельности заявленных органов.

С учетом толкования инициативы (франц. initiative – от лат. initium – начало) как почина, первого шага в каком-либо деле; внутреннего побуждения к новым формам деятельности³. Инициативной форма взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры преимущественно выражена в заключаемых ими соглашениях и договорах и основана на них. Напротив, «императив» согласно Философскому энциклопедическому словарю трактуется как требование, приказ, закон⁴. Следовательно, под императивным взаимодействием органов местного самоуправления и прокуратуры нами будет пониматься их взаимодействие основанное на нормах законов и подзаконных правовых актов, содержащих обязывающие элементы, или производна от них.

Обеспечение соответствия нормативных правовых актов органов местного самоуправления федеральному и региональному законодательству – одна из ключевых проблем, присущих становлению местного самоуправления в нашей стране. Прокурорский надзор выступает одним средств системы контроля за законностью муниципальных правовых актов.

Органы местного самоуправления обладают достаточно широким кругом полномочий в основных сферах жизни. В то же время низкий уровень юридической техники, незнание норм федерального и регионального законодательства приводит к принятию муниципальных правовых актов, нарушающих права и свободы неопределенного круга лиц. Поэтому, несмотря на систему мер, осуществляемых в рамках государственного кон-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

² <http://slovo.ru/index.php?ID=68723&pg=25&w=%D4%CE%Do%CC%Co&s=%D4&a=>

³ <http://tolslovar.ru/i2590.html>

⁴

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2339/%Do%98%Do%9C%Do%9F%Do%95%Do%Ao%Do%90%Do%A2%Do%98%Do%92

троля и прокурорского надзора, проблемы противоречия муниципальных правовых актов действующему законодательству не утратили своей актуальности⁵.

Так, городскими и районными прокурорами в Белгородской области в течение 2012 г. принимались акты реагирования в отношении 1295 незаконных нормативно-правовых актов (далее – НПА) (2011 г. – 1091). Протесты принесены на 1183 незаконных НПА (2011 г. – 1006), представления внесены в отношении 63 незаконных НПА (2011 г. – 64), в целях приведения в соответствие с федеральным законодательством в отношении 49 НПА направлены заявления в суд (2011 г. – 21).

Приведено в соответствие с федеральным законодательством 1060 НПА (2011 г. – 874), находятся в стадии рассмотрения акты прокурорского реагирования на 235 НПА (2011 г. – 217), из них на НПА, принятые в отчетном периоде – 33 (2011 г. – 4)⁶.

Таким образом, практика прокурорского надзора свидетельствует, что нормотворческий процесс муниципальных органов нередко сопровождается нарушениями применяемых законов, которые зачастую выражаются в превышении полномочий. Кроме того, случаи нарушения федерального законодательства допускаются и представительными органами местного самоуправления. Принимая незаконные акты, муниципальные органы также нарушают права и свободы многих граждан, проживающих или находящихся на территориях соответствующих образований, права и законные интересы юридических лиц.

Исходя из того что, была проведена реформа местного самоуправления, вследствие чего число муниципальных единиц увеличилось в несколько раз, а их полномочия и функции были значительно расширены, роль государственного контроля в этой сфере существенно возросла. Органом власти, имеющим соответствующие структурные подразделения, наделенным полномочиями по осуществлению контроля и является прокуратура. Именно поэтому в обозримом будущем у прокуратуры должны оставаться полномочия по надзору за соблюдением законности при осуществлении нормотворческой деятельности, в том числе на уровне муниципальных образований. Это позволит сохранить эффективность исполнения государственных функций⁷.

Практическая значимость положения ст. 1 Закона о прокуратуре закрепляющей основные направления деятельности органов прокуратуры⁸, обосновывает эффективность и целесообразность этих положений. Так, например, такая сфера, как осуществление надзора за тем, чтобы акты муниципальных органов власти соответствовали законодательству Российской Федерации. Вследствие исполнения прокуратурой своих надзорных функций ликвидируются ошибки и недоработки в правоприменительной деятельности, каждый год подвергается отмене значительное число правовых актов, не соответствующих законодательству, жалобы и заявления граждан тщательно рассматриваются и разрешаются, тем самым восстанавливаются права значительного числа заявителей⁹.

Организация прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления включает в себя прежде всего предотвращение принятия незаконных правовых актов и устранение противоречащих закону норм в действующих правовых актах, что предполагает их своевременное изучение, а также принятие мер реагирования на выявляемые несоответствия закону¹⁰.

⁵ Слюсаренко Т.В. Прокурорский надзор за соответствием законам издаваемых органами местного самоуправления правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 2.

⁶ Обзор практики надзора за соблюдением законодательства о противодействии коррупции в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления от 27 мая 2013 г.

⁷ Слюсаренко Т.В. Прокурорский надзор за соответствием законам издаваемых органами местного самоуправления правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 2.

⁸ Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 23.07.2013 г.) // Российская газета. – 1992, 18 февраля; 2013, 26 июля.

⁹ См.: Постатейный комментарий к Конституции РФ / Под ред. Л.А. Окунькова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: БЕК, 1994.

¹⁰ Хышиктеуев О.В., Хобраков Д.Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 8-10.

Статьей 7 Закона о прокуратуре установлено, что прокурор района (города), его заместители либо по их поручению другие прокурорские работники вправе присутствовать на заседаниях представительных и исполнительных органов муниципальных образований и их комиссий, структурных подразделений. При обсуждении проектов прокурор обязан высказать свои замечания и мнение о законности принимаемого акта. Если усматриваются какие-либо противоречия действующему законодательству, иные недостатки проекта акта, на это следует обратить внимание представительного органа, главы муниципального образования, назвать конкретный закон, который может быть нарушен, напомнить о вредных последствиях, которые могут наступить, и объяснить, что в случае принятия акта в таком виде на него будет принесен протест либо направлено в суд заявление о признании его недействительным. Но такая процедура затягивает принятие акта, в то время как предварительная проверка помогла бы избежать возможных ошибок.

Приказом Генерального прокурора РФ от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» на прокуроров возложена обязанность своевременно осуществлять запрос и изучение проектов правовых актов, издаваемых органами местного самоуправления, составлять заключения по ним содержащие полный правовой анализ. Прокуроры должны принимать участие при осуществлении деятельности комитетами, комиссиями и рабочими группами исполнительных и представительных публичных органов власти; должны своевременно оповещать руководителей данных органов о необходимости устранить выявленные в проектах нормативных правовых актов расхождения с законодательством федераций и субъектов, направлять соответствующие замечания и предложения.

Уточним, что обязанность органов местного самоуправления представлять в органы прокуратуры проекты муниципальных правовых актов законодательно не определена. В этой связи в органах прокуратуры сложилась различная практика истребования для изучения проектов нормативных правовых актов:

- прокуроры инициируют принятие органами местного самоуправления правовых актов, устанавливающих процедуру представления в органы прокуратуры проектов нормативных правовых актов;
- в органы местного самоуправления направляются требования и запросы о представлении проектов правовых актов;
- проекты нормативных правовых актов изучаются при участии прокуроров в работе органов местного самоуправления и др.

В последние годы во многих регионах России получила распространение практика включения органов прокуратуры в число обязательных адресатов, которым предварительно направляются правовые акты представительных и исполнительных органов муниципальных образований. Это позволяет прокурорам своевременно знакомиться с принимаемыми актами и реагировать на те из них, которые не соответствуют законам. По мнению Т.В. Слюсаренко, это полезное начинание должно быть подкреплено законодательно. Однако Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не содержит подобной нормы.

Возможно, например, в вышеуказанный Федеральный закон внести изменения, дополнив ч. 3 ст. 43 п. 2 об обязательности направления в органы прокуратуры проектов правовых актов органов муниципальных образований, в особенности тех, которые рассчитаны на длительное применение и распространяющих свое действие на всех или многих граждан, проживающих в границах соответствующей административно-территориальной единицы, в целях их правовой оценки. Это позволит избежать дополнительных затрат, как временных, так и бюджетных¹¹.

Еще раз подчеркнем, что сейчас органы местного самоуправления могут и не учитывать мнение прокурора при принятии акта, а его заключение носит для них рекомендательный характер (законодательством не предусмотрена ответственность за невыполнение требований прокурора, внесенных до принятия правового акта). Тем не менее, если

¹¹ Слюсаренко Т.В. Прокурорский надзор за соответствием законам издаваемых органами местного самоуправления правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 2.

решение принимается вопреки мнению прокурора, у последнего, в случае нарушения закона, есть возможность повлиять на его устранение уже путем внесения представления.

В заседаниях представительных органов местного самоуправления и на коллегиях местных администраций нередко непосредственно участвуют прокуроры либо их заместители. Практика показывает, что в тех муниципальных образованиях, где прокуроры активно используют свое право выступать на заседаниях представительных органов муниципальных образований, местных администраций, количество принятых незаконных правовых актов резко снижается. Одна из проблем, не позволяющая в полной мере влиять на законность решений органов местного самоуправления на стадии их принятия, – отдаленность и труднодоступность некоторых поселений. Это не позволяет прокурорам не только присутствовать на заседаниях, но и изучать проекты правовых актов.

Отметим, что наличие в проекте нормативного правового акта положений, не соответствующих закону, не является нарушением закона. По этой причине прокурор не уполномочен вносить представления об устранении нарушений закона и приносить протесты на проекты нормативных правовых актов. Прокурор вправе реагировать на наличие в проектах правовых актов норм, противоречащих закону, лишь путем направления руководителям органов местного самоуправления замечаний и предложений об устранении выявленных несоответствий, а в случае их игнорирования представительными органами власти путем направления информации главе муниципального образования, возглавляющему местную администрацию, для использования им права отклонить правовой акт. Замечания, предложения и информации прокурора не носят обязательный характер, их неисполнение не влечет для органов и должностных лиц каких-либо правовых последствий.

Обратим внимание, что ст. 25.1 Закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор уполномочен в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях направлять в письменной форме должностным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона. Очевидно, что объявление предостережения председателю представительного органа муниципального образования по факту выявления несоответствий в проекте правового акта представительного органа противоречит закону. Вместе с тем выявление в проекте правового акта должностного лица, например в проекте постановления главы муниципального образования, положений, не соответствующих закону, может свидетельствовать о готовящемся нарушении закона. Однако, Приказом Генерального прокурора РФ от 2 октября 2007 г. № 155, подробно регламентирующим вопросы надзора за законностью нормативных правовых актов, не предусмотрена возможность объявления предостережений должностным лицам в связи с выявлением в проектах нормативных правовых актов положений, не соответствующих закону. Следовательно, ведомственным Приказом установлен запрет на объявление в подобных случаях предостережений о недопустимости нарушения закона.

Таким образом, полномочия прокурора на стадии изучения проектов нормативных правовых актов недостаточны для исключения возможности принятия незаконных правовых актов¹².

Пунктом 2.3 Приказа Генерального прокурора РФ от 2 октября 2007 г. № 155¹³ установлено, что прокурорам необходимо в течение месяца с момента изменения федерального законодательства проводить сверки действующих нормативных правовых актов в органах местного самоуправления, о чем составлять соответствующие акты о наличии или отсутствии нормативных правовых актов, вступивших в противоречие с федеральным законодательством.

¹² Хышиктуев О.В., Хобраков Д.Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 8-10.

¹³ Приказ Генпрокуратуры РФ от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (ред. от 29.10.2012 г.) // В данном виде документ опубликован не был; Законность. – 2012. – № 12.

Федеральным законодательством и приказами Генерального прокурора Российской Федерации достаточно четко определен механизм прокурорского реагирования на незаконные правовые акты. Так, у прокуроров есть право принесения протестов на те правовые акты, которые противоречат федеральному законодательству; обращения в суд с заявлениями о признании противоречащего федеральному законодательству муниципального нормативного правового акта недействующим полностью или в части; внесения представлений об устранении нарушений закона.

Протест должен быть рассмотрен в обязательном порядке не позднее чем в 10-дневный срок с момента его поступления. Если принесен протест на решение представительного органа местного самоуправления, то таковой рассматривается на ближайшем заседании. При наличии исключительных обстоятельств, обуславливающих немедленное устранение нарушений закона, прокурор может определить сокращенный срок рассмотрения протеста. Результаты рассмотрения протеста немедленно сообщаются прокурору в письменной форме.

Представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

Отдельного упоминания заслуживает практика реагирования на возникшие несоответствия положений правовых актов органов местного самоуправления требованиям закона в случае изменения последнего. По мнению О.В. Хышиктеуева и Д.Ц. Хобракова, эти несоответствия можно ликвидировать двумя путями: во-первых, при возникновении прямого противоречия норм закона и муниципального правового акта – путем принесения протеста, во-вторых, при возникновении правовых пробелов, необходимости внесения изменений, дополнений в правовые акты и при отсутствии прямого противоречия с законом – путем внесения представления об устранении нарушений закона либо предложения об изменении или о дополнении нормативного правового акта¹⁴.

Гражданский и Арбитражный процессуальные кодексы Российской Федерации позволяют прокурору обращаться в суд с заявлениями о признании муниципального нормативного правового акта недействующим без предварительного принесения протеста на правовой акт¹⁵. Следовательно, теоретически данные меры прокурорского реагирования могут быть применены одновременно. Вместе с тем Приказом Генерального прокурора от 2 октября 2007 г. № 155 установлено, что обращение в суд возможно лишь в случаях несогласия органов публичной власти с позицией прокурора либо затягивания вопроса приведения нормативного правового акта в соответствие с законом, то есть после принесения прокурором протеста на правовой акт. Данное требование ведомственного Приказа, ограничив полномочия прокурора, позволило избежать применения излишних мер реагирования, сформировать единую практику реагирования на незаконные правовые акты.

Приведение в соответствие с законом нормативного правового акта, признанного судом противоречащим закону, требует наличия механизма исполнения судебных решений, в том числе установления ответственности органов и должностных лиц. Статьями 73 и 74 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁶ предусмотрена ответствен-

¹⁴ Хышиктеуев О.В., Хобраков Д.Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 8-10.

¹⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. – 2002, 27 июля; 2013, 10 июля; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. – 2002, 20 ноября; 2013, 10 июля.

¹⁶ Федеральный закон РФ от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Документ утратил силу с 1 января 2009 г. в связи с принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ) // Российская газета. – 1995, 1 сентября.

ность представительного органа муниципального образования и должностных лиц за непринятие мер по приведению в соответствие с федеральным законодательством изданного ими нормативного правового акта, признанного судом противоречащим федеральному законодательству: полномочия представительного органа муниципального образования могут быть прекращены, а глава муниципального образования или глава местной администрации могут быть отрешены от должности.

Решение о роспуске представительного органа муниципального образования принимается законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а решение об отстранении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации – высшим должностным лицом субъекта Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации).

Генеральным прокурором Российской Федерации в Приказе от 2 октября 2007 г. № 155 указано, что для прокуроров является обязательным в случаях, когда органом (должностным лицом) муниципального образования в установленные сроки не приняты меры к приведению в соответствие с федеральным законодательством изданного (принятого) им нормативного правового акта, признанного судом противоречащим Конституции Российской Федерации, федеральным законам либо другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, инициировать перед уполномоченными органами государственной власти субъекта Российской Федерации вопрос о возможности применения правовой ответственности на основании положений ст. ст. 73 и 74 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Во всех указанных случаях предварительно должно быть внесено представление руководителю органа по факту неисполнения вступившего в законную силу судебного постановления.

Представленное исследование действующего законодательства целесообразно подкрепить статистическими практическими материалами.

Итак, надзорная практика прокуроров Белгородской области свидетельствует о многочисленности и распространенности нарушений закона в деятельности органов местного самоуправления практически в каждой из сфер социально-экономической жизни общества – при управлении муниципальной собственностью, формировании и исполнении местных бюджетов, оказания услуг в сфере жилищно-коммунального комплекса и иных областях.

Как нами уже было указано, общее количество нарушений, выявляемых органами прокуратуры в деятельности органов местного самоуправления, продолжает увеличиваться.

Необходимо отметить, что несмотря на фактическое устранение нарушений, отраженных в представлениях прокурора, виновные должностные лица администрации г. Белгорода по результатам рассмотрения представлений прокуратуры города чаще привлекаются к материальной ответственности (снижение размера премии либо лишение премии в полном объеме), что не учитывается прокуратурой города при составлении отчета о привлечении к дисциплинарной ответственности, поскольку в соответствии со ст. 192 Трудового кодекса РФ таковой являются замечание, выговор либо увольнение по соответствующим основаниям.

Проблематичным является привлечение должностных лиц органа местного самоуправления к дисциплинарной ответственности по истечении 6-месячного срока со дня совершения проступка, поскольку прокуратурой города Белгорода в большинстве случаев правонарушения выявляются уже после истечения данного срока (при проведении проверок по жалобам организаций, граждан, сообщений из средств массовой информации, а также после увольнения виновных должностных лиц с муниципальной службы).

Что касается представлений, внесенных в адрес главы администрации г. Белгорода, таковые рассматриваются и требования прокурора удовлетворяются, вместе с тем, чаще лица, допустившие нарушения, лишь строго предупреждаются о недопущении подобного рода нарушений впредь.

Таким образом, в ходе проведенного анализа представлений, внесенных в органы местного самоуправления, можно сделать вывод о том, что все они выносятся обоснованно в адрес уполномоченного органа и должностных лиц, способных устранить названные

в акте прокурорского реагирования нарушения. В каждом случае ставится вопрос о привлечении виновных должностных лиц к ответственности.

Особое внимание в рамках данного участка работы требует аспект взаимодействия муниципальных органов закрытого административно-территориального образования (далее – ЗАТО) и прокуратуры.

История муниципальных органов отечественных ЗАТО берет свое начало с 1992 г., когда на основании Закона РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» бывшие закрытые города и поселки военно-стратегического, атомного, оборонно-промышленного и научно-исследовательского характера стали преобразовываться в ЗАТО¹⁷. Это было обусловлено стремлением государства, не нарушая особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны на объектах ЗАТО, более полно использовать его потенциал и инфраструктуру для социально-экономического и культурного развития территорий, делегировать местным органам власти полномочия по реализации существенного объема государственных программ и задач, усилить роль муниципальных органов в решении вопросов социального, бытового и культурного обеспечения населения ЗАТО, снять с командования градообразующих воинских частей (руководителей соответствующих предприятий и объектов) несвойственные им функции гражданского управления, создать условия для реализации общих социальных гарантий и компенсаций военнослужащим и гражданам, проживающим или проходящим военную службу (работающим) в ЗАТО, а также вовлечь территории ЗАТО в сферу малого и среднего бизнеса¹⁸.

В повседневной деятельности муниципальных органов ЗАТО их правовой статус может частично изменяться, а полномочия органов увеличиваться либо уменьшаться. В первую очередь этот процесс связан с вопросами правомерности положений уставов и других муниципальных нормативно-правовых актов.

Связь правового статуса органов самоуправления ЗАТО с надзорной работой прокуратуры выражена, в частности, в деятельности специальных органов прокуратуры – прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах, например Третьей прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах Московской области¹⁹. В некоторых ЗАТО, в частности в ЗАТО Озерный Тверской области, после реорганизации отдельных органов специальной прокуратуры надзор за деятельностью органов самоуправления передан территориальным органам прокуратуры, в данном случае – прокуратуре Бологовского района Тверской области²⁰.

Полномочия прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов на особо режимных объектах и в ЗАТО, определены помимо Закона о прокуратуре соответствующим Приказом Генерального прокурора РФ от 30 марта 2001 г. № 17 «О полномочиях прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов на особо режимных объектах и в закрытых административно-территориальных образованиях»²¹.

Кроме того, надзор за исполнением законов на предприятиях и объектах оборонно-промышленного комплекса, расположенных на территории ЗАТО, осуществляется в соответствии с Приказом Генерального прокурора РФ от 26 июля 2001 г. № 47 «Об организации надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе», кото-

¹⁷ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1915.

¹⁸ Петряев П.Н. Правовой статус органов местного самоуправления закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в Российской Федерации и влияние на него прокурорского надзора // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1. – С. 67-71.

¹⁹ Власиха (информационный вестник командования гарнизона). – 2009. – № 11(113). – С. 4.

²⁰ Тверская область. Энциклопедический справочник. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2004. – С. 202-203.

²¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 30 марта 2001 г. № 17 «О полномочиях прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов на особо режимных объектах и в закрытых административно-территориальных образованиях» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 1. – Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. – С. 99-100.

рым были уточнены положения Приказов Генерального прокурора РФ от 9 апреля 1996 г. № 24 и от 22 января 2001 г. № 3²².

Компетенция прокуроров территориальных, военных и специализированных прокуратур разграничена соответствующим Приказом Генерального прокурора РФ от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур»²³.

Перечисленные выше различные органы прокуратуры могут оказывать влияние имеющимися средствами надзора на правовой статус органов местного самоуправления ЗАТО в тех случаях, когда в поле их надзорной работы попадают те или иные нарушения действующего законодательства, допущенные органами местной власти в ходе нормотворческой деятельности.

Так, устав ЗАТО, являясь основополагающим муниципальным нормативно-правовым актом, отражающим правовой статус органов самоуправления, зачастую содержит положения, не соответствующие действующему законодательству. Зачастую муниципальными органами изначально допускаются ошибки при принятии устава, влияющие на правовой статус этих органов, которые, к сожалению, нередко оставались незамеченными при их рассмотрении в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации. Применяемые в таких случаях меры прокурорского реагирования направлены на восстановление неправомерно измененного правового статуса местных органов власти.

Изучение современной практики прокурорского надзора в ЗАТО показало, что значительный опыт работы в этом направлении накоплен во многих прокуратурах, в частности в прокуратуре Ужурского района Красноярского края, осуществляющей надзор за деятельностью органов местного самоуправления ЗАТО пос. Солнечный Красноярского края. Работники прокуратуры Ужурского района путем проведения целенаправленных надзорных мероприятий своевременно выявили и добились устранения ряда нарушений законодательства, изменивших правовой статус муниципальных органов ЗАТО и их должностных лиц²⁴.

По поводу решения проблем взаимодействия органов местного самоуправления ЗАТО и прокуратуры также необходимо отметить заблаговременное представление в соответствующие прокуратуры проектов муниципальных правовых актов, а также систематическая проверка прокурорами соответствия устава ЗАТО изменениям в законодательстве, связанным с вопросами правового статуса муниципальных органов ЗАТО.

Правовым «выходом» из сложившейся ситуации с законодательным пробелом в регулировании предоставления органами местного самоуправления проектов муниципальных правовых актов в органы прокуратуры является опыт городского округа «Город Белгород» заключенный в Положении о порядке взаимодействия администрации и прокуратуры города Белгорода в части подготовки проектов нормативных правовых актов администрации города Белгорода от 25 октября 2011 г. (далее – Положение)²⁵.

Отметим, что указанное положение лаконично по объему и состоит из двух разделов: Общие положения и Порядок направления проектов нормативных правовых актов.

Порядок направления проектов нормативных правовых актов включает следующие установления:

1. Подготовка проектов нормативных правовых актов администрации города осуществляется в соответствии с Положением о порядке подготовки нормативных правовых и распорядительных актов администрации города, утвержденным Постановлением администрации города Белгорода от 11 ноября 2002 г. № 1538 «О порядке подготовки нормативных правовых и распорядительных актов администрации города».

²² Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 1. Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. – С. 91-98.

²³ В данном виде документ опубликован не был; www.garant.ru

²⁴ Петряев П.Н. Правовой статус органов местного самоуправления закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в Российской Федерации и влияние на него прокурорского надзора // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1. – С. 67-71.

²⁵ Документ опубликован не был; www.garant.ru

2. Разработанный проект нормативного правового акта передается в сектор по работе с нормативными документами отдела служебного документооборота управления делами для проведения проверки на наличие стилистических и грамматических ошибок, корректировки, правильности оформления и регистрации проекта акта.

Сектором по работе с нормативными документами отдела служебного документооборота управления делами на каждом листе проекта, производится отметка о проведенной проверке и последующая регистрация, что свидетельствует об окончании разработки нормативного правового акта, и о начале работы по его согласованию.

После регистрации, в тот же день, проект нормативного правового акта, разработчиком, передается в прокуратуру города Белгорода для проведения экспертизы, о чем делается соответствующая отметка на втором экземпляре сопроводительного письма.

3. Результатом проведения экспертизы проекта нормативного правового акта является заключение прокуратуры города Белгорода. Не позднее 4-х дней, с момента его получения, проект нормативного правового акта и заключение к нему возвращается в сектор по работе с нормативными документами отдела служебного документооборота управления делами.

4. Сектор по работе с нормативными документами отдела служебного документооборота управления делами:

- при положительном заключении прокуратуры города, передает проект нормативного правового акта для дальнейшего согласования;
- при отрицательном заключении прокуратуры города Белгорода возвращает проект на доработку разработчику.

После доработки проекта акта производится процедура его дальнейшего согласования.

5. Дальнейшее согласование проектов нормативных правовых актов администрации города осуществляется в соответствии с Положением о порядке подготовки нормативных правовых и распорядительных актов администрации города, утвержденным постановлением администрации города Белгорода от 11 ноября 2002 г. № 1538 «О порядке подготовки нормативных правовых и распорядительных актов администрации города».

Таким образом, считаем, указанные минимальные правовые установления одним из направлений совершенствования российского законодательства в части решения вопросов взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры по поводу муниципального нормотворчества. Представляется целесообразным принятие подобного рода правовых документов в муниципальных образованиях.

Далее отметим, что иным альтернативным вариантом в указанной проблемной ситуации решением может выступать соглашение между органами местного самоуправления и прокуратурой. В качестве положительного примера здесь уместно указать на наличие в Белгородской области Соглашения о взаимодействии администрации Старооскольского городского округа и Старооскольской городской прокуратуры от 1 января 2009 г.²⁶

Стороны пришли к соглашению о порядке участия представителей Старооскольской городской прокуратуры в правотворческой деятельности администрации Старооскольского городского округа. При этом Администрация:

- обеспечивает прокуратуру информацией (материалами) о плане правотворческой деятельности ежеквартально в течение текущего года;
- направляет на рассмотрение прокуратуры проекты нормативных правовых актов не позднее трёх рабочих дней со дня разработки проекта;
- участвует в совместной разработке проектов нормативных правовых актов на основе предложений, внесенных Старооскольской городской прокуратурой;
- организует заседания рабочих групп по разработке проектов нормативных правовых актов;
- информирует о дате, времени и месте рассмотрения проектов нормативных правовых актов.

Прокуратура:

²⁶ Документ опубликован не был; www.garant.ru

- подготавливает заключения на проекты нормативных правовых актов, находящихся на рассмотрении Старооскольской городской прокуратуры, и поправки к ним не позднее пяти рабочих дней, со дня поступления проекта в прокуратуру;
- предоставляет необходимую информацию главе администрации Старооскольского городского округа и его заместителям по их запросам и обращениям в связи с рассмотрением проектов нормативного правового акта;
- участвует в обсуждении проектов нормативных правовых актов администрации Старооскольского городского округа;
- участвует в заседаниях рабочих групп по разработке проектов нормативных правовых актов администрации Старооскольского городского округа;
- дает заключение по проектам правовых актов о наличии признаков коррупционности;
- направляет проекты нормативных правовых актов на рассмотрение в рабочей группе;
- вносит предложения о внесении изменений и дополнений в действующие правовые акты администрации Старооскольского городского округа.

Считаем, что данное Соглашение носит общий характер и регулирует вопросы взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры не только по вопросам нормотворчества, но также взаимного информационного обеспечения.

Также здесь уместно привести такое основание инициативного взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры как Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве прокуратуры Белгородской области с ассоциацией «Совет муниципальных образований Белгородской области» от 5 мая 2011 г. (далее – Соглашение). В нем обозначены предмет и цель, принципы и формы осуществления взаимодействия.

Итак, в качестве предмета выступает организация взаимодействия и сотрудничества Сторон по вопросам реализации норм законодательства, регламентирующей деятельность муниципальных образований.

Целью Соглашения является обеспечение законности в деятельности муниципальных образований, повышение уровня правовой подготовки муниципальных служащих, совершенствование деятельности по подготовке муниципальных правовых актов.

При осуществлении взаимодействия стороны руководствуются следующими принципами:

- строгое соблюдение законодательства;
- равноправие и взаимный учет интересов;
- приоритетность устранения несоответствий действующего законодательства на стадии проектов муниципальных нормативных правовых актов.

Основными формами взаимодействия сторон по Соглашению выступают:

- информационный обмен по основным направлениям деятельности муниципальных образований и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства, регламентирующего деятельность муниципальных образований;
- оказание консультативной помощи по вопросам, входящим в компетенцию каждой из Сторон;
- взаимный обмен методическими материалами по вопросам совершенствования деятельности муниципальных образований;
- участие в проводимых Сторонами межведомственных совещаниях, семинарах, научно-практических конференциях, круглых столах, заседаниях и иных мероприятиях по вопросам деятельности Сторона, анализ состояния данной работы;
- привлечение Стороной специалистов другой Стороны для участия в мероприятиях, проводимых в ходе реализации Соглашения;
- размещения Сторонами, по согласованию с другой Стороной, информации о деятельности этой Стороны на официальном представительстве в сети Интернет, а также в собственных СМИ, с обязательной ссылкой на источник получения информации.

В Соглашении также отмечается, что каждая из Сторон возлагает на специально назначенного сотрудника обязанности по реализации Соглашения и координации действий Сторон;

Уточним, что взаимное представление сведений в рамках Соглашения осуществляется на безвозмездной основе с соблюдением требований действующего законодательства.

Полагаем, в совокупности указанные правовые акты заслуживают внимания и использования в качестве положительного опыта в муниципальных образованиях.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. – 2002, 27 июля; 2013, 10 июля.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета. – 2002, 20 ноября; 2013, 10 июля.
3. Федеральный закон РФ от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Документ утратил силу с 1 января 2009 г. в связи с принятием Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ) // Российская газета. – 1995, 1 сентября.
4. Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 23.07.2013 г.) // Российская газета. – 1992, 18 февраля; 2013, 26 июля.
5. Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ред. от 22.11.2011 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1915; Российская газета. – 2011, 26 ноября.
6. Приказ Генерального прокурора РФ от 30 марта 2001 г. № 17 «О полномочиях прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов на особо режимных объектах и в закрытых административно-территориальных образованиях» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 1. – Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. – С. 99-100.
7. Приказ Генерального прокурора РФ от 26 июля 2001 г. № 47 «Об организации надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Т. 1. Тула: Издательский дом «Автограф», 2004. – С. 91-98.
8. Приказ Генпрокуратуры РФ от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (ред. от 29.10.2012 г.) // В данном виде документ опубликован не был; Законность. – 2012. – № 12.
9. Приказ Генерального прокурора РФ от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // В данном виде документ опубликован не был; www.garant.ru
10. Положение о порядке взаимодействия администрации и прокуратуры города Белгорода в части подготовки проектов нормативных правовых актов администрации города Белгорода от 25 октября 2011 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru
11. Соглашение о взаимодействии администрации Старооскольского городского округа и Старооскольской городской прокуратуры от 1 января 2009 г. // Документ опубликован не был; www.garant.ru
12. Обзор практики надзора за соблюдением законодательства о противодействии коррупции в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления от 27 мая 2013 г.
13. Петряев П.Н. Правовой статус органов местного самоуправления закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в Российской Федерации и влияние на него прокурорского надзора // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1.
14. Постатейный комментарий к Конституции РФ / Под ред. Л.А. Окунькова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: БЕК, 1994.
15. Слюсаренко Т.В. Прокурорский надзор за соответствием законам издаваемых органами местного самоуправления правовых актов // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 2.
16. Тверская область. Энциклопедический справочник. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2004. – С. 202-203.
17. Хышиктуев О.В., Хобраков Д.Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. – 2012. – № 1.
18. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2339/%D0%98%D0%9C%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%98%D0%92

19. <http://slovo.ru/index.php?ID=68723&pg=25&w=%D4%CE%D0%CC%Co&s=%D4&a=>
20. <http://tolkslovar.ru/12590.html>

MANDATORY AND PROACTIVE FORMS OF INTERACTION LOCAL AUTHORITIES AND THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

O. Shemetova

*Belgorod state national
research University*

The article presents the author's position on the separation of imperative and initiative forms of interaction between local authorities and the prosecutor's office in the Russian Federation, given their characteristics, the report presents a practical properties on the stated theme.

Keywords: local authorities, prosecutors, law-making, supervision, legal acts.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

С.М. АНДРЕЕВА
А.М. АНДРЕЕВА

*Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

В статье освещаются вопросы «межкультурной коммуникации» (формы, уровни), являющейся одним из базовых элементов не только в философии, но и в педагогике и психологии, что расширяет изучение концептосферы языковой личности иностранца в реалиях поликультурного мира. Анализируется понятие кросскультурности, являющаяся одним из способов мировосприятия, мироотношения и развития цивилизации в поликультурном мире.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, поликультурный мир, кросскультурность.

Новый опыт мировидения, связанный с современными процессами глобализации и интернализации, ставит культурные смыслы и символы всех эпох и народов в состоянии бесконечного кросскультурного диалога-полилога. Преодоление этноцентризма в современном плюралистическом мире становится жизненно важным. По мнению Василенко И.А. глобальный мир необходимо созидать в диалоге цивилизации как общее пространство многогранной духовности, всегда открытое и вечно совершенствующееся в процессе понимания другого¹.

Как отдельный человек не может нормально существовать в изоляции от других людей, так и ни одна культура не способна полноценно функционировать в изоляции от культурных достижений других народов. В процессе своей жизнедеятельности они вынуждены постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. В настоящее время практически нет совершенно изолированных от мира культурных общностей, кроме небольших туземных племен, затерянных в самых укромных уголках планеты. Сегодня естественна ситуация, когда любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры. Это обращение к культурам других народов получило наименование «взаимодействие культур» или «межкультурная коммуникация». Как правило, эти понятия рассматриваются в качестве синонимов, хотя у них есть некоторая специфика.

Когда говорят о взаимодействии культур, речь идет о контактах между крупными группами людей (культурами и субкультурами). В современных условиях развитие культурных связей происходит в самых разных сферах человеческой жизни – туризме, спорте,

¹ Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

личных контактах и т.д. Кроме того, происшедшие в мире в последние годы социальные, политические и экономические изменения привели к масштабной миграции народов, их переселению, смешению и столкновению. В результате этих процессов все больше людей преодолевают культурные барьеры, которые раньше их разделяли. Они вынуждены знакомиться с чужими культурами, вливаться в них. Поэтому реально взаимодействие культур осуществляется именно через контакты между отдельными людьми. По сути именно они представляют процесс межкультурной коммуникации (М. Бергельсон).

Понятие «межкультурная (кросскультурная, межэтническая) коммуникация» (или «межкультурная интеракция») ввели в научный оборот Г. Трейгер и Э. Холл в своей работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954), которые определяли ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру. С тех пор исследователи далеко продвинулись в теоретической разработке этого феномена, в частности определили ее наиболее характерные черты. Так, отмечено, что межкультурная коммуникация осуществляется, если отправитель и получатель сообщения принадлежат к разным культурам, если участники коммуникации осознают культурные отличия друг друга. По сути, межкультурная коммуникация – это всегда межперсональная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого. Такая коммуникация вызывает множество проблем, связанных с различиями в ожиданиях и предубеждениях, которые свойственны каждому человеку и, естественно, разные в разных культурах. Признаки межкультурных различий могут быть интерпретированы как различия вербальных и невербальных кодов в специфическом контексте коммуникации. При этом каждый участник культурного контакта располагает своей собственной системой правил, функционирующих так, чтобы отосланные и полученные послания могли быть закодированы и декодированы. На процесс интерпретации также влияют возраст, пол, профессия, социальный статус коммуникантов, их толерантность, предприимчивость, личный опыт.

Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры. Часто используемый термин «кросскультурная коммуникация» обычно относится к изучению некоторого конкретного феномена в двух или более культурах и имеет дополнительное значение сравнения коммуникативной компетенции общающихся представителей различных культур.

Способность к развитию коммуникативной компетентности присуща всем представителям *Homo sapiens*, однако конкретная реализация этой способности культурно обусловлена. Кроме этого, она обусловлена и уникальным индивидуальным опытом каждого человека, из чего следует, что при коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, так как они не совпадают даже у людей, говорящих на одном и том же языке, выросших в одной и той же культуре. Само собою разумеется, что при наличии разных культур и разных языков коммуникация осложняется настолько, что о полном понимании можно говорить лишь с известной долей иронии.

С рождения человек принадлежит многим группам, и именно в них формируется его коммуникативная компетентность. Более крупные группы, обычно называемые культурами, существенным образом определяют когнитивную и прагматическую основы коммуникативной деятельности.

В процессе коммуникации происходит обмен сообщениями, т.е. осуществляется передача информации от одного участника к другому. Так как люди не умеют общаться непосредственно – скажем, с помощью электрических импульсов, посылаемых от одного мозга к другому, – информация кодируется с помощью определенной символической системы, передается и затем декодируется, или – шире – интерпретируется адресатом сообщения. Таким образом, коммуникация есть сложный, символический, личностный, транзакционный и часто неосознаваемый процесс, который с необходимостью является неточным. Коммуникация позволяет участникам выражать некоторую внешнюю по отношению к

самим участникам информацию, внутреннее эмоциональное состояние, а также статусные роли, в которых они пребывают друг относительно друга.

Термин «межкультурная коммуникация» в узком смысле появился в литературе в 1970-х годах. В известном учебнике Л.Самовара и Р.Портера *Коммуникация между культурами* (Communication between Cultures), впервые опубликованном в 1972, приводится определение, аналогичное данному выше. К этому времени сформировалось и научное направление, сердцевиной которого стало изучение коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного общения. Впоследствии произошло расширение понятия межкультурной коммуникации на такие области, как теория перевода, обучение иностранным языкам, сравнительная культурология, контрастивная прагматика и др. К настоящему моменту научные исследования в области межкультурной коммуникации фокусируются на поведении людей, сталкивающихся с культурно обусловленными различиями в языковой деятельности и последствиями этих различий. Результатами исследований стали описания культурной специфики при выражении и интерпретировании ситуативных языковых действий коммуникантов. С самого начала эти исследования имели большое прикладное значение и использовались в многочисленных разработках для практических занятий (тренингов) по развитию кросскультурной восприимчивости.

Межкультурная коммуникация как общественный феномен была вызвана к жизни практическими потребностями послевоенного мира, подкреплявшимися идеологически тем интересом, который с начала 20 в. формировался в научной среде и в общественном сознании по отношению к так называемым «экзотическим» культурам и языкам. Практические потребности возникли вследствие бурного экономического развития многих стран и регионов, революционных изменений в технологии, связанной с этим глобализации экономической деятельности. В результате мир стал значительно меньше – плотность и интенсивность продолжительных контактов между представителями разных культур очень выросли и продолжают увеличиваться. Помимо собственно экономики важнейшими зонами профессиональной и социальной межкультурной коммуникации стали образование, туризм, наука.

Ряд ученых (Т.М. Баталов, К. Леви – Строс, Р.П. Мильруд, Ю.А. Сорокин и др.) выделяет следующие формы межкультурной коммуникации (табл.).

Таблица

Формы межкультурной коммуникации

<i>Прямая</i>	<i>Косвенная</i>	<i>Опосредованная</i>	<i>Непосредственная</i>
информация адресована отправителем непосредственно получателю и может осуществляться как в устной форме, так и в письменной	информационными источниками являются произведения литературы и искусства, сообщения радио, телевизионные передачи, публикации в газетах и журналах и т.п.	коммуникация, опосредованная техническими средствами (разговор по телефону, переписка по электронной почте)	отсутствие промежуточного звена, выступающего в роли посредника между партнерами

Необходимо сказать, что признание абсолютной ценности разнообразия мировых культур, отказ от колонизаторской культурной политики, осознание хрупкости существования и угрозы уничтожения огромного большинства традиционных культур и языков привели к тому, что соответствующие дисциплины стали бурно развиваться, опираясь на новый в истории человечества феномен интереса народов Земли друг к другу. Среди многих и многих антропологов, этнографов, лингвистов, культурологов, чьи труды по описанию традиционных обществ, культур и языков способствовали становлению идеи многополярности человеческого сообщества, следует особенно упомянуть американского антрополога и лингвиста Франца Боаса и его работы по языкам североамериканских индейцев, появившиеся в конце 19 – начале 20 в.

Сейчас на нашей планете существуют огромные территории, структурно и органически объединенные в одну социальную систему со своими культурными традициями. Например, можно говорить об американской культуре, латиноамериканской, африканской, европейской, азиатской и т.д. Эти культуры выделяются по континентальному при-

знаку и в силу своей масштабности получили название макрокультур. Внутри макрокультур обнаруживаются как субкультурные различия², так и общие черты, что позволяет говорить о наличии такого рода макрокультур, а население соответствующих регионов считать представителями одной культуры. Между макрокультурами существуют глобальные различия, которые влияют на их коммуникации друг другом. В этом случае межкультурная коммуникация осуществляется вне зависимости от статуса ее участников в горизонтальной плоскости.

В то же время многие люди входят в состав тех или иных общественных групп, характеризующихся своими культурными особенностями. Структурно – это микрокультуры (субкультуры) в составе макрокультуры. Каждая микрокультура имеет одновременно черты сходства и различия со своей материнской культурой, благодаря чему их представители одинаково воспринимают мир. Но материнская культура отличается от микрокультуры этнической, религиозной принадлежностью, географическим расположением, экономическим состоянием, демографическими характеристиками, социальным статусом их членов. Иными словами, субкультурами называются культуры разных социальных групп и слоев внутри одного общества; связь между субкультурами протекает внутри этого общества и является вертикальной.

Таким образом, взаимодействие культур можно рассматривать на макро- и микроуровнях.

Межкультурная коммуникация на *микроуровне* осуществляется в нескольких формах (схема):

Схема

- *Региональная коммуникация* предполагает общение между жителями различных областей (местностей), поведение которых в одинаковой ситуации может значительно различаться.
- *Коммуникация среди социальных классов и групп* направлена на общение между социальными группами и классами того или иного общества.

² Вплоть до начных и инновационных субкультур. См. Игнатова В.С., Римский В.П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур (культурно-цивилизационный контекст) // Наука Искусство Культура. Выпуск 1., 2012. – С.34-58.

- *Контркультурная коммуникация* происходит между представителями материнской культуры и теми ее элементами и группами, которые несогласны с господствующими ценностями и идеалами материнской культуры.
- *Межэтническая коммуникация* – общение между лицами, представляющими разные народы (этнические группы).
- *Коммуникация между городскими и сельскими жителями* – общение между городом и деревней в стиле и темпе жизни.
- *Коммуникации между представителями* различных демографических групп, половозрастных.
- *Коммуникация в деловой культуре*, т.е. корпоративная культура.

Межкультурная коммуникация на *макроуровне* предполагает общение между народами и государствами, в результате чего создаются, сохраняются и накапливаются ценности, нормы, знания, происходит взаимное обогащение разных культур.

Необходимо отметить, что, как и любой другой вид общения, межкультурная коммуникация на всех уровнях имеет свои цели, реализация которых обуславливает эффективность (или неэффективность) коммуникации. Здесь важную роль играет понятие «межкультурная компетентность», которая понимается как уровень сформированное межличностного опыта, взаимодействия с окружающими.

В связи с этим межкультурную коммуникацию можно рассматривать как способность:

- сформировать в себе чужую культурную идентичность (знание языка, ценностей, норм, стандартов поведения другого коммуникативного сообщества);
- достигать успеха при контактах с представителями иного культурного сообщества даже при недостаточном знании основных элементов культуры своих партнеров.

В структуру межкультурной компетентности входят следующие группы элементов:

- *аффективные элементы* – эмпатия и толерантность, являющиеся базисом для эффективного межкультурного взаимодействия;
- *когнитивные элементы* – культурно-специфические знания, являющиеся основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей иной культуры;
- *процессуальные элементы* – стратегии (на успешное протекание взаимодействия, побуждение к речевому действию, поиск общих культурных элементов, стратегии, направленные на пополнение знаний о культурном своеобразии партнера, применяющиеся в ситуациях межкультурных контактов).

На основе выделенных групп элементов можно определить пути формирования межкультурной компетентности:

- развитие способности рефлексировать собственную и чужую культуру, что изначально готовит человека к благожелательному отношению к проявлениям чужой культуры;
- пополнение знаний о соответствующей культуре для глубокого понимания диахронических и синхронических отношений между собственной культурой и чужой;
- приобретение знаний об условиях социализации и инкультурации в собственной и чужой культуре, о социальной стратификации, социокультурных формах взаимодействия, принятых в обеих культурах.

В исследованиях межкультурной коммуникации можно выделить психологические, социологические и лингвистические направления. Это деление зависит как от объекта исследования, так и от применяемых методик.

Социологи, работающие в области межкультурной коммуникации, используют традиционные для этой науки методы анкетирования определенным образом выбранных групп респондентов. Более общие социологические проблемы связаны с социальной адаптацией мигрантов, сохранения или потери традиционных культур у национальных меньшинств и т.п.

Психологов в области межкультурной коммуникации интересуют, в первую очередь, влияние культурных различий на процессы интерпретации и категоризации, а также природа соответствующих поведенческих стереотипов. Начиная с 1970-х годов важные понятия тревожности, неопределенности, потенциального объема категорий, осо-

бенностей межгрупповой категоризации и многие другие изучались методами социальной психологии.

Когда речь идет о коммуникации, особенно межкультурной, провести границу между философскими, социологическими и психологическими исследованиями бывает очень трудно. И те и другие имеют дело с возникающими в процессе коммуникации или передающимися посредством нее сложными категориями – ценностями, мотивами, установками, стереотипами и предрассудками. И только лингвистов в первую очередь интересует, как именно это происходит. Что в языковом сообщении сигнализирует о наличии межкультурного взаимодействия? Что именно характеризует сообщения, которыми обмениваются представители разных культур? В каких коммуникативных контекстах это проявляется? Как именно происходит непонимание, неполное понимание, какие языковые особенности и механизмы позволяют или не позволяют компенсировать не(до)понимание?

Необходимо отметить, что в последние десятилетия дискурс изучается как некоторый интегральный процесс, центральный для коммуникативной деятельности. Сложность и многогранность такого явления, как дискурс, и попытки выделить основные факторы, влияющие на его формы, довольно быстро привели к развитию ряда направлений, изучающих несобственно языковые (помимо грамматики и лексики) факторы существования дискурса. В рамках прагматических факторов дискурса выявились факторы культурного характера. Дискурс на одну и ту же – даже весьма жестко заданную (например, деловое письмо, выражение соболезнования, речь на собрании, извинение по поводу опоздания и т.д., не говоря уже о традиционных жанрах типа сказок или ритуальных формул) – тему сильно отличается в терминах собственно дискурсивных правил (используемых макро– и микроструктур) в зависимости от культуры той группы, в рамках которой этот дискурс сформирован. Так, в Юго-Восточной Азии текст делового письма строится индуктивно: сначала причины, обстоятельства и лишь в конце собственно требования или деловые предложения. Представителям европейской и североамериканской традиции этот стиль кажется не деловым. С их точки зрения, такое письмо должно начинаться с формулирования основного требования или предложения с последующим его обоснованием и детализацией³.

Другим вариантом исследований по прагматическим аспектам дискурса стала так называемая кросскультурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность, и соответствующих культурных сценариев. Среди наиболее важных и при этом противоречивых в культурном отношении прагматических принципов необходимо отметить «Принцип вежливости» П.Брауна и С.Левинсона и многочисленные работы, посвященные речевым актам, так или иначе построенным на этом принципе, – запретам, извинениям. Кросскультурные различия проявляются, в частности, в том, какой тип вежливости – основанный на солидарности или на поддержании дистанции – характерен для данной культуры. Так, русские могут казаться немцам невежливыми, потому что принцип солидарности с коммуникативным партнером подталкивает их к тому, чтобы высказать свое мнение и дать совет в тех случаях, когда немецкая коммуникативная культура, уважающая принцип автономности и дистанции, рассматривает это как навязчивость.

Сам термин «кросскультурность» пришел к нам в XIX веке и означает «пересечение культур». Прошло много времени, прежде чем он стал актуальным в американской философии, а затем и в психологии.

По мнению ряда ученых (Ю.Д. Апресян, Т.М. Баталов, А. Вежбицкая, А.А. Леонтьев, Р.П. Мильруд, Ю.А. Сорокин, С.Г. Тер-Минасов, Е.С. Яковлева и др.) кросскультурность рассматривается как синтез лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Современная философия рассматривает кросскультурность как методологическую основу для изучения гуманитарных наук. Кросскультурные тенденции в развитии философии не означают выделения какой-либо определенной культуры, поскольку в методологическом отношении кросскультурный подход исключает преобладающую роль какой-либо системы понятий (Рикер П.). С кросскультурной позиции современная ситуация в

³ Парыгин Б.Д. Анатомия общения. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 300 с.

мире рассматривается герменевтически как способ ведения диалога культур, религий, идеологий.

Приверженцы современной интеркультурной философии стремятся к достижению оснований, способствующих коммуникации с «другими» и принимают герменевтический подход, предполагающий как на индивидуальном, так и на культурном уровнях отказ от абсолютизации любой культуры (включая собственную). Кросскультурность и интеркультурность в философии – это полифонический процесс, стремящийся к гармонии сосуществования различных «голосов» и с постоянным стремлением понять чужое мнение. В российской философии такая позиция восходит к лингвофилософским воззрениям М.М. Бахтина, считавшего диалогическое сознание и слово залогом существования и развития культуры (Бахтин М.М.)

Необходимо отметить, что кросскультурность способствует более точному пониманию проблемы культурной идентичности определенного человеческого сообщества, рассматриваемой в процессе кросскультурного взаимодействия и взаимообогащения, возможно действие динамики и постоянных кросскультурных связей и преодоления безоговорочного приоритета собственных культурных традиций над «чужими» (Н. Алиева).

Кросскультурный подход является наиболее актуальным в описании языковых фактов на современном этапе как общая методологическая предпосылка научного знания. Он предполагает толерантные отношения этносов и создание благоприятных условий для развития языковых систем.

Кросскультурность в лингвистическом и лингводидактическом аспектах – область научных знаний о языке, формировании языковой парадигмы личности в условиях поликультурного мира, взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры. Концепция «вторичной» языковой личности, обладающей культурой иноязычного общения (И.И. Халеева и др.), базируется на идеях антропологической лингвистики (Э. Бенвенист, В. Фон Гумбольд и др.) и учении о «языковой личности» (Ю.Н. Караулов и др.), истоки которых берут из работ В.В. Виноградова.

Кросскультурные лингвистические исследования нередко принимают форму сопоставительного анализа «языков» двух культурно противопоставленных групп, пользующихся вроде бы одним общим языковым кодом. Самый яркий пример такого рода – это работы Деборы Таннен об особенностях коммуникативного поведения мужчин и женщин. Самые простые высказывания представителей этих двух групп, сделанные на одном и том же английском, языке, понимаются ими неодинаково в рамках разных сценариев. Так, когда «стандартная» женщина жалуется «стандартному» мужчине на какую-то проблему, они оказываются вовлеченными в совершенно разные коммуникативные акты: женщина хочет, чтобы ей посочувствовали, а мужчина считает, что от него ждут практического совета. Самая известная книга Таннен так и называется – Ты просто не понимаешь (You Just Don't Understand, 1990).

Таким образом, кросскультурность представляет собой не только и не столько инструмент или метод познания действительности, но прежде всего кросскультурность рассматривается как новый способ мировосприятия, мироотношения, сопутствующая толерантности и являющаяся важнейшей составляющей мирного сосуществования разных народов и развития цивилизации в поликультурном социуме.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
3. Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. Игнатова В.С., Римский В.П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур (культурно-цивилизационный контекст) // Наука Искусство Культура. Выпуск 1, 2012. – С.34-58.
5. Парыгин Б.Д. Анатомия общения. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 300 с.
6. Тер Минасов С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: МГУ, 2005. – 264 с.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AS A MEANS FOR CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT IN THE POLICULTURAL SOCIETY

S.M. ANDREEVA
A.M. ANDREEVA

*Belgorod State Institute for Arts
and Culture*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

The article deals with the issues of «intercultural communication» (forms, levels), which is one of the basic elements, not only in philosophy but also in education and psychology, which expands the educational process of the language person of foreigners in the realities of multicultural world. The concept of cross-culture, which is one of the ways of perception in the world, world-attitude and the development of civilization in a multicultural world is analyzed in this article.

Keywords: culture, intercultural communication, multicultural world, cross-culture.

СЕМИОТИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕРРИДА

Е.О. БЕЛОНЕНКО

*Белгородский государствен-
ный институт искусств
и культуры*

e-mail: belonenko_e@mail.ru

В статье исследуется концепция времени в философии Ж. Деррида. Деконструкция «линейного времени» позволяет выявить иллюзорность классической трактовки времени в ее попытке совместить противоречия времени и пространства обращением к субъекту.

Ключевые слова: время, постмодернизм, Ж. Деррида, деконструкция.

Одним из существенных признаков или собственных установок философии постмодерна была максима семиотизации реальности. В наиболее общем виде она часто фиксируется в философском и иных дискурсах как «лингвистический поворот», открытие знаково-символической, языковой реальности. Творчество Ж. Деррида принято рассматривать в рамках этой парадигмы, в том числе как автора концепции деконструкции. Разделяя постмодернистскую установку на ревизию философии с позиции критики Логоса (логоцентризм), ее рациональных оснований, Деррида видел свою задачу в деконструкции оснований философского дискурса, дискредитации таких понятий как субъект, смысл, бытие и другие. При этом деконструкция понимается им довольно широко, что делается сознательно, поскольку: «... дискутировать с Разумом на его языке можно только притворяясь, что ты притворяешься; целью выступает убийство тиранического разума...»¹. Подобное «притворство» означало обращение к анализу понятий классической философии, в том числе и к понятию времени. Уже в ранней статье «Сущность и грамма» Ж. Деррида разбирает противоречия хайдеггеровской концепции времени, свойственные западной философии в целом. Они заключаются в противоречии между фиксацией принадлежности времени бытию и уяснением сущности времени как такового.

Данная апория заключается в следующем и восходит еще к античной философии: «... то, что бытийствует, – есть и, значит, не может не быть; время, которое течет, – изменяется, и, следовательно, должно представлять собой невозможное сочетание бытия и небытия»². Также указанное противоречие накладывается на противоречие пространства, что образует синтез одновременности пространства и последовательности времени. У Деррида это наложение есть также наложение «имманентного синтеза пространства/времени, осуществляемого в сознании, и трансцендентального синтеза как производства реального пространства и времени мира»³. Сама возможность синтеза имманентного и трансцендентного опыта обусловлена фигурой субъекта, который в своем сознании должен выстраивать последовательность времени, состоящему из своеобразных «точек» – моментов. Результатом должно стать совпадение имманентного и трансцендентного синтеза времени, что, по мысли Деррида, невозможно, поскольку трансцендентное время обладает качеством одновременности, и только имманентное время «разворачивается» в сознании субъекта в вектор⁴.

В другой своей работе, «Голос и феномен», Деррида пытается решить указанное противоречие, объединить имманентное и трансцендентное, но уже в отрыве от опыта феноменологии. Своеобразным «общим знаменателем» двух синтезов времени для Ж. Деррида является знак. Процесс смыслообразования, означивания есть точка пересечения субъекта и мира.

¹ Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – С.208.

² Там же. С. 136.

³ Там же. – С.136-137.

⁴ Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск, 1999. – С.67.

В работе «О грамматиологии» Ж. Деррида продолжает развивать эту идею в контексте связи истории (времени) и знания. Деррида пишет: «История и знание, *historia* и *episteme*, всегда и везде — а не только в области этимологии и философии — суть не что иное как обходные маневры: их цель — переприсвоение (*reappropriation*) наличия»⁵. «Переприсвоение наличия» связано с переписыванием, с письмом как таковым. Фоном служит интересная идея о присвоении наличия в институциональном письме (например, истории). Присвоении как *аккумуляции времени в письме*. Не менее важным является последующий разбор того процесса, который Деррида называет лого-фоноцентризм*. В нем Деррида фиксирует связность в европейской мысли *определенного типа восприятия реальности*, наличности бытия, и *мысли, выраженной в слове*. Само понимание наличности у Деррида также многопланово и многослойно, но в общих чертах сводимо к категории конкретного существования, наличности «здесь и теперь», событийности субъекта как длительности⁶.

Фоно-логоцентризм можно трактовать как концепт бытия во времени, поскольку он историчен: «Мы уже чувствуем, что фоноцентризм совпадает с историйной (*historiale*) определенностью смысла бытия вообще как наличия (*presence*) — вместе со всеми теми определенностями более низких уровней, которые, в свою очередь, зависят от этой общей формы, именно в ней складываясь в систему, в историйную цепь... К этой же эпохе относится различие, причудливый разрыв между означаемым и означающим, их «параллелизм» и одновременно — внеположность, хотя и несколько приглушенная. Эта принадлежность к эпохе есть нечто исторически организованное и упорядоченное»⁷. Фоноцентризм как специфический процесс означивания, выступает у Деррида отражением апории имманентного и трансцендентного синтезов времени. Разрыв между означаемым и означающим соотносится с распадом темпоральности на время субъекта (длящееся) и время вещей (одновременное), в знаке проявляется несовместимость и нераздельность времени.

Таким образом, двойственная природа знака связана с двойственным переживанием темпоральности. Означающее, указывающее на имманентность времени; и означаемое, отсылающее к вещам и трансцендентности времени.

Важным для понимания концепции времени Ж. Деррида, следует признать концепт «письма», поскольку оно, по заявлению автора, является своеобразной *«машиной», создающей историю*, а значит и время. Стоит обратить внимание на обращение автора к образу или концепту «машины», что характерно для философского дискурса постмодерна. На наш взгляд, он содержит целый ряд коннотаций, сводимых к идее множественности, процессуальности и производству (в данном случае знаков).

Сама же «машина» письма раскрывается в связке с концептами «различение» и «след», о которых Деррида говорит следующее: «Без удержания опыта времени в некоей мельчайшей единице, без следа, удерживающего другое как «другое в самоотжествленном», — не могло бы появиться никакое различие, никакой смысл. Речь, таким образом, идет здесь не об уже установленном различии, но о чистом движении, порождающем различие — еще до какой-либо содержательной определенности. Чистый след есть различАние. Он не зависит ни от какой чувственно воспринимаемой полноты — слышимой или зримой, фонической или графической. Напротив, он есть ее условие. Хотя он и не существует, хотя он никогда не был налично-сущим вне какой-либо полноты, его возможность *de jure* предваряет все то, что называют знаком (означаемое/означающее, содержание/выражение и проч.), понятием или действием, движением или чувственной данностью»⁸.

⁵ Деррида Ж. О грамматиологии. — М., 2000. — С. 125.

* «Логоцентризм. Способ данности, предъявленности наличия в рамках западной философской традиции в целом... мысль, данная в слове и выраженная в звуке, становится опорой самоотжествления и гарантией самодостаточности любых образований человеческого сознания» // Н. Автономова. Деррида и грамматиология/ Деррида, Ж. О грамматиологии. — М., 2000. — С.16-17.

⁶ Автономова Н. Деррида и грамматиология/ Деррида, Ж. О грамматиологии. — М., 2000. — С.16.

⁷ Деррида Ж. О грамматиологии. — М., 2000. — С.127-128.

⁸ Там же. С.189.

Как видно из приведенной цитаты «опыт времени» удерживается, фиксируется в некой «мельчайшей единице», что есть исходная точка переживания времени, которое разворачивается в своем движении в «след». Этот концепт служит для акцентуации движения, протяженности или длительности. Деррида говорит о «чистом движении», о следе как связи единичностей в восприятии времени. Также след предшествует знаку, «предваряет» его появление, поскольку знакообразование основывается на связи разнородных элементов. Знак (письмо), который можно понимать как связь означающего и означаемого, субъекта и мира, сознания и вещи, возможен благодаря следу как движению имманентному времени «за свои пределы».

И если след указывает на движение, то различие характеризует это движение: «РазличАние предполагает двоякую деформацию пространства и времени как опор восприятия и осознания. А именно, различАние — это промедленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени и отстраненность, смещение, разбивка, промежуток в пространстве»⁹. То есть, если след «примиряет» несовместимость опыта времени и пространства в знаке, то различАние «выявляет» эту несовместимость. Делает ее «явной» в том смысле, что 1) называет факт несовместимости (различие) внутри самого времени (имманентный и трансцендентный синтез) и пространства; а также 2) «разрывает», прерывистость пространственно-временного опыта.

Как уже было сказано, подобная установка связана с ревизией классического подхода, названного Деррида «фоно-логоцентризм» и сводящегося к критике установившегося в западной философии принципа иерархичности (центризма), примата Логоса как голоса, речи и рациональности. Концепты «след» и «рАзличание» у Деррида не просто «поворот» в сторону субъективации времени, но критика классической парадигмы исходящая из самих ее оснований с постмодернистских позиций множественности и семиотичности реальности. Целая онтология соотношения знака и бытия выстраивается на основе данного концепта: «РазличАние, стало быть, столь же чувственно, сколь и умопостигаемо; оно дает возможность сорасчленения знаков внутри одного и того же абстрактного порядка (например, звукового или графического текста) или же между двумя различными порядками выражения. Оно дает возможность членораздельной речи и письма в обыденном смысле слова, обосновывая метафизическое противопоставление между чувственным и умопостигаемым, а затем — между означающим и означаемым, выражением и содержанием и проч.»¹⁰.

Подобная концептуализация приводит к иной трактовке времени, которое уже не может мыслиться как некая непрерывная длительность переходящая от прошлого к будущему через настоящее в опыте суверенного субъекта. Деконструированное время Ж. Деррида лакунарно и прерывисто. Но что более важно, оно не центрировано опытом субъекта или его сознанием: «Все эти высказывания — независимо от мнения их авторов — не следует понимать в духе простого *переворачивания* метафизики наличия или сознающей субъективности. При любом понимании субъекта можно сказать, что письмо как нечто отличное от субъекта одновременно и создает, и разрушает его. Письмо в принципе не может мыслиться посредством категории субъекта: как бы ни изменялась эта категория при наделении субъекта сознанием или же бессознательным...»¹¹. В этом смысле письмо не только конституирует субъективность, но и предшествует ей. Такая установка есть еще одна отсылка к постмодернистской парадигме «смерти автора» или «смерти субъекта» и согласуется с целым рядом высказываний современников Ж. Деррида¹².

Письмо следует понимать как механизм семиотизации времени, его означивания, что связано с разрывом, «задержкой» или архивацией в дискурсе. Письмо как процесс смыслопорождения и рождения темпоральности соотносим в этом аспекте с целым рядом других концептов постмодерна, таких как дискурс и интертекст.

⁹ Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида, Ж. О грамматологии. — М., 2000. — С.25.

¹⁰ Деррида Ж. О грамматологии. — М., 2000. — С.190.

¹¹ Там же. С. 197.

¹² См. «Смерть субъекта» Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн., 2001. — С.774.

В теории интертекстуальности Ю. Кристевой мы находим схожее понимание природы знака как текста, стремящегося к воспроизводству, самоцитированию, наследованию: «интертекстуальность – это транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему»¹³. Ю. Кристева говорит об интертекстуальности как динамике, некоей силе, которая движет текстом, заставляя его постоянно выходить за свои границы, воспроизводить себя. Интертекстуальность означает постоянный взаимопереход одних знаковых систем в другие, что вполне объяснимо на уровне онтологии логикой различания, а на уровне знака его воспроизводством.

Н. Пьеге-Гро дает свое определение интертекстуальности: «Интертекстуальность... – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты). Таким образом, интертекстуальность – это общее понятие, охватывающее такие различные формы, как пародия, плагиат, перезапись, коллаж и т.д... С этой точки зрения интертекстуальность предполагает вековечное подражание и вековечную трансформацию традиции со стороны авторов и произведений, эту традицию подхватывающих. Интертекстуальность, таким образом, – это первооснова литературы»¹⁴. С позиции логики нашего исследования, *интертекстуальность* – это другое название письма Ж. Деррида. Совокупность неких единичностей, объединенных разрывами и непрерывно трансформирующееся время «вечного повторения».

Из сказанного выше ясно, что Ж. Деррида с одной стороны опирается на непосредственную данность времени в восприятии, которую можно подтвердить чувственно и с этих позиций осуществляет критику герменевтики и феноменологии в своих ранних работах («Сущность и грамма», «Голос и феномен»). И с этой позиции линейность времени покоится на самотождественности телесной организации человека, которая есть исходный пункт анализа, поскольку она (логоцентризм) позволяет соотносить субъекту предметы с их вербальным обозначением (фоноцентризм). С другой стороны, в своем позднем творчестве и, прежде всего, в работе «О грамматологии», Деррида проблематизирует время как субъективный опыт с позиции того, что он проистекает из фундаментального несоответствия между чувственным опытом и его знаковым отражением (что иллюстрируется на примере концепции Ф. дэ Соссюра). Отсутствие очевидной связи между означающим и означаемым, обуславливающее запаздывание процедуры означивания в опыте человека, позволяет Деррида семиотизировать и де-субъективизировать концепт времени.

Так след, или различие по Деррида, можно отразить метафорой «разрыва», поскольку указанные элемента традиционной схемы не отражают специфику наличия: «...указывая на абсолютное прошлое, след заставляет нас мыслить такое прошлое, которое невозможно понять как измененное настоящее, как настоящее, отошедшее в прошлое (*unpresentpasse*). Поскольку прошлое всегда означало скорее настоящее, отошедшее в прошлое, постольку абсолютное прошлое, сохраняющееся в следе, вовсе не стоило бы, строго говоря, называть «прошлым»... Столь же осторожно, пользуясь таким же вычерком, можно сказать, что след пассивен и в своем отношении к «будущему». Понятия *настоящего*, *прошедшего* и *будущего*, все то, что в понятиях времени и истории традиционно предполагает их очевидность, наконец, само метафизическое понятие времени как такового – все это не может адекватно описать структуру следа...»¹⁵. Таким образом, Деррида критикует традиционные понятия «настоящего», «прошлого» и «будущего», которые взаимопредполагают друг друга в фиксации непрерывности времени. След и различие, напротив, указывают на разрыв, «материализованное» членение в письме (пунктуация), выходящее за рамки феноменальности (уже поставленной в зависимость от письма).

Уход от фоно-логизма, вслед за непрерывностью речи, по мысли Деррида, открывает пространство разрыва или «трещины». Ее цель указывать на тот факт, что знак

¹³ Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М., 2008. – С.52

¹⁴ Там же. С.48.

¹⁵ Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – С.195.

(письмо) как единство и расчлененность означаемого и означающего не может возникнуть в полноте бытия. Знак функционирует в режиме маскировки пустоты бытия, его несамотождественности. Письмо в своей прерывистости раскрывает эту неполноту и в то же время позволяет Деррида уйти от необходимости рассматривать время с позиции субъективного опыта. Деконструкция «линейного времени» позволяет выявить иллюзорность классической трактовки времени в ее попытке совместить противоречия времени и пространства обращением к субъекту. Ж. Деррида семиотизирует время, что становится очевидным на примере актуализации разрыва связи означающего и означаемого: «линейное понятие времени, таким образом, теснее всего связывает современное понятие знака с его историей. Ведь в конечном счете само понятие знака, а также разграничение, подчас натянутое, между его означающей и означаемой сторонами, вписано в историю традиционной онтологии»¹⁶.

Список литературы

1. Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск, 1999.
2. Деррида Ж. О грамματοлогии. – М., 2000.
3. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М., 2008.

SEMIOTISATION OF THE TIME IN DERRIDA'S PHILOSOPHY

E.O. BELONENKO

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: belonenko_e@mail.ru

The paper observes the conception of the time in the philosophy of J. Derrida. The deconstruction of "the linear time" contributes to reveal the illusority of the classical interpretation of the time in its attempt to coincide the contradiction of time and space with the apply to the person.

Key words: time, postmodernism, J. Derrida, deconstruction.

¹⁶ Деррида Ж. О грамματοлогии. – М., 2000. – С.203.

ГЕНЕЗИС ВЛАСТНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Т. В. БЕЛЬСКАЯ

*Национальная академия
государственного
управления
при Президенте Украины*

e-mail: samar2000@yandex.ru

В статье выяснены основы эволюции сознания, установлено, что на основе архетипов в процессе исторического развития формировались основы властвования и подчинения, определено влияние архетипных структурных элементов на публичную политику и властно-общественные отношения, проанализированы особенности влияния планетарного уровня сознания на властно-общественные отношения на современном глобальном этапе развития цивилизации.

Ключевые слова: архетип, публичная политика, властно-общественные отношения, планетарное сознание.

Интересным направлением научных исследований, нацеленных на изучение психологических различий людей и попытки их использования в политологии, психологии и государственном управлении является исследование архетипических структурных элементов сознания, которые были открыты еще К. Юнгом и возрождены в наше время Е. Афониним, который создал школу архетипики. Задачами избирательной кампании и коммуникации лидера с обществом в послевыборный период является стремление включить мышление людей путем апелляции к универсальным архаичным идеям, образам и мотивам выбора. Архетип является ключом для осознания общественно-культурных ценностей и особенностей людей. Итак, архетипические образы в современных условиях является средством управления людьми, поэтому интерес к проблеме архетипов среди ученых в области государственного управления и в обществе растет.

В данной статье сделана попытка анализа особенностей формирования архетипических образов у населения в трех направлениях, наиболее интересующих науку государственное управление: образ политического лидера и отношение к нему народа, участие населения в управлении, особенности коммуникации власти и общества.

Архетипические структурные элементы сознания является концентрированным выражением различных параметров общественной жизни людей на протяжении тысячелетий. На основе архетипов в процессе исторического развития формировались основы гражданственности.

Как известно, слово «архетип» происходит от двух греческих слов: *arche* – начало и *typos* – форма, образец. В позднеантичной философии оно использовалось для обозначения прообраза, идеи¹. Греческие философы *ἀρχαί* трактовали как начало или первоначальные принципы, например, вода, огонь есть то, что они называли *αἰτερον*, «бесконечное». Таким образом, речь идет о первичных состояниях, которые никогда не стареют, никогда не могут быть превзойдены и существуют всегда².

Возникает вопрос, как архетип соотносится с ментальностью и исторической культурой. Ментальность значительной мере уходит в бессознательное и фиксирует архетипические различия между социальными субъектами³. Архетип – понятие более общее, глобальное, а менталитет носит национальный характер. Архетип более древний, чем культура, поэтому он не передается традицией, миграцией или языком. Личностные пе-

¹ Зеленский В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс] / В. Зеленский. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/archetip>

² Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг. [пер. с англ.] – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – С.18.

³ Афонін Е. А. Соціетальний чинник політичної модернізації / Е. А. Афонін, А. Ю. Мартинов // Український соціум : науковий журнал. – 2008 – № 3. – С.112.

реживания тесно связаны с архетипами и осуществляются через определенные архетипические образы, которые являются компонентами религий, мифов, легенд и сказок.

Главные общественные ценности и убеждения отражает образ лидера. Глядя на лидера, судят о мировоззрении, уровне зрелости, развития и политической культуры общества⁴. Образцом политического лидера на украинских землях всегда был лидер, который придерживается демократических принципов и учитывает мнение народа. Как известно, элементы демократии существовали на территории нашей страны еще с княжеских времен. В IX в. во времена Киевской Руси, ее основными государственными институтами стали князь, княжеский совет и вече (народное собрание).

В те времена князь считался «первым слугой» общины. «Князь до того был зависимым от веча, даже его семейная жизнь находилась под контролем Галичан»⁵. Во времена Киевской Руси и после ее распада кроме княжеской власти существовали боярские советы, большой значение имели княжеские съезды и вече в городах.

Боярский совет состоял из представителей боярских родов, церковных деятелей, военачальников княжеской дружины. Князь, как правило, присутствовал на заседаниях боярского совета, то совет выступал как совещательный орган. А, иногда, в зависимости от силы княжеской власти, он выступала как коллегиальный орган, который решал даже судьбу князя.

Участие населения в управлении делами общества происходило через народные собрания, которые избирали Совет города – своеобразную вспомогательную структуру, которая была постоянным исполнительным органом и осуществляла контроль за деятельностью выборных должностных лиц, готовила решение народных собраний и т.п. Полномочия веча распространялись на все функции государственной власти, в том числе на выборах князя, заключение с ним договора и обсуждение важнейших вопросов общественно-политической жизни. Они решали вопросы внутренней политики, торговли, функционирования денежной системы, принимали документы, обязательные для исполнения.

По М. Грушевскому «народную массу гораздо больше интересуют перемены общественные, чем верхней политики ... Она мало учитывала изменения верхушки, лишь бы были учтены ее общественные, экономические интересы»⁶. Итак, для общества более важны его собственные интересы, чем интересы государственные. Тем самым М. Грушевский в вопросе взаимоотношений власти и гражданского общества защищает принцип невмешательства властей в дела гражданского общества. Он отмечает, что «общество с правительством противостояли друг другу не только в период древний»⁷. Власти не вмешивались в общественную жизнь: «У нас княжеско-дружинное устройство ... оставалось чем-то поверхностным, достаточно шатко привязанным к народу. Община оставалась полным хозяином своей почвы, своих дел, и только во внешнегосударственных делах сталкивалась с устройством княжеским»⁸. Община вела самостоятельную жизнь во внутренних сферах, и только во внешней политике вступала во взаимоотношения с властью.

Важное значение для формирования архетипических структурных элементов сознания людей сыграло появление городов. В XIV – XVII вв. в Галиции и части Подолья наблюдается быстрый рост городов, которые получили магдебургское право. Органом самоуправления города был магистрат, который возглавлял староста. Войт назначался правительством или королем, иногда его выбирали жители города. В магистрат входили жители города, которые были богатыми, влиятельными, имели высокий социальный статус и хорошее образование, не моложе 25 лет.

В XIV – XV вв. стали возникать цеха. Каждый цех имел устав, которым регулировались не только производственные отношения, но и отношения ремесленников как

⁴ Андриенко О. В. Образ лідера у світоглядно-аксіологічному вимірі демократичного суспільства / О. В. Андриенко // Гілея : науковий вісник : зб. наук. праць. – 2009 – Вип. 24.

⁵ Костомаров Н. Две русские народности / Н. Костомаров // Основа. – СПб., 1861. – №3. – С. 33–80. [Электронный ресурс] – Библиотека РІСУ – Режим доступа : <http://www.risu.org.ua/ua/library/books/mkostomarov/33654>

⁶ Грушевський М. Вступний виклад з історії України-Руси / М. Грушевський // М. Грушевський і Західна Україна. – Львів, 1995. – С.12.

⁷ Там же. – С.13.

⁸ Там же. – С.10.

внутри цеха, так и вне его. Организованные в цехи ремесленники имели кодекс поведения, обряды, цеховую «казну», флаг, печать, знак (так называемые «цеха»), гербы, цеховые наряды для различных торжеств (церковные праздники, похороны, обеды, заседания и т.п.). Действовали цеховые суды, специальные награды по профилю ремесла. Совместно отбывали члены цехов («братчики») религиозные праздники, занимались церковью. На свои средства цеха содержали стражу, помогали городской полиции и пожарной службе. Некоторые цеха содержали собственные магазины для сбыта товаров своих мастеров. Они сохраняли сильные религиозные черты, беря на себя заботу о духовных, а не только материальных сторонах жизни своих членов. Так, типичная гильдия или цех старались поддерживать высокие моральные стандарты поведения, наказывая своих членов за богохульство, азартные игры, ростовщичество и т.п. Обществу разрешалось для выполнения уставной цели открывать отдельные учреждения и предприятия, устраивать чтения, спектакли, концерты, базары. Музыкальный цех в Киеве был основателем городского оркестра и музыкальной школы, действовавшей в XVIII в. Цеха имели своих представителей в магистратуре. Были случаи конфликтов между цехами и купцами и их организациями, между шляхтичами и цехами.

На западноукраинских землях цеха были тесно связаны с римо-католической религией, они действовали прежде всего среди римо-католического населения (немцев и поляков). Православные украинцы и армяне имели затрудненный доступ к цехам. Они могли получить доступ, только если они становились католиками, принадлежащими к униатской церкви. На восточноукраинских землях действовали цеха, сформированные из православных ремесленников. Не допускали к цехам евреев, но они медленно захватывали некоторые ремесла. Там, где существовали католические цеха, православные украинцы создавали отдельные собственные организации, так называемые, братства из членов различных профессий и мещан. Братства имели культурно-религиозные цели, прежде всего национальную защиту. Евреи иногда образовывали собственные цеха, получая на это разрешение центральной или городской власти.

Таким образом, магдебургское право и магистрат были прообразом органов местного самоуправления. Следует отметить еще одну особенность – цехи объединялись по религиозному признаку, что свидетельствует о важности на данном этапе религиозных организаций.

Формирование особых структурных элементов сознания можно наблюдать и в сельской общине. Крестьяне объединялись в сельские общины, выбирали из своей среды атаманов, старшин и других общественных активистов. Большинство вопросов они решали на крестьянских сходах (собраниях) и таким образом управляли делами общины.

Особое место в формировании архетипов поведения и исторического сознания принадлежит казачеству. Во времена казачества примерами демократического управления были выборность гетманской и сечевой администраций.

Элементы коллегиальности присутствовали и в церкви, так как священники избирались общиной. В период средневековья созывались епархиальные съезды, в которых принимали участие как священники, так и богатые миряне. Подтверждением этому есть мысли Клавдиуса Роне, английского резидента в Петербурге, в 1736 году, который писал: «Запорожцы принимают в свое братство всех, без различия национальности, если те принимают греко-католическую веру и соглашаются пройти семилетнее испытание перед присвоением звания рыцаря»⁹. Защита своей православной веры объединила казаков в борьбе против поляков-католиков и турок-мусульман во времена казачества. Казацкие ячейки стали прообразами организаций гражданского общества. В записях Боплана Г. Л. отмечается: «Собираясь в поход, они (казаки) избирали военачальника, которого называли атаман, или походный командир, власть которого была абсолютной и неделимой так, как и положено военачальнику. Но после похода он снова был равный с казаками, а кроме того, отчитывался в своих действиях – объяснял, какие он допустил ошибки, дер-

⁹ Шпиталь Геннадий. Военная педагогика на Запорожской Сечи [Электронный ресурс] – Библиотека РІСУ – Режим доступа : <http://www.totalwars.ru/index.php/istoriya/voennaya-pedagogika-na-zaporojskoj-sechi.html>

жал ответ, почему не удалось те или иные его замыслы ...»¹⁰. То есть «лидер был первый среди равных». Вспомним Н. Макиавелли, который в своем труде «Государь», анализируя взаимоотношения между властью и народом, разделяет государства на те, где «подданные привыкли повиноваться властителем» и на те, где народ «исконно жил свободно»¹¹. Понятно, что на украинских землях свободолюбивые люди «довольны своей жизнью, до тех пор, пока не затрагиваются их честь и имущественные интересы» в отличие от Китая, Индии, России, где народ к своему лидеру-царю относился как к посланнику Бога, и даже лидеры-повстанцы объявляли себя лжецарями, чтобы привлечь к своим намерениям простой люд. Архетипы «казацкого поведения» проявляются сегодня в отдельных случаях в поведении депутатов Верховной Рады.

Процесс создания архетипических образов подтверждают исторические документы. В частности, идеи демократичности власти нашли свое отражение в конституции Филиппа Орлика 1710 г. Хотя эта конституция не была внедрена в жизнь, она имеет большое значение как документ, который впервые в истории зафиксировал принципы государства. «Гетманская власть должна быть ограничена и постоянным участием в управлении генеральной старшины, и генеральным советом, ограничения касались администрации, суда, выборов старшины, финансов. Трижды в год положено собирать сейм из полковой и сотенной старшины, депутатов и послов от запорожского войска. Предполагалась суровая обособленность государственного сокровища от средств, выделяемых по распоряжению гетмана. Значительное место отводилось демократическим правам всех слоев общества, особенно казачества, а также правам городов»¹². Позже, во времена Руины именно принцип выборности сыграл роковую роль в развале Казацкого государства¹³, потому что для поведения казаков характерным было преимущество ценностей личной свободы по отношению к обязанностям перед властью.

В нашей истории, начиная с XVII в., каждый человек так или иначе связан с функционированием определенного объединения, что способствует его общественной активности. В связи с этим, следует упомянуть просветителя и поэта Григория Сковороду, который выдвинул идею общественной ценности людей.

Философ Тейяр де Шарден высказал мнение, что «эволюция – это рост сознания». Отсюда возникает следующий важный вопрос о направлениях (векторах) человеческого сознания. И. Кант еще в XVIII в. обосновал в своих работах, в частности, в трактате «К вечному миру», идею закономерности движения человеческого общества к общепланетарному федеративному устройству и развитию сознания от индивидуального к родовому (общечеловеческому). Тейяр де Шарден определяет вектор направленности сознания – бесконечность, «точку Омеги»¹⁴. Высшей формой сознания ученые определяют планетарный или планетарно-галактический уровень.

Итак, речь идет о реструктуризации обыденного сознания.

Анализируя тенденции развития сознания ученые предложили целый ряд понятий, в частности: «наиндивидуальное сознание» (Э. Дюркгейм), «ноосферное сознание» (В. Вернадский), «пневматосфера» (П. Флоренский), «техносфера» (А. Фьорсман) «коллективный общепланетарный разум» (Н. Моисеев), «планетарное сознание» или «планетарно-галактическая сознание» (Д. Бетгельгейзе).

Э. Дюркгеймом «сверхиндивидуальное сознание» понимается как уровень сознания, который присущ любому коллективу, отличный от суммы индивидуальных сознаний людей. Продолжая мысли Э. Дюркгейма о неидентичности коллективного разума сумме индивидуальных знаний, Н. Моисеев вводит понятие «коллективный общепланетарный разум», который присущ информационной эпохе.

¹⁰ Боплан Г. Л. де. *Опис України; Меріме П. Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький* / Г. Л. Боплан; [пер. з фр., приміт. та передм. Я. І. Кравця]. – Львів : Камінь, 1990. – 301 с.

¹¹ Макиавелли Н. *Государь* : сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков : Изд-во «Фолио», 2001. – С.16.

¹² Брегеда А. Ю. *Основи політології : Навчальний посібник* / А. Ю. Брегеда. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – К. : КНЕУ, 2000. – 312 с.

¹³ Левченко Н. В. *Национальная идея как матрица государственного строительства в Украине* / Н. В. Левченко // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. – 2009 – № 3. – С.23.

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс* / Хосе Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 114–155.

В XX в., который можно охарактеризовать как эпоху коллективизма, актуализируются социальные аспекты бытия человека, популяризуется идея коллективного сознания Э. Дюркгейма, концепция Ж. Пиаже об определяющей роли социальной среды в становлении человека, архетипы коллективного бессознательного К. Юнга. Архетипы коллективного бессознательного К. Юнга означают сферу глубинных слоев человеческой психики, имеют устойчивые черты древнего опыта человека.

Глобализация, переход к информационному обществу изменили бытие современного человека. Происходит переход на планетарный уровень восприятия действительности, к идеям глобального масштаба. Сегодня стало ясно, что без нового уровня сознания, который готов воспринимать новый глобальный современный мир усилия человечества окажутся неэффективными. А дальнейший прогресс цивилизации без достаточного количества людей, которые мыслят планетарно – бесперспективным.

Таким образом, представим эволюцию природы человека в виде концентрических кругов сознания. Основным элементом или ядром сознания является архетип. Постепенно и неравномерно происходит рост сознания: архетип – сознание – менталитет – национальное сознание – планетарное сознание¹⁵. Неравномерность роста сознания порождает психологию властвования и подчинения.

Планетарное сознание – новый, более высокий уровень построения архетипных структурных элементов сознания, способных к осмыслению и восприятию глобализирующегося мира как единого планетарного сообщества; это сознание, связано с осмыслением глобализационных процессов, которые охватывают геополитическую, социально-экономическую и экологическую сферы деятельности человека, руководствуются в своих действиях общечеловеческими принципами и ценностями, которые способствуют стабильному развитию цивилизации.

Планетарное сознание является наиболее продуктивным путем развития человека, актуализацией его способностей, включающих абсолютное уважение прав и свобод других людей и соучастие в судьбе всего человечества, включая транснациональные, трансгосударственные, экологические, социально-экономические, кросс-культурные интересы. Планетарное сознание находится в процессе своего становления, хотя источники ее достигают трудов И. Канта, который обосновал мысль о необходимости установления всемирного гражданства, это порождение новой эпохи, которую характеризуют глобализационные процессы. Возможно, именно планетарный уровень развития сознания человечества дал толчок для появления феномена глобального гражданского общества. В то же время происходит производство новых технологий власти, трансформация властно-общественных отношений.

Изменения в отношениях власти и общества, которые обусловлены научным прогрессом и глобализацией общества привели к созданию новой теории публичного управления, основанной на расширении круга участников принятия решений. В этой теории используются понятия «governance», «good governance»

Властные функции государств в условиях глобализации не уменьшаются, а даже увеличиваются. Несмотря на совершенствование техники и аппаратов власти, все же контролировать социально-экономические процессы и события государствам практически невозможно. Формируется глобальная политическая система – глобальное государство, в котором национальные государства являются лишь их составляющей. Ее субъектами являются транснациональные структуры и национальные государства, которые объединены общей идеей, условиями и факторами глобализационного развития. Основным средством функционирования такого государства является транснациональное право, которое формируется в результате соответствующих межгосударственных договоренностей и опирается на общность интересов между государствами и базовыми ценностями всего мира.

Вышесказанное служит достаточным основанием для вывода о том, что архетипические структурные элементы сознания людей формировались под влиянием ряда факторов. Архетипы как универсальная идея привлекаются сейчас политологами, социоло-

¹⁵ Бельська Т. В. Публічна політика і система владно-суспільних відносин: архетипний підхід / Т. В. Бельська // Публічне управління : теорія та практика : зб. наук. пр. Асоціації докторів наук з державного управління. – Х. : Вид-во “ДокНаукаДержУпр”. – Спеціальний випуск. – Червень, 2013. – С. 95.

гами, психологами, государственными управленцами как ключ к сознанию и подсознанию граждан, как исключительная возможность связать политические образы с исторически значимыми образами, мотивами и явлениями. В политологии и государственном управлении они могут реализовываться в форме архетипических образов лидера или архетипических мотивов его выбора.

Особенностью публичной власти в условиях глобализации является то, что она не диктует условия обществу, не действует как аппарат принуждения, а все более тесно кооперируется, взаимодействует с ним, делегируя часть своих полномочий институтам глобального гражданского общества.

Список литературы

- 1.Афонін Е. А. Соціетальний чинник політичної модернізації / Е. А. Афонін, А. Ю. Мартинов // Український соціум : науковий журнал. – 2008 – № 3. – С.110 – 123.
- 2.Андрієнко О. В. Образ лідера у світоглядно-аксіологічному вимірі демократичного суспільства / О. В. Андрієнко // Гілея : науковий вісник : зб. наук. праць. – 2009 – Вип. 24.
- 3.Бельська Т. В. Публічна політика і система владно-суспільних відносин: архетипний підхід / Т. В. Бельська // Публічне управління : теорія та практика : зб. наук. пр. Асоціації докторів наук з державного управління. – Х. : Вид-во “ДокНаукаДержУпр”. – Спеціальний випуск. – Червень, 2013. – С. 93 –99.
4. Боплан Г. Л. де. Опис України; Меріме П. Українські козаки та їхні останні гетьмани; Богдан Хмельницький / Г. Л. Боплан ; [пер. з фр., приміт. та передм. Я. І. Кравця]. – Львів : Каменяр, 1990. – 301 с.
- 5.Брегеда А. Ю. Основи політології : Навчальний посібник / А. Ю. Брегеда. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – К. : КНЕУ, 2000. – 312 с.
- 6.Грушевський М. Вступний виклад з історії України-Руси / М. Грушевський // М. Грушевський і Західна Україна. – Львів, 1995. – 432 с.
- 7.Зеленский В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс] / В. Зеленский. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/archetip>
- 8.Костомаров Н. Две русские народности / Н. Костомаров // Основа. – СПб., 1861. – №3. – С. 33–80. [Электронный ресурс] – Библиотека РІСУ – Режим доступа : <http://www.risu.org.ua/ua/library/books/mkostomarov/33654>
- 9.Левченко Н. В. Национальная идея как матрица государственного строительства в Украине / Н. В. Левченко // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. – 2009 – № 3. – С.20–27.
- 10.Макиавелли Н. Государь : сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков : Изд-во “Фолио” , 2001. – 656 с. (Серия “Антология мысли”).
- 11.Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 114–155.
- 12.Шпиталь Геннадий. Военная педагогика на Запорожской Сечи [Электронный ресурс] – Библиотека РІСУ – Режим доступа : <http://www.totalwars.ru/index.php/istoriya/voennaya-pedagogika-na-zaporozskoj-sechi.html>
- 13.Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг. [пер. с англ.] – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

GENESIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY IN GENERAL CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT PROCESS

T.V. BIELSKA

*Public Administration attached
to the President of Ukraine*

e-mail: tanya_belska@ukr.net

The author clarifies the principles of the evolution of human consciousness; she finds that based on archetypes in the historical development of the principles evolved rule and subjugation. Author determines the impact of archetypal structural elements in public policy and public relations imperiously, analyzes the features of influence of planetary awareness on the power-public relations at the present stage of global civilization.

Key words: archetype, public policy and national-public relations, planetary consciousness.

УДК 130.2

**КОНЦЕПТЫ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ», «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ»
И «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»: БЫЛ ЛИ ПРАВ К. МАРКС?»****Е.А. БОНДАРЕНКО***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru*

В статье дана философско-антропологическая и философско-культурологическая критика современных неолиберальных и анархо-индивидуалистических концепций «человеческого капитала» и «общества знаний» в контексте актуализации классических идей К. Маркса. Показано, что количественные темпоральные индикаторы человеческого труда в «когнитивном капитализме» существуют в превращенных формах измерения интеллектуального труда (интеллектуальная собственность, биржевые индексы, индексы цитирования учёных, имиджевые рейтинги и т.п.).

Ключевые слова: рабочая сила, человеческий капитал, человеческий труд, общество знаний, интеллектуальная собственность, рейтинги.

Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рублище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!...
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
А.С. Пушкин.

*Разговор книгопродавца с поэтом
(1824 г.)*

Мы специально поставили в начало заглавия нашей публикации столь модные термины «человеческий капитал» и «общество знания/знаний», маскирующие, как и не менее популярные концепты «постиндустриальное общество», «информационное общество», «когнитивный капитализм» и т.п., неизменный характер капиталистической эксплуатации человека и человечества. Но в этих новомодных теориях фиксируются – с научной тщательностью и порой критически – те реальные трансформации, которые происходили с капиталистической цивилизацией «модерна» в XX веке.

Интересно, что новая апология капитализма велась и ведётся одновременно как теми мыслителями, которые позиционировали себя в качестве «левых» интеллектуалов («социалистов» или «либералов»), так и теми, кто прямо заявляет о своём политическом, разумеется, буржуазном консерватизме. В этом плане показательны и соответствующие теоретические дрейфы. Например, Дж. Бернхейм начинал свой путь как приверженец радикального социализма троцкистского типа, но во время Второй мировой войны в знаменитой книге «Революция менеджеров» (1941) выступил с обоснованием тезиса, что профессиональные управленцы как «новый класс» сменяют классических индивидуальных и коллективных капиталистов. Разумеется, реалии показали, что просто на смену «наивным» классическим капиталистам пришли новые поколения более образованных ловцов сверхприбылей без риска личных вложений. Правда, теория «эффективных менеджеров» продолжает своё существование в иных «постиндустриальных» и «информационных» версиях. Особенно она прижилась в постсоветской России, когда под прикрытием приватизации и «эффективного менеджмента» произошёл рейдерский захват общенациональной собственности бывшей партийно-комсомольской и хозяйственной номенклатурной. «Эффект» мы испытываем на себе...

На фоне общего кризиса капитализма и технологического рывка советского социализма между мировыми войнами появляется экономическая теория Д.М. Кейнса¹, которая до 70-х годов прошлого века была не только основной политико-экономической технологией правительств индустриального Запада, но идеологией и практикой бурного экономического роста в рамках «общества потребления». Интересно, что поверхностное восприятие идей Кейнса, как утверждения принципов государственного регулирования рынка, привело даже к урезанному переводу в 1948 г. его основной книги в СССР. Кейнсианство ориентировало капиталистический Запад на государственное субсидирование как производственного, так и непроизводственных секторов (образования, науки, культуры и т.п.), социальных программ (пенсии, пособия по безработице и т.п.), что было не только производным от «борьбы трудящихся за свои права» и «соревнования с реальным социализмом», но и действенным рычагом стимулирования технологического роста через рост потребления в развитых странах.

В контексте теории и практики неокейнсианства и идей «революции менеджеров» появляются теории в духе «нового индустриализма» Дж.К.Гэлбрейта – работы «Общество изобилия» (1958) и «Новое индустриальное общество» (1961), – в которых он сделал ставку в экономике на менеджеров, «владеющих знаниями» и эффективно ведущих общество к потребительскому процветанию. И хотя в конце жизни в книге «Экономика невинного обмана» (2004) он выступил с пессимистичной оценкой современного капитализма, его идеи, так или иначе, повлияли на другие теории, прежде всего на теории «постиндустриализма» и «информационного общества», представленные наиболее репрезентативно в работах Д. Белла и Э. Тоффлера². Например, футуристические прогнозы в книгах Тоффлера, написанные с интервалом в десять лет, начали сбываться на глазах у ныне живущих поколений, когда технологический рост привёл не только к вторжению в нашу повседневность технологических инноваций (компьютеры и IT-технологии, сетевые формы организации коммуникаций и управления на всех уровнях, новая телефония и масс-медиа), но и новых форм организации труда, образования, досуга и т.д.

Эти идеи уже в большей степени ориентировались на неолиберальную парадигму в экономической и политической теории и практике. Экономический и политический кризис 70-х годов прошлого века в индустриально развитых странах положил конец доминированию кейнсианства и привёл к власти неолибералов. В прямом смысле, т.к. все правительства, от социалистов до консерваторов в своей экономической прагматике придерживаются не просто идей «свободного рынка», но и продвигают принцип рыночного, «рационального» регулирования всех сфер жизни общества: от экономики и индустрии до здравоохранения, образования, науки, культуры и социального обеспечения.

Именно в русле неолиберализма доминирующим стал концепт «человеческого капитала», хотя в своих истоках он восходит как к классической и марксистской трудовой теории рабочей силы, стоимости и капитала³, так и принадлежит неоклассическим экономическим теориям, в том числе кейнсианству и неокейнсианству.

Однако, наиболее радикальное теоретическое развертывание концепт «человеческий капитал» получил в работах Чикагской экономической школы, ставшей кузницей кадров современного неолиберализма. Собственно главой неолиберализма в рамках этой школы считается Милтон Фридман*, который ещё в 1940 г. выпустил совместно с Саймо-

¹ См.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.

³ М. Фуко не совсем корректно писал, что «классическая политическая экономия никогда не анализировала труд как таковой, или, скорее, бесконечно пыталась его нейтрализовать, а чтобы нейтрализовать, сводила его исключительно к временному фактору». См.: Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. С-Пб., 2010. С. 278.

* Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1976 г.; во многом реанимировал и развил идеи раннего политико-экономического либерализма Адама Смита и Джона Стюарта Милля.

ном Кузнецом* книгу «Доходы от независимой частной практики», в которой уже содержались предпосылки для появления концепта «человеческий капитал». Но вот сам термин и его понятийно-теоретическое обоснование впервые дал в начале 60-х годов Теодор Шульц⁴, который хотя и был профессором Чикагского университета, но не придерживался столь радикальных либеральных взглядов, как М. Фридман, и Нобелевскую премию в 1979 г. получил экономическое исследование проблем развивающихся стран (в этом контексте им было проанализировано различие в экономическом росте развитых и развивающихся стран, связанное с феноменом инвестиций в человеческий капитал). Идеи Т. Шульца развил Гарри Беккер, также связанный судьбой и работой с Чикагским университетом, но и он был не столь радикально либерален, как М. Фридман. Собственно, Г. Беккер и может по праву считаться ведущим теоретиком-экономистом, развившим понятие «человеческий капитал», в том числе и с использованием математических и статистических методов исследования⁵. Поэтому М. Фуко, так увлекшись в 70-е годы идеей человеческого капитала, несколько опрометчиво приписывал её всецело неолибералам⁶. Хотя и Фридман, и Кузнец, и Шульц, и Беккер судьбой связаны с Чикагским университетом и так или иначе способствовали появлению и развитию концепта «человеческий капитал», а также стали нобелевскими лауреатами⁷, каждого из них однозначно нельзя отнести к «неолибералам» (Фуко, правда, оговаривался и отмечал, что все американцы по жизни «либералы», что недалеко от истины). Но что понимается экономистами под «человеческим капиталом»?

Т. Шульц, например, делил все человеческие способности на врожденные или приобретенные, а последние определял как «ценные качества», которые могут быть усилены со стороны человека или общества (предприятия) соответствующими вложениями, что и превращает их, собственно, в «человеческий капитал».

Г. Беккер интерпретировал поведение «гомо экономикус» как всецело рациональное и целесообразное, что роднит его с классическими политико-экономическими теориями, а под человеческим капиталом понимал определенный запас навыков, знаний, навыков и мотивов экономической деятельности, которые формируются фактически на протяжении всей активной жизнедеятельности любого человека путем инвестиций (индивидуальных, коллективных в семье или на предприятии, общественных через государство) в общее и профессиональное образование и переквалификацию, что способствует накоплению и профессионализма и опыта, в сбережение здоровья и физическую культуру тела, трудовую мобильность, интеллектуальную и информационную активность. Основное внимание в формировании человеческого капитала Беккер уделял образованию и его экономической эффективности, путём статистических подсчётов, что и оценил, собственно, Нобелевский комитет. Но он также показал, как индивидуальные инвестиции в человеческий капитал связаны с инвестициями и капитализацией «человеческого ресурса» на уровне предприятия и национальных экономик.

Если кратко резюмировать, то с точки зрения экономистов «человеческий капитал» представляет собой интегральную сумму таких составляющих, как здоровье, знание, культура и свобода личности⁸. Но мы не будем подробно рассматривать экономические

* Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1971 г., выходец из России; развивал идеи Й. Шумпетера и является создателем прикладных методов и математических моделей исследования экономики.

⁴ См.: Schultz T.W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. P. 571-583; Schultz T.W. Investment in Human Capital: The role of education and of research. New York: The Free Press, 1971; Shultz T. Investment in Human Capital. N.Y., London, 1971, p. 26-28.

⁵ См.: Becker G. Investment in human capital: a theoretical analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70 (5), 2^e partie. P. 9-49; Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.

⁶ См.: Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010.

⁷ См.: Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 1. 1969-1982. СПб., 2007; Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 2. 1983-1996. СПб., 2009.

⁸ См.: Римашевская Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения // Российский экономический журнал. 2004. № 9-10. С. 22-40.

идеи и практики неолиберализма, нам интересен сам этот концепт⁹. Это именно концепт, а не теоретическое понятие, т.к. в понятийной метафоре «человеческий капитал» доминируют не только и не столько рационализации реалий «новой» капиталистической экономики, сколько политико-идеологические, мировоззренческие и антропологические смыслы. Прежде всего, мы остановимся на антропологических и культурных составляющих данного концепта.

Как мы уже отметили, фактически первую философско-антропологическую интерпретацию концепта «человеческий капитал» дал ещё М. Фуко в лекциях «Рождение биополитики»¹⁰, подготовленных и прочитанных в 1978-1979 гг. на волне прихода к власти неолибералов, которые оказались в США и Англии неоконсерваторами (хотя и французские социалисты придерживались этого же курса). Во-первых, Фуко совершенно справедливо пишет о взаимоотношении марксистской и неолиберальной мысли: «Неолибералы практически никогда не обсуждают Маркса в силу того, что можно считать экономическим снобизмом. Но мне кажется, что, если бы они дали себе труд дискутировать с Марксом, они обнаружили бы то, что [уместно] было бы назвать анализом Маркса. Они сказали бы: совершенно очевидно, что Маркс в своем анализе сделал труд одной из существенных основ. Но что делает Маркс, когда он анализирует труд? Он показывает, что рабочий продает что? Не труд, но рабочую силу»¹¹. Но далее он фактически примыкает к неолиберализму, отмечая, что «классическая экономия была неспособна позаботиться об анализе труда в его конкретной спецификации и его качественных модуляциях, потому что она оставила эту чистую страницу, эту лауну, эту пустоту в своей теории, поспешив создать вокруг труда целую философию, антропологию, политику, представителем которой и был Маркс... они упускают спецификацию, качественные модуляции и экономические эффекты этих качественных модуляций, так это, в сущности, потому, что классические экономисты всегда рассматривают в качестве объекта экономии процесс, капитал, капиталовложение, машину, продукт и т.п.»¹². Так ли это?

Обратимся к классическим текстам Маркса из первого тома «Капитала», прижизненной манифестации его идей. Действительно, Маркс упор делал в своём анализе труда на время как меру абстрактного труда специфического товара «рабочая сила», отвлекаясь от «качественных модуляций» труда. Маркс, различая потребительную и меновую стоимость товара, определяет последнюю количественными параметрами, действительно абстрагируется в данном случае от качественных и индивидуальных характеристик труда: «Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.»¹³. Но игнорирует ли Маркс в своём анализе труда его «качественные модуляции»? Выступает ли для него «труд» и носитель «труда», человек, в виде некоей безжизненной абстракции? Разумеется, нет.

Не стоит полностью цитировать ставшее хрестоматийным то место в «Капитале», где речь идёт о фактически философском определении труда как такового, но тем не менее: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам про-

⁹ В отечественной науке имеются многочисленные и интересные экономические исследования «человеческого капитала». См.: Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М., 2012; Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: Монография. Воронеж, 2005; Корчагин Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2012; и др.

¹⁰ См.: Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010.

¹¹ Там же. С. 279.

¹² Там же. С. 280, 281.

¹³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 47.

тивостоят как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил»¹⁴. Где же здесь отход от «качественных модуляций» труда?

Аналогичное, качественное определение труда мы находим и в характеристике «докапиталистических», конкретно-исторических форм труда. Качественные определения труда теряются не в силу «абстрагирующей силы» ума теоретика, а в процессе социальной трансформации самого труда при переходе к механическому мануфактурному, а затем машинному индустриальному производству. «Познания, рассудительность и воля, которые, пусть даже в незначительных масштабах, развивает самостоятельный крестьянин или ремесленник, – пишет Маркс, – подобно тому как у дикаря все его военное искусство проявляется как личная хитрость, – требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила... Он (процесс отделения – авт.) завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу»¹⁵. Таким образом, Маркс показывает, что абстрактные, стоимостные характеристики труда и процесс его превращения в «рабочую силу», количественную темпоральную абстракцию, есть продукт «естественноисторического» развития капиталистического индустриального способа производства.

Критики Маркса и классической политэкономии порой соглашаются, что количественное измерение рабочей силы и труда временем имеет смысл на ранней стадии индустриализма, в эпоху «свободной конкуренции». Но теряет свою значимость при переходе к «постиндустриализму» и «обществу знаний». В этом плане интерес представляют достаточно противоречивые идеи Андре Горца, с одной стороны критикующего марксистское понимание труда, а с другой опирающегося на его идеи о будущем свободном развитии труда и производства знания (науки), заложенном в рукописном наследии. Он говорит о превращении «рабочей силы» в «человеческий капитал» в условиях «общества знаний», когда не только научное знание, но и «неявное», неформализованное профессиональное знание («живое знание») становятся факторами социальной динамики. «Труд, который начиная с Адама Смита считался общей для всех товаров основой стоимости, при таких условиях не поддается измерению в единицах времени, – пишет он. – Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости. Фирмы всё больше распоряжаются ими как своим «человеческим капиталом». Вопрос о том, как капиталу завладеть человеком

¹⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 188-189.

¹⁵ Там же. С. 374.

целиком и сделать его полностью «мобильным», решен отменой фиксированного оклада: трудящиеся должны теперь сами стать предприятием и даже на крупнейших заводах (таких как Volkswagen или DaimlerChrysler) вынуждены сами заботиться о рентабельности своего труда. Конкурентная борьба вынуждает их принимать давление логики рыночного сбыта за собственную внутреннюю мотивацию. На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д. На место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт «человек-предприятий», бесчисленных «Я-АО»¹⁶. Пока мы зададим А. Горцу один риторический вопрос: от того, что эксплуатация в обществе «когнитивного капитализма» (ещё одно название для «общества знаний» или «информационного общества») становится «самоэксплуатацией», она перестает быть таковой и при этом именно на капиталистический лад?

Как у А. Горца, так и у М. Фуко, на которого первый, собственно, и опирается, главный интерес в концепте «человеческий капитал» представляет момент превращения человека «самопредприятие», что очень важно для актуализации и развития фукианского концепта «практики себя», с которым он фактически связывает прогресс человеческих «практик свободы», начиная от античного «познай себя» и исповедальных практик христианства и заканчивая либеральными и анархическими практиками свободы. В момент, когда Фуко читал свои лекции, посвященные либеральным «практикам самости», он как бы уже и забыл о своих анархически-индивидуалистических исканиях периода студенческих бунтов и борьбы со «знанием-властью». Он видел в неолиберализме более реалистический путь постепенной реализации свободы человека. Вот здесь его и интересовал неолиберальный «человек-фирма» как реализация метафоры «человеческого капитала». «Это концепция не рабочей силы, а капитала-компетенции, в зависимости от различных переменных получающего определенный доход, который есть заработная плата, так что трудящийся оказывается, так сказать, сам себе предприятием. А в пределе мы видим тот элемент, который я уже отмечал в немецком и в определенной степени во французском неолиберализме, – ту идею, что экономический анализ должен обнаружить в качестве базового элемента этих дешифровок не столько индивида, процесс или механизмы, сколько предприятия»¹⁷. Но разве у Маркса речь шла о том, что «базовым элементом» классического индустриализма является машина или рабочий, а не «предприятие» (вначале мануфактура, а затем фабрика)? Именно между капиталистическими предприятиями как в эпоху раннего, так и во времена зрелого индустриализма (государственно-монополитического, а затем транснационального) разворачивается основная конкурентная борьба, в ходе которой и реализуется в рационально-иррациональных формах капитал, создаваемый, в конечном счете, рабочими на предприятиях. Разве перенесение неолибералами конкуренции вовнутрь предприятия и её напряженная реализация между «человеками-предприятиями» (будь они наёмными инженерами, менеджерами или обслуживающими рабочими, заботящимися о своей профессиональной конкурентоспособности и «ликвидности») отменяет саму природу капиталистической конкуренции, которая только и создаёт капитал как самовозрастающую стоимость? Разумеется, нет. Надо одеть неолиберальные очки, чтобы не видеть эксплуатации «человека-предприятия» и в «когнитивном капитализме», и в «обществе знаний».

Может быть здесь исчезают и количественные оценки «интеллектуализированного», «нематериального» труда как реализации «живых знаний» (А. Горц) или «экспертного знания» (Э. Гидденс)? «Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами»¹⁸, – пишет А. Горц. Но ему и себе противоречит М. Фуко, когда пишет: «Чем же конституируется это инвестирование, формирующее компетенцию-машину? Известно из экспериментов, из наблюдений, что оно конституируется, к примеру, тем *временем* (выделено нами – авт.),

¹⁶ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 13.

¹⁷ Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010. С. 284.

¹⁸ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 21.

которое родители посвящают своим детям помимо простой воспитательной деятельности в собственном смысле»¹⁹. Сюда же надо отнести не только время воспитания родителями детей и инвестирования в их образование и здоровье, но и время инвестирования в себя, которое происходит как до прихода «человека-предприятия» на большое предприятие после школы, колледжа или университета (при этом часто молодые люди вынуждены сами зарабатывать на учёбу «неквалифицированным» трудом), так и после, работая, под угрозой потери работы, затрачивая свои «доходы» и «свободное время» на инвестиции в себя. Здесь через задний ход возвращается измерение труда «человека-предприятия» временем и его количеством, когда обращается к тому факту, что все инвестиции в «человеческий капитал» так или иначе связаны с временными затратами индивида и семьи.

Это вряд ли то «свободное время» как время свободной реализации человеческой личности, о котором писал Маркс. Скорее всего, мы здесь имеем в завуалированной, симулятивной форме всё тот же феномен, о котором писал Маркс: «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения *всей жизни масс в рабочее время* (выделено нами)»²⁰. Это то *время заботы* по Хайдеггеру, где индивид вынужден не реализовать смысл своего бытия, а думать о хлебе насущном «здесь и сейчас», о завтрашнем дне в условиях объективации «бытия в мире» и о лучшей продаже своего «индивидуального предприятия» всё тем же транснациональным предприятиям. Это и есть капиталистическая биополитика, о которой писал Фуко, в которой управленческие манипуляции жизнью человека со стороны общества и капитала дополняются самоманипуляциями человека. Человек в «обществе знаний» и в «когнитивном капитализме» становится той унтер-офицерской вдовой неоллиберализма, которая сам/сама себя создаёт, сам/сама с собой конкурирует и сам/сама себя эксплуатирует. Только во благо кого или чего?

Это «время самоэксплуатации» вынесено за стены капиталистического предприятия (очень удачная неоллиберальная рационализация экономии оплаты труда!) в семью. Человек фактически вынужден трудиться чуть ли не полные сутки над своим *специфическим товаром* «человек-предприятие», сменившим в «когнитивном капитализме» товар «рабочая сила». Да, он якобы получает «доход», капитализирует свои инвестиции в себя (теории «трудового дохода» и т.п. иллюзии Маркс критиковал применительно к классической политэкономии и наивных представлений самих рабочих). Но реализация основной прибыли отнесена уже в сферу финансового капитала и фондовых рынков, создающих сверхприбыль на спекуляциях вокруг брендированных (фактически виртуальных) IT-предприятий. И не они, в конечном счете, создают реальную прибавочную стоимость, о которой писал Маркс, а те массы по-прежнему индустриальных рабочих в странах третьего мира и «догоняющей индустриализации» и «догоняющей постиндустриализации» (Китай, Вьетнам, Восточная Европа, Африка и т.п.), куда вынесены технологии реального производства товаров.

Мы видим, что реальный «постиндустриализм» на самой деле означает не доминирование интеллектуального труда над материальным, и не только их разделение в рамках национальных экономик, а их глобальное разделение: страны «золотого миллиарда», как производители интеллектуальных технологий и «экспертного знания», и остальные страны, производители товаров широкого потребления с использованием дешевого товара «рабочая сила» (телевизоры и автомобили Америка давно уже не производит). Символами такого глобального разделения на два мира – мир Труда и мир Капитала – давно стали Китай и США.

Маркс никогда не писал, что стоимость товара «рабочая сила» *напрямую* измеряется временем, затраченным рабочим в процессе труда на конкретном предприятии. В «Капитале» читаем: «Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного

¹⁹ Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. СПб., 2010. С. 289.

²⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 539.

труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, *устанавливаются общественным процессом за спиной производителей* (выделено нами – авт.) и потому кажутся последним установленными обычаем... Напротив, *всеобщая форма стоимости* (выделено нами – авт.) возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтом *общественно значимой формой* (выделено нами – авт.)²¹. Мы не будем останавливаться подробно на том факте, что именно в сфере общественного разделения труда формируются такие количественные индикаторы для измерения специфического товара «знания», которые выступают превращенными формами темпоральных характеристик труда, в том числе и труда интеллектуального.

Это, прежде всего, *интеллектуальная собственность*, которая как собственность на патенты возникает еще во времена А. Смита и Д. Рикардо и делает «экспертные знания» специфическим товаром, покупаемым и продаваемым. К сожалению, Маркс почти не обратил внимания на эту форму собственности и роль патентов и патентного права (авторского права и т.п.) в развитии капиталистического индустриализма. Разумеется, во времена свободного капитализма и первых форм капиталистического применения науки в индустриальном производстве не было и таких развитых количественных индикаторов измерения научного труда, как различного рода индексы цитирования учёного или рейтинги университетов, основных производителей знания в современном «когнитивном капитализме». Но эти количественные индикаторы являются лишь превращенными и виртуализированными формами всё того же времени, затрачиваемого конкретным индивидом, будь он простым рабочим на китайском предприятии, российским чиновником, эффективным менеджером в транснациональной компании или профессором университета.

Это индикаторы, которые служат генераторами всё той же иррациональной денежной формы стоимости, которая позволяет продать и купить рукопись, картину, патент, навыки управленца или лекторский талант, даже если при этом используются «электронные» деньги банковской карточки, а не поблекший зеленый доллар или яркий юань.

Это индикаторы времени эксплуатации человеческого труда, затрачиваемого на производство промышленных товаров, научных инноваций или на образование и повышение квалификации. Это не отменяет капиталистической природы любого труда в современном мире «постиндустриализма». И в этом Маркс был прав.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
3. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М., 2012.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
5. Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж, 2005.
6. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. Воронеж: ЦИРЭ, 2012.
7. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 1. 1969-1982. СПб., 2007.
8. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. Т. 2. 1983-1996. СПб., 2009.

²¹ Там же. С. 53.

9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960.
10. Римашевская Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения // Российский экономический журнал. 2004. № 9-10. С. 22-40.
11. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2001.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.
14. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учеб. году. С-Пб., 2010.
15. Becker G. Investment in human capital: a theoretical analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70 (5), 2^e partie. P. 9-49.
16. Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
17. Schultz T.W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68.
18. Shultz T. Investment in Human Capital. N.Y., London, 1971.

CONCEPTS "HUMAN CAPITAL", "KNOWLEDGE SOCIETY" AND "INTELLECTUAL PROPERTY": WAS K. MARX RIGHT?

E.A. BONDARENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

The paper discusses the philosophical-anthropological and philosophical-cultural critique of modern neoliberalist and anarcho-individualist concepts "human capital" and "knowledge society" in terms of actualisation of classical Marx's ideas. The author claims that quantitative temporal indicators of the human labour in "cognitive capitalism" exist in transformed shapes of the measurement of the intellectual activity (intellectual property, market indexes, citation indexes, image ratings).

Key words: labour power, human capital, human labour, knowledge society, intellectual property, rating.

УДК 130.2

НАСИЛИЕ И ТЕХНИКА. ОТ ОРГАНОПРОЕКЦИИ К НАСИЛИЮ ВЗГЛЯДА**С.Н. БОРИСОВ
В.Ю. МИШЕНИН***Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема соотношения насилия и техники. Техника рассматривается как инструмент насилия и как отчужденный результат деятельности человека, который носит угрожающий характер. В последнем аспекте насилия техники раскрывается как насилие взгляда, а значит символическое насилие. Этот аспект раскрывается через обращение к идеям С. Жижека, Дж. Агамбена, Д. Кампера.

Ключевые слова: насилие, техника, человек, культура, символ, миф.

Историю взаимоотношений человека и техники в разрезе проблемы насилия можно зафиксировать двояким образом, поскольку уже у Платона мы можем найти на нее намек, а в полном смысле этого слова концептуализацию связи указанных трех (человека – насилия – техники) в алармистских настроениях первых теоретиков философии техники в XIX веке. В самом общем виде результат концептуализации человека и техники может быть сведен к нескольким вариантам. Техника как восполнение неполноты человека, компенсация его несовершенства, и техника как продолжение его органов, столь же естественное, сколь и необходимое. Но также понимание техники как чужого, искажающего природу человека, некое угрожающее «неживое». Причем одни трактовки, подчас вытекают из других, соотносясь как причина, и следствие, поскольку необходимость «дотройки» человека обуславливает поиск способов, то есть техники, а ее необходимость распознается, в том числе как насилие.

Момент насилия здесь очевидным образом исходит из 1) самой природы человека, как в случае с мифом о кольце у Платона, поскольку техника дает преимущество, инструмент для реализации «дурной» природы человека; и 2) из процесса объективации и отчуждения, самостоятельности техники, которая настолько совершенствуется и становится автономной, что начинает угрожать создателю. Насилие здесь созвучно метафорам потери контроля над созданным, которое превышает самого создателя, что не раз было обыграно в кинематографе.

Однако вне споров о противостоянии природы и культуры, культуры и цивилизации¹, жизни и техники возможна постановка вопроса о природе человека, раскрывающейся в феномене технике, технике, которая «говорит» о человеке нечто такое, что сам человек скрывает или избегает. О том, что это нечто имеет отношение к насилию, сообщает уже приводимая нами «история с кольцом», рассказанная Платоном в Политике. Техника не только дает преимущество или является средством, но раскрывает сущность человека. Уже в этом смысле она действительно не является «просто» средством, а уже несет некую «печать» насилия².

Как показывает Л. Мамфорд, генетически возникновение человека и возникновение техники неразрывны, поскольку сублимация психической энергии вела к возникновению культуры через разнообразные «биотехники», из которых собственно изготовление технических приспособлений было лишь частью обширного комплекса: «Культурная «работа» с необходимостью получала приоритет по отношению к ручной. Для новых видов деятельности требовалось гораздо больше, чем просто дисциплина рук, мускулов и глаз, необходимая при изготовлении орудий труда и пользовании ими, хотя такая деятельность также оказывала человеку неоценимую помощь; кроме того, новые типы рабо-

¹ См. концепции О. Шпенглера и А. Тойнби.

² О технике как потенциальной угрозе, не нейтральности техники как средства пишет Гаянэ Тавризян. См.: Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.

ты требовали контроля над всеми естественными функциями человека, в том числе, над органами выделения, бурными эмоциями, беспорядочной половой жизнью, кошмарными или сладострастными сновидениями... По сути дела, изготовление инструментов представляет собой лишь малую часть биотехники, способствующей полному оснащению человека для жизни»³. Человек через присвоение энергии, создание принципиально новых механизмов, которые Мамфорд определяет как «биотехники», создает себя. Этот сложный процесс затрагивал не только символизацию реальности, изобретение таких техник или практик символизации, но и собственно техники. В настоящее время техника воспринимается отдельно от культуры, в том числе и в разнообразных категориях, таких как вещь и символ, живое и неживое, материальное и идеальное, парадигмы технического и гуманитарного, собственно даже как полярные пространства технического и символического, хотя еще в античности такого деления не было⁴. В этом смысле техника встает в один ряд наряду с другими феноменами «жизненного мира» человека и неотделима от культуры. И точно также как энергия агрессивности кодируется в насилие, через процедуры символизации возникает в культуре, являясь ее неотъемлемой частью (в этом смысле насилие является культурным насильем), насилие воплощается в техне (τέχνη), собственно технике войны, оружии, но также в воинских искусствах, которые необходимо рассматривать в совокупности как «машины войны».

Делез и Гваттари в «Анти-Эдипе», как мы показали, достаточно рассмотрели этот аспект. Но также следует отметить, что существует еще один важный аспект восприятия техники, касающийся проблемы человека и насилия уже не столь очевидным образом. Сфера так называемых «технических медиа», информационных технологий, масс-медиа, компьютеров и интернета скорее периферийна для традиционных размышлений о технической угрозе и насилию. Вместе с тем, мы постараемся показать, что медиа-технологии/техника даже более метафизичным образом касаются проблемы насилия.

Прежде всего, отметим тот факт, что задача определения медиа как техники будет совпадать с задачей определения ее отличия или специфики. Медиа-техника может определять как вся совокупность технических устройств для передачи информации. Именно в передаче информации состоит ее основная функция и этим она отличается от всей остальной техники. Собственно само название, медиа раскрывает этот смысл, говоря о передаче или посредничестве. Маршал Маклюэн в своих работах⁵ акцентировал именно эту сторону, говоря о посредничестве как подавляющей характеристике медиа, что в своей «сильной» форме отражено в его известном выражении «медиум есть сообщение». «Сильным» здесь представляется некая абсолютизация функциональности медиа, сведенной к передаче сообщения. Это представляется некоей единственно возможной поверхностью медиа-техники и лишением ее содержательного плана, самого содержания сообщения, значение которого в расчет не берется. Кроме того, Ф. Киттлер⁶ фиксирует еще один возможный вывод из формулы Маклюэна, говоря о соотносительности медиа с другими медиа, как содержанием друг друга и, отметим, тем самым исключая человека, ведь именно последний связан с необходимостью смысла.

Если принять это положение, дополнив его тезисом о том, что развитие техники происходит вне собственно необходимых и естественных потребностей человека, которые давно были удовлетворены на ранних ступенях развития техники, а усложняясь в соотношении с самой собой, то элиминация человека как значимого элемента системы выглядит вполне логичной. Роль человека как создателя или генератора информации здесь не отрицается, но само внимание на внешнем для человека характере техники является концептуально продуктивным. Ф. Киттлер пишет об этом следующим образом: «... если мы проанализируем развитие частичной системы медиа во всей исторической широте..., то будет напрашиваться подозрение как раз о противоположном: о том, что технические инновации – например, согласно модели военно-стратегической эскалации – соотносятся лишь друг с другом и реагируют одна на другую, так что именно из этого собственного

³ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001. – С. 14-15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004. – С. 341-348.

⁶ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009. – С. 25.

развития, протекающего совершенно независимо от индивидуальных или коллективных человеческих тел, впоследствии возникает подавляющее воздействие на органы чувств и органы как таковые»⁷. Тем самым человек не является субъектом техники, но соотносится с ней как испытывающий воздействие на свои органы чувств. Медиа, к которым мы относим традиционные телевидение, радио, а в настоящее время интернет во всем многообразии его возможностей, с этим следует согласиться, действительно носит характер воздействия на органы чувств.

В более общем виде Киттлер говорит о исторически существующем отношении между медиа и телом, причем совершенно необходимым человеку уже не с позиции орга-нопроекции, как продолжение его тела, а как модели самопонимания. Причем самопонимание осуществляется посредством «подмены», «подтасовки самопонимания», поскольку медиа воспроизводят мир искаженно. В этом положении Киттлера открываются две перспективы, собственно антропологическая, состоящая в вопросе о необходимости для человека техники как модели человека через «ниспровержение чувств»; а также та, которую можно назвать скорее онтологической, поскольку она связана с мнимым, симулятивным характером «продуктов» или результатов работы медиа.

Собственно Киттлер останавливается на первой, привлекая для ее объяснения понятия аппарат структурного психоанализа Ж. Лакана. Прежде всего, он говорит о стадии зеркала, которая является неотъемлемым этапом формирования человека, его сознания. Напомним, что стадия зеркала у Лакана связана с тем этапом формирования психики ребенка, когда собственная целостность буквально конструируется им с помощью распознавания своего отражения. Самоопределение, самоидентификация в качестве самости на этом этапе происходит в регистре воображаемого, то есть видимости. Именно видимость, изображение есть «мостик» который перебрасывает Киттлер от медиа к человеку. Собственно это и есть воздействие на органы чувств. Причем лакановская трактовка образа в стадии зеркала имеет значение ложного образа целостности, которой еще нет, тем самым это искажение, которым является также искажение, даваемое медиа. Так образы, рождаемые кино, наиболее полно подходят для иллюстрации этой идеи в том смысле, что зритель не сталкивается с реальностью в виде самого актера как человека, а видит именно образ.

Другой регистр – символическое, связан с построением более фундаментального опыта человека, вовлеченного в символический порядок реальности в дальнейших многообразных процессах вхождения в культуру в ее широком смысле. Медиа, прежде всего в своей ипостаси кинематографа, предстает перед нами средством трансляции, передачи этого символического порядка. Но также дает возможность его изменения, воздействия на человека. Наиболее очевидно, что это может быть изменение содержания символического, что есть манипуляция. Но также то, что В. Беньямин раскрывал через понятие ауры объекта. Техническая воспроизводимость объектов в современном искусстве, то есть медиа, «выводят редуцируемый предмет из сферы традиции», то есть сложившегося порядка символического, а также «приближают репродукцию к воспринимающему ее человеку»⁸. В этих двух аспектах взгляд человека принципиально отличается от взгляда кинокамеры, как показывает Беньямин именно в отношении к традиции. Медиа деструктивны, сущностно насильственны в своем воспроизведении, то есть функционировании, построении образа реальности. Эти же трансформации открывают возможность манипуляции, о которых мы говорили выше, как пишет об этом Беньямин, в искусство (добавим и технику как ее материальный носитель и инструмент) вторгается политика: «... в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведения искусства, преобразуется вся социальная функция искусства. Место ритуального ос-

⁷ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009. С. 24.

⁸ Мы закавычили несколько измененные формулировки Беньямина поскольку они изменены только в окончаниях. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 196.

нования занимает другая практическая деятельность: политическая»⁹. Примером может служить развитие кинематографа в советской России 20-30-х гг. XX века¹⁰.

Возвращаясь к идеям Киттлера и регистрам лакановской концепции психики, остается еще один уровень, а именно реальное. Статус реального в соотношении с медиа мы не беремся пересказывать и потому позволим себе процитировать Киттлера в этом значимом моменте: «Как *le réel* определяется то и только то, у чего нет ни гештальта, как у воображаемого, ни синтаксиса, как у символического. Иными словами, реальное выпадает из комбинаторных порядков, так и из процессов оптического восприятия, но как раз поэтому... поэтому-то его и могут запоминать и обрабатывать лишь технические медиа»¹¹. Прежде всего, отметим, что к этому тезису Киттлера стоит отнести более чем осторожно. Поскольку сначала необходимо уточнить понятие реального у Ж. Лакана, а потом сделать вывод о возможности его «запоминания» и «обработки» медиа-техникой. Поскольку опыт реального определяется Лаканом как травматичный, то реальное, которое фиксируется кинематографом также должно носить такой характер. По этому поводу уместно снова привести слова Бенямина о том, что кинематограф открыл область визуального-бессознательного, которое открывается человеку, который сам себя не знает в силу ограниченности естественного восприятия, ограниченности своих органов чувств. Кинематограф своими сугубо техническими приемами раскрывает эту сферу, делая ее видимой: «... природа, открывающаяся камере – другая, чем та, что открывается глазу. Другая прежде всего потому, что место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает бессознательно освоенное пространство. И если вполне обычно, что в нашем сознании, пусть в самых грубых чертах, есть представление о человеческой походке, то сознанию определенно ничего не известно о позе, занимаемой людьми в какую-либо долю секунды его шага... Сюда-то и вторгается камера со своими вспомогательными средствами...»¹².

И такое открытие шокирующе действует на человека, это определенная демистификация человека, как раскрытие его тайны, показ его «обнаженным», освобожденным от «одежд» не только воображаемого, собственно естественного зрения, но и в определенной мере символического, внешнего как оно есть. Именно таким человек предстает через объектив уже не игрового кино, а на мониторах камер наблюдения, ставших неотъемлемым атрибутом повседневности, рентгеновском аппарате, отсылающем к фукианскому знанию-власти, или сканирующей аппаратуре таможенных служб. В терминах Дж. Агамбена это столкновение с *homo sacer*, локализованном в пространстве лагеря¹³.

Но также в практически диалектическом единстве противоположностей «Реальное» техники, травматический опыт столкновения с «голой жизнью» в пространстве медиа сопрягается с символизацией в ее гипертрофированной форме симулятивной реальности. Понимание последней было бы неполным без осознания этой связи, равно как и природы насилия. Славой Жижек раскрывает эту связь, говоря о сложном соотношении фантазии и Реального: «... соотношение между фантазией и ужасом Реального намного более двусмысленное, чем это может показаться: фантазия призвана скрыть ужас, в то же время она и создает то, что предназначено спрятать, именно ту базисную точку, которую пытаются подавить в сознании»¹⁴. Фантазия есть то, что маскирует объект, но одновременно раскрывает его в символической ткани повествования. Потому рост техники неразрывно связан с ростом символической реальности, что отражает, пусть и наиболее

⁹ Мы завычили несколько измененные формулировки Бенямина поскольку они изменены только в окончаниях. Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 201-202.

¹⁰ См. высказывания о кинематографе Дзиги Вертова и С. Эйзенштейна. Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.12.2012), Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTAJN/s_bronenossec.txt (дата обращения: 22.12.2012).

¹¹ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999г. – М., 2009. – С. 36.

¹² Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 222.

¹³ См.: Агамбен Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.

¹⁴ Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012. – С. 39.

наглядно, общий процесс структурной экономии желания, которое инвестируется в объекты как объекты желания при посредничестве символического универсума¹⁵.

Снова речь о возвращении или об архаике и мифе как фантазийном элементе реальности, которая нас никогда не покидала и даже более того, она сохраняется и продолжает «жить» в технике. Миф всегда рядом как бессознательное, простая и наиболее эффективная форма человеческого бытия. В этом смысле идея об архаизации современности действительно имеет под собой основание, в том числе благодаря развитию техники. Важно то, что миф и насилие связаны в аспекте простоты кода или непосредственной данности знака¹⁶. Именно миф устанавливает знак через насилие. От простого знака к букве разворачивается означивание или символизация реальности, собственно человеческого универсума.

Почти о том же пишет Д. Кампер: «Если понимать жизненную и историкородовую доминанту знака как выражение перворанения, то понятна точность, с которой человечество, пересекая языковые и культурные границы, повторяло и повторяет через тысячелетия свои абстракции... Стоит задуматься о сетке, которая структурирует ткань, о крестах, которые одновременно образуют систему координат и знаки страдания, о кругах, которые позволяют отделять родину от чужбины, о контурах звериных и человеческих фигур, которые почти неподвластны влияниям»¹⁷. Вся дикость и непонятность в смысле недостаточности сигнификации в архаике восходит к элементарности пустого знака насилия. Это и есть в некотором смысле «перворана» (термин Д. Кампера) во всей ее нестижимости вне мифа, за пределами которого разворачивается нарратив как собственно история, а значит память, повествование о легитимном и нелегитимном, структурном и символическом. Но при этом насилие не только с необходимостью «связывает», что можно понимать довольно широко, в том числе и как возникающая связка символического и системного насилия или установление связей между мифическим первонасилием как бессознательным легитимной власти нуждающейся в своем антиподе. Всегда сохраняется возможность отклонения, некий неустранимый клинамен как случайность, роковая ошибка. Мы же позволим предположить, что насилие не только связывает или осуществляет захват реальности, но действует также противоположным образом.

На уровне теоретического насилия указанный аспект проявляется как недостаточность, недоопределенность насилия в общем. Как неустраняемая Нехватка символического универсума, покрывающего нечто Реальное в категориях Ж. Лакана или неполнота и сбой структурного присвоения насилия у С. Жижека.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.
3. Борисов С.Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука Искусство Культура. Выпуск 1., 2012. – С.139-144.
4. Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.12.2012).
5. Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012.
6. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей. – СПб., 2010.
7. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009.
8. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004.
9. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001.
10. Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTEN/s_bronenossec.txt (дата обращения: 22.12.2012).
11. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Борисов С.Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука Искусство Культура. Выпуск 1., 2012. – С.139-144.

¹⁷ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей. – СПб., 2010. – С. 31-32.

VIOLENCE AND TECHNICS. FROM ORGANOPROJECTION TO SIGHT VIOLENCE

S.N. BORISOV
V.Y. MISHENIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The paper regards the issue of inter-relation between violence and techics. The techics is observed as both a tool of violence and de-humanized result of the human activity with the menacing character. The latter dimension leads to the interpretation of the sight as violence, and even a symbolic violence. This aspect is discussed in terms of the ideas of S. Zizek, G. Agamben, D. Kamper.

Keywords: violence, techics, human being, culture, symbol, myth.

УДК 17.031

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К.Д. КАВЕЛИНА

А.И. ВЯЛОВ

*Тулский
государственный
педагогический
Университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
mechtatel1988@yandex.ru*

В центре внимания данной статьи находятся нравственные воззрения одного из классиков русского либерализма К.Д. Кавелина. В современных условиях проведения в жизнь либеральной идеологии такая постановка проблемы представляется вполне актуальной. Статья посвящена системе этических категорий К.Д. Кавелина, положению этики относительно религии, права и искусства, проблеме достижения этических идеалов.

Ключевые слова: этика, нравственные идеалы, любовь, счастье, свободная воля.

Данная статья имеет целью реконструкцию системы этических взглядов К.Д. Кавелина. В основе лежит выделение и соотнесение этических категорий, а также определение ее особенностей, характеризующих учение философа с точки зрения самобытности.

В статье проведен анализ таких основополагающих его работ как «Идеалы и принципы» и «Задачи этики». Последняя из них явилась плодом всей его жизни и значение которой сам К.Д. Кавелин описал так: «...С моей совести гора свалилась. Теперь я все сделал, что мог сделать хорошего, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унес с собою недосказанную мысль»¹.

К.Д. Кавелин внес значительный вклад в развитие этики как науки, которая в России вплоть до последней четверти XIX века как наука серьезно не разрабатывалась. Начало ей было положено основами учения К.Д. Кавелина о нравственности, о чем пишет В.Н. Назаров в «Истории русской этики»².

Этическое учение К.Д. Кавелина представляет собой систему понятий, разъясняющих суть и задачи этики как науки, разграничивающих ее с другими областями научной и общественной жизни. Неотъемлемым элементом такой системы, по мнению К.Д. Кавелина, является опора на психологию, связанную с существованием душевного мира человека. Философ основой этики считает поступок. Для наиболее полной реконструкции его этических взглядов воспользуемся подобным делением как базой, на фундаменте которой будет построено наше исследование.

В основе поступка – приоритет субъективных ценностей над объективными. Первые основаны на внутренней, психической деятельности человека, вторые же связаны с внешней средой, что обуславливает ее влияние на сознание человека. Следовательно, по мнению К.Д. Кавелина, объективные ценности не могут быть основанием нравственности.

Нравственность, по мнению К.Д. Кавелина, присуща лишь человеку как субъекту психической, душевной жизни, следовательно, противоположна ценностям и поступкам, регламентируемым правом. Отсюда – разграничение сфер этики и права. Право, социальные науки, согласно К.Д. Кавелину, «имеют с этикой разные предметы, но стремятся ... к одной с ней цели <...> Предмет этики – внутренние, душевные движения и деятельность людей, а предмет права и социальных учений – внешние отношения людей в составе организованного сожительства»³. Именно потому, что право в большей степени регламентировано социумом, государством, а не внутренней субъективной мотивацией, оно отлично от морали, хотя именно это обстоятельство рождает в общественном сознании смешение понятий морали и права.

¹Цит. по: Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т. I. СПб., 1897. – С. XXX.

² Назаров В.Н. История русской этики. – М.: «Гардарика», 2006. – С. 102.

³ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 998.

Предположим, приводит пример философ, построили железную дорогу с «вопиющими неправдами»⁴. Однако по этой дороге ездят тысячи людей, перевозятся грузы, растёт экономическое благосостояние региона, в котором она построена – и это конечно большой плюс: «Эта польза останется, а неправды, когда вымрут их свидетели и пострадавшие от них – забудутся»⁵. Здесь на первый план ставится объективная полезность конечного результата, оставляя в тени безнравственность отдельных действий в процессе достижения этого результата. Таким образом, налицо одна из множества ситуаций, когда нравственные принципы невозможно полностью применить к жизни общественной.

Нравственность смешивают с правом и по другой причине. Заключается она в ошибочном суждении о праве как том, что регулируется исключительно законодательством и наказаниям за его неисполнение. Однако по мысли К.Д. Кавелина, это мешает видовое понятие с родовым⁶. Он объясняет такую позицию следующим образом: «Все, что определяет внешние отношения людей и устанавливает правила и способы таких отношений, должно быть отнесено к сфере права, хотя бы соблюдение их и не было обеспечено правильно организованным судом и определёнными наказаниями. В этом смысле, к области права должны быть отнесены и так называемые общественные нравы и светские приличия и правила, принятые без предварительного соглашения, в разных кружках, хотя бы относились лишь к приятельской беседе, игре или вообще к приятному препровождению времени», поскольку такие правила имеют порой большую власть над людьми и наказания бывают более чувствительными, чем те, что определены судом⁷.

Необходимо отметить и ещё одно обстоятельство, на которое К.Д. Кавелин обращает внимание, а именно – на то, что мнение об отождествлении предметов и задач этики и права как рассматривающих одно и то же с разных сторон (право – с внешней, этика – с внутренней) неверно. Главная задача этики – «указать индивидуальному лицу нормальный путь духовного развития и совершенствования», задачи права и социальных наук – «устроить правильное общежитие, определить и создать условия, которые ему благоприятствуют»⁸. Таким образом, право соприкасается с этикой лишь настолько, насколько это служит делу построения и нормального функционирования общества, этика же – в той мере, в какой это способствует развитию внутренней, душевной жизни.

Следовательно, соотношение морали и права, по К.Д. Кавелину может быть рассмотрено так: когда нравственные идеалы и начала права и социальных наук «правильно поставлены», они дополняют друг друга⁹. С одной стороны, высоконравственный человек является «наилучшим членом организованного общежития», поскольку исполняет обязанности по внутреннему убеждению. С другой – право с помощью системы наказаний ограждает слабых духом людей от хотя бы внешних проявлений безнравственности.

Проблема соотношения нравственности и искусства занимает значительное место в учении К.Д. Кавелина. Философ подметил, что, в его время, несмотря на большой интерес к произведениям искусства, они являются предметом критики, а не художественного наслаждения, что связано с рациональным восприятием искусства. Причина в том «одностороннем, исключительном развитии объективного мирозерцания, в преувеличенном, чрезмерном доверии к объективной точке зрения»¹⁰.

В связи с этим философ рассматривает искусство как феномен, включающий в себя в качестве необходимых элементов художественное ощущение, сознательное созерцание, чувство красоты, художественное произведение, определяя их объективный или субъективный характер и взаимное соотношение.

Художественное ощущение он объясняет как результат «сознательного и созерцательного отношения к предметам и тех чувств, какие возбуждают в душе такое отношение»¹¹. Сознательное созерцание основывается, по К.Д. Кавелину, на сознании как спо-

⁴ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. –С. 963.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 999.

⁷ Там же. С.1000.

⁸ Там же. С.1001.

⁹ Там же. С.1002.

¹⁰ Там же. С.1005.

¹¹ Там же.

способности человека понимать, осознавать свое знание о чем-либо, и возможности человека созерцать. Идеальный характер искусства определяется, согласно К.Д. Кавелину, «сознательного восприятия впечатления»¹².

Чувство красоты характеризуется им как «идеальное чувство, вызванное сознательным созерцанием, и не перешедшее в желания или другие ощущения»¹³.

Художественное творчество – явление чрезвычайно сложное. Оно сочетает в себе и объективные и субъективные факторы. Внутренним источником его, отправной точкой является чувство красоты, но в остальном художник зависит от объективных факторов и гениальным и великим произведение признается тогда, когда в нем художник воспроизвел «с возможным совершенством и полнотой ощущения, разделяемые, при созерцании его произведения, огромным большинством людей разных эпох, народностей и воззрений»¹⁴. Художественные произведения выражают во внешних фактах душевное настроение самого художника. Из всех видов объективной деятельности искусство, по К.Д. Кавелину, носит наиболее идеальный характер и менее всего содержит значение пользы практического смысла.

Камень преткновения этики и искусства видится К.Д. Кавелину в перенесении центра тяжести из человека, его внутренней жизни в объективный мир, явления которого сами по себе без их взаимосвязи с человеком, его целями, задачами не могут быть плохими или хорошими – они, такие как есть, нейтральны. Таким образом, в объективном мире, в отрыве от человека с его интересами, нет ни субъективных, ни объективных идеалов, а значит, по мысли философа, нет и условий для нравственности и искусства. Исходя из этого, К.Д. Кавелин делает вывод, что те общества, где человек начинает искать опоры вне себя, постепенно вымирают. Соответственно, можно сделать вывод о тесной связи нравственности и искусства.

Вопрос соотношения этики и религии, к которому философ подошел со всей тщательностью и серьезностью, является одним из центральных в его учении.

Цель религии и нравственности, согласно воззрениям К.Д. Кавелина, едина и состоит в нравственном развитии и совершенствовании каждого человека. Однако они имеют различия. Религия основывается на том, что человеческий разум ограничен и истина доступна ему лишь в той мере, в какой она дана свыше, и нравственное учение – это лишь только «систематическое изложение того, чему учит откровение, священные предания и их святые истолкователи о нравственной жизни и нравственном совершенствовании человека»¹⁵. Наука же, и этика в частности, стоит на том, что «самостоятельному исследованию человека доступны все тайны мира и бытия», и, следовательно, «учение о нравственности, как предмет знания, может быть построено собственными, свободными усилиями человека»¹⁶.

И все же, несмотря на такие разные подходы, цель, как уже было сказано, у них одна, и причины разногласий лежат в иной области. Как поясняет К.Д. Кавелин, нельзя действовать на всех одними и теми же доводами, поскольку кому-то ближе постулаты религии, другим же – аргументы науки.

Взаимное отчуждение научного знания и вероучения, первоначально вполне нормально уживавшихся в сознании людей, было связано с развитием индивидуализма в ходе становления капиталистического общества с его ценностями личности и приоритета частной собственности. Он же, в свою очередь связан с расширением знаний о мире, вошедших в противоречие с религиозными представлениями. Так началось смешение, подмена понятий объективной, внешней стороны жизни, которая изучалась наукой, и внутренней, душевной, где властвовала религия.

Согласовать между собой эти две сферы интересов, одинаково важных для человека, попыталась логика. По мысли К.Д. Кавелина, вопреки представлениям об одинаковости логики относительно любых вопросов, «в применении к разным предметам и зада-

¹² Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 1005.

¹³ Там же. С.1006.

¹⁴ Там же. С. 1007-1008.

¹⁵ Там же. С. 991.

¹⁶ Там же.

чам она так же неодинакова, как неодинаковы думающие люди и обсуждаемые явления»¹⁷. Эта мысль находит прямое продолжение в объяснении места религиозности и науки в сознании человека. «Первое, – пишет философ, – вытекая из потребностей душевной жизни, кладет их в основание своих построений, оставляя в стороне и в тени доводы, недоумения и сомнения объективного характера и свойства; наоборот, наука, точное знание, опуская из виду личную, индивидуальную жизнь и сосредоточив все внимание исключительно на взаимных отношениях явлений, по своим задачам и целям безлична»¹⁸. Из этого следует вывод, что отрицать то или другое мировоззрение в недостатке логики неверно. И все их различие заключено в предпосылках и задачах, которые с помощью мышления согласовать невозможно.

Внутренний, субъективный мир и объективная действительность подчиняются разным законам, и пытаться перенести нормы одного в другое и наоборот – не более чем попытка совместить несовместимое. «Переноса нравственные стремления и требования из внутренней психической жизни в мир объективных явлений, и наоборот, подводя первые под условия и мерило последних, мы спутываем понятия, перемешиваем то, что не имеет между собой ничего общего, и вместо гармонии водворяем нескончаемую вражду и хаос»¹⁹. Следовательно, необходимо разграничивать область психической жизни и внешние поступки, только тогда можно будет говорить о гармонии.

Этика и религия имеют общий предмет – «душевную жизнь людей и нравственные идеалы», однако существует и разница в путях достижения цели²⁰, которая связана со свободной волей, являющейся тем двигателем, что позволяет человеку в полной мере реализовать свои возможности как сознательного существа.

Центральной проблемой в толковании свободы воли у К.Д. Кавелина является ее отношение к необходимости. Характерным подходом к обоснованию этой проблемы является использование философом данных психологической науки, которую он считает неотторжимой от этики (в отличие, например, от В.В. Зеньковского, отметившего, что Кавелин «наивен в своей несколько патетической вере в психологию» и «не избег опасности «психологизма»²¹). Соответственно, первый вопрос, который К.Д. Кавелин попытался решить, заключался в том, существует ли свободная воля в принципе.

Он считает несомненное существование свободной воли как таковой. Но существование свободной воли вступает в противоречие с необходимостью, без которой ничего на земле не происходит. Подобная дилемма рождена не иначе как ошибкой в ходе постановки и решения вопроса. Заключена же ошибка в неправильном толковании необходимости и свободы воли, установившемся по «правилам устарелой отвлечённой логики, не умевшей обращаться с живыми явлениями»²². Исходить, по его мнению, следует из того, что безусловная необходимость, как и безусловная самопроизвольность в действительной жизни не существуют. Они всегда условны и относительны, а изменяют свой характер только в отвлеченном мышлении. Все события в природе и общественной жизни происходят «с роковой неизбежностью» строго при наличии определенных условий. Таким образом, Кавелин делает вывод о том, что условия определяют необходимость, а не наоборот. Так и волевые действия человека возможны только в определенных условиях.

Важной составной частью суждений К.Д. Кавелина о свободной воле является выделение четырех ее характерных особенностей:

- мотивация как необходимое условие действия свободной воли;
- оперирование и взаимодействие с реальными фактами и явлениями;
- творческая деятельность свободной воли лишь в смысле преобразования имеющихся данных, но не создания их из ничего;
- невозможность свободной воли изменить общие условия и законы существования.

¹⁷ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 993-994.

¹⁸ Там же. С. 994.

¹⁹ Там же. С. 997.

²⁰ Там же. С. 998.

²¹ Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 336.

²² Кавелин К.Д. Задачи этики ... С. 920.

Действительно, с такими доводами трудно не согласиться. Предположим, что первый довод неверен, но раз волевые действия подразумевают сознательную основу, а сознательная деятельность предполагает некую умственную работу в виде анализа предпосылок, приведших к данной ситуации, и последствий, к каким приведет то или иное решение, а также анализ нравственной составляющей поступка и, к тому же, мы имеем возможность выбора, то тут, безусловно, нужно самостоятельно принимать решения и требуется усилие воли. Необходимость же заключается в том, что действительность не предоставляет нам выбора, следовательно, мы совершаем деяние в независимости от желаний, стремлений, и, соответственно, от мотивов. Отсюда делается вывод, что данная характеристика присуща исключительно свободной воле.

Далее следует еще одно важное замечание К.Д. Кавелина, согласно которому понятия свободной воли и необходимости нельзя «ставить на одну доску» и противопоставлять, поскольку они несоизмеримы – и в этом еще одна ошибка «отвлеченной логики». Уходя от последней, он пытается изучить свободную волю как «живое, действительное явление», в тех условиях, в каких оно проявляется на самом деле. С этой целью он вводит, как направляющее, понятие акта свободной воли, под которым он подразумевает «результат, последствие определенного рода деятельности, имеющей свои особые, характерные признаки, на основании которых мы и отличаем ее ото всех других родов деятельности названием – свободной»²³. Далее, в ходе рассуждения, К.Д. Кавелин говорит о том, что воля отнюдь не является особой силой или фактором, а есть лишь «особого рода отправление» или некая функция одного и того же человека, выделяемая из остальных и обозначаемая особым названием, чтобы понять, что мы имеем в виду, о чем говорим. Другим своим замечанием он указывает на то, что свободная деятельность непосредственно, тесно связана с сознанием. Противники этой идеи, развивая свои мысли, имели в качестве итогового вывода то, что сознание вовсе не играет в человеческой жизни никакой роли, что оно как зеркало отражает в себе то, что совершается произвольно и вследствие одних только внешних влияний. К.Д. Кавелин опровергает такие возражения, аргументируя свои взгляды с помощью психологической науки. В результате он выводит несколько характерных черт, присущих человеческому сознанию, из которых делает вывод о том, что «на высшей ступени психическая жизнь достигает высшей ступени сосредоточенности и относительной независимости от окружающей среды» и что «эта-то относительная самостоятельность психических движений, ее относительная независимость, по крайней мере, отсутствие ее непосредственной зависимости от внешних возбуждений, и рождает мысль о свободной воле»²⁴.

Главная причина путаницы по поводу свободы воли заключается, согласно К.Д. Кавелину, в недостаточном различении ступеней психической деятельности, которые в действительности смешиваются и переплетаются. Подчеркивая значение мотивов, как неизбежных составляющих свободной воли, он исследует их источники в человеческом сознании и призывает не путать с ними впечатления, поскольку как раз впечатления, какие-то «внешние толчки» перерабатываются в нашем сознании и преобразуются в мотивы, т.е. мотив – это конечный продукт переработки внешних воздействий, к тому же связанный множеством невидимых нитей с индивидуальными психическими особенностями человека. Естественно, что мотивы сталкиваются и те из них, что сильнее, формируют цели, которые и реализуются в определенных действиях или поступках. А потому, чтобы не допустить нежелательных последствий, нужно одни мотивы усилить, другие – ослабить.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что судить о свободной воле как безусловном принципе – в корне неверно. Исходя из этого, К.Д. Кавелин дает свое определение свободной воли как «вызываемой и направляемой внутренними побуждениями, мотивами, в противоположность деятельности чисто рефлективной, а так же деятельности, вызываемой непосредственно внешними побуждениями или впечатлениями»²⁵.

²³ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 922.

²⁴ Там же. С. 924.

²⁵ Там же.

Свободная воля, как мы уже говорили, способствует достижению, либо же, хотя бы приближению к этическим идеалам (поскольку в силу идеального характера они недостижимы). Понятие свободы воли невозможно без исследования ценностной природы этических идеалов, которые К.Д. Кавелин разделил на объективные и субъективные.

Под идеалом он понимает «то представление или понятие, которое связывает разрозненные мотивы в одно целое и дает им общее направление»²⁶. Идеалы он подразделяет на личные, индивидуальные и более общие, отвечающие интересам определенной группы людей – от семьи до государства, человечества²⁷. Отдельно К.Д. Кавелин рассматривает идеалы объективные и субъективные, исходя из предмета, на который направлена деятельность. По его мнению, они значительно отличаются друг от друга, но на это мало кто обращает внимания, из-за чего происходит путаница понятий.

«Конечный результат у субъективной и объективной деятельности один и тот же – произвести нужное, полезное или желательное человеку действие; но способы и средства, которыми этот результат достигается, различны. Объективная деятельность косвенными путями действует на мотивы, изменяет их, изменяя условия, которые их рождают, усиливают, ослабляют или уничтожают; субъективная действует на них прямо, приступает к ним как бы лицом к лицу»²⁸. Другими словами, объективная деятельность использует знание, ум, чтобы воздействовать каким-либо образом на возникшее явление, в то время как субъективная с помощью силы воли меняет человека изнутри, приспособляясь к ситуации.

«Объективная истина, объективная правда, объективное благо – вот к чему человек стремился без оглядки в течение последних веков: уяснить, выработать и воплотить в объективное в действительности... В основании всей современной европейской жизни, в общем и малейших подробностях, лежит, как предпосылка, непоколебимое, глубокое убеждение, что объективные цели и их осуществление в действительности суть единственно верное средство доставить человеку возможное благополучие», – пишет К.Д. Кавелин в «Задачах этики»²⁹. Такое утверждение, по его мнению, верно, но одностороннее, неполно, поскольку «объективность не дает человеку безусловно твердой и прочной точки опоры, потому что источник, корни ее лежат не вне человека, а нем самом, в его природе как живого, единичного, индивидуального организма»³⁰. К этому же выводу он приходит и в другой своей работе «Идеалы и принципы», где говорит о том, что идеалов не следует искать там, где «человек приходит в соприкосновение с окружающим миром, другими словами – в сфере его внешней деятельности, на что бы она ни была обращена»³¹. По мнению К.Д. Кавелина, идеал нужно искать в психическом строе человека. В данном случае имеется в виду именно субъективный идеал.

Субъективная деятельность так же должна опираться на определенные нормы, образцы, которые ее направляют, усиливают, ослабляют. Такими нормами, по мысли К.Д. Кавелина, служат субъективные идеалы. «Деятельным сознанием» этих идеалов, является совесть³². Субъективную деятельность он называет нравственной деятельностью, а субъективные идеалы – нравственными³³. Появились они, согласно взглядам философа, вместе с первыми признаками сознания. Эта мысль отражает в некоторой мере связь этики с психологией, которую не раз мыслитель подчеркивал в своих исследованиях, посвященных проблеме нравственности.

Целью нравственных идеалов является, по К.Д. Кавелину, выведение человека «из круга обособленной индивидуальности» и поднятие его «до идеального типа человека», сложившегося через отвлечение и обобщение качеств и свойств человеческой природы, признаваемых в данное время ... за самые совершенные»³⁴.

²⁶ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 953.

²⁷ Там же. С. 954.

²⁸ Там же. С. 955.

²⁹ Там же. С. 947.

³⁰ Там же. С. 948.

³¹ Кавелин К.Д. Идеалы и принципы // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 890.

³² Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 956.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 961.

В системе нравственных идеалов К.Д. Кавелин на первый план выводит стремление к истине, правде, душевной красоте. Он считает, что во всякой деятельности, да и вообще по жизни, лишь опора на эти ценности способствует созданию по-настоящему прочного, полезного для собственно себя и окружающих. В защиту подобного вывода и в противопоставление лжи, лукавству, лицемерию он логически четко обосновывает даже их практическую необходимость. В частности, он приводит суждение, что высоконравственный человек порой имеет в обществе авторитет не меньший, нежели человек высокого социального положения и большого богатства. И вообще, по его мнению, с накоплением опыта происходит взаимное приращивание объективного и субъективного мира, в связи с чем влияние нравственных элементов все более возрастает.

К числу «первых добродетелей» К.Д. Кавелин причисляет также смирение и покорность, считая, что их часто недооценивают и ассоциируют с холопством, раболепием, либо вообще с недоразвитостью, что, по сути, является пороками. Это связано с путаницей понятий, что мыслитель и доказывает, что они отнюдь не унижают нравственного достоинства человека. Напротив – они помогают нам примириться с неизбежным, когда мы не в силах что-либо исправить. Этика, по К.Д. Кавелину, переводит эти принципы в общее «правило душевного настроя», перестраивая человека так, чтобы то же самое, что мы делаем по необходимости, приносило нам если не удовлетворение, то, по крайней мере, смиряло бы противоречия нашей души. Это, как мы видим, верно опять же и с практической точки зрения (хотя у К.Д. Кавелина нет явного акцента на практическую полезность).

В тесной связи со смирением и покорностью находятся, согласно взглядам мыслителя, являются ценности веры и надежды. Вроде бы понятные и не нуждающиеся, на первый взгляд, в пояснениях понятия исследуются и разбираются К.Д. Кавелиным со всей серьезностью и тщательностью. «В этическом смысле вера и надежда есть бодрость духа, уныние и отчаяние – упадок душевных сил»³⁵. В объяснении благотворной роли веры и надежды мыслитель снова прибегает к помощи психологии, указывая, что «душевная бодрость и упадок душевных сил появляются и исчезают под воздействием психических влияний, внутренних и внешних»³⁶. Наша жизнь не идеальна – она состоит из радостей, горестей, мучений и наслаждений. Причем все это распределяется неравномерно и положительное редко, по мысли К.Д. Кавелина, подготовлено нашими трудами. В связи с этим люди вместо того, чтобы бороться, часто уходят в отвлеченный мир, фантазируя о счастье и строя воздушные замки, а возвращаясь из страны грез и мечтаний, понимают всю их беспочвенность и впадают в уныние и отчаяние. К.Д. Кавелин предостерегает от такого образа мыслей, поскольку он крайне губителен как для человека, так и для общества в целом, когда в нем существует большое количество людей с таким мировоззрением.

Губительное воздействие оказывает на людей и смешение объективной действительности с субъективной, когда внешние цели, на которые направлен труд человека, все его внимание, застыт и отбрасывают на второй план внутреннюю жизнь: «Внимание мало помалу отвлекается от внутренней психической жизни и сосредотачивается исключительно на внешней деятельности; под конец этические идеалы совсем забываются, и в наших верованиях и убеждениях место их занимают идеалы объективной действительности, которые мы и принимаем за субъективные»³⁷. Здесь опасность кроется в том, что, отвлекшись на внешнее, то, что на виду, мы перестаем самосовершенствоваться внутренне. Это может привести к тому, что человек бывает «выдрессирован», как пишет К.Д. Кавелин, для жизни в обществе, но на поверку оказывается исключительным негодяем. Поэтому важно не утратить баланс между внешней и внутренней жизнью, чтобы душа не зачерствела.

«Одним из главнейших условий» нравственной жизни К.Д. Кавелин называет простоту. Простота, согласно воззрениям философа вовсе не синоним глупости или наивности. Она «предполагает полную, беззаветную преданность истине, правде и душевной красоте, без всяких задних мыслей, расчетов и соображений, без так называемого

³⁵ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 967.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 968.

себе на уме, – и в то же время непоколебимую уверенность, что то, чему мы так всецело преданы, есть благо, которому можно и должно отдать все свои душевные силы, посвятив всю свою деятельность»³⁸. В этом как раз значении она и есть идеал субъективной жизни.

К.Д. Кавелин связывает свою систему ценностей и идеалов с идеальным отношением к бытию как «светлому, спокойному и доверчивому отношению к жизни»³⁹, понимая его как противостояние, защиту нашего сознания от потрясений и бед, которые мы не можем предвидеть и заранее подготовиться. Это некая душевная установка к бытию предохраняет нас от чрезмерной боязливости, настраивает на умиротворение и спокойствие.

Говоря так об идеалах, которыми каждый человек должен руководствоваться в жизни, К.Д. Кавелин подходит к высшему идеалу человеческих отношений – любви. Под любовью он понимает не половое влечение, дружбу или привязанность к кому-либо. Он исходит из того, что каждый человек по своей природе есть «живое воплощение идеи нормального, идеального человека», а потому любить следует не то, что человек в реальности из себя представляет, а то, «чем бы он мог должен был быть в качестве человека»⁴⁰, поэтому, получается, что нам следует «закрывать глаза» на мерзость отдельных людей, давить в себе чувство отращения и видеть в глубине его живущий идеал. Смысл любви здесь не в том, чтобы посредством отвлечения и обобщения от действительных людей подниматься до идеального образа, но в том, чтобы, как пишет философ, в отношениях с реальными людьми носить в себе этот образ и предполагать его наличие в каждом человеке⁴¹.

Любовь, по мысли К.Д. Кавелина, идеальна, но не дает человеку оторваться от действительности и искать утешение в мире отвлеченных идей. Напротив – она привязывает нас к жизни, заставляя неустанно работать над собой. «Упражнение в этической любви есть поэтому высшая школа нравственной жизни, самая трудная, но зато самая плодотворная по своим последствиям для нравственного воспитания и жизни»⁴².

Таким образом, в этической системе К.Д. Кавелина очень четко выделяются нравственные идеалы как идеалы субъективные, связанные с нашей внутренней, психической жизнью, в отличие от объективных идеалов, которые в силу обусловленности внешними факторами не могут стать основой верных жизненных ориентиров. В число нравственных идеалов входят смирение и покорность, позволяющие нам, изменив свое отношение к необходимости обезопасить свое сознание от бесполезных и опасных мыслей, вера и надежда, дающие бодрость духа и не дающие впасть в уныние, и простота. Отдельно стоит светлое, спокойное отношение к жизни, защищающее нас в некоторой мере негативных от последствий неожиданностей, которыми изобилует жизнь. И уж конечно, высшим идеалом является любовь, определяющая отношения между людьми. «Кто прошел школу этической любви и утвердился в ней, тому уже сравнительно легче воспитать свои помыслы, желания, движения воли и душевные привычки согласно с другими этическими идеалами»⁴³.

Объективные идеалы, согласно К.Д. Кавелину, возможны только в прикладных, но не в теоретических науках. Однако и в прикладных, где результат зависит от сочетания условий и факторов внешней среды и преследуется цель определенного психического или материального воздействия, они отнюдь не безусловны и несовершенны, поскольку «ни безусловной цели, ни безусловных средств ее достижения, ни безусловно совершенного сочетания условий и фактов нет и быть не может»⁴⁴. Источник же объективных идеалов в самом человеке, так как само по себе взаимодействие явлений, приведенных в известное сочетание, не составляет сущности объективного идеала. «Идеальной может быть названа только цель, мысль, которая преследуется и осуществляется в объективном мире помощью той или другой комбинации, а эта цель или мысль есть факт, событие

³⁸ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 969.

³⁹ Там же. С. 970.

⁴⁰ Там же. С. 971.

⁴¹ Там же. С. 971.

⁴² Там же. С. 972.

⁴³ Там же. С. 972.

⁴⁴ Там же. С. 950.

психической жизни»⁴⁵. Следовательно, мы убеждаемся, что нравственными идеалами могут быть лишь идеалы субъективные.

Вопрос о достижении идеалов так же, как и сами идеалы, рассматриваются К.Д. Кавелиным со всей тщательностью и добросовестностью. Философ обосновывает необходимость стремления к ним. По его мнению, на пути к осуществлению на практике этических идеалов стоят предрассудки, некоторые из которых он подвергает анализу.

Одним из таковых является их недостижимость человеком в силу их совершенства: «Разве, думают многие, не несбыточная мечта осуществить такие идеалы на деле или хотя бы сколько-нибудь к ним приблизиться?»⁴⁶. И здесь он оперирует к объективным идеалам, которые в реальности невозможно претворить в жизнь (например, математическая точка, круг, химическая формула или биологический закон), но, тем не менее, это не останавливает исследователей. Соответственно нет причин считать невозможным стремление к идеалам субъективным: «... к ним можно только приблизиться, идеальное их осуществление невысказано; но из этого не следует, что они бесполезны, или что нельзя или не для чего стараться осуществить их по возможности на деле. В нравственном смысле для каждого обязательно не достижение этического совершенства, что не зависит от людей, а действительно, постоянное, добросовестное стремление его достигнуть»⁴⁷.

Другой вопрос, который лежит между человеком и нравственными ценностями, это вопрос признания им самого себя безнравственным в силу наличия в его сознании дурных наклонностей. Это ошибочный вывод, поскольку, по мнению К.Д. Кавелина, наличие их как таковых характеризует личность, но его стремление к борьбе с ними. На борьбу делается особый акцент, поскольку само понимание их наличия, но при этом пассивная позиция по отношению к ним бесполезна с точки зрения нравственности.

Еще одной преградой, предрассудком на тернистом пути достижения идеалов, стоит проблема невозможности облагораживания, приведения к совершенству всего мира и, следовательно, ненужности этических ценностей. В связи с этим, философ проводит аналогию с правом и медициной, которые, несмотря на то, что преступления и болезни были, есть и будут, не ввергаются в забвение. Соответственно, столь же необходима и этика, которая «конечно не есть ни панацея, ни безусловное средство против зол, угрожающих род людской; но она действительно и благотворное средство против известного рода ненормальностей, мешающих людям достигать возможного развития и удовлетворения»⁴⁸.

Практическая ценность этики в этом плане доказывается К.Д. Кавелиным посредством моделирования ситуаций, в которые может попасть человек, мыслящий, опираясь не на идеалы нравственного поведения, но исключительно на представления о степени полезности того или иного поступка. Приводятся примеры, когда тот или иной человек вынужден становиться перед выбором о собственном здоровье, имеющем перспективы быть подорванным из-за его работы, либо вопрос идет, в буквальном смысле, о жизни и смерти. В обоих случаях человек задумывается о далеком будущем, чтобы принять решение в настоящем, то есть обращается к отвлеченным идеям: «Значит, и при практическом взгляде, приходится, даже в ежедневных делах, приносить непосредственное, ближайшее в жертву ожидаемому лучшему будущему, т.е. идее – отвлеченному понятию»⁴⁹. Другой пример – суждение о справедливости и несправедливости, когда человек уважает подлеца, обманувшего другого, и негодует, когда таким же образом поступают по отношению к нему. Соблюдение нравственных норм, таким образом, приносит системность, упорядоченность в общественных отношениях.

К.Д. Кавелин рассматривает категорию счастья, к которой он приходит в результате сопоставления предания и веры относительно определения цели и смысла жизни с научной точкой зрения, которую им обосновывается. Он высказывает мнение, что наука этика исследует те вопросы, которые обходят предание и вера, и, «если наука, знание

⁴⁵ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 950.

⁴⁶ Там же. С. 982.

⁴⁷ Там же. С. 983.

⁴⁸ Там же. С. 984.

⁴⁹ Там же. С. 986.

иногда становятся в тупик, путаются, сбиваются с дороги, то это происходит только от того, что критика, исследование еще недостаточно проработали материал для правильных и точных научных выводов, или, что также случается нередко, от того, что люди науки останавливаются на полпути, не имеют прозорливости, или мужества и смелости вести свои выводы до конца»⁵⁰. И, тем не менее, при всем этом устанавливать одни основания нравственности и игнорировать другие отнюдь не верно. Каждый приходит к идеалам своим путем, который ему наиболее близок.

Нетерпимость между различными точками зрения, замечает К.Д. Кавелин, еще не самое страшное, поскольку еще больше вреда причиняет смешение понятий в головах людей, понимающих превратно цели жизни и ее смысл. Замена идеальных целей житейским, практическими, ведущими к наслаждению и возникающие трудности на пути к их осуществлению в итоге наталкивают человека на мысль о никчемности жизни. Смыслом жизни для них является достижение определенных целей; «это производит удовлетворения, а следовательно, и счастье»⁵¹. Другое дело – правильно поставить цели. Этому, по мнению К.Д. Кавелина, мешает отвлеченная логика, представляющая все в «искаженном и извращенном виде». Следовательно, нужно критически относиться логическим обобщениям, «без которых никакая операция ума невысказима», так как именно такое отношение «должно постоянно оберегать от самообмана, сторожащего нас на каждом шагу»⁵².

Таким образом, счастье, по К.Д. Кавелину, является не целью, а следствием достижения целей. Человек на пути к счастью может преследовать множество целей. Отсюда вытекает понимание того, что понятие «цель жизни» не совсем разумно, поскольку в процессе жизни мы постоянно задаем себе определенные цели. К.Д. Кавелин отмечает: «Жизнь есть только общая почва, общая предпосылка и канва нашей деятельности. Одной общей целью жизни нельзя задаваться, потому что такой цели и представить себе нельзя»⁵³. Ставя же таковой целью счастье, то есть следствие достижения какой-либо цели или целей, мы невольно обрекаем себя на созерцание мира, нежели на деятельное отношение к действительности, то есть «мы только мечтаем о счастье, не делая того, что его дает», но «жизнь есть труд, деятельность, борьба, а не праздные грезы»⁵⁴.

Счастье в этической системе К.Д. Кавелина обусловлено достижением конкретных целей. Ставить же эти цели человек способен благодаря наличию свободной воли, позволяющей осуществить осознанный выбор. Выбор этот продиктован стремлением приблизиться к нравственным идеалам. Достижение нравственного идеала предполагает обретение человеком душевной гармонии. Следовательно, счастье является непосредственным результатом достижения этических идеалов, осуществленного благодаря свободе воли.

Еще один вопрос, который затрагивается К.Д. Кавелиным, касается того, можно ли рассматривать нравственность с практической точки зрения, другими словами, есть ли от нее польза. С целью разрешить данный вопрос, философ анализирует мнения представителей утилитаризма И. Бентама, Дж. Ст. Милля.

Утилитаристы оценивают поступки исключительно с внешней стороны, не касаясь внутренней, психической жизни человека, то есть, вне их учения остаются мотивы, которые движут человеком. По замечанию К.Д. Кавелина, «человек добродетельный и нравственный, по учению утилитаристов, может быть, с этической точки зрения, как мы ее понимаем, человеком отлично выдрессированным для общественной жизни, но в глубине души или развращенным, или посредственным и ничтожным»⁵⁵. Относительно полезности, по мнению К.Д. Кавелина, можно привести гораздо больше примеров в пользу порока, нежели нравственного поведения. Значит, делает он вывод, практические результаты того или другого зависят от посторонних условий, и потому не могут быть меркой этических идеалов.

⁵⁰ Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899. – С. 978-979.

⁵¹ Там же. С. 980.

⁵² Там же. С. 980-981.

⁵³ Там же. С. 981.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 975.

Дж. Ст. Милль говорит о высшей пользе, пользе всех, пытаясь ею обосновать принцип нравственности. Милль пишет: «Я признаю пользу верховных судей для разрешения всех этических вопросов, т.е. пользу в обширном смысле, ту пользу, которая имеет своим основанием постоянные интересы, присущие человеку как существу прогрессивному»⁵⁶. Однако, польза – «принцип, с одной стороны, слишком отвлеченный, а с другой – слишком объективный, чтобы служить основанием нравственности» как понимается она К.Д. Кавелиным⁵⁷. Все люди стремятся к благу, которое понимается всеми по-разному, откуда видно, что не может такое стремление лечь в основу нравственности, поскольку не всякое благо единичного человека соответствует требованиям нравственности. Общее же благо носит объективный, а не субъективный характер, а потому не может быть меркой нравственности. К.Д. Кавелин с уверенностью говорит, что рано или поздно практическая ценность нравственного поведения будет доказана, но не иначе, как «убедившись путем опыта и знания, что общее и индивидуальное благо есть результат нравственного развития единичных людей, возможно только при настойчивом, выдержанном преследовании ими субъективных идеалов внутренней психической жизни и деятельности»⁵⁸.

К.Д. Кавелин анализирует и этические взгляды О. Конта и Г. Спенсера. По мнению философа, ни позитивизм, ни теория эволюции «не дают ключа к нормированию психической жизни и деятельности живого, действительного лица, с которым только и имеет дело этика», а научные, объективные по сути своей, воззрения «имеют в виду не индивидуальное лицо, а обобщенное, отвлеченное обезличенное понятие о человеке»⁵⁹. При сопоставлении, комбинировании этого понятия с другими такими же обобщенными понятиями о природе и явлениях социальной жизни, они приходят к правильным выводам, которые, однако, «не могут быть применены к живой действительности, которая из них исключена»⁶⁰.

На основании определенной в начале статьи цели, а также проведенного анализа этических взглядов К.Д. Кавелина приходим к выводу, что К.Д. Кавелин разработал этическую систему, построенную на научном обосновании нравственных ценностей и идеалов. Высшим из них является идеал любви. Достижение идеалов обусловлено наличием свободной воли. Результат достижения идеалов отражен в категории счастья как состояния гармонии, к чему человек и стремится.

Список литературы

1. Кавелин К.Д. Задачи этики // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899.
2. Кавелин К.Д. Идеалы и принципы // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т.3. СПб., 1899.
3. Корсаков Д.А. Жизнь и деятельность К.Д. Кавелина // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. СПб., 1897.
4. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
5. Милль Дж. С. О свободе // Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. СПб, 1900.
6. Назаров В.Н. История русской этики. – М.: «Гардарика», 2006.

K.D. KAVELIN'S ETHICAL VIEWS

A.I. VYALOV

*Tula State Pedagogical
University Named After
L.N. Tolstoy*

*e-mail:
mechtatel1988@yandex.ru*

The focus of this article are the moral views of K.D Kavelin – one of the classics of Russian liberalism. In modern conditions of life when the liberal ideology is realizing that statement of the problem seems to be quite relevant. The paper focuses on K.D. Kavelin's ethical system of categories, ethical position on religion, law, and art, the problem of achieving ethical ideals.

Keywords: ethics, moral ideals, love, happiness, free will.

⁵⁶ Милль Дж. С. О свободе // Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. СПб, 1900. – С. 211.

⁵⁷ Кавелин К.Д. Задачи этики... С. 976.

⁵⁸ Там же. С. 976-977.

⁵⁹ Там же. С. 977.

⁶⁰ Там же.

УДК 316.66

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ**Н.А. ГРОШОВКИНА***Приднестровский
государственный университет
им. Т.Г.Шевченко**e-mail sklyaretta@rambler.ru*

В статье рассматривается специфика исторически сложившихся в Приднестровском регионе гендерных отношений. Автор изучает условия и факторы, способствующие сохранению и укреплению этнической и гендерной идентичности в поликультурной целостности Приднестровья. В основе исследования лежат данные социологического опроса гендерной идентификации личности, проведенного автором, а также данные Независимого Центра Аналитических Исследований «Новый Век». Проведенный анализ позволяет автору сделать выводы о том, что в сложных социально-экономических и политических условиях «замороженного» конфликта с Республикой Молдова, приднестровские женщины проявили готовность непосредственно защищать интересы населения своего края, используя свой «специфический» гендерный потенциал.

Ключевые слова: гендерные отношения, гендерный потенциал, поликультурность, идентичность, гендерные стереотипы, гендерная идентификация личности.

Общие черты и закономерности социальных явлений и процессов проявляются не иначе как через особенное и отдельное, через разнообразие конкретных форм бытия, из которого в общественной жизни отбирается самое устойчивое и необходимое для существования и развития социума. Поэтому дальнейшее исследование сущности и социальной организации функционирования и совершенствования системы гендерных отношений нуждается в изучении региональных особенностей исторического, аксиологического и когнитивного источника формирования нравственных и гражданских качеств личности. Специфика социокультурной интеграции в Приднестровской Молдавской Республике и становление идентичности народа в этом регионе представляют широкий простор для научных обобщений и выводов по данной проблеме.

Региональные особенности половых социальных ролей формировались под влиянием общих для всех этносов Приднестровья исторических условий социального бытия, общей и национальной культуры. «Своеобразная историческая судьба Приднестровья и населявших его людей на протяжении многих веков и тысячелетий определялась тем обстоятельством, что эти земли представляли собой контактную зону, т.е. территорию, где проживают и смешиваются, ассимилируются многие народы и цивилизации»¹. Постоянная борьба с нашествием разных племен отвлекала основную часть мужского населения. Все тяготы по поддержанию хозяйства и воспитанию детей ложились на плечи женщин. В таких нелегких жизненных условиях формировался независимый, сильный, решительный характер приднестровской женщины, способной не только самостоятельно выполнять любую, необходимую для жизнедеятельности семьи работу, но и проявлять готовность постоять за себя, за свое личное достоинство перед кем угодно, в том числе, и перед мужем, если он допускает в отношениях с женой произвол, насилие и несправедливость.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что специфика гендерных отношений в любом регионе является духовным синтезом общего и особенного в развитии культуры, общей и специфической системы ценностей, определяющих характер социального поведения мужчин и женщин, взаимоотношений между ними.

¹ Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С.11.

В Приднестровье нет доминирующей по численности населения национальной культуры. Три основных этноса представлены здесь почти поровну. В том числе, молдаване составляют 31,9% от общей численности населения, русские – 30,4%, украинцы – 28,8%, остальные – 12%, в том числе болгары и евреи по 2%². Это служит одной из предпосылок для равноправного диалога культур, без навязывания своих духовных ценностей другим этносам. Отсутствие численного преимущества у представителей какой-либо из трех самых многочисленных национальностей, постоянное общение в среде проживания, образования и трудовой деятельности обеспечивает взаимообогащение национальных культур и их интеграцию в региональную поликультурность с сохранением обычаев и традиций, в том числе и в сфере гендерных отношений.

Интегрирующим ядром и критерием целостности многонациональной культуры Приднестровья выступает русская культура, а источником ее выдвижения на ведущую роль в культурно-образовательном пространстве этого региона является не навязывание ее другим этносам внутри региона при помощи административно-правовых механизмов насилия, а внешний духовный фактор – огромный интеллектуальный потенциал русской культуры с ее материальной базой книгоиздательства, телевидения, прессы. Этому способствуют и геополитический курс приднестровского руководства на союз с Россией, принятие российских образовательных стандартов в учебных заведениях региона, широкое применение здесь опыта культурного развития, накопленного в России.

Процесс формирования поликультурной целостности культуры Приднестровья под эгидой русского духовного влияния начался еще в начале 90-х гг. XVIII века с присоединением этого края к России. В течение более двух веков Приднестровье заселялось русскими, украинцами, немцами, армянами и болгарами. Происходили процессы взаимной ассимиляции разнообразных этнических культур. На основе их взаимовлияния возникали общие традиции, формировался специфический менталитет региона. Характерными чертами личности приднестровца, независимо от национальной принадлежности, становились толерантность и уважительное отношение к языку, обычаям и традициям разных этносов, населяющих край. Духовная культура Приднестровья несовместима с любыми формами нетерпимости, национализма, одномерности, замкнутости. Поликультурность в этом смысле возникла как необходимое условие нормальной жизнедеятельности многих этносов, проживающих совместно на одной территории. Преобладание здесь этносов славянской, индоевропейской группы (украинцев, русских, болгар, белорусов, поляков) не сопровождалось их претензией на доминирование над романской группой (молдаване), тюркской (гагаузы), германской (евреи и немцы). Славяне никогда не противопоставляли себя другим языковым группам в Приднестровье.

Формирование поликультурной целостности как единства в духовном разнообразии региона происходило под влиянием таких факторов, как геополитическое положение региона между романо-германскими и славянскими народами; политические процессы, связанные с присоединением края к России; последующее образование Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украинской ССР в 1924 г., Молдавской Советской Социалистической Республики в 1940 г. и Приднестровской Молдавской Республики, провозглашенной и легитимизированной в референдуме 1990 г и последующих законодательных актах, выражающих волю всего населения Приднестровья. Значительную роль в становлении приднестровской полиэтнической общности сыграли иммиграционные процессы, связанные с переселением в Советскую Молдавию русских, украинцев и представителей других национальностей, привлеченных потребностью республики в квалифицированной рабочей силе и специалистах для создания крупных объектов промышленности, науки, высших и средних учебных заведений. Миграционные и демографические процессы 50–80-х гг. привели к абсолютному росту численности молдаван, русских и украинцев в численности населения края.

Важным фактором, способствующим сохранению и укреплению специфической идентичности многонациональной структуры населения края, является формирование его менталитета и целостной поликультурной общности приднестровского народа. Суще-

² Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики – 2012 / Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР – Тирасполь, 2012 – С.30.

ственную функцию в этом процессе выполняют действующие в Приднестровье центры национального этногенеза: «Общество русской культуры», «Общество украинской культуры», «Общество болгарской культуры», «Общество еврейской культуры», «Молодежная ассоциация славян».

Главным принципом формирования поликультурной личности является поддержание равносубъектного диалога культур в контексте межличностного общения. Именно в обыденном диалоге культур на индивидуальном уровне проявляется сегодняшняя общность духовности многонационального населения приднестровского региона, его гуманистические и патриотические ценности. Все это нашло яркое отражение и в гендерных отношениях, в социальном статусе и независимом духе женщин и мужчин Приднестровья.

В исследовании В.П. Степанова приводится такой типичный в данном смысле диалог из книги А.С. Афанасьева-Чужбинского, ярко характеризующий взаимоотношения между мужем и женой в традиционном молдо – украинском обществе Приднестровья XIX в. «И всегда, – решительно заявляет супруга своему мужу, – буду брать рога и все, что попадет под руку, если захочешь бить понапрасну: я уж тебе это не раз говорила. Коли я виновата, разве я защищаюсь?». Позиция в споре, занятая женой, была настолько убедительной и справедливой, что муж, хотя и напомнил, что все хозяйство и сама она полностью принадлежат ему, вынужден был согласиться с ней³.

Несмотря на высокое чувство личного достоинства и справедливости людей, экономические отношения в приднестровской семье обуславливали, в общем, патриархальные отношения, ставившие жену в зависимость от супруга. По свидетельству П.А. Нестеровского: «Она его помощница, но отнюдь не равноправный спутник жизни». Хозяйкой дома женщина могла стать лишь в случае смерти своего мужа, при малолетних детях. Причем, как отмечал П. А. Нестеровский, ее авторитет как матери стоял не так уж высоко. Случаи неповиновения ей, особенно со стороны взрослых сыновей, готовых смотреть на мать как на юридически неполноправное лицо, бывали, нередки и в XIX веке⁴. Дочь, не была уравнена в правовом отношении с сыновьями, что практически исключало наследование ею земли. Лишь воля отца «может наделить ее родовым имуществом в виде земельного наследства», что, впрочем, нередко нарушалось сыновьями после смерти родителей⁵. Однако традиционное (или «волошское») право, согласно которому многие века жили молдаване и украинцы Пруто-Днестровского междуречья, предусматривало социальную защиту женщины в случае ее несправедливого оскорбления и незаслуженного унижения.

Вероятно, такой сильный гендерный образ женщина приобрела именно в условиях, когда мужчина долгое время находился в ратных походах. Длительное отсутствие мужчины дома привело к усилению традиционного влияния женщины в семье. Можно предположить, что в силу традиции женское поведение, адекватно воспринимаемое в одних социально-культурных условиях, представляется необычным и неестественным в других. Современные этнологи выделяют два начала национальной культуры: женское – земледельческое, мужское – военное, казачье, с походами, полукочевым бытом и т. п.⁶

В результате лексического анализа разговорной речи (на материалах республики Молдова) Ю.Бежан-Волк показала, что сохраняются гендерные стереотипы традиционного превосходства мужчины в современном образе восприятия населением социальной действительности, особенно в селе: «Беседуют два человека с женщиной», «Он плачет как «баба»», «Ты голова в доме или юбка?»⁷.

³ Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Цит. по Степанов В.П. Грани идентичностей: Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989-2009 гг.): – Ch.:«Elan Inc» SRL, 2010 (Tipogr. «Пап Poligraf» SRr). – С.114-115.

⁴ Нестеровский П.А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. – С.147-148

⁵ Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – нач. XX вв. Кишинев, 2011. – С.43-44.

⁶ Пономарьов А.П. Украинская этнография. Киев, 1994. – С. 35.

⁷ Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах республики Молдова) // Социол. исследования. – 2003. – N 8(232). – С.127.

Но, в то же время, Ю. Бежан-Волк утверждает на основе социологических опросов и тестирования сельского населения, что «женщины адаптируются к новым условиям быстрее и легче, стремятся самоутвердиться во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в семье»⁸.

Эти качества женщин особенно ярко проявились в кризисные 90-е годы прошлого века, когда они вынуждены были взять на себя основные функции мужчин – по традиции кормильцев и защитников своих семей. Развернув «челночные» рейсы в зарубежные страны, мелкую торговлю и бизнес, они спасали от голода своих детей и мужей.

Женщины Приднестровья сыграли большую роль в прекращении вооруженного конфликта в 1990–1992 гг., выступая неоднократно живым заслоном между противоборствующими сторонами, предотвратили в ряде случаев кровопролитие, проявили огромную силу воли в политической забастовке, принудив, в конечном счете, прорумынских националистов отказаться от военных средств для решения политических вопросов⁹.

Это дало основание приднестровскому политологу Н.В. Мясниковой сделать вывод об определяющей роли массовых акций женщин в предотвращении конфликта по еще более трагическому сценарию. «Женское движение, в свою очередь, стало базовым элементом политического процесса и инициатором политических решений, определивших направление политического развития на обоих берегах Днестра»¹⁰.

В эти тревожные годы особенно ярко проявился организаторский и патриотический потенциал женщин, самоотверженно ставших вместе с мужчинами на защиту своих семей и своей многонациональной культуры от попыток их уничтожения.

Можно предположить, что в основе такого социального поведения женщин в чрезвычайных и опасных для существования этноса и региона обстоятельствах бытия, являются характерные для женской психики свойства – повышенная эмоциональность, импульсивность, интуитивность в реагировании на подобные испытания судьбы. Но социально-исторический анализ показывает, что и в обычных условиях гендерные свойства характера и женщин, и мужчин Приднестровья отличаются достаточной гибкостью, динамичностью приспособления к обстоятельствам, затрагивающим витальные потребности сохранения рода. Только у женщин эти адаптационные способности проявляются нагляднее. Женские типы работниц, крестьянок, представительниц умственного труда демонстрируют всем известные характерные черты и по телосложению, и по физической силе, по стилю поведения, речи, и по степени эмоциональности. Специфика труда и быта оказывают решающее воздействие на внешний облик и менталитет людей, но, в особенности, на женщин, повышая их трудовой и социальный потенциал.

Типичны и темпоральные гендерные изменения, отражающие устойчивые тенденции в требованиях отдельных эпох к выполнению половых социальных ролей. Социологические исследования последних 20 лет в Приднестровье свидетельствуют о заметных сдвигах в общественном сознании и социальном поведении женщин¹¹.

При этом аналогичные изменения у мужчин проявляются менее заметно, большинство из них более консервативны, чем женщины. Хотя проявления и сферы, в которых сохраняется этот консерватизм, имеют гендерные особенности: у мужчин – в понимании своих социальных ролей и привлекательных для них личных качеств, а у женщин – в отношении к нравственным нормам и бытовым обычаям.

Большинство мужчин и женщин не смогли в ходе проведенных автором опросов в г. Тирасполе и г. Бендерах назвать какие-либо личные качества исключительно мужскими или женскими, очевидно, считая, что современные индивиды, независимо от пола, могут обладать в той или иной степени и мужскими, и женскими качествами. Однако относительно привлекательных для себя личных качеств, проявляется существенная

⁸Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах республики Молдова) // Социол. исследования. – 2003. – N 8(232). – С.128.

⁹Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. – Бендеры: Полиграфист, 2012. – С.169, 175, 179.

¹⁰Мясникова Н. В. Женское движение в процессе формирования политического дизайна Левобережных районов Республики Молдова (1989–2010): дис...канд. полит. наук. – М., 2012. – С. 124.

¹¹По данным социологических исследований, проведенных НЦАИ «Новый век» в 2000–2013 гг. в населенных пунктах Приднестровья

дифференциация, отражая традиционный гендерной консерватизм. Мужчины предпочитают быть (или казаться) агрессивными, сильными духом, независимыми, решительными, напористыми. Женщины представляют себя покорными, пассивными, мягкими, сострадательными, любящими детей.

Женщины в ходе опросов проявили в большей степени, чем мужчины, приверженность к традиционным моральным, прежде всего, сексуальным нормам и резистентность к модным, но вредным для здоровья привычкам. Среди мужчин сторонников новых более «либеральных» взглядов в этом смысле оказалось, по данным опроса, в два раза больше чем, среди женщин. Средняя оценка женщинами степени допустимости вступления в гражданский брак составила 1,4 (у мужчин – 3,2), сожительства с несколькими сексуальными партнерами – 1,1 (2), сексуального опыта до брака – 2 (3,1), курения – 1,4 (2,9), употребления алкоголя – 1,9 (2,5)¹².

Однако больше половины опрошенных женщин не меньше мужчин, ценят в себе такие качества личности, как дисциплинированность, активность, ответственность, честность, надежность, способность к лидерству, коммуникабельность, жизнерадостность, т.е. те гражданские и личные качества, которые открывают равные с мужчинами возможности для их участия в общественно полезной деятельности в широкой номенклатуре социальных ролей.

Анализ результатов проведенного автором в 2012 году социологического опроса выявил также, что большинство женщин уже признают тесными для себя некоторые традиционные взгляды на женское поведение и считают допустимым игнорировать их в своей повседневной жизни и поступать в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Это, скорее всего, связано со способностью женщин быстрее адаптироваться к переменам и нововведениям.

Женщины Приднестровья принимают все более активное участие в разработке и реализации государственных решений, в деятельности Правительства республики, где они занимают более половины постов министров, в руководстве средствами массовой информации, в которых им теперь принадлежит большинство ключевых должностей. Повышается статус женщины и в повседневной жизни, в семье.

Часто это связано с выездом мужа на заработки и необходимостью для женщины, оставшейся основной кормилицей в семье, хоть как-то сводить концы с концами. В других случаях, налицо желание продемонстрировать собственную успешность другим, стать независимой и богатой. Специалисты, работающие в налоговых органах Приднестровья, заметили, что предприниматели – женщины больше склонны к ведению бизнеса без конфликта с законом. При анализе налоговых деклараций, выясняется, что женщины, в отличие от мужчин, занятых аналогичным бизнесом, декларируют более честно доходы, чем мужчины. Это еще раз подтверждает мнение, что коррупция чаще свойственна мужским взаимоотношениям. Но женщины не уходят и из своих «традиционных» областей самореализации: легкой промышленности, торговли, сферы общественного питания, спорта, искусства.

Тем не менее, существование патриархатных стереотипов относительно традиционной роли женщины в обществе, ее ответственности за семью и воспитание детей еще нередко блокирует личную и профессиональную самореализацию женщин, их продвижение на руководящие должности. Гендерные стереотипы оказывают стрессовое влияние и на мужчин, ограничивая их участие в воспитании детей, в работе по дому и др.¹³

Говоря о современных условиях и факторах формирования гендерной идентичности, необходимо подчеркнуть, что на этот процесс решающее влияние оказывает та социальная среда, в которой воспитывается и живет индивид. К ним, в первую очередь, относятся семья и родителей, а также культурную среду, социально-политическую структуру общества, социальное окружение, СМИ. Большинство исследователей считают, что в современном обществе СМИ навязывают нам стереотипы «должного» гендерного поведе-

¹²По данным социологического исследования, проведенного автором в феврале 2012 г. в городах Бендеры и Тирасполь.

¹³Бодруг-Лунгу В.И. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/> (дата обращения: 23.08.2012)

ния, формируют идеальные образы современных мужчины и женщины. Однако результаты проведенного нами исследования наглядно показывают, что на сегодняшний день у многих людей нет гендерного идеала. У большинства опрошенных жителей Приднестровья нет идеала настоящего мужчины или настоящей женщины. А если называют идеалом, то не выдающуюся деятельницу науки и культуры, историческую личность, а лишь близких родственников (мать, сестру, бабушку). Мужчины придерживаются аналогичного мнения, идеалом считают не экранные, не книжные образы, а отцов, дедов, братьев и др. членов семьи.

Социологическое исследование гендерной идентификации личности выявило существенные различия между представлениями о должном гендерном облике мужчин и женщин и их реальными, личностными качествами. Большинство людей, исключительно мужскими качествами считают активность, напористость, ответственность, честность, надежность, способность к лидерству, решительность, агрессивность, амбициозность, независимость и силу духа. Что касается исключительно женских качеств, то чаще всего называют мягкость, чистоплотность, нежность, скромность, терпеливость, чуткость, любовь к детям, умение сочувствовать, покорность и жизнерадостность.

В результате нашего опроса выявилось, что в большинстве случаев приписывают себе только мужские качества, а женщины, кроме традиционно женских качеств, характеризуют себя и такими, которые, по мнению опрошенных, являются мужскими или нейтральными. Однако большинство мужчин характеризуют себя не всем набором традиционных мужских качеств, а, такие черты характера, как активность, надежность и способность к лидерству часто называют своими женщины. Экономические трудности, рост численности незамужних женщин и повышение уровня их образования, стимулируют выработку у них и мужских качеств, что ведет к «размытости» гендерных различий.

По результатам своего исследования, Ю. Бежан-Волк заключает, что в Молдавии происходят заметные процессы модернизации гендерных отношений: большинство молодежи (16-29 лет) в качестве основы брака понимают чувства любви и уважения. В глазах мужчин повысился статус женщины (жены, матери, бабушки). Она, по мнению респондентов, отличается умом, стремлением к бизнесу, профессиональному росту, чувством собственного достоинства, ориентацией на моральные и духовные ценности в семье¹⁴.

Но значительная часть женщин еще не избавилась полностью от доминировавших веками пассивности, покорности, терпеливости в частной, семейной жизни, в основном, традиционно закрытой для внешнего общественного влияния. Такие женщины еще мирятся с унижением, физическим и экономическим насилием со стороны своих мужей, любовников и даже взрослых детей. Больше половины женщин подвергаются агрессии со стороны кого-либо из близких мужчин (нынешнего или бывшего мужа, жениха или любовника)¹⁵.

Нищенский уровень жизни многих семей обостряет отношения, создает конфликтные ситуации, способствует увеличению миграционных потоков. По данным социологов, почти половина молодежи, оканчивающих учебные заведения намеревается «искать счастья за рубежом»¹⁶.

Женщины чересчур доверчивые, под влиянием романтических чувств или материальных потребностей вынужденные и обманутые, шантажированные, под физическим и психическим воздействием вывозятся через границы, превращаются в «живой товар» и используются на не престижных работах, на рынке услуг или в производстве, местное население часто относится к ним с отвращением и глубокой неприязнью. Массовая безработица вынуждают людей искать порой обманчивое счастье за пределами республики.

¹⁴ Bejan-Volc, Iulia Relațiile gender rural: un imperativ al timpului / Iulia Bejan-Volc. – Ch.: Centrul Ed.-poligr. al USM, 2004. – С. 160.

¹⁵ Положение женщин в Приднестровье. Проблемы, анализ ситуации, перспективы // Женский Правовой Центр. – Тирасполь, 2004. – С. 37.

¹⁶ Этико-правовое воспитание школьников // Сост. Е.М. Бобкова – Тирасполь, 2002. – С. 61.

По данным Управления государственной службы занятости за 2012 г. среди зарегистрированных и признанных безработными граждан преобладают женщины, их удельный вес в общем числе безработных составляет более 60%¹⁷.

Для того чтобы сохранить уверенность в себе, жизнерадостность и оптимизм безработной женщине приходится прилагать чрезвычайные усилия. Немногие справляются с этой задачей, особенно, когда спрос на рабочие руки и интеллект в Приднестровье крайне низок.

Проведенное автором исследование, подтверждает гипотезу о том, что в Приднестровье, как и в других регионах России, происходят существенные изменения в социальном статусе мужчин и женщин, во взаимоотношениях между ними как социально-демографическими группами, так и на уровне семьи. Женщины активно осваивают ключевые роли в политической, экономической и духовной жизни общества. Это обусловлено, с одной стороны, повышением уровня образования, чувства личного достоинства, уверенности в своих способностях к самореализации, а с другой, – необходимостью выживания в условиях экономического кризиса, что сопровождается таким перераспределением гендерных ролей, которые потребовали для своего исполнения активизации специфических возможностей мужской и женской части общества. Одним из вынужденных способов выживания населения Приднестровья в условиях более чем 20-летней фактически непрекращающейся экономической и политической изоляции является трудовая миграция. Мужчины оказались более востребованными за рубежом в качестве рабочей силы на тяжелых видах труда, женщины в «челночных» видах торговли и домашних услугах в странах Европы, оставляя детей, по возможности, на непродолжительное время. Поэтому миграция среди них носит менее массовый характер, чем среди мужчин.

В условиях «замороженного» конфликта с правящей элитой Республики Молдова приднестровские женщины проявили готовность непосредственно защищать интересы населения своего края, используя свой «специфический» гендерный потенциал – мирные акции против оружия карательных отрядов.

Исторически высокий традиционный общественный потенциал женщины в приднестровском обществе характеризуется многогранностью ее функции, вопреки сохраняющимся до сих пор элементам социального неравенства: женщина – хранительница домашнего очага и воспитательница детей, женщина – защитница рода и национальной культуры; женщина – субъект народной нравственности и гуманистических традиций.

Список литературы

1. Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – 336 с.
2. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики – 2012 / Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР – Тирасполь, 2012 – 189 с.
3. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Цит. по Степанов В.П. Грани идентичностей: Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989-2009 гг.): – Ch.:«Elan Inc» SRL, 2010. – 596 с.
4. Нестеровский П.А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. – 180 с.
5. Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – нач. XX вв. – Кишинев, 2001. – 263 с.
6. Пономарьов А.П. Украинская этнография. – Киев, 1994.
7. Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах республики Молдова) // Социол. исследования. – 2003. – № 8(232). – С.126-129.
8. Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990-1992 гг. – Бендеры: Полиграфист, 2012. – 520 с.
9. Мясникова Н. В. Женское движение в процессе формирования политического дизайна Левобережных районов Республики Молдова (1989–2010): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 189 с.

¹⁷ Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики – 2012 / Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР – Тирасполь, 2012. – С.45.

10. Данные социологических исследований, проведенных НЦАИ « Новый век » в 2000-2013 гг. в населенных пунктах Приднестровья.
11. Данные социологического исследования, проведенного автором в феврале 2012 г. в городах Бендеры и Тирасполь.
12. Бодруг-Лунгу В.И. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/> (дата обращения: 23.08.2012).
13. Bejan-Volc, Iulia Relațiile gender rural: un imperativ al timpului / Iulia Bejan-Volc. – Ch.: Centrul Ed.-poligr. al USM, 2004. – 221 p.
14. Положение женщин в Приднестровье. Проблемы, анализ ситуации, перспективы // Женский Правовой Центр. – Тирасполь, 2004. – 146 с.
15. Этико-правовое воспитание школьников // Сост. Е.М. Бобкова. – Тирасполь, 2002. – 108 с.

REGIONAL FEATURES OF THE GENDER RELATIONS IN TRANSNISTRIA

N.A. GROSHOVKINA

Dneastr State University

e-mail sklyaretta@rambler.ru

The article considers the specifics of gender relations which have historically developed in the Dnestr region. The author studies the conditions and the factors promoting preservation and strengthening of ethnic and gender identity in polycultural integrity of Transnistria. The author presents the research data of the Independent Center of the Analytical Researches "New Century" gathered with the sociological poll of gender identification of the personality. The analysis allows the author to draw conclusions that in difficult social and economic and political conditions of the "frozen" conflict to the Republic of Moldova, Dnestr women show the readiness to protect interests of the population of the edge, using the "specific" gender potential.

Key words: gender relations, gender potential, polikulturnost, identity, gender stereotypes, gender identification of the personality.

УДК 130.2

МЕЖДУ СИЛОЙ И НАСИЛИЕМ: ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЕЮ НАСИЛИЯ

А.М. ДМИТРАКОВ
А.А. НОВАКОВ

*Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: journal@bgiik.ru

В статье исследуется фундаментальная проблема власти в аспекте ее реализации как силы и насилия. Власть рассматривается в контексте концепции Н. Лумана как селекция коммуникации. Власть соотносится с силой в ситуации наличия множественности и насилием как нехваткой власти. Исследуется феномен двойственности полиции как средства власти в концепции В. Беньямина.

Ключевые слова: власть, насилие, сила, полиция.

Проблема власти является одной из фундаментальных в социально-гуманитарном знании. Она пронизывает и объединяет целый ряд традиционных философских проблем, подобным проблеме насилия и силы, справедливости и свободы, политики, государства, права и многих других. Среди всего множества аспектов и ракурсов рассмотрения власти нас интересует только один, ее антропологический анализ, который, по нашему мнению, определяется парой далеко не однозначных категорий силы и насилия¹. При этом мы учитываем всю сложность определения данных понятий, в том числе и понятия власти. Среди них этический подход, развитый в работах А.А. Гусейнова, с противопоставлением «абсолютистского подхода» и «прагматического», закрепляющий за насилием некоторое количество действий, ведущее к «узурпации свободной воли»². Сразу отметим, что с такой точки зрения любая власть может считаться насильственной. Или политические трактовки насилия, сводящие ее к воздействию на индивида, нарушающие его свободу, его желания и опять, в конечном итоге, волю³. В отношении нашей задачи, то есть соотношения насилия и силы с феноменом власти, такое определение также оставляет нерешенным проблему власти и ее воздействия на свободную волю человека (если такая вообще возможна, что ставит под вопрос Б.Г.Капустин в своей работе «Критика политической философии»).

Очевидно, что за указанными нами проблемами стоит вопрос о том, насколько власть в ходе своей реализации соотносится насилием. Сама же такая довольно осторожная формулировка подразумевает весь спектр от радикального отождествления того и другого, до четкого разделения в терминах легитимности. Поскольку мы не ставим перед собой задачу исследовать различные концепции и даже их перечислить, то мы конкретизируем наши изыскания путем уточнения понятия власти, которое в известной работе Н. Лумана определяется через коммуникацию: «Власть есть управляемая кодом коммуникация. Приписывание власти тому, кто ею обладает, регулируется данным кодом с такими далеко идущими последствиями, которые требуют усиления мотивов подчинения ей, ответственности, институционализации, обращения к ней с требованиями перемен и т.п.»⁴. Власть, также как сила и насилие, как феномены жизненного мира, как объекты изучения и внимания, становятся таковыми там, где есть минимум двое, а как максимум некоторое количество людей, человеческое общество и государство.

¹ См. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.

² Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика: Материалы междунар. интернет-конф., проходившей 15 мая – 31 июля 2002 г. на информ.-образоват. Портале www.auditorium.ru /Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса) – Россия, Ин-т философии РАН; Под ред. Р.Г. Апресяна. – М., 2003.

³ Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010. – С. 46.

⁴ Луман Н. Власть. М., 2001. – С.29.

Общество, власть, насилие и сила, а также сами люди возникают в неразрывной связи с коммуникацией и должны осмысливаться через нее⁵. Принцип развития и существования последней в ее усложнении и дифференциации. Более сложными и разнообразными становятся средства коммуникации, а также сам код, то, что передается от человека к человеку. В этой связи логично следует вывод Н. Лумана о необходимости «селекции» коммуникации. Разрастание средств и самого кода приводит к множеству взглядов, действий, желаний, наконец, образов мира в сознании человека. Власть возникает вследствие необходимости ограничения и контроля такого множества. Она естественна и необходима, поскольку существование общества и человека, понимание людьми друг друга было бы невозможным. И далее Луман называет отличие власти от насилия: «Власть поэтому следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию. У того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю. В своем крайнем варианте принуждение сводится к применению физического насилия и тем самым подмене собственными действиями действий других людей, которые власть не в состоянии вызвать»⁶. Власть в понимании Лумана принципиально отличается от насилия возможностью выбора. Выбор всегда сохраняется в случае властного воздействия, поскольку селекция коммуникации, а значит действий человека и его мыслей, предполагает вариативность. Некоторое множество вариантов или альтернативность поступков и есть принципиальное отличие власти и насилия, определенная между ними граница.

Насилие или принуждение для Лумана представляет собой отсутствие селекции, когда воздействие не оставляет возможности выбора: «Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера»⁷. Власть кончается там, где начинается насилие. Или точнее, власть возрастает одновременно с ростом вариативности, а значит свободы, и наоборот, насилие обнаруживает себя там, где есть недостаток власти. Можно сделать вывод о том, что они существенно чужды друг другу. Власть как коммуникативное средство оперирует полем реальных и возможных объектов, тем, что есть и что может быть, не ограничивая, а наоборот постоянно расширяя поле возможностей. Селекция в этом случае не ограничение, а возможность влиять на выбор, определять предпочтения среди всего множества.

При этом Луман делает акцент на различии генерализация кода и селективного процесса. Генерализация кода выступает условием для селекции, поскольку формирует некоторое общее содержание множества, которое впоследствии можно преобразовывать или в терминологии Лумана подвергать селекции.

С такой точки зрения возникает вопрос о манипуляции, сознательном и целенаправленном изменении реальности, игры с кодом в чьих-либо интересах. Является ли манипуляция насилием, поскольку она вполне подходит под определение селекции? Словенский философ Славой Жижек приводит пример, когда власть как селекция реальности оставляет такой выбор людям, который их не устраивает и провоцирует на насилие, что заставляет задаться вопросом о насильственности самой власти и уязвимости концепции Лумана. Славой Жижек пишет о событиях 2005 года во Франции: «Волнения в пригородах Парижа не были выражением какого-то определенного социально-экономического протеста; и в еще меньшей степени они были утверждением исламского фундаментализма»⁸. Протестное насилие, по мнению С. Жижека, было, прежде всего, сообщением. Протестующие явным образом совершили парадоксальный и непредвиденный выбор для власти. Как минимум он выходит за рамки селекции, а, возможно, даже находится на границе того, что Н. Луман называет генерализацией, поскольку это сообщение довольно трудно было расшифровать самой власти. Жижек приводит даже вероятные варианты, наиболее подходящие и удобные для объяснения этого насилия. Возможно, именно их стоит рассматривать как работу селективных механизмов. Также как стоит признать возможность выхода за их пределы как некоторую случайность. Тогда именно здесь, в этом моменте случайного бессилия власти, а по факту так оно и есть, про-

⁵ Луман Н. Власть. – М., 2001. С. 13.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же.

⁸ Жижек С. О насилии. – М., 2010. – С. 64.

является насилие. Сила, как она определена В.П. Римским и С.Н. Борисовым в качестве множества возможностей, уступает место своей противоположности – насилию⁹. Это момент проблематизирующий власть, поскольку от селекции на уровне определения предпочтений она должна перейти к действиям. Действиям в физическом мире. Именно в этом моменте перехода от перебора гипотетических альтернатив к принуждению путем непосредственного действия возникает необходимость применения полиции.

Неоднозначность ситуации заключается в недостатке власти по Луману, поскольку альтернативы сводятся к минимуму, а также необходимости легитимации действий самой полиции. Вальтер Беньямин описывает эту ситуацию через необходимость различия и отдельности правоустанавливающего и правоподдерживающего насилия в эссе «К критике насилия». В деятельности полиции смешиваются указанные два вида насилия, которые по Беньямину должны обязательно различаться. Чтобы понять его тезис необходимо учесть, что власть и право в его концепции возникают в результате насилия, которое он называет правоустанавливающим. Военное насилие, которое является прототипическим, изначально устанавливает правовой порядок, для чего необходима процедура заключения мира: «... если исходить из военного насилия как первоначального, прототипического насилия и на этом основании делать вывод в отношении любого другого насилия, применяемого в естественных целях, то любому подобному насилию свойственен правоустанавливающий характер»¹⁰. И далее государство, осуществляющее насилие, стремится изъять это право и даже свести к минимуму саму возможность применения насилия людьми, гражданами государства. С этой точки зрения полиция есть не что иное как инструмент власти, но он необходим для поддержки власти, а значит для реализации правоподдерживающего насилия.

На сочетание этих двух видов насилия в полиции как раз и указывает В. Беньямин. Суть полиции для него двойственна и раскрывает природу самой власти, которая скрывает свое основание – правоустанавливающее насилие за насилием правоподдерживающим. И хотя исходные положения у В. Беньямина и Н. Лумана разные они сходятся в определении ситуации применения властью насилия, в том числе посредством полиции. В частности В. Беньямин пишет следующее: «... полиция «из соображений безопасности» действует в тех бесчисленных случаях, когда правовая ситуация характеризуется отсутствием какой-либо ясности, когда полиция не без некоторой связи с правовыми целями сопровождает гражданина по упорядоченной предписаниями жизни, грубо его оскорбляя, или просто-напросто надзирает над ним»¹¹.

Различие в более категоричной позиции Беньямина и отождествлении им власти и насилия: «Функция насилия в правоустановлении является двойкой в том смысле, в котором правоустановление является тем, что применяется как право, – при этом цель преследуется путем использования насилия как средства, – однако в момент реализации право не отказывается от насилия, а модифицирует его теперь уже в строгом смысле, то есть непосредственно, в правоустанавливающее: от имени власти правоустановление утверждает в качестве права не цель, свободную и независимую от насилия, а цель, которая от этого насилия по необходимости и глубинно зависит»¹². Смещение в деятельности полиции правоустанавливающего насилия и правоподдерживающего ставит под вопрос легитимность насилия полиции. Хотя отношение полиции к правоустанавливающему насилию, определенное Беньямином исходя из того, что полиция издает инструкции,

⁹ Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2013. № 2 (145). Вып.23 – С. 5-18.

¹⁰ Беньямин В. К критике насилия // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С.73.

¹¹ Там же. С.78.

¹² Беньямин В. К критике насилия // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С.88. Приведенную трактовку можно сравнить с англо-американской традицией понимания власти, в которой власть описывается в кругу понятий принуждения, влияния, авторитета, манипуляции, обеспечения принятия решений или согласия в отношении некоторых решений. Насилие исключено из понятийно-концептуального ряда описания власти или включается на условиях его инструментального характера. См.: Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М., 2010. – С. 25-59.

имеющие правовой статус, выглядит достаточно спорно. Скорее стоит учесть тот факт, что применение полицией насилия осуществляется в упомянутой нами ситуации недостатка власти, когда селекция реальности как выбор среди альтернатив потерпел неудачу, и действия выходят за границы права. Или, ближе к Беньямину, власть сталкивается с насилием преступника, которое всегда имеет потенциальный смысл правоустанавливающего насилия, и реакция также должна быть насильственной. С тем лишь уточнением, что в зависимости от определения целей такое насилие стоит считать силой, постольку, поскольку она направлена на сохранение мира, целостности государства, людей или конкретного человека, их свободы в конечном итоге. Внутри самого правового дискурса действия полиции остаются легитимными до тех пор, пока их действия находятся в правовом поле и решают правовые цели.

Но отметим, что В. Беньямин пишет также о надзоре как насилии со стороны полиции. И здесь, в рамках концепции Н. Лумана, речь идет об уровне генерализации, когда власть определяет поле общих значений, некоторое общее пространство смыслов. Оно предшествует селекции или самому коду, что в отношении полиции раскрывается в понятии интерпелляции, предложенное французским философом Л. Альтуссером. В работе «Идеология и идеологические аппараты государства» он описывает ситуацию окликанья прохожего полицейским, когда каждый, кто слышит слова полицейского, принимает их на свой счет¹³. Безусловно, с точки зрения психоаналитических теорий здесь возможна интерпретация априорной виновности интерпеллируемых, но также возможна и иная интерпретация. Включение в коммуникацию с явными представителями власти в лице полицейских предполагает определенные ролевые отношения, что очевидно. Но также, поскольку власть оперирует множествами не только реальными, но и гипотетическими, тем, что есть и что может быть, план воображаемого и возможного также включен в тот механизм, который Н. Луман называет селекцией.

Сам надзор также довольно исследован в современной философии, в том числе в известных работах М. Фуко «Надзирать и наказывать» и «Безопасность, территория, население». В конечном итоге речь может вестись о коде вообще, поскольку не только ситуация паноптикума как специально организованного пространства насилия взгляда имеет место быть, то также пастырские практики самонадзора и самодисциплины, а также современной биополитики как организованного пространства жизни. Анализ власти как колебания между силой и насилием приводит к исходному феномену кодирования. Н. Луман так описывает кодирование или символизацию: «Под символизацией (символами, символическими кодами) следует понимать упрощенное выражение некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство»¹⁴. Кодирование, символизация выступает условием власти, ее основой: «Язык – и не только теоретический язык науки – уже подготовил для целей символизации такие «диспозиционные понятия», как сила, способность, потенция. Данные формулировки маскируют то обстоятельство, что власть представляет собой модализацию коммуникативных процессов, поскольку посредством выражения «возможность» эти формулировки одновременно связывают власть с фигурой властителя. В такой своей функции они оказываются составными частями самого кода власти»¹⁵. Полицейский надзор и пресечение противоправных действий, составляющие реальную практику полиции, отражают двойственность, обозначенную В. Беньямином, но скорее это не двойственность насилия, а силы и насилия, двойственность самой власти.

Список литературы

1. Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.

¹³ Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. In: Mapping Ideology. London. Verso 1994. – P. 130-131. Цит. по: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Изд-во «Художественный журнал». 1999. – С. 112.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же.

2. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.
3. Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2013. № 2 (145). Вып.23 – С. 5-18.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Изд-во «Художественный журнал». 1999.
5. Жижек С. О насилии. – М., 2010.
6. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М., 2010.
7. Луман Н. Власть. М., 2001.
8. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М., 2010.
9. Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика: Материалы междунар. интернет-конф., проходившей 15 мая – 31 июля 2002 г. на информ.-образоват. Портале www.auditorium.ru /Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса) – Россия, Ин-т философии РАН; Под ред. Р.Г. Апресяна. – М., 2003.
10. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses. In: Mapping Ideology. London. Verso 1994. – P. 130-131.

BETWEEN THE FORCE AND THE VIOLENCE: THE PHENOMENON OF POWER IN TERMS OF VIOLENCE PRACTICES

A.M. DMITRAKOV
A.A. NOVAKOV

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: journal@bgiik.ru

The paper discusses the fundamental issue of the power in terms of its realization as the force and violence. The power is regarded in the context of N. Luhman's conception as the selection of communication. The power is related with the force in the situation of plurality and the violence as the lack of power. The authors consider the phenomenon of the duality of police as the means of power in the conception of W. Benjamin.

Key words: power, violence, force, police.

УДК 351.858; 352

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ ВЛАСТИ»**И. Г. ДОВГАЛЮК***Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины**e-mail: samar2000@yandex.ru*

В статье анализируется сущность мемориальной деятельности, которая понимается как творческая деятельность, направленную на увековечивание памяти об исторических лицах и событиях, которая базируется на символических образах и формирует ценностную направленность общества. Мемориальная деятельность непосредственно связана с качественными изменениями в функционировании власти, в частности – «мягкой» власти (soft power).

Ключевые слова: территориальная община; мемориальная деятельность; символизм.

Человек отличается от других живых существ тем, что живет в мире им самим созданных символов. Решающей характеристикой человека является его способность к символизации. Наши действия на подсознании управляются образами-символами.

Философское осмысление символа имеет солидную историю. Платон, Аристотель, Прокл, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Шеллинг выдвинули оригинальные концепции символического. Как правило, каждая эпоха понимает символ по-своему.

Именно на основе символического базируется мемориальная деятельность, которая связана с памятью о ком-либо или о чем-либо. Непосредственными носителями данного свойства выступают мемории – предметы, вещи, хранящие память о людях и событиях. Отсюда, «мемориальную деятельность» логично понимать как творческую деятельность, направленную на увековечивание памяти об исторических лицах и событиях, формирующую ценностную направленность общества. Ее основными формами являются поисковые и проектно-изыскательные работы, изготовление памятников, то есть работы, связанные с увековечиванием памяти. Постоянно воспроизводя духовные ценности в виде символов-мемориев, общество обеспечивает культурную преемственность поколений посредством хранения памяти о прошлом.

Проблеме ценностей посвящено значительное количество научных работ. Этим проблемам уделяли внимание такие известные ученые как Э. Афонин, В. Бакиров, А. Злобина, В. Казаков, В. Новак, А. Радченко, П. Слепец и другие. В числе западных исследователей следует назвать такие известные имена как Г. Алмонд, С. Верба, С. Хантингтон и другие.

То же время, следует уделить внимание нерешенному до конца вопросу объединения общества вокруг исторических ценностей.

Целью данной статьи является желание рассмотреть мемориальную деятельность как инструмент «мягкой власти», объединяющей общество вокруг исторических символов и ценностей.

Следует акцентировать внимание на том, что символ занимает в иерархизированной семье знаков общественных отношений высшую ступень после иконических определяемый и индексов¹. Следует согласиться с Н. Автономовой, что от того, как мы сейчас понимаем символ зависят важные стороны духовной и практической жизни людей².

Э. Кассирер, А. Лосев поддали осмыслению человеческую символическую деятельность, исходя из понимания сущности человека. Хотя Э. Кассирер и А. Лосев опираются на И. Гете, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, однако каждый приходит к философии символического своим путем. В обоих мыслителей дается очень широкая трактовка символа,

¹ Западнюк С. О. Суспільно-географічні фактори міграції населення / С. О. Западнюк // Український географічний журнал. – 2007. – № 3. – С. 40-45.

² Автономова Н. С. Идея символизма у И. Канта и Ж. Лакана // Труды семинара по герменевтике (Герменеус) : сб. науч. трудов – Вып.1 – Одесса : Принт Мастер, 1999. – С.103.

они изучали способы конструирования символа для различных сфер деятельности человека, для различных эпох и культур. Символ понимается как «способ связывания и обозначения разнородного чувственного материала и в то же время форма проявления и рефлексии человеческого духа»³. Для Э. Кассирера символ – особая форма выражения творческой энергии духа. Э. Кассирер и А. Лосев убеждены, что иррационализм и субъективистский произвол угрожает разрушением культурных традиций и рациональных основ существования общества. Философия человека как символического существа разрабатывалась в полемике с «философией жизни».

Для Э. Кассирера человек выступает как носитель культуры и его жизнь не есть нечто изначально данное, оно есть предельным понятием, итогом синтеза всех культурных форм. «Пока мы будем рассматривать ощущения как знаки вещей, которые позволяют им возникнуть, и будем предоставлять таким знакам связь с прошлыми ощущениями, которые тоже были подобными знаками, мы еще не прикоснемся даже к поверхности симвообразующего человеческого разума»⁴. С. Лангер исходит из понимания символа как спонтанного проявления человеческой природы. Человеку присуща некая первичная потребность, которой не обладают другие существа, которая приводит в движение все ее явно незоологические устремления – ее фантазии и мечты, ценностные понятия, непрактичный энтузиазм и осознание чего-то «потустороннего», наполненного святостью ... Это – самая важная, глубоко органичная и властная потребность⁵. Речь идет о потребности в символизации, ведь мышление является символическим процессом. Человеческий опыт вовлекается в поток символов, составляющих человеческий разум.

К. Гирц подчеркивает продуктивность изложенного подхода к человеку, указывая, что символы структурируют события, которые проживает человек. При таком подходе культура как совокупность символов не просто украшение человеческого существования, а важнейшее ее условие.

Э. Кассирер замыкает концепцию символа в сфере сознания. А. Лосев проверяет этот тезис на прочность и делает из него мировоззренческие выводы. Символизм конца XIX – начала XX века, по мнению А. Лосева, понимается слишком узко – «как мистическое отражение потустороннего мира в каждом отдельном предмете и существе»⁶. Мир человека – миф (развернутый символ).

Проведенный нами анализ концепций Э. Кассирера и А. Лосева позволяет сделать следующий вывод: философский символизм стремится создать универсальную теорию разума; решающей характеристикой человека является его способность к символизации. Философский символизм становится инструментом проникновения в фундаментальные структуры человеческой деятельности, в язык, миф, религию, науку, искусство.

Понять культуру, понять человека значит понять принцип образования символических миров, способы и процессы формирования общественных ценностей. Следует заметить, ценности существуют во взаимодействии субъектов «личность – общество – государство», где ценности выступают общеобязательными нормами, правилами поведения, формируют из совокупности индивидов целостную и социальную систему общества. Ценности определяют характер и способы взаимодействия субъектов в обществе, политике, государственном управлении⁷. Очевидно, трансформация любого общества ведет к изменению доминирующей системы ценностей.

³ Петриковская Е.С. Человек и мир в философии символизма // Наукове пізнання : методологія та технологія. – Одеса. Науковий журнал. – № 1 (11). – 2003. – С. 50.

⁴ Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – С. 42.

⁵ Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – С. 41.

⁶ Вейнмейстер А. В. Символическая интерпретация культуры в концепции Э. Кассирера и А.Ф. Лосева : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. филос. наук : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / А. В. Вейнмейстер. – СПб, 2006. – 21 с.

⁷ Енциклопедія державного управління : у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентіві України ; наук.-ред. колегія : Ю. В. Ковбасюк (голова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. – Т. 1 : Т. 1 : Теорія державного управління / наук.-ред. колегія : В. М. Князев (співголова), І. В. Розпутенко (співголова) та ін. – 2011. – 748 с.

Ценности – это стойкое убеждение в том, что определенный тип поведения или действия имеет преимущество в существующем типе культуры. Ценности являются элементом культуры, который составляет основу нормативного механизма регуляции социального поведения. Ценностные ориентации образуют самый высокий уровень в иерархии диспозиционных образований, указывая на склонность к определенному восприятию условий жизни и деятельности, а также поведения.

В ситуациях морального выбора ценности служат критериями принятия социальным субъектом важных, определяющих решений. Ценности можно соотносить с целостностью образа жизни: будучи отражением социальных интересов, они выражают субъективную позицию, мировоззрение и нравственные принципы социальных субъектов.

Т. Парсонс убежден, что стратегические цели развития государства формируются на основании ценностей, которые лежат в основе будущей модели. Именно ценности выступают источником институционализации власти и государства. По А. Радченко, механизм власти как социально-исторического феномена является производным от ценности, которая, в свою очередь, является производным от интересов и потребностей, и далее – от самой основы жизнедеятельности человека – инстинкта. Он также делает вывод о трехмерности потребностей в соответствии с триединой сущностью человека, поскольку ресурсами жизнедеятельности являются не только ресурсы материального характера (пища, вода, одежда, деньги и т.п.), но и ресурсы коммуникативные (информация, общение, знания) и духовные (верования, самоутверждения, патриотизма). Так как потребности непосредственно определяют ценности, можно утверждать, что ценностная система общества также трехмерна и полностью накладывается на объемную модель потребностей-интересов человека⁸.

Каждый индивид формирует собственный набор ценностей и потребностей, удовлетворение которых и составляет цель его жизни. Значительную часть ценностей формирует и контролирует общество, однако общество никогда не сможет контролировать абсолютно все потребности человека. Определенную часть пытается регулировать государственная власть. К. Дейч, который назвал власть самостоятельной ценностью, способной достигать других ценностей, а политику рассматривал как упорядочение и распределение ценностей в обществе авторитарным способом⁹. Индивид сталкивается с тем, что его интересы пересекаются с подобными интересами других членов этого сообщества. Согласовать противоречивые интересы может только общество – нормами табу, морали, права. Удовлетворение интересов требует ресурсов жизнедеятельности – материальных, коммуникативных и духовных благ.

Потребности общества непосредственно определяют ценности. В то же время общество определяет приоритетность ценностей.

На формирование ценностных ориентаций общества влияют различные факторы.

Выявление этих факторов и определение степени их влияния на различные стороны жизни территориальной общины является необходимым условием социально-экономического развития общества. Различные факторы определяют поведение представителей общества, их ценностные ориентации, взгляды, традиции и ментальные черты.

В условиях перехода от одной социально-политической системы к другой существует необходимость теоретического осмысления, всестороннего анализа и интерпретации исторических фактов.

Увековечение истории позволяет по-новому сформулировать социальную миссию мемориала (памятного знака), сконструировать концептуальную модель, которая в конечном результате предскажет целевые ориентиры духовной жизни общества.

Генерируя новейшие концепции и интерпретации исторического процесса, актуализируя историческую память, государственные учреждения и территориальные общины аккумулируют и сохраняют национальное и мировое историко-культурное наследие, проводят фундаментальные и прикладные исторические исследования, реализуют мощ-

⁸ Радченко О. В. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення : [монографія] / О. В. Радченко – Х. : Вид-во ХарPI НАДУ "Магістр", 2009. – С.11-21.

⁹ Deutsch K. Politics and Government. How People Decide Their Fate. / K. Deutsch – Boston : Houghton Mifflin, 1974.

ные экспозиционно-выставочные проекты, оставаясь субъектом культурного и духовного становления украинской нации, влияют на формирование национальной идеи, играют в обществе объединительную роль¹⁰.

Мемориальные коллекции, памятные знаки собираются для реализации потребности в сохранении памяти, в создании особого предметно-пространственной среды с предметом – символом, что оказывают сильное эмоциональное воздействие. Следует акцентировать внимание на том, что феномен памяти сочетает традицию, историческое сознание, культурную идентификацию в процессах текущего и символического «присваивания» лицом и сообществом жизненной действительности¹¹.

Конституирование памяти неоднородно и необходимое для коллективного или индивидуального отождествления прошлого. Известный французский ученый Поль Рикер книгу «Память, история, забвение» посвятил тайнам двухтысячелетней истории мнемотехники европейской цивилизации. По П. Рикеру, общественно-гражданская история государств тесно связана с различными формами насилия, а соответственно смирения и траура. «В архивах коллективной памяти накапливаются символические раны, которые требуют заживления», это проявляется в торжественных ритуалах, погребальных церемониях, чествовании годовщины и других надындивидуальных «потерь», которые могут «сплотить целые нации»¹².

Поэтому самая деятельная разработка болезненных опытов является терпеливым путем к успешному преодолению воспоминаний, которые травмируют. Траур относится к «нормальным, хотя и болезненным явлениям», которые положительно идентифицируют личность, коллектив, нацию. «Труд припоминания» предполагает открытость к прошлому, пережитому, обуславливает постепенное преодоление сопротивления относительно факта неизбежной потери, критическое «присвоение» факта под обзором уважения к самому себе и окончательно – прощения, что «акцентирует ценность прошлого, укрепляет будущее»¹³. В противоположность трауру, меланхолическая память является примером негативного воспоминания, которое грозит разрушить целостную, пусть и временно «раненую», идентичность. Такое припоминание не предусматривает согласия, в котором «современность примирилась бы с прошлым». Принуждение к подобной интерпретации коллективного наследия является примером «памяти, сдерживающей» уже упомянутой механически пассивной ритуализации прошлого или различными способами её вытесняющей. Поэтому и возникает ситуация, когда память становится «слишком много или «слишком мало» – это следствие злоупотреблений. Поэтому в понимании П. Рикера именно разработывание травмы, в частности, через терапию траура, «занимает стратегическую позицию в рефлексии над хрупкостью памяти»¹⁴.

П. Рикер часть своего труда посвящает анализу внешних целевых манипуляций, которые меняют культурные, социальные и общественно – гражданские традиции уже не отдельной личности, а целого сообщества. Зброшенная и слабая коллективная память подвергается каждый раз сильным политическим и идеологическим злоупотреблением, а П. Рикер рассматривает процессы в плоскости тесных взаимовлияний памяти и идентичности.

Символические системы являются не только средством освобождения и творческого развития человека, но могут служить и средством порабощения и манипулирования сознанием человека, они перерастают в ценность. Символы являются инструментами «мягкой власти» («soft power»)¹⁵ которая имеет недавнее происхождение и обязана,

¹⁰ Викулова В. П. Мемориальная деятельность библиотеки: организационно-управленческая концепция : монография / Департамент культуры г. Москвы, Центр, гор. б-ка – мемор. центр «Дом Гоголя» ; науч. ред. проф. В. К. Ключев ; авт. вступ. ст. М. Д. Афанасьев. – М. : «Издательство ФАИР», 2009. – 320 с.

¹¹ Лосик Ореста. Філософія пам'яті Поля Пікера / Ореста Лосик. – Вісник Львівського університету. – 2011. – Вип. 14. – С.57-63. – (Серія : «Філософія»)

¹² Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр ; [пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризян]. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). – С.117.

¹³ Там же. С.127.

¹⁴ Там же. С.108.

¹⁵ Фадеичева М.А. Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти / М.А.Фадеичева // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. – Т.8. – 2012. – №4. – С.218-227.

прежде всего, Дж.Наю. Она действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется.

Словосочетание «мягкая власть» наилучшим образом соответствует описываемому явлению, т.к. речь идет о способности изменять поведение других людей, заставляя их опосредованно делать то, что они в ином случае не сделали бы, т.е. это категория именно власти, а не силы или мощи.

Создание «привлекательности» в качестве необходимого условия осуществления «мягкой власти» представляет собой не что иное, как лингвистическое конструирование интерпретации реальности¹⁶.

Сила «мягкой» власти (soft power), действует так, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего самостоятельного выбора. Инструментами влияния «мягкой власти» выступают привлекательные идеи и символы, визуальные и аудиальные образы. «Мягкая» сила осуществляет свое воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. Она активизирует стереотипы и ценности общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления. «Мягкая власть» использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния.

Своеобразная трактовка «мягкой силы» содержится в коммуникативной теории власти Юргена Хабермаса. Ю. Хабермас выделяет два типа властного действия: стратегическое и коммуникативное. В стратегическом действии одна сторона воздействует на другую либо при помощи угрозы применения санкций, чтобы принудить к взаимодействию. Коммуникативное же действие предполагает такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий в целях достижения согласия и признания значимости позиций обеих сторон.

Под коммуникативным действием Ю. Хабермас подразумевает равноправное участие сторон, при этом коммуникация осуществляется в форме особого рода переговорного процесса, в основе которого лежит принцип достижения консенсуса. Совокупность условий, обеспечивающих в ходе переговоров коммуникативный консенсус, обозначается понятием «этика дискурса»¹⁷.

Как отмечает Ю. Хабермас: «Согласно республиканским воззрениям, формирование общественного мнения основывается не на структуре рыночных процессов, а самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания»¹⁸.

«Мягкая власть» использует стратегию соблазна, то есть стратегию обольщения посредством приманки, предлагающей в качестве предмета потребления иллюзию, которая зачаровывает, в иллюзорную реальность которой погружаются с радостным удовольствием. В этом источник силы. Источник мягкой силы соблазна – во владении символическим пространством. Соблазн, как отмечает Бодрийяр, связан с захватывающей силой образа¹⁹.

Идеальной моделью символического пространства является мемориальная деятельность. Церемонии поклонения выступают событиями особого рода – событиями соблазна, которые в современном мире конкурируют с событиями политического и социального характера. В мемориях символы обретают собственную идентичность.

Таким образом, мемориальная деятельность базируется на основе символов. Символизм является инструментом проникновения в фундаментальные структуры человеческой деятельности. Символы являются одновременно средством освобождения и творческого развития человека, но могут служить и средством порабощения и манипулирова-

¹⁶ Панова Елена Павловна. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Панова Елена Павловна; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений]. - Москва, 2012. - 21 с.

¹⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Под ред. Д. В. Складнева. Изд. 2-е, стереотипное. СПб.: Наука, 2006. – С.101.

¹⁸ Там же. С.388.

¹⁹ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. – С. 181

ния сознанием человека. Символы – это инструменты «мягкой власти» («soft power»). «Мягкая власть» использует стратегию оболыщения, зачаровывает, в неё человек погружается с радостным удовольствием.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Идея символизма у И. Канта и Ж. Лакана // Труды семинара по герменевтике (Герменеус) : сб. науч. трудов – Вып.1 – Одесса : Принт Мастер, 1999. – 329 с.
2. Вейнмейстер А. В. Символическая интерпретация культуры в концепции Э. Кассирера и А.Ф. Лосева : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. филос. наук : спец. 24.00.01 “Теория и история культуры” / А. В. Вейнмейстер. – СПб, 2006. – 21 с.
3. Западнюк С. О. Суспільно-географічні фактори міграції населення / С. О. Западнюк // Український географічний журнал. – 2007. – № 3. – С. 40-45.
4. Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – 143 с.
5. Панова Елена Павловна. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Панова Елена Павловна; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений]. – Москва, 2012. – 21 с.
6. Петриковская Е.С. Человек и мир в философии символизма // Наукове пізнання : методологія та технологія. – Одеса. Науковий журнал. – № 1 (11). – 2003. – С. 50-56.
7. Радченко О. В. Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення : [монографія] / О. В. Радченко – Х. : Вид-во ХарРІ НАДУ “Магістр”, 2009. – 380 с.
8. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. – С. 173-192
9. Фадеичева М.А. Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти / М.А.Фадеичева // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. – Т.8. – 2012. – № 4. – С.218-227.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Под ред. Д.В. Складнева. Изд. 2-е, стереотипное. СПб.: Наука, 2006. – 384 с.
11. Deutsch K. Politics and Government. How People Decide Their Fate. / K. Deutsch – Boston : Houghton Mifflin, 1974.

MEMORIAL ACTIVITIES AS AN INSTRUMENT OF "SOFT POWER"

I. G. DOVGALYUK

*Kharkiv Regional Institute
of Public Administration of the
National Academy of Public
Administration attached to the
President of Ukraine*

e-mail: samar2000@yandex.ru

The article analyzes the nature of the memorial, which is understood as a creative activity aimed at perpetuating the memory of historical persons and events, which is based on symbolic images and forms the value orientation of society. The commemorative activities are directly related to qualitative changes in the functioning of government, in particular – the "soft" power.

Key words: local community; memorial activities; community organizations involved in memorial activities; values.

ИКОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ БЫТИЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

М.С.ЖИРОВ¹
В.Н.КОЛЕСНИК²

¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

²⁾ БУКЭП

В статье исследуется роль, место и значение иконы в жизни русского народа с точки зрения христианского и бытового мировоззрения, библейской антропологии. Содержание статьи раскрывает смысл, образы и сюжеты русской иконы как способа отражения бытия человека в семье, сообществе, мире.

Ключевые слова: икона в русском доме, православная традиция, икона как код бытия человека, сюжеты икон, смысл образа, чудотворные иконы, антропологичность названий икон, эстетика иконы, духовный и практический смысл иконографии.

Русская икона является неотъемлемой частью православной традиции, всеобъемлюще отражая творения человеческого духа и красоту божественного мира, выступая прообразом идеального человека. В ней по мысли Е.Н. Трубецкого сосредоточена «вся сила Нравственного подвига, вся сила духа и его власть над телом. Изможденные лики святых противостоят кровавому царству плоти не только «истонченностью чувств», но и «новой формой жизненных отношений».¹

Икона раскрывает, дополняет и показывает пути реализации ориентирующей идеи преображения мира на духовно-нравственной основе, ибо вся история России прошла под знаком иконы. Многие прославленные и чудотворные иконы стали свидетелями и участниками важнейших исторических перемен в судьбе Отечества (объединение русских земель, освобождение от иноземных захватчиков, созидательный труд и т.д.). Посредством иконы мы очищаем души, преображаем все свое естество. Отсюда идея чудотворных икон. Русское слово «исцеление» имеет тот же корень, что и слово «целый», «цельный», а следовательно истинный смысл его будет намного глубже того обыденного значения, к которому мы привыкли. Исцелить, значит сделать единым, вернуть единство, собрать воедино.

Ни одно важное событие в жизни православного человека «от первого его вздоха до последнего» также не обходилось без иконописного образа (крещение, венчание, начало любого нового дела, длительное путешествие, отпевание и т.д.). Передаваясь из поколения в поколение, икона в семье становилась духовной реликвией, ориентируя на нравственные ценности, идеалы и традиции предков, способствуя «деланию» человека. Икона – неперемнная святыня в доме каждого православного.

Само слово «крестьянин» произошло от слова «христианин», ибо на Руси все крестьяне были верующими. На Руси в старину иконы были не только в храме. В каждой избе в почетном красном углу висели образа. Иконы помещали над входом в дом, над воротами, над дверями амбаров, на перекрестке дорог, у колодцев, над воротами при въезде в город, в хлеву. Единственной постройкой русского дома, не освященной иконой, была баня. В царских семьях были популярны мерные иконы. После рождения царевича с ребенка снимали мерку и передавали ее иконописцу, который должен был найти соответствующую доску и написать образ покровителя святого. В домах зажиточных бояр и купцов и в царских палатах устраивались специальные комнаты – *образные*, где хозяева могли уединяться для молитвы перед иконой.

Икона в доме православного человека – это явление Бога, который воспринимался как Абсолют, к которому человек обращался своим внутренним миром, своими мыслями и чаяниями. Икона помогала человеку быть цельным, не расплываться и не размельчаться в пустых делах и целях, «активизируя собирательскую волю на Добро и Сози-

¹ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе; Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в её иконе / Послел. И. Панкеева. – Новосибирск: Сибирь XXI век, 1999. -112 с., ил.

дание», когда вдруг вся внутренняя скверна озаряется каким-то небесным светом, и видна даже пылинка греховная, где-то глубоко спрятавшаяся; когда требование совести настолько обостряются, что даже малейший грех тяжелым камнем давит сознание, и является потребностью очиститься» (Жевахо, с. 29-31).

Таким образом, икона выполняла роль духовно-нравственного ориентира каждодневных дел, поступков, образа жизни, а потому в ней особенно ярко выражена внутренняя гармония человека, примиренного с Богом, с самой собой и окружающим миром. Не случайно даже названия многих икон свидетельствуют об антропологическом подходе к верующему, что подтверждается их следующим рядом: «Спас», «Умиление», «Всемилолюбивая», «Достойна есть», «Всех скорбящих Радость», «Умягчение злых сердец», «О тебе радуется» и т.д.

Основной состав икон схож на разных территориях (Спаситель, Николай Чудотворец, св. Иоанн Креститель, св. Георгий Победоносец, св. Пантелеймон, Пророк Илья, апостолы Петр и Павел и т.д.), но добавляется обычно образом святых, особо чтимых в данной местности: в Калужской области, например, образ прп. Тихона Калужского, в Воронежской – прп. Митрофания Воронежского, в Белгородской – святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца и т.д. Добавлялись также иконы святых покровителей хозяина дома или членов семьи, а также образа святых, почитавшихся покровителями основного занятия хозяина, св. Власий – скотоводства, св. Зосима – пчеловодство, свв. Козьма и Дамиан – кузнечество, свв. Флор и Лавр – коневодство и т.п. Христианский пантеон велик: в нем есть помощники и заступники на все случаи жизни. Икона на Руси выполняла особую функцию – она была и молельным образом, и книгой, с помощью которой обучаются, и спутником жизни, и святыней, и главным богатством, передаваемым как наследство.

Целью категориям населения покровительствовали различные святые. Интегрированность в жизнь своей эпохи очень четко прослеживается в формировании определенных групп святых. Целесообразно воспроизвести слова искусствоведа В.Н. Лазарева: «Пожалуй, еще примечательнее те изменения, которые претерпели на русской почве образы византийских святых, ставших играть новую роль в соответствии с запросами земледельцев. Георгий, Власий, Флор и Лавр, Илья Пророк, Николай начинают почитаться, прежде всего, как покровители земледельцев, их стад и их дома со всем его имуществом. Параскева Пятница и Анастасия выступают патронами торговли и базаров. Большинство этих святых было наделено аналогичными функциями и в Византии, но там духовенство не придавало последним большого значения»².

«Сам факт, что в Византии умалчивалась связь святых с реальными верующими, говорит о многом. Это подчеркивает демократичный и открытый характер русской иконы, ее доступность и человечность. Каждый взрослый мужчина должен был обрабатывать землю или вынужден был защищать ее от врагов. Этим объясняется особое почитание и любовь к образу Георгия Победоносца, который покровительствовал хлебопашцам и воинам. Его изображение можно было встретить и на боевых щитах, и над входом в лагерь русской дружины, и на гербовой печати Ярослава Мудрого, и на гербе города Москвы, и на русской копейке и т.д. Этот образ настолько любим в народе, что в некоторых краях (в Новгороде, например, его считали землеустроителем и стражем деревенских стад). Святой Николай считался покровителем плотников и строителей горододельцев, а также всех путешествующих и страждущих. Он защищал от морских бурь, пожаров»³. Федор Тирон оберегал колодцы, Козьма и Демьян были святыми покровителями кузнецов и лекарей, Фрол и Лавр – святые коневоды, Власий – защитник домашних животных, коровам и овцам помогал святой Василий, козье стадо охранял святой Спиридоний, апостол Петр почитался в народе покровителем рыбаков. В ряде местностей рыбаки считали 12 июля (день Петра и Павла) своим праздником и т.д.

Космической катастрофой воспринималось на Руси нашествие половцев, татар, печенегов и других врагов, а также и пожары. Чтобы пожар миновал дом, обращались и к

² Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983. – С. 21.

³ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 109, 110.

иконе Божьей Матери. Такой иконой благословляли под венец дочь. Жениха благословляли иконой Спаса (иногда иконой Николая Угодника).

Согласно результатам исследования свадебной обрядности, практически во всех регионах Белгородской области обряд «пропя», имеющий массу местных названий (запитушки, пропитушки, договор, рукобитье, запоручение) закреплялся совместной молитвой, целованием иконы, благословением молодых: «Бог Вас благословляет и мы благословляем». Зафиксированный нами в селе Нежеголь Шебекинского района текст свадебной песни подтверждает незыблемость принятого решения и крепость отцовского рукобитья:

У нас все дело слажено.

У нас на Божье слово положено.

По рукам у нас со сватами ударено.

С этого момента свадьба не могла расстроиться ни под каким предлогом, а родители жениха и невесты получали право величать друг друга сватами:

Как у свата во дворе,

У Ивана Ивановича,

В колокол ударили.

С зятем поздравили.

До сих пор на Белгородчине бытует обычай, имеющий многолетнюю традицию благословлять жениха и невесту иконой каждого в своем доме, а потом пару перед отъездом к венцу и в доме жениха после венчания: «Дай Вам, Бог, жить в ладу да согласии!» В селах Яковлевского района нами зафиксирована песня, которую «играли» молодым по пути из церкви:

У Бога мы были.

Да Богу мы молились.

Да поклон низко клали,

Во сырую землю.⁴

Как установлено в ходе исследования, многозначительность ритуальных действий в обряде «повивания» невесты (переход девушки – невесты в статус замужней женщины посредством смены девичьего комплекса одежды на женский, включая головной убор) также достигалась благословением, усаживанием молодых под образами специально приуроченными песнями: «Свечи горят повивальные, трубы трубят позолоченные», «Благословите, сваты, переводить девицу на молодницу», «А Вы, грицы, красные девицы, благословите и помогите». Следует подчеркнуть, что повивальные свечи готовили заранее, «первивая» по две для крепости брачных уз. По окончании обряда свечи прятали за образами на божнице и хранили всю жизнь «пуще ока»⁵.

Особая христианская символика нашла отражение в родинной обрядности (зажигались лампы, венчальные свечи, читались молитвы, обращенные к Господу и святым); в приметах, связанных с рождением младенца в дни годовых праздников («Божье благословение»), в дни памяти святых мучеников («на роду муки написаны»); в обряде крещения, который согласно вере, снимал с ребенка первородный грех, ставил его под защиту и покровительство Бога, в конечном итоге преобразовывал пришельца с «иного» мира в дитя земного мира, так как по обряду ребенок получал имя. Чаще всего – нарекали по имени святого, память которого случалась в день крещения, а иногда – в честь очень уважаемого и почитаемого в роду человека. По мнению П.А. Флоренского, «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность. < > Поэзия, письменная и изустная, держится на именах. < > Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь. А если имя мученика – и жизнь сойдет на одно сплошное мучение»⁶.

Особая любовь к святым на Руси объясняется миролюбием и трудолюбием русских людей, их стремлением сохранить покой и привычную жизнь как внутри своей се-

⁴ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – С.138, 160, 161.

⁵ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – С.170.

⁶ Флоренский П.А. Культ, религия и культура //Богословские труды. Т. XXII – М.,1976.- С.70.

мы, так и в стране, но не в коем случае не воинственностью их характера. Известный американский ученый Дж. Биллингтон в своей книге «Икона и топор» рассматривает сложнейшие процессы русской истории, исполненные, с его точки зрения, противоречий и парадоксов, глазами человека, влюбленного в русскую культуру. Он считает знаковым, что в русских домах были и топор, и икона. Любовь древних русичей к иконам, изображающим Богородицу, он объясняет следующим образом: «Мать являлась как бы живым воплощение вездесущих икон Богоматери... Мужчины монополизировали активное ведение войны и занятие государственными делами, в то время как женщины культивировали пассивные духовные добродетели, такие как терпение и исцеляющая любовь. Женщины смиренно поддерживали течения русской духовности, славившие непротивление злу и добровольное страдание, уравновешивая, таким образом, военные и государственные стремления мужчин»⁷.

Однако чудотворными, в собственном смысле, почитаются иконы, так или иначе явившие себя чудотворением и с особенной доступностью и ощутительностью являющие свою силу. Особенно значительно количество почитаемых, как чудотворные, икон Божией Матери. По верованию Церкви, пресв. Матерь Божия, которой усыновлен в лице ап. Иоанна Богослова весь человеческий род, или вся Церковь, не оставляет мира и в Своем Успении, и пребывая в небесах, Она вместе с тем живет и жизнью нашего мира, болеет его болезнями и плачет его слезами, предстательствует о нем Своими молитвами. Потому она являет Себя миру и в чудотворных Своих иконах, которые сохраняют Ее ощутительный след на земле.

Икона Христа и икона Божией Матери, в особенности когда Она изображена с Младенцем, является свидетельством неложности вочеловечения Христова. Есть и другой смысл такой неразлучности икон Христа и Матери Божией. Как указывает Л. Успенский, икона Христа есть образ вочеловечившегося Бога, икона же Божией Матери есть совершенный образ обожаемого человека, на чем покоится наше спасение.

Почитание святых икон с изображениями Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, ангелов и святых (сюда же относятся и святой крест и святое Евангелие) в православном благочестии занимает видное место. Канонически почитание икон основывается на постановлении VII Вселенского Собора (787 г.), окончательно подтвержденное на Константинопольском соборе 843 года, которое признается имеющим непреходящую силу для Церкви. Оно имеет свое основание и в религиозной психологии, столь глубокое, что икона у православных является существенной необходимостью для благочестия.

Человек, ищущий истину, увидит в иконе мостик между мирами – видимым и невидимым, миром культуры и миром откровения. Для людей воцерковленных икона – помощь в молитвенном углублении и духовном делании. Икона актуализирует веру, делает ее живой, диалогичной, способной к межконфессиональному общению и сотрудничеству.

«В этом положении, безусловно, заслуживает внимания тезис о необходимости в художественно-концептуальном исполнении иконы проследить тяготение ее к глобальному, экстерриториальному мышлению и отражению в ней таких проблем и вопросов, которые понятны и близки людям разных эпох и национальностей. Но, тем не менее, удивляет поверхностное знание темы. Икона на Руси способствовала «деланию» человека, «очищению подлинной человечности». Русская духовность поддерживалась как женщинами, так и мужчинами. «Непротивление злу насилием» было главным мотивом поступка князей Бориса и Глеба, реальных исторических персонажей, которые стали высокопочитаемыми на Руси святыми, а их изображения широко распространялись на Руси как предостережение братоубийственных войн. Выше подробно перечисленные любимые святые отражают народные вкусы и пристрастия и род деятельности: землепашцы, коневоды, плотники, градостроители, защитники различных домашних животных, кузнецы, торговцы, купцы, лекари, путешественники, строители колодцев, защитники от пожаров и т.д. Это все мирные виды занятий. В том, что Георгий Победоносец покровительствовал и воинам, и хлебопашцам, и был землестроителем, и стражем деревенских стад кроется

⁷ Биллингтон Джеймс Х. Икона и Топор: Опыт истолкования русской культуры; [Пер. с англ.: С. Ильина, М. Еремина и Н. Мохниной; Под общ. ред. В. Скороденко]; Всерос. гос.б-ка иностр. лит. им. М.И. Рудомино. – М.: Рудомино, 2001. – С. 5.

особенность русского мировосприятия. Воевал он только тогда, когда надо защищать свой ратный труд, свою землю, свое богатство (скот был главным богатством на Руси). И все-таки доминирующим в его образе было не воинствующее начало»⁸.

Следует заметить, что имя Георгий в переводе с греческого означает земледелец. Не случайно массой предохранительных обрядовых действий, ритуалов, песен, направленных на то, чтобы уберечь домашних животных от болезней, сглаза, хищного зверя и обеспечить его плодovitость, наделен праздник Георгия Победоносца, или Егорьев день, в народе – Егорий, покровитель скота. В этот день впервые после зимы выгоняли домашних животных на пастбища. «В селах Белгородского края хозяйки провожали их со двора «веткой вербы, смоченной в освященной воде, коей окропляли двор, живность и, трижды обойдя вокруг, хлестали её, приговаривая:

Макарий, ты наш храбрый,
Григорий Преподобный,
Сохрани нашу скотинушку
И в поле, и за полем,
И в лесу, и за лесом.
От зверя лютого, от человека злого.
От стихии и ненастья»⁹.

По всей вероятности, представленный нами образец песни является своего рода «окликанием» Егория, почитаемого в народе за хранителя домашних животных. Ввиду этого надлежало усердно молиться Георгию – Победоносцу:

Егорий преподобный, Егорий наш храбрый.
Милостлив к нам будь, не гневись,
На нас, христиан, оглянись.
Скотинушку пожалей и сбереги,
От стужи холодной и зверя лютого

(село Рождествено Валуйского района).

В некоторых местностях бытовала поговорка «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В ней нашло отражение то, что в народе Георгий почитался не только охранителем скота, но и повелителем волка.

Анализируя иконографию новгородских святых, В.Н. Лазарев убедительно показывает, сколь тесно религиозное искусство Новгорода переплеталось с реальной жизнью и ее запросами. «Все эти образы святых ассоциировались в рядовом сознании с тем, что было всякому близко и что всякого трогало и волновало. Эти святые воплощали не отвлеченные метафизические понятия, они являлись не тощими школярскими аллегориями, рождавшимися из заумной схоластической мысли, а были живыми символами самых насущных интересов землепашца. Когда он смотрел на Власия, он вспоминал свою единственную лошаде́нку; когда молился Параскеве Пятнице – думал о ближайшем базарном дне; когда взирал на грозный лик Ильи – ему припоминалась жаждавшая дождя иссушенная земля; когда стоял перед иконами Николы – искал его помощи, чтобы уберечься от пожара. Все эти образы святых были ему близкими и родными. Несмотря на их отвлеченность, они были полны в его глазах тем конкретным жизненным содержанием, которое позволяло ему воспринимать икону настолько эмоционально, что она казалась ему поэтической повестью о пережитом и пережитом»¹⁰.

«И если мы обратимся к иконам других школ (Псковской, Московской), то и в них найдем живые символы самых насущных интересов землепашца. Именно мирный труд, мирная жизнь и деятельность аккумулярованы в русской иконе, но не как «монополизованное активное ведение войны». Икона отражала условия той культурной среды, в которой жил человек. В домах, прежде всего, хранились изображения наиболее «полезных» святых, «скоропомощников» в важных делах.

⁸ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 110, 111.

⁹ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000. – с.102.

¹⁰ Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983. – С. 57-58.

Аргументом, который свидетельствует о не совсем точном знании русской иконы, может служить факт умолчания Дж. Биллингтоном иконописных образов русских женщин-святых, таких как княгиня Ольга (X в.), Ефросинья Полоцкая (XII в.), Соломония Сабурова (XVI в.). Эти образы укрепляли в массовом сознании национальный идеал сильной духом, волевой, мудрой, самоотверженной и великодушной женщины»¹¹.

В исследованиях Г.И. Сорокина «К истории побратимства», опубликованных в «Историческом вестнике» (1889, № 3, с. 783-784) подчеркивается, что в некоторых местах икону в доме снимали для совершения обряда побратимства: «При этом братающиеся «били поклоны», целовали икону, целовались между собой, менялись крестами. После угощения второй названный брат просил первого (хозяина дома, где совершался обряд) вместе со всеми присутствующими к себе в гости. Перед уходом хозяин вручал побратиму одну из лучших своих икон или специально купленный к этому случаю образ, и они снова целовались. В доме второго названного брата всех снова угощали, а перед уходом побратим в свою очередь дарил икону названному брату»¹².

Во многих селах и городах в старину справлялись на Николин день братчины-Никольщины. Они сопровождались обильными угощениями, щедрыми подарками (особенно знаковым был подарок – образ Николая Угодника). Пословицы, прочно вошедшие в быт современных селян, убедительно подтверждают стремление наших предков к гармонизации межличностных отношений: «Красна Никольщина пивом да пирогами», «На Никольщину зови друга и недруга». Не случайно в регионе широко употребим термин «николить» (праздновать Николу), воспринимаемой в понятии «пить», «гулять», что подтверждается повсеместно бытующей поговоркой: «На Николу едут мужики с поглядкой, а после Николы – без шапок». Люди твердо верили, что если в честь Николая Угодника щедро одарить убогих и нищих, то в собственном доме воцарится достаток и порядок. Таким образом, икона и связанные с ней ритуалы упорядочивали жизнь в малом и большом доме.

«Икона в русском доме была отражением особенного способа бытия человека в мире. Не случайно в семье, которая была микрокосмосом, икона, являющаяся окном в макрокосмос, соответствующим образом и оформлялась. Доводами в пользу того, что древний русич икону воспринимал окном, является наличие в старину в русских домах специальных полок – *божниц*, которые имели ставни (створки), как на окнах. Икону не просто украшали полотенцем, полотенце закрывало, занавешивало образа во время супружеских ласк и утех, в период застолий с винопотреблением, плясками и играми, которые происходили в комнате, где находились иконы. Перед иконой нельзя было сидеть в шапке или класть ноги на лавку, глядя при этом на образ. Само поведение за столом православных людей, как и во всем доме, должно быть благочестивым и благообразным. Стол, который стоял в красном углу под образами, ассоциировался в сознании наших предков с престолом Божьим в Церкви. Это и объясняло отношение к нему как к святыне. Его в первую очередь вносили в новую избу и молились над ним на все четыре стороны. Сидеть в шапке или ставить ноги на стол считалось святотатством и по отношению к иконам, и по отношению к столу. А если вдруг в избе происходили ругань или совершался обман (это были греховные занятия), то икона вообще выносилась из дома. Поговорка «Ругаются, хоть святых выноси» имеет глубокий смысл. Она дает оценку дому, который стал недостойным для пребывания в нем икон. В ней и отношение к иконе как к святому. В ней и стремление к миролюбию и гармонии в доме русского человека. Икона была духовно-нравственным ориентиром для коллектива семьи верующего человека»¹³.

«Икону со стены снимали, чтобы поклясться на ней в особо важном вопросе, где требовалось надежное свидетельство. Поэтому в излишне горячем споре на сходке общины можно было услышать слова – «ну, хочешь, икону сниму?», – означавшие готовность

¹¹ Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – С. 112.

¹² Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – С. 163.

¹³ Колесник В.Н. Икона – как духовное поле русской ментальности: монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012. – С. 112-113.

разгорячившегося поклясться в том, что он утверждает. Но без крайней необходимости старались к этому не прибегать»¹⁴.

Пришедший в русский дом гость, прежде чем поздороваться с хозяевами, должен был трижды креститься на иконы, приговаривая: «Господи, помилуй». Если иконы не было видно сразу при входе в дом, вошедший спрашивал: «Где здесь Бог?» Это говорит об особенной роли домашних икон, которые широко распространились на Руси уже в XII веке и прочно вошли в жизнь последующих поколений, выступая предметом молитвы. В этом выражалось отношение к жилому дому как к малой Церкви. Не случайно, когда человек входил в свой или чужой дом, он осенял себя крестом и произносил молитву.

Об особом отношении, которое складывалось в семье к черным доскам, как нередко называют современные исследователи потемневшие изображения святых, свидетельствует еще ряд особенностей, существующих в процессе бытования икон.

Известный во второй половине XIX века в России юрист-криминалист С.Л. Чудновский отмечал, что у русских людей, живущих на Алтае, богохульство в народе строго осуждалось и наказывалось. Напрасная божба считалась грехом. «Напрасная божба встречается, но далеко не у всех, преимущественно у тех, кто приторговывает. У них постоянно на языке: «вот те крест», «вот те пятница», «провались я сквозь землю» и т.п. Про такого человека говорят: «Он божится, так лоб трещит», «Он всех богов со стены снимет». И словам, и божбе такого человека придают очень мало веры»¹⁵.

Немцам, которые селились в Москве в XVII и XVIII веках, приходилось держать у себя иконы, так как иначе русские отказались бы поступать к ним в услужение, посещать их и вступать с ними в сделки.

Вешать икону на гвоздь считалось оскорбительным. Образа в избе ставили на особую полку – «божницу» (иногда с поставцом – шкафчиком), а в городских квартирах помещали в *рамы* – *киоты*, которые уже спокойно можно было вешать на стенку. Киоты делали из липы, ольхи, березы, сосны. Зажиточные крестьяне их окрашивали. В отличие от церковных иконостасов, между иконами на божнице оставляли промежутки. Этот обычай был вызван поверьем, что на божницу садятся, чтобы навестить родных, души умерших близких. На божнице держали стакан со святой водой, чтобы душа могла омыться. За иконы клали венчальные свечи, освещенную вербу, ставили крещенскую воду и клали бумажки с заговорами от болезней.

Авторские исследования на территории Белгородской области по календарным обрядам обнаружили интересные находки. Например, первый сноп, именуемый «именным», рядили ленточками, цветами и ставили под образа. Памятуя, что он «как первенец должен род продолжить», с него затем начинали молотьбу, его зерна добавляли в посевной материал озимых, в корм животных, что обеспечивало по народному поверью, их сытную зимовку.

В ряде местностей в избе на лавке под иконами хранился последний сноп последней сжатой полосы. Этот пожинальный сноп в праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) торжественно скармливался скоту. Обряд призван был предохранять скот от падежа и бескормицы. Наши предки были уверены в том, что все эти предметы имеют чудодейственную силу. Дорогая восковая свеча считалась «гостинцем» иконе. Свеча – символ молитвенного порыва, устремление к Богу, когда светятся лучшие чувства и сгорают грехи. Бедняки покупали свечи и зажигали их только, когда молились. Люди, которые были побогаче и набожнее, постоянно перед образами держали горящую лампадку.

В каждой избе можно было встретить иконы с изображением Спасителя, Владимирской, Казанской, Смоленской, Тихвинской Божьей Матери, святителя Николая Чудотворца, святого Георгия Победоносца, святого Иоанна Крестителя. В зависимости от достатка хозяина состав икон мог быть дополнен изображениями Косьмы и Дамиана, Параскевы Пятницы, Ильи Пророка, Власия, Зосимы, княгини Ольги и т.д., репродукциями и лубочными картинами на религиозные сюжеты о Сотворении мира, о Распятии, о Тай-

¹⁴ Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломникъ, 2000. – С. 163-164.

¹⁵ Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. – 1894. – № 8. – С. 210-212.

ной вечере, о Дванадесятых праздниках. Здесь же помещали и поклонный металлический крест (золотой, серебряный, медный и т.д.).

Нередко иконы украшали металлическими накладными украшениями – окладами. Их делали из тонких золотых и серебряных листов. Чеканка на окладе была на некоторых иконах настоящим искусством. Чеканный оклад воспроизводил рисунок живописного изображения.

На Руси было распространено название окладов венцами. Окладами украшали все изображение, кроме святых ликов. Мастера закрывали только «доличное» письмо. Исполнительское мастерство поражало фантазией в выборе материала, техник и выразительных средств, которые воплощались в сказочную красоту Небесного Царства. Художники использовали скань, зернь, перегородчатую эмаль и т.д. В окладах причудливо сияли разноцветными цветами золото, серебро, бисер, жемчуг, золотное шитье, различные самоцветы.

Интересна судьба высокочтимой на Руси иконы «Троицы». Правители Руси стремились делать щедрые гостинцы этой иконе. По заказу Ивана Грозного из золота был сделан оклад на икону Андрея Рублева «Троица» в XVI веке. До наших дней дошли сохранившиеся от оклада *венцы*, которые являются превосходнейшими образцами искуснейшей чеканки. Его блестящие узоры низкого рельефа изысканного тонкого рисунка, четко, словно резные, выделяются на матовом фоне, подчеркивая драгоценность материала. До наших дней сохранилась и *цата* – подвеска к этой иконе, которая выполнена по заказу Ивана Грозного. Её украшает изысканный орнамент и эмали. По заказу Бориса Годунова был сделан оклад на эту икону из золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга. В 1626 году царь Михаил Федорович Романов дал на икону золотые цаты с эмалью и драгоценными камнями. В XVIII на икону надели серебряные золоченые чеканные ризы (одежды ангелов, палаты, дуб).

При всём уважении к священному образу владелец иконы всегда являлся её полновластным хозяином. И если образа не оправдали чаяния владельца, то он мог их «наказать». Иконы поворачивали лицом к стене, ставили вверх ногами. Церковь осуждала такое поведение.

Раньше иконы не продавали – это считалось не уважительным по отношению к священному образу. Их «обменивали» в иконных лавках. Причем торговались молча. Покупатель указывал на понравившуюся икону и клал деньги на прилавок. Если они не устраивали продавца, он отодвигал деньги в сторону до тех пор, пока покупатель не давал нужную цену. В качестве доплаты в лавку можно было принести старую, потемневшую или «облинявшую» икону. Выбрасывать старые образа не разрешалось. Их хоронили, как людей, на кладбищах или в саду. Места захоронения оберегались. Можно было пустить старую икону по течению реки. Иногда отпущенный образ прибывало к берегу, а потом складывалась легенда о чудесном пришествии иконы по воде. Икона была неотъемлемой частью жизни русского человека, она была с ним от рождения до смерти.

Для человека секулярной культуры икона является несомненной эстетической ценностью, и, тем не менее, она никогда не рассматривалась как произведение искусства. Икона и фреска – не живопись, не средство передачи видимого мира. Она – прообраз идеального человечества, передающая лишь символическое его изображение, выводящая сознание в мир духовный. Эстетика иконы – лишь малое приближение к красоте нетленной будущего века, словно едва проступающий контур, не совсем ясные тени. Созерцающий икону похож на постепенно прозревающего человека, который исцеляется Христом (Мк. 8, 24), актуализируя тезис о Павла Флоренского о том, что икона всегда либо больше, либо меньше произведения искусства, ибо «...производится не индивидуальным произволом, даже не внутренним разумением и чутьем отдельного художника, а разумом истории, тем собирательным разумом народов и времен, который определяет и весь стиль произведений эпохи» (Флоренский, с. 266). Все решает внутренний духовный опыт предстоящего. Икона – прежде всего вероучительный текст, «Библия для неграмотных» (папа Григорий Двоеслов), призванная помочь постижению истины, невидимого и труднопостижимого посредством зримого и доступного «ради слабости понимания нашего» (св. Иоанн Дамаскин). Роль иконы в современном мире, в том числе в российском обществе, неизмеримо возрастает. Для входящих в церковь икона – лучший катехизатор (гр.

katechesis – наставление, научение), потому, что образно символическому языку содержание догматов раскрывается намного глубже, чем словам.

Условный язык иконы является отражением неполноты наших знаний о божественной реальности. И в то же время – это знак, указывающий на существование красоты Абсолютной, сокрытой в Боге, красоты истинной, внутренней, спасительной, открывающей путь к духовному восхождению вверх. Как всякий текст (в данном случае сакральный) икона требует определенного навыка прочтения. Полагаем, что вполне уместен принцип, используемый еще в ранней Церкви для лучшего усвоения Св. Писания: буквальный, аллегорический, моральный, анагогический (Блаженный Августин). На первом уровне происходит знакомство с сюжетом (кто или что изображено), на втором – раскрытие смысла образа, символа, знака (цвет, свет, жест, пространство, время и т.д.), на третьем – обнаруживается связь изображения с предстоящим (уровень обратной связи), на четвертом – происходит непосредственное общение с первообразом, то есть открывается глубинный смысл существования иконы – во имя чего?

Икона обладает тем языком, который может быть понятен исповедующему любую традицию, ибо она зиждется на Слове Божьем. Христианство – религия слова, этим определяется специфика иконы. Созерцание ее – это, прежде всего, молитвенный акт, в котором постижение смысла красоты переходит в постижение красоты смысла, предстояния Непостижимому и Живому Богу. А икона является только знаком Его присутствия. Созерцание иконы предполагает собирание человека к тому, что в нем самое главное, к его центру, к образу Божию в нем. Слово и Образ имеют один источник: в своей онтологической глубине они тождественны. Образ по-греч. – ейкон. Отсюда происходит и русское слово «икона». Не случайно в русском просторечии иконы называют образами.

Без понимания смысла образа невозможно понять и смысла иконы, ее места, роли, значения, ибо все существующее в мире сообразно тому, что несет в себе Образ Божий. Русское слово «безобразный» – значит не что иное, как «без-образный», то есть не имеющий в себе Образа Божия (не сущностный, мертвый).

Божие творение можно представить как лестницу образов, которая наподобие зеркал отражают друг друга и, в конечном итоге, – Бога как Первообраз. Символ лестницы (в древнерусском варианте – «лествицы») традиционен для христианской картины мира, начиная от лестницы Иакова (Быт. 28.12) и до «Лествицы» Синайского игумена Иаоанна, прозванного Лествичником. И на каждой ступени лестницы образ в определенной мере отражает Первообраз, благодаря чему обнажается внутренняя структура мира, поскольку всякая икона – христоцентрична по определению, ибо отражает единственный образ Бога – Воплощенное Слово. Поэтому от того, как воспринимается центральный образ, зависит построение всей лестницы образов как внутренней структуры мироздания.

Следующая ступень лестницы – человек, созданный по образу и подобию Бога. И в этом смысле человек также икона Божия, точнее он должен стать таким в процессе своего духовного роста. Процесс духовного становления в том и состоит, чтобы открыть в себе образ Божий, достигнуть Божьего подобия, что святые отцы называли «обожением» (греч.). Процесс этот труден, ибо при рождении мы получаем лишь образ, а к подобию идем всю жизнь, зачастую так и не достигнув его. Вот почему в русской традиции святых называют «преподобными», то есть достигшими подобия Божия (Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Нил Сорской, Амвросий Оптинский и многие другие), актуализируя мысль св. Василия Великого о том, что христианство – это уподобление Богу в той мере, в какой это возможно для человеческой природы.

Цель иконы – направить наше внимание к Первообразу – через единственный Образ воплощенного Сына Божия, – к Богу Невидимому. И этот путь лежит через выявление Образа Божия в нас самих. Беда языческого мира и вина культуры нового времени состоят в том, что люди «познавшие Бога, не прославили его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих... и слову нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... заменили истину ложью и поклонялись и служили твари Творца» (1 Кор. 1.21-25).

Процесс «обожения», духовного преображения человека – христоцентричен, так как основан на уподоблении Христу. Даже следование примеру любого святого замыкается не на нем, а ведет прежде всего – ко Христу. «Подражайте мне, как я Христу», – пи-

сал апостол Павел (Кор. 4.16). Так и любая икона изначально – христоцентрична, вне зависимости от того, кто на ней изображен – сам ли Спаситель, Богородица, кто-либо из святых или события из Ветхого и Нового Заветов.

Список литературы

1. Биллингтон Джеймс Х. Икона и Топор: Опыт истолкования русской культуры; [Пер. с англ.: С. Ильина, М. Еремина и Н. Мохниной; Под общ. ред. В. Скороденко]; Всерос. гос. б-ка иностр. лит. им. М.И. Рудомино. – М.: Рудомино, 2001.
2. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломникъ, 2000.
3. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.
4. Колесник В.Н. Русская икона как ментальный комплекс: философско-культурологическое исследование / В.Н. Колесник. – Белгород: изд-во «КОНСТАНТА», 2005. – 152 с., 16 ил.
5. Колесник В.Н. Икона – как духовное поле русской ментальности: Монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012. – 153 с.
6. Лазарев В.Н. Русская иконопись: от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 1983.
7. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе; Умозрение в красках; Два мира в древнерусской иконописи; Россия в её иконе / Послесл. И. Панкеева. – Новосибирск: Сибирь XXI век, 1999.
8. Флоренский П.А. Культ, религия и культура // Богословские труды. Т. XXII – М., 1976.
9. Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. – 1894. – № 8.

ICON AS REFLECTION OF A RUSSIAN'S EXISTENTIA

M.S. ZHIROV¹⁾
V.N. KOLESNIK²⁾

*¹⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law*

The article deals with the role, place and significance of an icon in the life of Russian people from the point of view of an orthodox and common sense and a Biblical anthropology. The contents of the article shows the meaning, images and plots of Russian icon as a way of reflection of a person's existentia in a family, community, world.

Key words: icon at Russian home, ortho-dox tradition, icon as a code of a person's existentia, plots of icons, meaning of an image, thaumaturgic icons, anthropology of icons' names, icon's aesthetics, spiritual and practical meaning of iconography.

УДК 130.2

УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНСТИТУТ ПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО ЗНАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

В.С. ИГНАТОВА¹
Н.Н. ШАМАРДИН²

¹⁾ *Белгородский государственный институт искусств и культуры*

e-mail: v_ignatova@mail.ru

²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

e-mail: schamardin@mail.ru

Основной целью настоящей статьи является исследование проблемных точки развития современного университета (прежде всего, университета научно-инновационного типа) в плане выявления благоприятных условий и институциональных оснований для производства нового научного знания и его трансляции в учебный процесс и региональное культурное пространство в перспективе международных культурных коммуникаций.

Ключевые слова: образование, университет, инновации, регион.

Социокультурный конфликт и разрывы, порождаемые инновационной динамикой как энергетическим ядром индустриальной цивилизации, постоянно воспроизводятся не только на уровне вертикальных иерархий социокультурных систем, но и в антропологическом горизонте повседневного человеческого бытия, что является внутренним двигателем индустриализма, главным фактором нестабильности и гиперподвижности нашего общества и культуры, основанных на инновационно-технологической экономике. Значит ли это, что мы должны отказаться от научно-технического развития и соответствующих инноваций, как полагают некоторые консерваторы-фундаменталисты и антиглобалисты-романтики?

Попытка разрешения социокультурного конфликта и снятия всех экзистенциальных парадоксов и антиномий человеческого бытия в условиях индустриальной цивилизации и приводит не к некоторому «третьему пути», а к глобальному *тоталитарному проекту*, который в XX столетии выступил с претензией на новый культурно-цивилизационный путь человечества. Тоталитаризм как еще один «вывих» в культурной онтологии человечества возник в недрах индустриальной цивилизации в результате углубления глобального кризиса после Первой мировой войны как попытка его разрешения. Искусственное соединение всех предшествующих социальных технологий при доминировании научно-автоматических, эклектический синтез по антисистемному принципу всех предшествующих оснований бытия человека привели к воплощению тоталитарного проекта в жизнь. Фантастические трансформации претерпевает весь цивилизационный базис¹. Несомненно, что в странах тоталитаризма, особенно в СССР, были получены невиданные научные и технические инновации (освоение космоса и ядерной энергии), но они, к сожалению, были связаны, прежде всего, с военно-промышленным комплексом и гонкой вооружений.

И, наконец, на рубеже XX и XXI столетия складывается тип глобальных культурно-цивилизационных систем, который определяется в терминах «постиндустриализм», «информационное общество», «третья волна», «общества знаний», «постмодернизм», «глобализация» и т.п., что говорит пока только о *проективности* данных систем (именно систем). Возможные реализации культурно-цивилизационных проектов этого типа и определяют в ближайшем будущем глобальные культурно-исторические сдвиги (или срывы и разрывы?).

Таким образом, мы видим, что *принцип инновационности*, креативно-творческой и креативно-репродуктивной деятельности человека, заложенный в механизмы сопря-

¹ Подробнее см.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997; Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. Белгород: БелГУ, 1998.

жения «культуры» и «цивилизации», присутствовал на протяжении всей культурной онтологии человечества, связан с воспроизводством человека во всех культурно-исторических типах образования, подготовки интеллектуальных кадров. Но именно в нашем подвижном мире инноватика становится экзистенциальной предпосылкой сохранения самого человека, реформы всей системы подготовки научно-педагогических и, шире, интеллектуальных, культурных кадров. В эпоху постиндустриализма (гипериндустриализма?) меняется не только характер социальных и научных инноваций, механизмы их внедрения в промышленные, социальные и интеллектуальные технологии, но в повестку дня становится реформа всех институтов подготовки научных и педагогических кадров, с учетом новой социокультурной динамики.

Говоря о постиндустриализме, мы обращаем внимание, прежде всего, на инновационные открытия и технологии не только в производстве, но и в *повседневной жизни человека*. Об этом писал Э. Тоффлер, утверждая необходимость «объединения новых технологий – компьютеров, электроники, новых материалов из открытого космоса и глублина океана – с генетикой и всего этого, в свою очередь, с новой энергетической базой. Соединение этих элементов вместе высвобождает поток инноваций, непохожий ни на что виденное прежде в истории человечества. Мы создаем драматически новую техносферу для Третьей волны цивилизации»². Однако, культурные и научно-технологические инновации развитого индустриализма порождают и специфическую антропологическую проблематику, которую необходимо учитывать в процессе применения тех или иных технологий в контексте инновационной парадигмы «нового мира». Уже говорят о возможном появлении «конвергентных технологий»³ (нано- и биотехнологии, информационно-коммуникативные и интеллектуально-когнитивные технологии и т.д.), о грядущем научно-технологическом торжестве «трансгуманизма»⁴. Синергетический эффект может дать сочетание социальных инноваций с применением новых постиндустриальных технологий, что в ближайшем будущем может привести на смену «индуст-реальности» некоей «киберреальности» или «нанореальности».

Именно в этой сфере «нанореальности» или «нанотехнонауки» (В.И. Аршинов) идет, на наш взгляд, процесс *трансформации и человека, и самой научно-инновационной культуры*: на Западе и на «продвинутом» Востоке, весьма успешно развивающемся бизнес, науку и инновации, в отличие от нас уже давно, как грибы, растут наукоемкие предприятия и «фирмы умников» (Э. Тоффлер), основанные на принципах *креативного генерирования* и использования *научно-инновационного и управленческого многообразия*. Это связано, прежде всего, с условиями производства и хранения нового знания, информации и инновационных технологий как предпосылки создания *неиерархических коммуникационных сетей*.

Исходя из этого, Э. Тоффлер и вводит понятие «гибкая фирма», которое как нельзя лучше характеризует предприятия «третьей волны» постиндустриализма, использующие в своей деятельности не только новые научные знания и технологии, но и инновационные, креативные формы менеджмента в позиционировании на рынке, взаимодействии с партнерами и во внутрифирменной управленческой культуре. Эти фирмы построены, как отмечает О. Тоффлер, на использовании «новой информационной парадигмы», требующей от традиционного менеджмента создания новых форм антибюрократического управления и организации в фирмах будущего. Он дает целый веер таких организационно-управленческих форм: семейные фирмы (кстати, в сфере российской науки и образования очень часто оставались и остаются молодые люди, продолжающие «династические традиции»), пульсирующие и двуликие организации, организации шахматной доски, самозарождающиеся команды, комиссарские организации и т.п.

² Э. Тоффлер. Третья волна. М., 2002. С. 253.

³ В.И. Аршинов. Инновации, традиции, архаика как ценностные компоненты системы культуры в ее синергетическом измерении // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационные начала, 4-я Всероссийская конференция, 27-28 мая 2009 г. (Москва-Белгород). М., 2010. С. 17-26.

⁴ См.: Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. Белгород, 2013. С. 5-17.

Но все эти *концептные метафоры*, схватывающие пока категориально плохо выразимую реальность новой цивилизации, так или иначе, вписываются в *сетевую инновационную парадигму управления* бизнесом и наукой (по сути информационную), образованием и другими социальными институтами и структурами.

На наш взгляд, управление современными инновационными предприятиями и организациями, в том числе отраслевыми и корпоративными НИИ, структурами РАН и университетами, должно строиться не только по принципу вертикальной, но, прежде всего, сетевой, горизонтальной структуры, что подразумевает развитие в контексте системно-синергетической методологии *принципа подвижной иерархии*, наиболее отвечающего категоризации инновационных, креативных парадигм современного мира.

Важное место в становлении новых цивилизационных парадигм, опирающихся, как мы считаем не столько на инновации в культуре, сколько инновации-репродукции в технологиях и научном знании в рамках устоявшихся, «нормальны научных парадигм» (Кун) принадлежит университетам. Это отражает тот процесс глобализации науки, образования, конвергенции технологических и социальных базисов стран с различными политико-правовыми, политико-идеологическими и культурными системами, который в свое время был впервые отрефлексирован в нашей стране в рамках диссидентской парадигмы теории конвергенции.

Вообще надо отметить, что теория конвергенции, которую развивали на Западе некоторые советологи, а в СССР диссиденты (А.Д. Сахаров), имела под собой достаточные основания, так как время показывает, что мы развивались (и развиваемся!) в рамках одних и тех же *индустриальных, модернизаторских парадигм*. 90-е годы, с обрушением развитой советской экономики и собственной нашей «цивилизации знаний»⁵, только подтвердили это.

Однако не только у нас произошла *демодернизация и деиндустриализация* в результате социально-политической трансформации, как всегда по-русски непродуманной и стихийной. Она наблюдается и на Западе, где демодернизация и деиндустриализация была вызвана такими причинами, как политико-идеологические либеральные иллюзии «постиндустриализма» и «глобализации»: «глобальное паразитирование» стран «золотого миллиарда» (теперь говорят и о «полумиллиарде»!) за счет развала СССР и ресурсов Ближнего Востока дало лишь превращенные, мнимые формы «постиндустриализма» и «общества знания». Даже в США заговорили о необходимости реиндустриализации, сохранении и даже возрождении собственной индустрии, но уже на новых технологических основаниях.

Сейчас очевидно, что так называемый «постиндустриализм» (гипериндустриализм?) проявился не столько в виде доминирования в экономике развитых стран научно-инновационного сектора и сектора «производства знаний», а в форме «экономики потребительства», в том числе и за счет непропорционального, необоснованного кредитования потребностей населения и даже целых стран: мировой финансовый кризис конца нулевых годов XXI века и донныне вялотекущий кризис и стагнация еврозоны – тому подтверждение.

Это обусловило и тот факт, что проблемы в образовании на Западе оказались *типологически схожи* с проблемами кризиса образования и в постсоветской России. Нам сейчас важно обобщить не только свой собственный опыт выживания в условиях кризиса «постиндустриализма» и демодернизации, но и опыт западных (США и Европа) и восточных (Китай, Индия, Япония) миросистем.

В эпоху *разрыва с индустриализмом* меняется не только характер культурных и научных инноваций, механизмы их внедрения в промышленные, социальные, креативные и интеллектуальные технологии, но в повестку дня становится реформа всех институтов подготовки научных и педагогических кадров, с учетом новой социокультурной динамики и потребностей экономики «общества знания».

⁵ См.: Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010.

К концу XX века с *неустойчивостью развития* в современном индустриальном мире столкнулись *все университеты мира*. Можно выделить две основные точки зрения на судьбы университетов.

Первая из них, которую можно обозначить как скептически-стоическую, наиболее полно представлена в книге Билла Ридингса с символическим названием «Университет в руинах»⁶. Скептицизм и стоицизм – это не только две эпистемологические и этические стратегии книги, но и общая абстрактно-философская позиция автора. Б. Ридингс исходит из того легко диагностируемого факта, что научный университет «гумбольтовского типа» (хотя он чаще и справедливо говорит о «немецкой модели», заданной классическим немецким идеализмом) в глобальном мире умер. «Гумбольтовский университет» с его установкой на развитие горизонтальных связей «профессор – студент», «научное исследование – преподавание», «производство (критическое и творческое) нового знания – трансляция нового знания студентам как субъектам гражданского общества», а тем самым и далее – в культуру зрелого модерна, где оно выполняет роль «большого нарратива», идеологии, легитимирующей нацию-государство и формообразующей национальную культуру в глобализирующемся мире умер.

Ему на смену пришел «университет совершенства», где упор делается не на «новое знание», а на его доведение до совершенства, формальную технологизацию и репродукцию; где на место ректора как «первого среди равных профессоров» стал администратор на вершине иерархии новой академической власти. Горизонталь классического университета превратилась в вертикаль, в которой студенты и профессора заняли подножие пирамиды, а «академический менеджмент» занят репродукцией эпистемологической и технологической эффективности, оцениваемой в пиар-индикаторах и маркетинговых рейтингах, позволяющих университету войти в глобальный рынок инновационно-образовательных услуг и зарабатывать деньги.

Университет превратился в транснациональную бизнес-корпорацию, которую больше не интересует национальная культура и национальное государство, а лишь некие абстрактные «ценности», производимые фактически для собственного использования. «Иными словами, – пишет он, – апелляция к совершенству означает, что больше нет никакой идеи Университета, или скорее, что эта идея утратила все свое содержание. Будучи нерепрезентативной единицей ценности, функционирующей целиком внутри системы, совершенство обозначает лишь момент саморефлексии технологии... Сегодня Университет – это точно такой же паразитический нарост на ресурсах, как биржа или страховые компании – наросты на промышленном производстве. Подобно бирже Университет является местом самопознания капитала, он позволяет капиталу не просто управлять рисками или разнообразием, но извлекать из этого управления прибавочную стоимость. В случае Университета данное извлечение является результатом спекуляции на разнице в информации»⁷. Мы не будем спорить о природе «глобализации» и судьбы «нации-государства», но отметим, что при всей привлекательности некоторых выводов Б. Ридингса, его позиция сама характеризуется неким абстрактным позиционированием университета, который он почему-то номинирует все время с заглавной буквы. Нет «университета вообще», как и не было его «гумбольтовской модели» в чистом виде.

В этом плане нам больше импонирует другая точка зрения, представленная в исследованиях Бертона Кларка, американского специалиста по социологии и философии образования, в которых он методом анализа индивидуальных ситуаций с конкретными университетами (кейс-стади) в разных культурно-цивилизационных ареалах и странах вроде бы описал схожие тенденции в науке и университетском образовании, но сделал другие выводы⁸. Это оптимистическая и реалистическая точка зрения на судьбы современных *университетов*. Именно так – во множественном числе и с прописной буквы.

⁶ См.: Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011; Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011; Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Приемственность кейс-стади и концепций. М., 2011.

Еще в 80-е годы XX века он, отмечая определенную устойчивость и консервативность в академических структурах университетов, зафиксировал наметившиеся изменения и трансформации в сторону усиления административной составляющей и самостоятельности (и состоятельности) в финансовой сфере. Однако, он отмечал именно разнообразие трансформаций, происходящих с университетами в современном мире. Во-первых, не было и не может быть какой-либо одной унифицирующей «модели университета»: *сколько университетов – столько и путей развития, столько и судеб.*

Во-вторых, сам «гумбольтовский университет» претерпел определенные исторические трансформации за 200 лет (здесь мы добавим некоторые свои соображения): он сохранял «горизонтальную структуру» производства знания и управления даже в условиях тоталитаризма*; только после Второй мировой войны (начало НТР), когда государственное финансирование стало доминирующим не только в странах социализма, но и на Западе, управление становится иерархизированным, что и вызвало взрыв студенческих революций в университетах против Системы и соответствующий гуманитарно-философский дискурс (концепт «власть – знание» Фуко). Но не столько студенческие бунты, сколько мировой экономический кризис и новая компьютерная технологическая революция («информационная парадигма») с последующим сокращением государственного финансирования вузов *во всех регионах мира*, заставили университеты перейти вначале от «научной модели» к «инновационной», а затем и к открыто «предпринимательской»*.

Б. Кларк так описал ситуацию на Западе в 1980-е – первой половине 1990-х гг.: «По мере того как в последней четверти XX столетия перед нами возникали все новые и новые трудности, *высшее образование утрачивало всякую устойчивость, которой он, вероятно, никогда не обладало* (выделено нами – авт.). Поскольку запросы вряд ли будут когда снижаться, возвращение к некоему устойчивому состоянию невозможно... Правительства ожидают, что университеты будут больше помогать обществу в решении социальных и экономических проблем, но в то же самое время колеблются в том, что касается финансовой поддержки, и становятся ненадежными партнерами. И самое главное: исследовательская база университетского мира с огромной скоростью создает новые знания и методы, последовательно увеличивая количество специальностей и расширяя спектр дисциплинарных и междисциплинарных областей... Угодив в силки производства знаний, даже самые богатые учебные заведения неспособны вместить весь спектр старых и новых областей»⁹. При этом, как считает Б. Кларк (мы во многом это разделяем) вряд «гумбольтовская модель» и связанные с нею культурные миссии производства национально-культурных «больших нарративов» умрут. Некоторые университеты предпочтут институциональную стагнацию (это относится ко многим нашим региональным вузам), другие разовьют некие гибридные формы (и это во многом судьба наших наиболее продвинутых университетов). И только некоторые предпочтут судьбу «устойчивых изменений» и производства инноваций в университетах: эпистемологических, аксиологических, управленческих, коммуникативных, финансовых и т.д.

Можно отметить, что те болезненные, вызывающие критику реформы образования в нашей стране (прежде всего, высшего, связанного с подготовкой научно-педагогических кадров нового поколения), имели место во всем мире, может быть, лишь немного опередив наши институциональные трансформации в образовании и культуре.

Дело в том, что как бы ни были развиты США и страны ЕС в индустриальном плане, вряд ли можно с уверенности сказать, что они «завершили» постиндустриальную модернизацию, соответственно, реформу науки и образования. Там идут такие же процессы преобразования «старых», «классических», «научно-образовательных» универси-

* Периодическая сменяемость и выборность ректоров в фашистской Германии; определенная автономия университетов (особенно в низших академических звеньях) и академической науки в СССР.

* Сам Б. Кларк считает, что это почти одно и то же, предпочитая говорить о «предпринимательских университетах», как наиболее адаптивной модели в современном неустойчивом, глобальном мире.

⁹ Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011. С. 11.

тетов в университеты нового поколения – *научно-инновационные (предпринимательские) университеты*. Мы и в этом направлении только были заторможены «перестройкой», «демократическими реформами» 80/90-х годов прошлого века и выстраиванием «вертикали власти» в начале нынешнего столетия. Но перед нами стоят *те же самые задачи* в пространстве постиндустриальной модернизации (культурной, социальной, промышленной и интеллектуальной), предполагающей реформирование всей системы подготовки (и непрерывной переподготовки!) научно-педагогических кадров.

В университетах мира за двадцать лет до начала развития нашего университета сложилась управленческая практика взаимодействия старого «академического оплота» и новой «инновационной (предпринимательской) культуры», которая заключается в том, что управленческие усилия университетской *администрации* органично согласуются с демократическими и креативными усилиями *авторитетных преподавателей и ученых всех направлений*, как естественнонаучных и инженерных, так и социально-гуманитарных. Это связано и с междисциплинарными исследованиями, и с экспертными институциями, и с развитием коммерческих структур и инициатив во всех звеньях «академического оплота», в том числе даже в самых «гуманитарных», которые первоначально поддерживаются за счет «перекрестного» компенсационного финансирования¹⁰. Создание в нашей стране в последние годы «национальных исследовательских университетов» (в том числе и НИУ «БелГУ») вполне соответствует запросам культурно-цивилизационного развития желанного во всем мире постиндустриализма.

Б. Кларк помимо традиционного *базового академического оплота* классического типа духовного производства (это традиционные кафедры, отделения, факультеты и лаборатории, работающие на уровне стандартных образовательных программ, производящие и транслирующие новое знание и технологические «компетенции») выделяет *пять системно-структурных, институциональных оснований* (элементов), необходимых для трансформации университета старого, «классического» (модернистского) типа в новый тип производства знания – **инновационный (предпринимательский) университет**:

- *Усиленное направляющее ядро*, состоящее из сильного менеджмента и центральных управленческих групп, которое согласовывает новые управленческие ценности с традиционными академическими (прежде всего, за счет привлечения в «группы управления» авторитетных ученых и преподавателей и согласования нового менеджмента с академическим самоуправлением);
- *Расширенная периферия развития*, предполагающая рост структурно-институциональных единиц, способных выйти во внешнюю среду, прежде всего промышленную, с целью создания новых научно-инновационных продуктов и системы нового непрерывного образования (это основная сфера «зарабатывания денег» в новых условиях);
- *Диверсифицированная база финансирования*, которая складывается за счет структур, реализующих взаимодействие а) с государственными и общественными фондами, отвечающими за гранты и контракты, б) центральными, местными органами, благотворительными фондами и пожертвователями, в) населением и коммерческо-производственными компаниями, потребляющими научно-инновационные и образовательные услуги;
- *Стимулирующие академические структуры*, которые возникают как на основе институтов и дисциплинарных программ академического оплота (кафедр, факультетов)*, так и на переформатированном академическом поле (прежде всего, развитие междисциплинарных, кластерных образований, что в России получило начало в УНИКах – учебно-научных инновационных комплексах), позволяющих производить инновационные научные и образовательные продукты (и приносить новые доходы!) даже традици-

¹⁰ Подробнее см.: Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011; Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. М., 2011.

* Б. Кларк пишет: «Если базовые единицы выступают против потенциальных инноваций или остаются к ним равнодушными, институты продолжают жить по старому» // Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011. С. 24-25.

онно ориентированным преподавателям, структурам и программам, в том числе *и социально-гуманитарным*.

• *Интегрированная предпринимательская культура*, предполагающая разработку и наличие в университете четкой стратегии развития (*институциональная перспектива*), сопряженной с формированием институциональной идентичности (миф, развивающий идею-миссию), особой репутации и корпоративной аксиологии, что и предполагает целую систему PR-технологий и формирование *позитивного имиджа университета*.

В большинстве европейских университетов остаются «факультеты», как дань вековой традиции, хотя они выполняют, например, в Великобритании, иную функцию (подготовка магистров и докторов).

Во-вторых, в плане управления постиндустриальное общество и научно-инновационная экономика требуют не «вертикальной иерархии» и «подведения всех под единый управленческий алгоритм», а *«горизонтальных отношений»*, *самостоятельности и поддержки творческой инициативы*. Это тем более актуально для научно-инновационного, предпринимательского университета.

Далее мы, опираясь на контент-анализ информационных ресурсов и представленных там документов наших ведущих и периферийных университетов¹¹, попытаемся рассмотреть проблемы, стоящие перед нашей системой высшего образования, в том числе и в плане культурных инноваций, прежде всего, в локальной, региональной среде.

В 90-е годы прошлого века ряд вузов нашей страны, ранее имевших статус «институты» (это и педагогические, и инженерно-технологические институты), пошли по пути интеграции и превращения в «университеты», укрупненные и усиленные научно-образовательные и научно-инновационные комплексы, часто получавшие статус «классических университетов». Это наблюдалось в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века и на Западе.

В качестве примера можно привести опыт создания Тульского государственного университета и Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, которые возникали путем объединения нескольких вузов-институты. Насколько органичным был этот путь, покажут уже ближайшие годы, но пока в приведенных двух университетах не заметны особенные прорывы.

Большинство других вузов пошли по облегченному сценарию. Они просто переименовали себя в «университеты», классические или технологические. Это, например, путь Курского государственного университета (бывший педагогический институт), Юго-западного государственного университета (бывший Курский политехнический университет) и Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ранее готовившего для страны уникальные кадры для строительной индустрии. И если последний вуз действительно выиграл от «пассионарного заряда» нового символического статуса (это символический капитал в новой «инновационной экономике»), то на примере курских вузов мы этого не замечаем.

В начале нового века российские реформаторы, озабоченные выживанием нашей системы высшего образования в глобальном мире научных инноваций и развития глобального рынка образовательных услуг, пошли по пути создания огромных «федеральных университетов». На примере Южного федерального университета, который с середины 70-х годов прошлого века был одним из самых динамичных институтов научного обновления и подготовки научно-образовательных кадров, когда ректор Ю.А. Жданов смог создать вокруг новых и традиционных факультетов, «академического оплота», огромный научно-индустриальный комплекс в виде системы прикладных НИИ, успешно интегрировавших фундаментальные исследования «академического оплота» в прикладные технологии. Но мы теперь видим, как Южный федеральный университет, укрепленный Таганрогским радиотехническим институтом, не столько сделал рывок на научно-инновационном и научно-образовательном рынках страны, сколько растерял советский потенциал классического университета научного типа. Новая команда «эффективных менеджеров», прошедших выучку в Министерстве образования и науки РФ, пока только выстраивает собственную внутреннюю «вертикаль власти».

¹¹ См.: Библиография. Раздел «Электронные ресурсы».

И, наконец, как мы отмечали выше, Россия пошла по пути создания «исследовательских университетов», которые, как и «федеральные», обрели и статусную, но и финансовую капитализацию. Некоторые из них почти ничего не меняли в своем структурно-институциональном статусе, так как были готовы к переходу на инновационный путь развития (например, бывший Томский политехнический университет и Томский государственный университет, получившие статус «исследовательских»).

Список литературы

1. Аршинов В.И. Инновации, традиции, архаика как ценностные компоненты системы культуры в ее синергетическом измерении // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационные начала, 4-я Всероссийская конференция, 27-28 мая 2009 г. (Москва-Белгород). М., 2010.
2. Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. Белгород, 2013. – С. 5-17.
3. Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010.
4. Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преимущество кейс-стади и концепций. М., 2011.
5. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011.
6. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011.
7. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
8. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997; Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. Белгород: БелГУ, 1998.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.

UNIVERSITY AS AN INSTITUTION OF PRODUCTION OF THE SCIENTIFIC INNOVATIONAL KNOWLEDGE IN REGIONAL SYSTEMS OF EDUCATION AND CULTURE

V.S. IGNATOVA¹⁾
N.N. SCHAMARDIN²⁾

*¹⁾ Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: v_ignatova@mail.ru

*²⁾ Belgorod National Research
University*

e-mail:schamardin@mail.ru

The general goal of the paper is to discuss the issues of development of contemporary universities, firstly, scientific innovational ones. The plot is observed in terms of conductive circumstances and institutional grounds for production the new scientific knowledge and its implementation into the educational process and regional cultural spheres in perspective of international cultural communications.

Key words: education, university, innovations, region.

УДК 171

РИЧАРД БОЛЕСЛАВСКИЙ: ПОИСК СЦЕНИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ**Е.С. КОВАЛЕВ***Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail: kow-
alev.e@gmail.com*

Метод – рычаг, который должен осуществить кардинальный поворот. Путь студийного воспитания актера и коллективного эксперимента – единственный, способный создать новый театр. Прежде чем выйти на сцену и сыграть мастерски, у актера должно быть некое место для проб и ошибок. Ошибка – вот верный путь к правильному ответу, к успеху. Но чтобы ошибка не стала фатальной необходимо некий свод правил не позволяющий выходить за рамки дозволенного. Именно этика стала тем регулятором, позволившим видным режиссером и актерам творить не «скачываясь в бездну» безнравственности и отрицания культурных норм.

Ключевые слова: метод, атмосфера, лаборатория, этика, студия, аффективная память.

Как театральный деятель, Болеславский (4 февраля 1889 года, Дембова Гура Плоцкой губернии – 17 января 1937, Лос-Анджелес, США) – польско-русско-американский актёр, режиссёр театра и кино, преподаватель актёрского мастерства. С 1929 работал в Голливуде. Снял фильмы: *The Grand Parade; The Last of the Lone Wolf; Treasure Girl. 1929; The Gay Diplomat; Woman Pursued; Rasputin and the Empress 1932; Beauty for Sale; Storm at Daybreak; Fugitive Lovers; Hollywood Party. 1934; Men in White. 1934; Operator 13; The Painted Veil; Clive of India. 1935; Les Misérables. 1935; Metropolitan; O'Shaughnessy's Boy; The Garden of Allah; Theodora Goes Wild; Three Godfathers. 1936; The Last of Mrs. Cheyneu. Написал роман-воспоминание о боях польских уланов в России в конце первой мировой войны («The Way of the Lancer» 1932) и его продолжение о времени революции («Lances down», 1935). В 1935 году издал книгу *Acting: the first six lessons (Искусство актера, первые шесть уроков)*, которая выдержала несколько изданий) касался довольно важных вопросов, при создании своей студии, театра. Это связано с тем, что по мнению Болеславского, идеи театра на рубеже веков к концу двадцатых окончательно исчерпали. Эти идеи, сконцентрированные в работах Крэга, Жак-Далькроза, Станиславского, Рейнхардта – были, сознательно или опосредованно, восприняты всеми театрами, и американскими в том числе – и театр вновь встал перед дилеммой нового, ощутив явственный кризис. В то же самое время Болеславский явно «опшенировал» коммерческому театру, быстро прогрессирующему в Америке. В одном из обращений он подчеркивал, что новое – это не обязательно то, что плохо продается. Напротив: модель, прошедшая лабораторную проверку, должна хорошо функционировать, а значит, приносить доход, быть востребованной. В то же самое время некоммерческие «офф»-театры, независимые труппы, по его мнению, не всегда соответствуют этим требованиям, что связано с главным в театральном деле – подготовкой актера, методом.*

Таким образом, метод – способ, с помощью которого осуществляется кардинальный поворот в театре, в театральном мастерстве актера, его содержание – студийное воспитание актера и коллективный эксперимент. По мнению Болеславского, данный метод соответствует идее создания нового театра, отвечающего требованиям и запросам времени. Ведь, прежде чем выйти на сцену и мастерски сыграть, у актера должно быть некое место для проб и ошибок. Ошибка – вот верный путь к правильному ответу, к успеху, – полемически заявил он, отстаивая необходимость создания «Лаборатории» на конференции в Институте Карнеги, посвященной проблемам движения «малых» театров к университетскому театральному образованию. Этот тип модели театра, в определенной степени связан с идеями русского «экспериментального» театра рубежа веков, в том числе студийной практики МХТ. Его идеи, высказывания, как и само название нового театра-студии, коррелируют с «Лабораторными опытами» Вахтангова, с идеей основопола-

гающего значения творчества актера, совершенствования его воспитания, овладения сознательным подходом к сценическому творчеству. Внедрение новых принципов подготовки актера, обновления форм его игры, прежде всего ее выразительности, по мнению Болеславского, определяют дальнейшую театральную реформу, захватывающую все стороны театра: мизансцену, сценографию и проч. Еще одним аспектом, позволяющим раскрыть «русский генезис» тезисов Болеславского — создателя «Laboratory Theater», является необходимость овладения всеми актерами сценической этикой, как базовой системой игры, которая необходима и мастерам, и любителям, полупрофессионалам. В интервью Рою Генри Фрикену, помещенном в «Theater Magazine», Болеславский говорил о том времени, когда «Laboratory Theater» будет «высшей школой» для маленьких театральных «групп»: «результаты наших театральных экспериментов будут доступны любой театральной группе, профессиональной, полупрофессиональной или вообще любительской»¹. Несмотря на то, что через два года после своего открытия театр стал называться American Laboratory Theater, основания «русских принципов», творческого метода и студийной организации сохранялась.

Статья Болеславского «Laboratory Theater», представляет собой программу, манифест идеи нового театра, в основе которых — принцип коллективного творчества. В этом смысле все те, кто связан с созданием спектакля от актеров, драматургов до портных, хористов, реквизиторов и сценографов должны быть объединены главным принципом, провозглашенным Станиславским: «любить искусство в себе, а не себя в искусстве». Болеславский требовал относиться к театру «как к храму», вести себя «как в церкви»² — не курить, не сорить, не хихикать и т. д. Управление театром, по мнению Болеславского, определяется советом избранных директоров, которые должны были осуществлять материальное поддержание студии в течение учебного года, гарантируя студийцу определенное материальное обеспечение («не надо будет особо заботиться о хлебе насущном»), что позволяло сосредоточиться только лишь на «образовании и совершенствовании своего искусства». Необходимо подчеркнуть, что принципы этической взыскательности и взаимной ответственности соответствуют атмосфере студий МХТ и трудов Станиславского (напомним, речь о 1923-24 гг., когда, в мае 1924, вышла на английском языке «My Life in Art» в переводе Д. Робинса и под редакцией А. Койранского)³. Идея нового театра связана с принципами *нравственного демократизма*, определяющего *мотивацию готовности* каждого актера к любой роли, независимо от статуса и личности. В связи с этим каждый актер представлял, в театре «он должен сегодня играть Гамлета, а завтра быть готовым появиться в роли нищего в массовой сцене. И обе роли должны быть в равной степени плодом творческого труда — в равной степени в каждую из них необходимо вложить все свои умения и весь свой талант»⁴. Таким образом, нравственный демократизм театра определялся задачами творчества, исключая такие черты, свойственные актерскому цеху как тщеславие, высокомерие, «звездность».

Создать атмосферу для свободного развития таланта — это значит окружить свой талант такими условиями, которые способствуют его росту. Научные познания расширяют кругозор артиста и развивают его умственную жизнь. Они открывают новую область для художественных впечатлений, способствующих росту таланта. Они утончают талант.

К числу таких научных знаний прежде всего относятся те, которые помогают артисту:

- 1) изучить природу, людей, их душу и тело, их жизнь, религию, историю, быт, этнографию и проч.;
- 2) изучить искусство и литературу всех веков и народов, их создания, законы, историю и проч.

Правильная этика, или нравственный устой, помогает артисту:

- 1) оберегать волю и талант от растлевающих начал;

¹ Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М. 2000. — С.49.

² Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера 1916-1918. М.: Центрполиграф, 2006. — С.73.

³ Интервью Г. С. Жданова М. Г. Литавриной. Калифорния. Февраль. 1995.

⁴Бейли К. Кино: фильмы, ставшие событиями. СПб: Академический проект, 1998. — С.92.

2) удерживать их в здоровой атмосфере.

Артистическая этика — узкопрофессиональная этика сценических деятелей, которая заключается, прежде всего в создании творческого коллектива. Следовательно, нравственными принципами творческого коллектива — творчество, является, прежде всего, «**коллективизм**, который выступает одновременно как *принцип и как норма*, выполняющих *регулятивную функцию коллектива*, объединяющего самые разнообразные профессии: поэта, режиссера, артистов, художников, музыкантов, танцоров, гримеров, костюмеров, бутафоров и проч. сценических деятелей»⁵.

Каждый из них самостоятельная творческая личность, творец; а в коллективном творчестве связаны между собой законами художественной гармонии и общей для всех конечной целью творчества — создания художественного спектакля. В то же самое время профессиональная актерская деятельность, связанная с творчеством немыслима без свободы. Возникает дилемма *свободы личности и подчинения* коллективу: подавляет ли коллектив творческую свободу личности. «Эта дилемма разрешается следующим образом: а) нацеленностью коллектива на выполнение творческой задачи; б) это создает особое *нравственное пространство*, нацеленное на *созидание*, которое вырабатывает в коллективе *необходимость* нравственной регуляции, основанных на ценностях как *уважение к творчеству другого актера*, поддержание *товарищеского духа* в общей созидательной работе, что дает возможность *уважения* не только своей творческой свободы, но и свободы другого актера»⁶. Именно «обожение творчества», по мнению Болеславского, способно подавить пороки актерского тщеславия, эгоизма, гордости, а нравственный демократизм — проявить свои творческие возможности в различных сценических ситуациях.

Условия коллективного творчества в искусстве предъявляют ряд требований к сценическим деятелям. Одни из них чисто художественного, а другие профессионального или ремесленного характера.

Художественные требования при коллективной работе связаны с психологией и физиологией творчества.

Главную роль как в той, так и другой области играют творческая воля и талант каждого из коллективных творцов сценического искусства. Поэтому, прежде всего артистическая этика должна сообразоваться с природой, характером и свойствами творческой воли и таланта. Творческой воле и таланту, прежде всего, свойственны: страстность, увлечение и стремление к творческому действию. В связи с этим главная задача артистической этики заключается в «устранении причин, связанных с *мотивацией* к творчеству, препятствий, являющихся помехами развития творческого таланта»⁷.

В большинстве случаев эти препятствия создают сами актеры в связи с непониманием психологии, физиологии творчества и задач искусства, мотивацией других — эгоизм — неуважения чужого творчества и неустойчивости нравственных принципов.

Так, например, в театральной жизни считается нормальным явлением подшутить над только что прочитанным произведением поэта, предназначенным для коллективного творчества. «Эта шутка, которая охлаждает творческий поэтический порыв, увлечение. И чем остроумнее шутка, тем сильнее ее вредоносное воздействие, тем больше ее «успех» и популяризация в коллективе»⁸.

Еще чаще ряд таких острот направляется по адресу отдельных исполнителей ролей. «В этом случае действие шуток вдвойне вредно, так как они не только охлаждают увлечение, но и создают препятствие для артиста при воплощении им роли, так как острота и яд удачной шутки создают новые препятствия в творчестве артиста, то есть порождают конфуз, застенчивость и прочие явления, парализующие волю и талант»⁹.

⁵ Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М., 2000. — С.134.

⁶ Бейли К. Кино: фильмы, ставшие событиями. СПб: Академический проект, 1998. — С.45.

⁷ Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера 1916-1918.-М.: Центрполиграф, 2006. — С.74.

⁸ Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М., 2000. — С.56.

⁹ Там же. С.58.

Третье обычное явление в практике коллективного творчества заключается в инертности артистов и других сценических деятелей при начальном развитии творческих процессов. Это одно из самых опасных и мучительных явлений в практике искусства.

Зародившееся творческое увлечение неустойчиво в первое время своего развития, но вместе с тем оно наиболее действенно, и свежо, и жизненно в этот первый период своего зарождения.

Поэтому всякий зародыш творческого желания и мотивации у каждого из коллективных творцов в отдельности должен быть для общей пользы тщательно оберегаем всеми участниками совместной созидательной работы.

Такое взаимное поощрение зарождающихся творческих хотений служит наиболее сильным возбудителем творческих процессов при коллективном творчестве и в то же время, в конечном результате, оно способствует сохранению свежести, и цельности, и жизнеспособности сценического создания.

Увлечшись произведением поэта и получив роль, артист в большинстве случаев откладывает ее в сторону и ждет вдохновения, наивно убежденный благодаря необъяснимым вкоренившимся предрассудкам, что вдохновение рождается случайно, помимо воли самого артиста и условий, его окружающих. Естественно, что острота творческого увлечения скоро притупляется и незаметно для самого артиста сменяется апатией, которая все более и более усиливается от бесплодных репетиций, больше всего ослабляющих творческое хотение. «Насколько важна общая дружная работа для возбуждения творческих процессов, настолько пагубно для них отсутствие общности при коллективном творчестве, так как ничто так сильно не охлаждает страстность волевого стремления, как апатия при совместной творческой работе»¹⁰.

Кроме того, апатия при коллективном творчестве заразительна. Она развивается с необыкновенной быстротой и доходит до крайних пределов. При таком состоянии коллективных работников творчество останавливается на мертвой точке, с которой его уже не может сдвинуть ни энергия режиссеров, пытающихся вновь разжечь угасшее творческое увлечение, ни личные старания самих коллективных работников. Все эти лица в конце концов становятся жертвами развившегося общего стадного настроения творческой апатии. Нужен случай, чтобы подогреть когда-то свежее, девственное и жизнеспособное творческое увлечение. Но случай не всегда приходит, а плоды искусственного увлечения, подобно второй молодости, лишены жизнеспособности и аромата настоящей поэзии.

Что же «вырастил» Болеславский? Прежде всего, о составе студии, который ему удалось набрать. Уже было сказано, что некоторые будущие студийцы появились на лекциях Болея еще во время гастролей МХАТ. Болеславский посвящает в свой проект Элис Кроули, основателя Нейборхуд Плейхаус. 16 актеров этого театра поступают в распоряжение Р. Болеславского и А. Койранского и отправляются в американскую «Любимовку» — Пэзантвилл на все лето. Настоящего актера Болеславский называет «творческим актером» (creative actor), любящим «искусство в себе, а не себя в искусстве» и прежде всего овладевшим внутренней техникой. Без последней актер — это механизм, имитирующий человеческие эмоции. Занятия с американскими актерами прежде всего были сосредоточены на развитии внутренних качеств, внутренней актерской техники. На ранней стадии своих занятий Болеславский активно использует термины «жизнь человеческого духа», «внутренняя жизнь чувства», «душа роли» и т.д. Первой фазой, через которую должен был пройти новичок студии, были упражнения на «концентрацию» (читай — внимание), которого можно было достичь только освободившись от мускульного и ментального зажима. Упражнения на «свободу мышц», внимание, воображение, общение, «лучеиспускание и лучевосприятие» Болеславский внедряет в ежедневную рутину студийных занятий как «курс Станиславского». Между тем, внимательные слушатели лекций Болеславского замечали ряд логических неувязок в теоретических положениях Учителя, который явственно искал разрешения каких-то противоречий. Одним из главных «камней пре-

¹⁰ Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера 1916-1918. — М.: Центрполиграф, 2006. — С.73.

ткновения, некоторым пунктом расхождения со Станиславским станет трактовка «аффективной памяти», ее соотношения с «эмоциональной» памятью.

В соответствии с определением аффекта как бурной кратковременной реакции, эмоционального всплеска, возникающего в ответ на внешние раздражители, Болеславский добивался от учеников овладения техникой «приведения» себя в подобное состояние. И тут все, по Болеславскому, зависело от развитости «памяти органов чувств», т.е. способности воображения актера быстро «воспроизводить», при поступлении схожего раздражителя, всю ситуацию, получая, таким образом, некий импульс — толчок к обретению нужного состояния. Это запахи, вкусы, звуки природы и музыкальных инструментов, цвет и свет, которые являлись запомнившимся «фоном» эмоционального события и ныне служат как бы «автоматическим» подсказчиком.

Звуки музыки, аккомпанирующей любовному кризису двух людей, как и запах устриц, становятся, таким образом, «сенсорными стимулами» к возникновению щемящего чувства расставания, утраты, пустоты. Так, по мнению Болеславского, актер находит ключ к своему эмоциональному состоянию, с которого он уже не собьется, ибо это «воспоминание» носит характер мелодии, музыкального лейтмотива. В 1925 г. Болеславский посвятил своей «теории памяти» специальную лекцию. Было ясно, что аффективную память он рассматривал как своего рода «канал» между сознательным и бессознательным в актерском творчестве: он считал, что память органов чувств «депонируется» в мозгу и в нужный момент «сенсорные стимулы» «извлекаются актером», становясь своего рода «приводным ремнем» его сценической игры. Причем другие виды памяти («обычная», «моторная») — «работают» на чувства. Разумеется, Болеславский понимал, что данные, с его точки зрения, уникальные для сцены человеческие способности — лишь часть того, что составляет «эмоциональную память», но все равно он считал «сенсорную клавиатуру» решающим моментом, определяющим сценическое самочувствие и поведение персонажа. После 1926г. внимание Болеславского с «аффективной памяти» постепенно переключилось на проблему сценического действия.

Изменение во взглядах Болея все наблюдатели заметили после выхода в свет его статьи в «Theatre Arts Monthly» под названием «Основы игры» (1927). Формулируя свой идеал актера как творца «с холодной головой и горячим сердцем», Болеславский уже предупреждает об опасности оказаться в «ловушке эмоций», превратиться в невротика — с эмоциональной стороны актерской природы акцент перемещается на технику, логику, правдивость игры с точки зрения законов природы»¹¹. В этом выступлении уже были видны черты некоего дидактизма, «системности», которые будут характеризовать его книгу, вышедшую в 1933 г. и названную: «Сценическая игра: первые шесть уроков» (до этого каждый из уроков был напечатан в 1929-1932 гг. в «Theatre Arts Monthly»).

Болеславский считал, что накопленный опыт режиссера-педагога позволял ему давать некие методические указания актеру, настаивая на наличии обязательных стадий, ступеней в подготовке деятеля сцены; отсюда форма книги как учебника — он «разбит» на уроки, весь процесс овладения «сценической грамматикой» разделялся на три этапа: «Сначала — захотите что-нибудь. Это и будет ваша артистическая воля. Затем — выразите в глаголе это свое хотение, и это вопрос вашей актерской техники, подготовки; наконец, сделайте это, воплотите на практике — и это будет ваша актерская выразительность, воплощение»¹².

Обращает на себя постановка вопроса, определяющая переход от «я хочу» к «я делаю», опять заставляющая вспомнить о динамике развития идей Станиславского в последний период его жизни. «Формула» Болеславского поначалу казалась студийцам достаточно простой — весь вопрос был в том, чтобы правильно определить эти хотение и действие персонажа. И тогда он вводит в свой педагогический оборот понятие «spine» — хребет, который составляется из направленных к одной цели волевых усилий артиста¹³. Таким образом, в 1932-33 гг. Болеславский, по-своему формулируя, но все-таки подходит

¹¹ Кауфман Д. Студийная система. // Америка. Январь. Кино Европы. 1994. — С.11.

¹² См. об этом комментарии Г. В. Кристи и В. В. Дыбовского в кн.: Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. / Ред. В. Н. Прокофьев. Подгот. текста, вст. ст. и примеч. Г. В. Кристи. М., 1954. Т. 2. 499-500 с.

¹³ Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М., 2000. — С.185.

к понятиям «сверхзадачи» и «сквозного действия» роли. Было бы интересно сопоставить высказывания Болеславского этого периода об аффективной памяти, о «манках» («triggers»), шести этапах или «уроках» «подготавливаемого артиста» — с положением, например, о «шести главных процессах» в докладе Станиславского на съезде театральных деятелей 1909 г., — года, когда был им впервые употреблен термин «система», разделом «эмоциональная память» в книге «Работа над собой», часть первая, уже опубликованной в 1938 г., а на английском языке — в 1936 г.¹⁴, то есть в канун смерти Болеславского. А также вспомнить о том, что книги Рибо, на которого часто ссылается Болеславский, были и в домашней библиотеке Станиславского (в т. ч. «Аффективная память», «Логика чувств»). Но это потребовало бы отдельного самостоятельного исследования. Обратим, однако, в соответствии с задачами нашей работы, внимание на другое — на такой аспект проблемы, как приспособление «русской системы» под «американские задачи», о чем неоднократно говорил Болеславский. Тогда замеченные акценты и различия выступят в новом свете.

Один из американских комментаторов Болеславского, Дж. У. Роберте подчеркивает, что Болеславский и не опустил ни одного из элементов подготовки актера, указываемых Станиславским, и не прибавил ни одного «от себя». Однако часто оказывались смещенными иерархия и взаимосвязь этих составляющих, что немаловажно. Вот эти-то изменения Болеславский и относит на счет необходимой «американской адаптации», хотя в «американских предлагаемых обстоятельствах» его далеко не все устраивало. Как же, по его мнению, необходимо было действовать русскому педагогу-режиссеру, работая именно с *американскими* артистами? В определенном смысле, Болеславский ставил эксперимент на «сопротивление материала». Американские актеры, говорит он, гораздо более рациональны, прагматичны, не столь заботятся о душе, сколько о результате, пути к которому должны быть оптимально краткими, экономящими время и силы. Так, если «система» будет работать и в среде американских студийцев, значит она достаточно универсальна, — заключал он. Именно поэтому вначале нужно было разбудить их эмоции, путем тренировки аффективной памяти заставить овладеть навыками жизни в образе. Перенеся центр внимания во второй период существования своей Лаборатории на действие, Болеславский одновременно идет на встречу американской актерской природе, их привычкам, психологии и театральной традиции. Именно в этот момент его «метод» получает максимальный отклик учеников, ухватившихся за «действие» «как шест, чтобы совершить прыжок» в образ¹⁵.

По мере перевоплощения Болеславского в «Станиславского», в Учителя-«методиста», с ним самим происходила психологическая перипетия. Он усваивал, по воспоминаниям участницы Лэб Ширли Уайт, дидактизм, абсолютную серьезность, требование всепоглощающей концентрации на работе и самодисциплины, каковые далеко не все студийцы выдерживали. Как это не вяжется с тем Болеславский, на которого жалуется Л. А. Сулержицкому Вахтангов во время репетиций «Праздника мира»: «Всегда невнимательный, всегда легкомысленный, всегда несерьезный, всегда проявляющий неуважение к товарищам — партнерам, даже в такие минуты, когда души последних наполнены большими переживаниями... До сего дня он шесть раз не явился на репетицию без предупреждения!.. Радость работы он превратил в страдания...»¹⁶.

Между тем, студийцы «Лэба» Болея-учителя обожали. Эту влюбленность и упоенность «русским методом» передают воспоминания Ширли Уайт, — причем она подчеркивает, что Болеславский «стремится научить нас процессу игры, который полностью оправдал себя будучи примененным к славянским актерам». Программа студии также вызывает ее восхищение, ибо все предметы ведут асы-мастера, приглашенные из разных областей искусств и стран: Эльза Финдлей, ученица Жак-Далькроза, вела класс эвритмической гимнастики, уроки балета — Скотт, ученик Фокина, сценограф Норман Гедд вел постановочный курс, Старк Янг, известный бродвейский критик — курс истории театра,

¹⁴ Леонидов Л.М. Американские впечатления // Л.М.Леонидов. М.: Искусство, 1960. — С.63.

¹⁵Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М., 2000. — С.291.

¹⁶ Письмо Е.Б.Вахтангова Л.А.Сулержицкому от 27 марта 1913 // Вахтангов Евгений. Сборник / Сост., ред., коммент. Л. Д. Вендровской, Г. П. Кантаревоной. М., 1984. — С.120.

читать лекции в «Лэб-тиетр» приезжал Луиджи Пиранделло. Но главное — это занятия по мастерству актера, которые вели бывшие студийцы МХТ Р. Болеславский и Мария Успенская.

В истории Лэб выделяется несколько периодов. Хотя мы не ставим своей задачей дать здесь хронике студии Болеславского, отметим, что период становления театра (до 1926 г.) был ознаменован тремя главными работами — «Святой» Старка Янга, «Двенадцатая ночь» Шекспира — возобновление спектакля Первой студии МХТ в американских «условиях», и постановка пьесы Эмили Ривз (княгини Трубецкой в замужестве) «Часы русалки». В эти годы «Лэб» еще ютится в маленькой квартирке на углу Мэдисон Парк Авеню, а затем переедет на Мак Дугл стрит. В более поздний период (1926 г.) придут в состав студийцев и известные в будущем мастера американского театра — Г. Клэрман и Ст. Адлер. В двадцать четвертом году состав учеников насчитывал 34 человека. Это показалось спонсорам студии чрезмерным: перед Болеславским встанет проблема выбора и сокращения. Между учениками возрастет конкуренция, появится напряженность. К тому же, как вспоминала Э. Грешем, им казалось, что Болеславский, на которого они буквально молились, был для них абсолютно недостижим, они чувствовали, что не удовлетворяли его как актеры в первых спектаклях. Было видно, что он очень рассчитывал на работу Успенской «в классе» (Успенская выступала в спектаклях вместе со студийцами). В какой-то степени это может показаться странным, но из трех названных премьер «Лэб Тиетр» наибольший успех выпал не на долю «Двенадцатой ночи» (1925), повторявшей спектакль Первой студии, а на мелодраму дебютантки театра Эмили Ривз (если верить «анналам Нью-Йоркской сцены» и собранию пресс-откликов «энциклопедии Нью-Йоркской сцены 20-х гг.»)¹⁷. В рецензиях отмечается сохранение в режиссуре Болеславского в шекспировской комедии прежних принципов «русского первоисточника», а с другой стороны, одновременное исполнение роли Оливии 4 актрисами, и, наоборот, «совмещение» ролей Виолы и Себастьяна в одном актерском лице оценивается как «педагогические задачи». Не осталось незамеченным и перемещение любовных сцен 1-го акта во 2-й и т.д. Однако в качестве комплимента спектаклю указывается на побеждающий карнавальным, праздничным дух 3-го акта шекспировской комедии.

Между тем, при анализе постановке Ривз-Трубецкой критика использует другие выражения. Опираясь на ирландский фольклор вариация на тему «Женщины с моря», некой русалки Ганоры (можно провести аналогию Гоплана из «Баллады») и ее несчастливой любви к простому рыбаку (история, однако, как подобает, оканчивается хэппи-эндом), возможно, импонировала романтическим увлечениям Болеславского. По мнению Гилберта Габриеля, именно в этом спектакле русский режиссер достигает «настоящей пронзительности», в особенности отмечаются массовые сцены, а также рисующие «дикую, рудиментарную красоту» заброшенного морского побережья декорации Узунова. Однако, если учесть крайние материальные затруднения при постановке этого спектакля, то достижение подобных эффектов можно считать большой победой. Ст. Адлер называет этот «почти комнатный» — на 20 зрителей — спектакль «одним из самых красивых своих воспоминаний»¹⁸. Однако последняя постановка сезона — премьера пьесы Мириам Стоктон «Scarlet Letter» по мотивам пьесы У. Хоутона успеха не имела. Критика назвала эту работу «клочковатой», аморфной, любительской по исполнению. Одновременно подводятся итоги первого этапа работы предприятия Болеславского. Интересное замечание делает Ричард Уоттс-младший: он находит, что происходящее в Театр-лаборатории, на занятиях, на репетициях, («метод подготовки актера и стилистические поиски») гораздо более значительно, нежели те «полу-любительские» постановки, которые были показаны зрителю. Замечания выявили определенный драматизм ситуации: того, что было «для себя», что было учебой и подготовкой, зритель не видел. Рецензенты задавались вопросом, станет ли наконец студия театром. А те, кто пришел к Болеславскому как представителю мхатовской школы, заинтересованные в ее методе, все больше наблюдали на практике отход от этих «заветов». Ли Страсберг впоследствии вспоминал:

¹⁷ The Encyclopedia of New York Stage / By Samuel D. Leiter. New York, 1980. Vol.2. №870.

¹⁸ Трепакова А.В. Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи. — М.: Издательство «КДУ». 2007. 346с.

«Уже "Часы русалки" были поставлены не вполне "реалистически"... Чувствовалось, что Болеславский находился под влиянием Вахтангова, его идеи "фантастического театра"»¹⁹.

Итак, вопрос о том, как соотносится «метод» Болеславского и система создателя Московского Художественного театра, становится принципиальным. Позже его назовут «ревизией системы». Для того, чтобы в целом ярче представить различия и затем понять причину острого неприятия метода Болеславского Михаилом Чеховым и его последователями, — о чем подробно рассказывал Г. С. Жданов²⁰, — обратимся к некоторым особенностям интерпретации Станиславского основателем «Театра-лаборатории». Прежде всего, прояснить ситуацию помогают непосредственные тезисы Болеславского (здесь — из статьи 1927 г.): первое, на что указывает Болеславский — это признание факта, что «игра вплетена в повседневную жизнь, неотделима от нее»²¹. Подождем сблизить это высказывание, например, с пантеатральностью Евреинова. Человек, продолжает Болеславский, не может с точностью различить те моменты своей жизни, когда он действует искренне, по наитию, а когда притворяется, «играет», короче — моменты, когда он «является самим собой», а когда — «играет роль». По его мнению, «сколько гистрионического» хотя бы в том, как человек приветствует улыбкой встречающих!

Что толкает человека к игре в жизни? Очень часто — это стремление казаться лучше — определенный, неумышленный, искренний, по слову Болеславского, «идеализм». Чувство красоты, являющееся врожденным инстинктом, стремление к самосовершенствованию, тяга к идеалу — вот «пружины», заставляющие человека вести себя чуть-чуть «лучше», изящнее, галантнее, чем хотелось бы. Отсюда избыточность декорировки, формальностей, процедур, сопровождающих те или иные акты жизни человека, от рождения до смерти. Тягу к гармонии и лучшей жизни читает Болеславский и у величайших драматургов современности — Чехова и Горького. По-своему трактует Болеславский в этих тезисах пример пьесы Горького «На дне». Вот где тяга к совершенству и «преодолению дисгармонии», выраженная ярчайшим образом, подчеркивает он²². Но при этом Горький не рисует «настоящую» ночлежку — он приподнимает, «усовершенствует» этих отверженных.

Момент этический и эстетический здесь явно превалирует над «пропагандистско-идеологическим». Театр — не трибуна идей, а «учитель красоты». В воззрениях Болеславского мы видим отголоски эстетизма и натурфилософских увлечений «серебряного века». Он говорит о красоте первозданного человека, о вечности и незыблемости законов природы: следование им и приведет к искомому результату, а не всевозможные «измы», в которых увяз современный театр. Обращение актера к законам природы позволит ему увидеть саму жизнь как ряд волевых усилий к достижению идеала: «я влюблен — я добиваюсь взаимности»; «я честолюбив — я борюсь за воплощение моих амбиций в жизни» и т.д. Болеславский в своей статье следует как традиции «Парадокса об актере» Дидро, так и принципам построения «Записок режиссера» Таирова: он сопоставляет различные точки зрения на игру актера, высказывавшиеся его предшественниками (для Коклена игра — это умение обманывать, для Тальма — это ментальный процесс, полностью контролируемый разумом, и т.д.). При этом он сам опирается на высказывания Квинтилиана о том, что для того, чтобы трогать своей игрой других, актер сам должен переживать, быть растроганным. Себя он причисляет к последователям «школы эмоционалистов» и считает эмоцию важнейшим элементом актерского творчества (на этом вопросе мы еще остановимся подробнее). «Система», Болеславского выглядит акцентристской, но им делается важная оговорка о «коллективном творчестве и его незыблемых законах».

Вот тут необходимо вмешательство режиссера. Его единую «сигнальную» волю должны выполнять все, от звезды до последнего рабочего сцены, причем каждый из них должен делать свое дело, вне зависимости от его «веса» в спектакле, по максимуму, и, наконец, — «третий закон коллективного творчества» — проникнуться духом и сознани-

¹⁹ Письмо Е.Б.Вахтангова Л.А.Сулержицкому от 27 марта 1913 // Вахтангов Евгений. Сборник / Сост., ред., коммент. Л. Д. Вендровской, Г. П. Кантарева. М., 1984. — С.120.

²⁰ Интервью Г. С. Жданова М. Г. Литавриной. Калифорния. Февраль. 1995. — С.8.

²¹ Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. М., 2000. — С.135.

²² Там же. С. 133.

ем значения общего дела, понять, что нет «отдельного», своего успеха в спектакле, но только — общий. Нет ни одной театральной профессии, которая могла бы существовать «вне спектакля» — как драматург, который должен «заразить» актеров определенными желаниями, стремлениями, так и художник должен быть на каждой репетиции, прожить с актерами все этапы подготовки спектакля.

Список литературы

1. Алперс Б.В. Театральные очерки: в 2 т. — М.: Искусство, 1985.
2. Бейли К. Кино: фильмы, ставшие событиями. — СПб: Академический проект, 1998.
3. Болеславский Р. Путь улана. Воспоминания польского офицера 1916-1918. — М.: Центрполиграф, 2006.
4. Интервью Г. С. Жданова М. Г. Литавриной. Калифорния. Февраль. 1995.
5. Кауфман Д. Студийная система. // Америка. 1994. Январь. Кино Европы.
6. Леонидов Л.М. Американские впечатления // Л.М. Леонидов.— М.: Искусство, 1960.
7. Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра 20 века. — М., 2000.
8. Письмо Е.Б.Вахтангова Л.А.Сулержицкому от 27 марта 1913 // Вахтангов Евгений. Сборник / Сост., ред., коммент. Л. Д. Вендровской, Г. П. Кантеревой. — М., 1984.
9. См. об этом комментарии Г. В. Кристи и В. В. Дыбовского в кн.: Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. / Ред. В. Н. Прокофьев. Подгот. текста, вст. ст. и примеч. Г. В. Кристи. — М., 1954. Т. 2.
10. Трепакова А.В. Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи. — М.: Издательство «КДУ». 2007.
11. Цимбал И. С. Американские актеры первой половины XX века: (Лекции). — Л.: ЛГИТМиК, 1989.
12. Эстетические идеи в истории зарубежного театра. — Л.: ЛГИТМиК, 1991.
13. The Encyclopedia of New York Stage / By Samuel D.Leiter. New York, 1980. Vol.2. №870.

RICHARD BOLESLAVSKY. SEARCH FOR STAGE ETHICS IN AMERICAN THEATRE

E.S. KOVALEV

*Tula State Pedagogical
University Named After
L.N. Tolstoy*

*e-mail:
kowalev.e@gmail.com*

The method is the driver to carry out a cardinal change. The way the actor trains in studio and collective experiment is the only capacity to create a new theater. Before they go on stage and play skillfully, the actors have to find some place for trials and errors. The errors are the right path to the success.

Keywords: method, laboratory, ethics, studio, affective memory.

О СПЕЦИФИКЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

Е.М. КУЗНЕЦОВА

Белгородский государственный институт искусств и культуры

e-mail: kuznetzova_em@mail.ru

В статье осуществлен анализ мультипликации как специфического вида искусства. Отмечается близость мультипликации к театру и художественной литературе.

Ключевые слова: мультипликация, кинематограф, визуальное, символ.

Мультипликационный кинематограф – особый вид кинематографа. Он является одним из самых молодых видов кинематографического искусства, но, не смотря на это, проделал огромный путь в своем развитии, превратившись из яркой технической игрушки в могущественное и зрелое искусство.

Само понятие искусство используется в двух значениях: 1) мастерство, умение, ловкость, сноровка, развитие знанием дела; 2) творческая деятельность, направленная на создание художественных произведений, шире – эстетически-выразительных форм. Понятийный статус Искусства непосредственно связан со вторым значением термина, сохраняя первое в качестве технического условия всякого творчества. Понятие «Искусство» коннотируется историческими изменениями (трансформациями) форм и типов культуры, их взаимодействиями, а соответственно – характером философских, искусствоведческих, художественно-поэтических рефлексий и к настоящему времени представляет собой многомерное смысловое образование, принципиально открытое для включения новых смысловых элементов, порождаемых непрестанно длящимся и трансформирующимся художественно-эстетическим опытом человечества, в том числе развитием интеркультурных связей, коммуникаций, обменов, технологий, обеспечивающих и поддерживающих творчество и трансляцию в обществе его продуктов¹.

Искусство является частью культуры, ее носителем. Искусство различно, так как создается в разные эпохи и разные цивилизации и отражает ценности той эпохи, в которую создается: «Искусство, в силу своей эмоциональности, многомерности и полифункциональности позволяет особенно действенно формировать первичные образы. При этом искусство является воплощением духовных ценностей людей и выражает отношение человека ко всем в мире»². Но мультфильм не только носитель культуры, он отображает, как и все виды искусства, ценности человека той или иной цивилизации, и тем самым формирует культуру подрастающего поколения. И совершенно очевидно, что мультфильм – отражение современной культуры.

Семен Сергеевич Гинзбург, советский историк кинематографа, в своем произведении «Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии» писал: «Этот поистине поразительный рост молодого киноискусства предопределен особенностями его художественной природы. При всем своеобразии кинематограф обладает качествами, сближающими его с другими искусствами. Он родствен литературе, ибо, подобно ей, изображает действительность в ее развитии и изменении. Он близок изобразительным искусствам, ибо воссоздает действительность не в словесном описании, а в зрительных образах. Он имеет много общего с театром, ибо в большинстве своих произведений воплощает свои образы средствами актерского творчества.

¹ Искусство. Большой энциклопедический словарь http://enc-dic.com/new_philosophy/Iskusstvo-531/

² Адам Д.А. Формирование у дошкольников представлений о мире природы как духовной ценности средствами современного искусства / Экологическая педагогика: сборник научных статей по материалам XI Международной конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 34.

И, наконец, его монтажно-ритмический строй, несомненно, роднит его с музыкой»³. Но стоит заметить, что такая близость мультипликационного искусства к другим искусствам, не только не снижает его художественного своеобразия, она находится с ним в прямой зависимости, т.е. тот материал, из которого создаются произведения, и те средства, с помощью которых создается материал. В результате чего расширение и развитие этого материала и этих средств изменяет характер кинематографического синтеза.

Вместе с другими средствами развития технического прогресса, на наших глазах развивались художественные средства кинематографа и мультипликации в том числе. Сначала черно-белое кино, которое переросло в цветное, из немого становясь звуковым. Появление слова, а также цвета, почти полностью изменило природу киноискусства, тем самым сблизив его с такими видами как театр и живопись.

Есть и другие причины, вызвавшие выделение из художественной кинематографии особого ее вида – мультипликационной кинематографии. С. Гинзбург писал: «Первой и самой общей из них является фиксация съемочным аппаратом на киноплёнке наблюдаемых или воссозданных перед объективом картин действительности. Эти картины могут быть бесконечно разнообразны, как и те, которые предстают перед человеческим глазом. Объектив в равной мере способен фиксировать картины жизни, развивающейся на огромных пространствах в ширину и глубину (общий план), и важные детали этих картин, приближая зрителя к объективу наблюдения или даже показывая ему явления действительности как бы через увеличительное стекло (средние и крупные планы). Аппарат может свободно перемещаться в том пространстве, в котором происходит действие, передвигаясь в нем плавно (панорамы, отъезды и наезды) или толчками (смена монтажных планов), ему доступны любые углы зрения на проходящие события (ракурсная съемка), он может соединяться в пространстве кадра различные одновременно развивающиеся действия (многоплавность действия). Кинообъектив – это как бы безгранично подвижный человеческий глаз. И на события, являющимися содержанием кинопроизведения, зритель смотрит при помощи этого глаза, он видит их такими, какими их оптически воспроизвели режиссер и оператор»⁴. Репрезентируемая киноаппаратом точка зрения, конечно, в определенной мере принудительна. Но, как и в литературе, при чтении книги, перед нами раскрывается сюжет, и персонажи, и образы, и все происходящие события заданы нам автором. В живописи, все обстоит так же, мы рассматриваем произведение живописи, стараемся поймать определенные моменты произведения, чтобы раскрыть его содержание, а точка зрения на события задана художником. Эту же взаимосвязь мы можем наблюдать в театре, и в кино, и в других видах искусства. Описываемая в терминах органопроекции, камера есть продолжение глаза и, соответственно, взгляда художника.

«Оптическая природа киноизображения предопределяет еще одну важнейшую особенность киноискусства – с нею связана практически беспредельная подробность и протокольная фотографическая точность фиксации на пленке видимых в объектив картин жизни. Аппарат только копирует ту действительность, которая перед ним развивается, но сам по себе он ее не преобразует, хотя выбор оптики влияет в известной мере на характер киноизображения»⁵ – С. Гинзбург, упоминая в своих работах про подробность и точность изображения в кинематографе, хотел показать то, что образ, например человек, в игровом художественном фильме является, как объектом, так и субъектом творчества. И благодаря, этой важной особенности, которая придает художественной игровой кинематографии исключительную конкретность, а также воплощение детализированных образов и близкую связь киноискусства с жанрами литературы (современная реалистическая проза и драматургия). Безусловно, тезис о реализме кинематографа был обоснован и обоснован по сей день в рамках существовавшего дискурса кино того времени. Уже позднее в целом ряде направлений появится критическая рефлексия политико-

³ Гинзбург С. Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии. – М., 1957. – С.5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

идеологических оснований кинематографа и утверждение о том, что кино-взгляд не столь объективен как это кажется.

Вернемся к создателям, режиссер, сценарист, оператор задают зрителю свою точку зрения, и не только, еще создают Образ! Этот образ наделяют определенными качествами, стараются подчеркнуть определенные черты, но не могут отбросить все остальные, для них несуществующие. «В этом и есть сила игрового кино, но вместе с тем и его ограниченность, – писал С. Гинзбург, – Ибо подробность характеристики используется далеко не всеми художественными жанрами. Уже гротескный образ не всегда доступен актерскому творчеству. А образ-символ, а образ-метафора, которыми так часто пользуются сказка и басня, не могут стать объектом актерского перевоплощения. И именно это обстоятельство предопределило возникновение особого вида киноискусства, не связанного с актерским творчеством, – мультипликационного кино»⁶. В этом специфика мультипликации как вида, отражающего то, что не может отразить художественный кинематограф. Мультипликация в большей мере символическое искусство.

Способы индивидуализации, особенно те способы, которые используют в современном кино и современном театре, наряду с универсальными способами, отображают картину действительности с элементами фантастики, т.е. того, что не существует. С этой точки зрения, художественный образ и достигает своей индивидуализации с помощью этих самых фантастических элементов, которые не существуют: «Так обстоит дело, например, в эпосе многих народов. Народный эпос, как отмечал один из самых глубоких его знатоков М. Горький, создает в своих образах «гениальные символы», «гигантские обобщения жизненного опыта народа»⁷. В эпосе личность главного героя может быть наделена необычайной физической силой, мужеством и мудростью, но лишена детальной психологической и бытовой характеристики. Это происходит потому, что герои эпоса являются воображаемым образом, выражающим жизненные силы народа. Они являются народным символом, например, Илья Муромец – это народный символ, который олицетворяет всю мудрость народа, волю крестьянства, а его подвиги – это подвиги целой богатырской рати. Если рассматривать такое произведение как «Слово о полку Игореве», в котором олицетворением военной силы является образ Буй Тур Всеволода, то в данном произведении поэтическое обобщение строится по той же структуре, что и синекдоха. Как пишет историк мультипликации С. Гинзбург, возможно, что на самом раннем этапе развития поэзии формой образного обобщения являлась синекдоха, которая в свою очередь превратилась позднее в поэтическую форму.

Одним из самым древнейших жанров художественной литературы является сказка. Сказка сопровождает нас на протяжении многих веков, особенно своими незабываемыми сказочными сюжетами. Можно сказать, что сказка вечно жива, она развивается, наполняется новым содержанием, меняет свою форму, она непрерывно изменяется, обрастает все новыми и новыми сюжетами, поэтому можно утверждать, что сказка вечно современна! Сказки различны по жанрам, например, бывают сказки волшебные, сказки про животных, сатирические и др. Русские сказки отличаются от сказок народов Западной Европы своей особенностью и национальным своеобразием. В русских сказках главные герои наделены мудростью и силой, основные образы волшебные, такие как, леший, Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Змей Горыныч и др., которые наделены большой волшебной силой, и отрицательными качествами, но не смотря на это данные персонажи не мешают главному герою и не вмешиваются в ход событий происходящего в сказке. Также в русских сказках присутствуют добрые волшебные образы, такие как, Дед Мороз и Снегурочка, они также не вмешиваются в происходящее и не приходят на помощь первыми, пока главный герой не совершит подвиг или какой-либо хороший поступок. Так, к примеру, в сказке «Морозко» Мороз вознаграждает падчерицу красивой теплой шубой и сундуком с драгоценностями, за ее трудолюбие и уважение к старшим. Тогда как, в западноевропейских сказках, например, во французских, главные герои делятся на добрых и злых, и в ходе событий в сказке происходит постоянная борьба между добрыми и злы-

⁶ Гинзбург С. Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии. – М., 1957. С.8.

⁷ Там же.

ми героями. Такое своеобразие французских сказок отражает религиозное представление народа о борьбе человека и злых сил, к примеру, борьбу за человека между богом и дьяволом, или ангелами и чертями. Еще одно своеобразие русской народной сказки в том. Что главный герой сам строит свою судьбу, и ответственен за нее. Как писал историк мультипликации С. Гинзбург: «Волшебство народной русской сказке почти всегда реалистически мотивировано; это особая сказочно-метафорическая форма отражения реальной действительности. Как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, волшебство в русской народной сказке отражает веру народа в свои, человеческие силы в противовес потусторонним мистическим силам. Русская волшебная сказка противостоит мистицизму религии и утверждает в аллегорической или метафорической форме свойственные народу реализм и стихийно-материалистическое понимание жизни»⁸.

А экранизация в мультипликационном фильме всего мира чудес русской сказки раскрывается конкретно, наглядно и по-настоящему сказочно и волшебно на протяжении нескольких минут. Широта возможностей технологий современного мультипликационного кинематографа позволяет более широко и полно раскрывать возможности воспроизведения образов художественной фантазии с помощью этого вида киноискусства.

Список литературы

1. Искусство Большой энциклопедический словарь. http://enc-dic.com/new_philosophy/Iskusstvo-531/
2. Адам Д.А. Формирование у дошкольников представлений о мире природы как духовной ценности средствами современного искусства / Экологическая педагогика: сборник научных статей по материалам XI Международной конференции. – Екатеринбург, 2005.
3. Гинзбург С. Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии. – М., 1957.

ABOUT SPECIFICS OF ANIMATION

E.M. KUZNETSOVA

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

*e-mail:
kuznetsova_em@mail.ru*

In article analysis of the animation as specific form of art is carried out. The proximity of animation to theater and fiction is noted.

Keywords: animation, cinema, visual, symbol.

⁸ Гинзбург С. Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии. – М., 1957. С.15.

УДК 130.2

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПОРТА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**В.О. МЕЗИНОВ***Белгородский государственный институт искусств и культуры**e-mail: v_mezinov@mail.ru*

В статье рассматривается проблема возникновения и развития спорта как специфического феномена культуры Нового времени. Этика спорта анализируется в сравнении с трудовой этикой, а также влиянием на спорт политики и войны.

Ключевые слова: спорт, этика, политика, война, борьба.

Практически без всяких оговорок мы можем говорить, что спорт занимает значимое место в жизни современного человека. Это утверждение справедливо как в отношении занимающихся спортом, так и тех, кто им не занимается. Спорт во втором случае неизбежно вторгается в жизнь через экраны телевизоров в новостных сообщениях с чемпионатов и олимпиад, символику на улицах городов и даже спортивную одежду, ставшую для многих повседневной. Спорт сливается с повседневностью широких масс людей как практика и как зрелище, во многом оставаясь неизвестным феноменом в своей профессиональной части и прозрачным во внешней, зрелищной, а также повседневной, представленной любительским спортом. Возможны и другие важные и фундаментальные опозиции уже в первом подходе к изучению спорта, однако мы остановимся на первом утверждении о близости спорта к жизни людей, поскольку даже в небольшой исторической перспективе здесь возникает проблема.

Конечно, речь должна идти о возникновении спорта в том его виде, каким он является сейчас. Целый ряд исследователей отмечает, что спорт в его современном виде возникает в Англии XVIII-XIX веков. Кристиана Айзенберг анализирует ситуацию того времени, связанную с наймом спортсменов высшими слоями общества для участия в состязаниях: «... богатые джентльмены брали на службу и посылали на состязания бегунов, боксеров и наездников. Это не было способом удовлетворения потребности в сословном представительстве, как у представителей знати континентальной Европы, которые посылали так называемых «предшественников», чтобы занять место для своих паланкинов или карет. Приглашение атлетов для работы было в гораздо большей степени реакцией на неформальное принуждение к трате денег»¹. С позиции Т. Веблена, на которого опирается процитированный нами автор, спорт рождается из необходимости демонстративной траты и потребления благ, служившего показателем социального статуса. С сугубо культурной точки зрения спорт являлся зрелищем, развлечением для ограниченного социального слоя общества – аристократии. И это было нечто новое по сравнению с родственными феноменами рыцарских турниров средневековья или уходящих с исторической эпохи дуэлей, сменившихся боксом как средством самозащиты и благородным способом решения споров.

То же, что касается этики в возникшем явлении, то очевидно в среде аристократии заключаемые на исход поединков и соревнований пари регулировались принятыми в высшем сословии нормами. В среде же самих спортсменов, по словам К. Айзенберг, таких норм еще не возникло, поскольку они стремились к наибольшей выгоде, то прибегали к различным уловкам, чтобы обмануть своих нанимателей и побольше заработать. Как раз такое поведение спортсменов привело к необходимости создания правил и норм в этом виде деятельности: «Такая коррупционная практика вынудила джентльменов принять меры для регулирования и организации спорта. В боксе в 1740-е годы были приняты так называемые правила Броутона, в которых, чтобы уберечь атлетов (или вложенные в тренировки капиталы), предписывалось использовать перчатки с мягкой подкладкой за-

¹ Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.4-5.

прещались удары ниже пояса; кроме того, в них были зафиксированы общие условия состязаний и боксерам запрещалось заключать явные пари на собственные бои. Примерно в это же время, около 1750 года, возник Жокейский клуб как объединение хозяев конюшен беговых лошадей, заводчиков и других имеющих отношение к состязаниям аристократов, которые вскоре издали правила скачек...»². Иными словами регламентация спорта и отношений в нем была в определенном смысле внешней, связанной с защитой интересов нанимателей атлетов.

Вместе с тем, останься спорт таким, развлечением для узкого круга аристократии, он никогда не стал бы частью повседневности для широких масс. Уже в середине XIX века спорт становится интересен для зарождающегося и быстро развивающегося среднего класса, который стремился подражать аристократии и желал приобщиться к показательному потреблению. При этом спорт становится более доступным и все более разнообразным: «Если знатные джентльмены XVIII века занимались преимущественно скачками, крикетом и боксом, то новопришедшие представители третьего сословия «изобрели» большое число других видов спорта: греблю, плавание, легкую атлетику, гольф, лаун-теннис, борьбу, конькобежный спорт и т.д.»³. Приход в спорт буржуазии меняет также ценностные смыслы и этические нормы, поскольку спорт как развлечение становится все более «серьезным» делом. Спорт приобретает в широком смысле педагогические коннотации: «... джентльмены буржуазного происхождения рассматривали свой спорт не только как развлечение и возможность для заключения пари и общения, но и как повод к физическим упражнениям. Связанные с этим теории о «здоровом духе и здоровом теле», о мужественности и о «мускулистом христианстве» стали ядром воспитания в так называемых Public Schools элитных интернатах, университетах Оксфорда и Кембриджа, а также христианского воспитания молодежи»⁴. К. Айзенберг пишет о преемственности спортивной этики при изменении социального и классового состава самого спорта и, в частности, сохранении ценности благородства. Спортсмен становится атлетом, человеком с совершенным телом, но также исключительными моральными качествами, благородства, беспристрастности, самодисциплины. Из перечисленного качества благородства и беспристрастности, безусловно, аристократического «происхождения», другие являются новыми и буржуазными по своей природе. Особенно дисциплина, которая приходит в спорт далеко не сразу. Долгое время спортсмены не знали регулярных тренировок, самодисциплины в подготовке к соревнованиям и в жизни. Сложный вопрос о беспристрастности, столь ценившейся в аристократических кругах. Делавший ставки должен был принимать проигрыш невозмутимо. В последующем спортсмены могли следовать этой норме в силу своего происхождения и воспитания, но в самом спорте эта норма не стала строгой и общеобязательной.

Другое дело с самодисциплиной и дисциплиной вообще. Она стала общеобязательной и распространилась на все виды спорта. Тем более что дисциплинированность соответствовало трудовой и предпринимательской этике капитализма. М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» проанализировал этические истоки капитализма и среди них дисциплина занимает важное место. Христианская аскеза протестантских сект трансформируется в самодисциплину, выражающуюся в нескольких аспектах: «Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия — бездействие и плотские утехи — и прежде всего ослабление стремления к «святой жизни». И только потому, что ответственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. Ибо «вечный покой» ждет «святых» в потустороннем мире, в земной жизни человеку, для того чтобы увериться в своем спасении, должно делать дела пославшего его, доколе есть день. Не бездействие и наслаждение, а лишь деятельность служит приумно-

² Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.5.

³ Там же. С.6.

⁴ Там же.

жению славы Господней согласно недвусмысленно выраженной воле Его. Следовательно, главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени»⁵.

Наслаждение богатством и бесполезная трата времени выступают извращенным подобием мира потустороннего как вечного блаженства, которого земной человек еще не заслужил. Его жизнь должна состоять, напротив, из постоянного труда и забот о хлебе насущном. Точно также и для спортсмена, особенно во время соревнований, ценна не только каждая минута, но нередко секунда, отделяющая от победы. Не менее жестко регламентирована и остальная его жизнь. Если для протестантизма и формирующейся трудовой этики ценна каждая минута жизни для подтверждения «призвания», то для спортсмена это также верно. Спортивная аскеза и есть самодисциплина, также как предостережение о призвании. Следовательно, мы можем предположить родственность «духа капитализма» и «духа спорта». Трудовой этики капитализма и спортивной этики, объединенных аскезой – дисциплинированностью, а также состязательностью. С этой точки зрения возникновение современного спорта в Англии обоснованно. Наиболее развитая европейская культура эпохи Нового времени создает спорт, который являлся частью общего процесса, наряду с формированием промышленности и трудовой этики, возникновением буржуазии и пролетариата и целого ряда других.

Норберт Элиас в связи с этим предлагает различать спорт в широком смысле, как явление мировой истории, берущее свое начало в древности, и спорт в узком смысле как феномен, зародившийся в Англии Нового времени: «Если говорить о спорте в «широком» смысле, то он включает все состязания и физические упражнения, какие только можно встретить в тех или иных обществах; это же понятие в более узком смысле относится к определенному типу состязательных игр, возникшему в Англии и уже оттуда распространившемуся в другие страны. Этот процесс можно было бы назвать, правда не слишком благозвучно, «спортризацией» состязательных игр...»⁶. Сами же состязательные игры возникли довольно давно и Н. Элиас начинает свой анализ с Античности. Основной же критерий, на который он опирается в различии спорта в широком и узком смыслах, состоит в регламентации насилия. Подходя к анализу спорта как социолог, он отмечает различие условий возникновения и существования игр, целей участников, правил соревнования и многого другого. Состязательные игры древности, если говорить об общей тенденции, не носили самостоятельного значения, поскольку служили подготовкой к войне или носили ритуальный характер, а иногда и то и другое. Беспрецедентно низкий уровень насилия, достигнутый европейской цивилизацией, объясняет исчезновение прикладного аспекта из спорта. Точнее произошло разделение, специализация спорта и военного ремесла в силу усложнения обоих, а также по названным нами причинам культурного порядка. Это можно понимать как возникшее различие культурных практик⁷, а также этических ориентиров, свойственных им.

По крайней мере, из двух установок, свойственных спорту, состязательности и дисциплинированности, первая присуща только спорту. Но разделение не было полным. Уже итоги Первой мировой войны продемонстрировали, что спорт есть продолжение политики и он не так уж далеко ушел от своего архаического аспекта – связи с войной. Речь о прикладном аспекте спортивной подготовки нации к войне, а также об изменении восприятия спорта как продолжения борьбы – войны. Оба аспекта сходятся в том, что спорт перестает быть частным делом. «Восстание масс» захватило спорт в том смысле, что ему начинает придаваться большое значение уже не как развлечения или физической практики, направленной на укрепление здоровья человека. Спорт становится важным в силу его способности трансформировать людей и мобилизовывать массы. Он становится ча-

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 186.

⁶ Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос 3(54) 2006. – С.44.

⁷ О культурных практиках насилия см. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.

стью идеологических машин обработки и манипуляции человеком и не только в тоталитарных государствах.

Помимо этого за годы войны множество людей прошло «спортивную социализацию», как о том пишет К. Айзенберг. Спорт заполнял промежутки между боевыми действиями на фронте для огромного количества людей, что не могло не сказаться на спорте послевоенном. Произошло смешение смыслов и норм войны и спорта: «... происшедшее в ходе войны смешение спортивных и солдатских добродетелей полностью преодолеть не удалось. На соревнованиях бросались в глаза небывалое до сих пор количество нарушений и грубость. А в общественном мнении спортивная конкуренция оставалась тем же, чем была на фронте, а именно «борьбой». Вместо «друга по спорту» теперь говорили «товарищ по спорту»⁸. Можно предположить, что такие изменения были характерны не только для Германии, о которой пишет К. Айзенберг, но также и для других стран. Они еще более усилились после Второй мировой войны, а взгляд на спорт как борьбу и продолжение политики окончательно устоялся за годы холодной войны. Спорт рассматривается не просто как спортивные достижения той или иной страны, только как собственно спорт. Он есть выражение потенциала нации, отражает претензии страны на мировой арене. И чем больше спорт не является просто спортом, тем более оберегаются спортивные нормы. И в первом моменте он проникает в жизнь практически всех людей, а во втором остается уделом профессионалов. Именно они соприкасаются с сугубо спортивными проблемами допинг контроля, критериев судейства и правил соревнований.

Список литературы

1. Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.3-23.
2. Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте российского самосознания: доминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (159). – Вып. 25. – Белгород, 2013. – С. 5-15.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
4. Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос 3(54) 2006. – С.41-63.

ETHICAL ISSUES OF SPORTS IN TERMS OF ITS DEVELOPMENT

V.O. MEZINOV

*Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: v_mezinov@mail.ru

The paper discusses the issue of development of sports as a specific phenomenon of the New Times culture. The ethics of sports is analyzed in comparison with the labour ethics, and also with the impact of the politics and war on sports.

Key words: sports, ethics, politics, war, competition.

⁸ Айзенберг К. Спортсмен // Логос 3(54) 2006. – С.12.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА ПАРЛАМЕНТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.В. НАЗАРОВА

*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

e-mail: Fox353@yandex.ru

В статье проводится анализ методологических оснований парламентской культуры, через понимание парламентской культуры как концепта в контексте социокультурного и философского дискурса.

Парламентская культура как социокультурный феномен; гражданское общество; концепт парламентской культуры.

Ключевые слова: парламентская культура, гражданское общество, философский дискурс.

Развитие современного парламентаризма показало, что его границы значительно расширились: парламентская культура вбирает в себя не только личностную культуру парламентария, но и аксиологические смыслы политических отношений в контексте этических противоречий и политического и социального неравенства, рождающих различные политические конфликты, войны, революции, что невозможно решить вне парламентских регуляций. В этом смысле парламентская культура выражает становление единого гражданского общества¹. Объективное рассмотрение парламентской культуры, в соответствии с актуальными вызовами и проблемами современного общества, обусловленными процессами глобализации, можно осуществить через понимание парламентской культуры, как целостного феномена; через комплексный подход к данной проблеме. По этой причине, парламентскую культуру целесообразно рассматривать как концепт – что связано с расширением контента современной парламентской культуры, который вышел за рамки политики, и приобрел широкое значение, которое проявляется в ценностных установлениях (мировоззренческих, теоретических, экономических, философских, художественных и др.), институционально закрепленных (декларации, документы, кодексы, конституционные и правовые уложения), в аксиологических моделях парламентских институтов и в антропологических практиках, определяемых политической деятельностью граждан и профессиональных политиков, политическими отношениями, целостной политической культурой.

В данной статье мы поставим ряд вопросов, ответы на которые помогут охарактеризовать концепт современной парламентской культуры. В чем заключается разница между понятием парламентской культуры и ее концептом? В чем заключается смысл современной парламентской культуры и каково ее содержание? Что входит в ареал концепта современной парламентской культуры? Ответы на эти вопросы помогут обозначить процесс становления концепта современной парламентской культуры и выявить его основные черты.

В современных исследованиях парламентская культура определяется как понятие. Это – социально-политический феномен, связанный с политическими отношениями², составная часть политических отношений, корпоративная и профессиональная

¹ См.: официальный сайт «Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией» - (Электронный ресурс) URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 14.08.2013)

² Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 160 с. Его же: Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 2004. – С. 173-191; Дука А. Политическая культура – поиск теоретических оснований / Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1: Политическая культура и политические процессы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С.103-115. Носков В.А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. Белгород: Белгород, гос. ун-т, 2005.

культура³, институциональная и неинституциональная сфера, в основе которых личностные ценности, мотивации субъектов⁴.

Парламентская культура в данных исследованиях представлена как система ценностных установок и мотиваций, которые обуславливают эффективность деятельности парламента как представительной власти: «доминирующие в обществе идейные и социально-политические установки относительно роли и значения представительной власти, её ответственности перед обществом, условиях формирования и общественной эффективности»⁵.

В целом парламентская культура представлена в исследованиях в контексте общих политологических проблем⁶, в разработках по парламентской культуре отсутствует системный, комплексный характер исследований, который объединил философские, политические, социологические, лингвокультурологические подходы к изучению парламентской культуры⁷.

Парламентская культура как система института власти содержит элементы собственной культуры, такие как этическая культура⁸, этический режим⁹, этическая кодификация и регламентация, которые являются механизмами регуляции деятельности парламента.

³ Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Автореф. дис.д-ра полит. Наук. – СПб., 1997; Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // Политэкс. – 2005. – №5; Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкин В.С., Надеева Т.И. Психология парламента // Международная академия акмеологических наук. – М., Статус-кво, 1999; Лысенко В.И. Десять лет современного российского парламентаризма. Доклад к заседанию круглого стола на тему: "Десять лет современного российского парламентаризма: итоги и перспективы". – М.: Институт современной политики, 2000.; Павличенко Н.М. Парламентская этика: зарубежный опыт и его применение законодательными (представительными) органами Российской Федерации // Государство, право и управление. – М., 2002. – С. 71-85.

⁴ Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис. канд. социол.наук. – М.: Рос.акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004..Константинова Л.А. Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского общества. (Электронный ресурс) URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>. (дата обращения: 20.06.2013)

⁵ См.: Ковбенко Л.Н. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития. СПб., 2009. (Электронный ресурс) URL: <http://www.disserscat.com/content/parlamentskaya-kultura-v-sovremennom-rossiiskom-politicheskom-protsesse-usloviya-i-factory-r#ixzz2XVI9WweX> (дата обращения: 20.06.2013)

⁶ Подчеркивается «фрагментарность отечественной политической теории парламентской культуры, незавершенность познания и определения закономерностей личностной и нормативной регуляции профессионального поведения, механизмов интеграции норм в структуру парламентских отношений, а также потребность совершенствования существующего комплекса средств и условий формирования парламентской культуры на личностном, корпоративном и общесоциальном уровнях, как в тактическом, так и в стратегическом значении» Там же. (дата обращения: 20.06.2013)

⁷ Парламентская этика: сравнительный анализ. – М.: Национально-демократический институт международных отношений, 2000; Парламентская этика в России: Сборник материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по этике – М.: Издание Государственной Думы, 2002; Наумова Е.А. Культурная детерминация властных отношений: Автореф. дис. канд. полит. наук. – Саратов: 2003; Петрова С.В. Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России: Автореф. дис. канд. полит.наук. – Ростов н/Д: 2004; Петухов В.В. Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1. – С.73-90.

⁸ Термин «этическая культура» (Ethics Culture) представлен на сайте организации GOPAC <http://www.gopacnetwork.org>. (Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией). Понятие «этическая культура» включает в себя совокупность ценностей, принципов и норм, а также систему образования правовой и этической направленности в парламенте.

⁹ Этический режим (*Ethics and conduct regime*) – это совокупность принципов, норм парламентской деятельности, и механизмов их осуществления и регулирования (См.: Парламентская этика: сравнительный анализ. – Национальный демократический институт международных отношений, 2000)

Внешняя культура парламентаризма зависит от сложившихся традиций общества, его ценностей, традиций, обычаев, религиозных и нравственных представлений, всего наследия национальной истории.

Следовательно, парламентская культура – охватывает широкий спектр социальных, культурных, правовых отношений, более того, парламентская культура воспроизводит через законотворчество правовой порядок и, в определенной степени, корректирует социальные отношения, регламентируя их в правовом и в политическом поле. В этой связи можно утверждать, что парламентская культура, выступая конструктом, в значительной степени изменяет социум, влияет на общественное развитие, способствуя становлению и укреплению гражданского общества. Одновременно развитие парламента как института в значительной степени зависит от социокультурных факторов.

Бытие парламентской культуры образует единое поле, в котором существуют и действуют различные общественные силы, фокусируясь в институциональных структурах, в ценностных установках общественного сознания, коммуникативных практиках. Бытие парламентской культуры проявляется через сущее, событийность, формируя, конструируя и конституируя ценностные инварианты. Парламентская культура в этом смысле представляется как единое социальное поле, которое проецируется через ценностные смыслы гуманистических либеральных идей, в рамках общекультурного социального проекта глобального демократического социума, проявляющиеся в культурно-коммуникативных антропологических практиках.

Парламентская культура имеет достаточно подвижный, характер, она находится в состоянии перманентного изменения и становления. Становление парламентской культуры связано с конструированием новых смыслов, которые проявляются через культурные тексты, теории, документы. Теоретические основания конструкта парламентской культуры, в известной степени, обусловлены философскими, художественными проектами, в которых сфокусировались идейно-теоретические, ментальные, образные, языковые смыслы.

Историческое развитие ценностных оснований парламентаризма дает возможность рассматривать феномен парламентской культуры как явление, имеющее исторический и культурный смысл, то есть концепт¹⁰, который проявляется, во-первых, как институт власти, основывающийся на ценностях демократии и представляющий собой механизм регулирования общественных процессов, во-вторых, парламентская культура – это сложное политическое образование, в котором происходит процесс постоянного движения и взаимообмена: от общественных и политических событий, происходящих в социуме, до диалогов общества с институтом парламента, обсуждения и принятия законов и законодательных актов. В этом смысле парламентская культура обладает способностью законотворчества как своеобразного самовыражения интересов общества и парламента. Наконец, парламентская культура – это ценностный ареал, который включает в себя идеалы и ценности гражданского общества, сформированные в процессе культурного и исторического развития, которые основаны на демократизме и правах человека. В – третьих, парламентская культура, ее ценности и принципы, как сущностное отражение потребностей и целей политических и общественных отношений и запросов, выражены в языке, в текстах и документах правового и политического характера. В – четвертых, парламентская культура включает в свой контент понятия: политические отношения, правовые отношения, закон, законодательные акты, демократические институты и ценности, парламент как институт, парламентскую этику, профессиональную и политическую культуру парламентария, этическое кодифицирование, этическое и правовое обучение и т.д. В – пятых, парламентская культура является существенной характеристикой гражданского общества: развитие парламентской культуры, ее институциональные особенности и структура, в конечном итоге, определяют содержание и развитие гражданского общества в целом.

¹⁰ Понятие концепта от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) – акт “схватывания” смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Термин “концепт” введен в философию Абельяром в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим расщепления языка и речи.

Концепт парламентской культуры представляет собой синтез понятийных характеристик и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических практик, проявляющихся в различных дискурсах¹¹.

Концепт парламентской культуры выстраивается не только в текстах, документах декларациях, кодификациях, но и обусловлен коммуникативными речевыми и психологическими практиками, однако, ценностный аспект является центральным.

Можно констатировать, что в современных исследованиях по проблеме парламентской культуры существуют следующие подходы: а) парламентская культура рассматривается исключительно как понятие, что определяет объективность, системность, качественность характеристик; б) основной качественной характеристикой парламентской культуры признается система ценностей парламентаризма; в) парламентская культура ограничена рамками парламентских практик, функционирования данного института. В то же самое время признается взаимодействие социокультурных ценностей и ценностей парламентской культуры, транзита демократических ценностей и новаций в социокультурное пространство.

Такое понимание парламентаризма, на наш взгляд, не может дать полной всеобъемлющей научной рецепции парламентской культуры, которая является не только институцией, но и энергией исторических событий, в которых войны, революции определяли человеческие судьбы, а личности способствовали движению и развитию живой истории. Вся эта синергетика политической борьбы в горниле исторических событий, преломляясь в философских трактатах, политических документах, в живом слове и составляет экзистенциальный смысл парламентской культуры как концепта, «вынуждают» к необходимости обозначения этого смысла в человеческой практике и культуре. А смысл предполагает целостность, которая проявляется в системе парламентских институтов, ценностей и механизмов, коммуникативных и творческих практик, аксиологических моделей, определяющих наличное бытие парламентаризма как такового в его экзистенциальном и символическом проявлении.

В широком общемировом смысле парламентская культура включается в развернутый во времени общемировой гуманитарный и социальный проект построения глобального демократического общества, основанный на идеалах равенства, справедливости и гуманизма, и определяющийся различными экономическими, нравственными, правовыми интересами и оценками. Парламентская культура в рамках этого проекта имеет культурно-исторические и национальные дискурсы, исходящие из единого идейного, ценностного начала.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

Парламентская культура – это социокультурный феномен, являющийся существенным элементом гражданского общества в различных исторических и культурных дискурсах. Парламентская культура включает в себя как неинституциональные, так и институциональные элементы. Неинституциональный (объективный) элемент парламентской культуры включает в свой содержательный ареал политические отношения, выражающие интересы различных социальных групп, их ценностные экономические, мировоззренческие, нравственные установки и мотивации, уровень политической культуры, формирующие отношение к представительской власти. Институциональный элемент находит свое выражение в институте парламента как институте власти, политическом режиме, политическом управлении, публичной политике, этики публичной политики, этической культуре, политической системе и т.д.

Таким образом, и парламентская культура охватывает широкий спектр социальных, культурных, правовых отношений, воспроизводя правовой порядок через

¹¹ «Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это реле-важные признаки нашего знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его... дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов... Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить». См. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 109.

законотворчество и корректируя социальные отношения, в правовом и в политическом поле. Парламентская культура, выступает конструктом, изменяя социум и влияет на общественное развитие, в контексте становления и укрепления гражданского общества.

Парламентская культура представляется как единое социальное поле, которое проецируется через ценностные смыслы гуманистических либеральных идей, в рамках общекультурного социального проекта глобального демократического социума, проявляющиеся в культурно-коммуникативных антропологических практиках

Парламентская культура может быть рассмотрена как концепт по следующим причинам: феномен парламентской культуры имеет исторический и культурный смысл, кроме того, оно связано и с конструированием новых смыслов, проявляющихся через культурные тексты, теории, документы.

Концепт парламентской культуры представляет собой синтез понятийных характеристик и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических практик, проявляющихся в различных дискурсах, обусловленный коммуникативными речевыми и психологическими практиками, смысловой центр которых притягивает ценностный аспект.

Парламентская культура в единстве ее институциональных и неинституциональных сегментов представляет собой институт власти и синтез антропологических практик и институционального творчества как сложное политическое образование, в котором происходит процесс постоянного движения и взаимообмена: от общественных и политических событий, происходящих в социуме, до диалогов общества с институтом парламента, обсуждения и принятия законов и законодательных актов (в этом смысле парламентская культура и обладает способностью законотворчества).

В смысловое поле понятия «политическая культура» входят политические и правовые отношения, закон, законодательные акты, демократические институты и ценности, парламент как институт, ценности парламентской культуры, парламентская этика, профессиональная и политическая культура парламентария, этическое кодифицирование, этическое и правовое обучение и т.д. В этом аспекте парламентская культура является существенной характеристикой гражданского общества: развитие парламентской деятельности, ее институциональные особенности и структура, в конечном итоге, определяют содержание и развитие гражданского общества в целом. Следовательно, концепт парламентской культуры – синтез понятийных определений и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических коммуникативных практик, проявляющихся в различных дискурсах, находящийся в процессе культурного становления, изменения и развития.

Список литературы

1. Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. – СПб.: СПбГУ, 1997.
2. Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 2004. – С. 173-191.
3. Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис. канд. социол.наук. – М.: Рос.акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004..
4. Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // Политэкс. – 2005. – №5.
5. Герасимов В.М., Деркач А.А, Косопкин В.С., Надеева Т.И. Психология парламента // Международная академия акмеологических наук. – М.: Статус-кво, 1999.
6. Дука А. Политическая культура – поиск теоретических оснований / Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1: Политическая культура и политические процессы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С.103-115.
7. Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Автореф. дис.д-ра полит. наук. – СПб., 1997.

8. Лысенко В.И. Десять лет современного российского парламентаризма. Доклад к заседанию круглого стола на тему: "Десять лет современного российского парламентаризма: итоги и перспективы". – М.: Институт современной политики, 2000.
9. Наумова Е.А. Культурная детерминация властных отношений: автореф. дис. канд. полит. наук: – Саратов, 2003.
10. Носков В.А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2005.
11. Павличенко Н.М. Парламентская этика: зарубежный опыт и его применение законодательными (представительными) органами Российской Федерации // Государство, право и управление. – М.: 2002. – С. 71-85.
12. Парламентская этика в России: Сборник материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по этике – М.: Издание Государственной Думы, 2002.
13. Парламентская этика: сравнительный анализ. – М.: Национально-демократический институт международных отношений, 2000.
14. Петрова С.В. Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России: Автореф. дис. канд. полит. наук: – Ростов н/Д: 2004.
15. Петухов В.В. Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1. – С.73-90.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 109.
«Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией»– (Электронный ресурс) URL: <http://www.gorasnetwork.org/> (дата обращения: 14.08.2013)
17. Ковбенко Л.Н. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития. СПб., 2009. (Электронный ресурс) URL: <http://www.dissercat.com/content/parlamentskaya-kultura-v-sovremennom-rossiiskom-politicheskom-protssesse-usloviya-i-factory-r#ixzz2XVI9WweX> (дата обращения: 20.06.2013)
18. Константинова Л.А. Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского общества. (Электронный ресурс) URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>. (дата обращения: 20.06.2013)

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PARLIAMENTARY CULTURE

Y.V. NAZAROVA

Tula State Pedagogical University

e-mail:Fox353@yandex.ru

The article is about the methodological foundations of the parliamentary culture by the understanding the parliamentary culture as a concept in the context of the sociocultural and philosophical discourse.

Parliamentary culture as a sociocultural phenomenon; civil society; concept of parliamentary culture.

Keywords: parliamentary culture, civic society, philosophical discourse.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.А. НОСКОВ¹⁾

Н.В. ЗАЙЦЕВА²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: noskov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: ringo_02@mail.ru

В статье дается экзистенциальный срез мировоззрения человека информационного общества. В этой связи обозначаются и анализируются гносеологическая, конвективная, поведенческая составляющие проблемы трансцендирования с учетом общемировой тенденции информатизации современного жизненного пространства.

Ключевые слова: мировоззрение, экзистенция, информация, трансцендирование, знание, убеждение, социальное поведение.

Происходящие в наши дни процессы небывалого взлета научно-технической мысли, глобальных и вместе с тем радикальных социально-экономических, политических, экологических, духовных преобразований, изменений и трансформаций задают фон, или, если угодно, своеобразный контекст того, что в свое время было обозначено в философии как *экзистенция* – переживание человеком своего «бытия-в-мире», обусловленное обстоятельствами «чуждости», «враждебности», «непредсказуемости» окружающего мира по отношению к существованию человека, делающего последнего, зачастую помимо его желания и воли, «свободным», но одновременно ищущем «точку опоры», являющейся в этой связи своеобразной панацеей от «бремени свободы», т.е. от того, на что изначально обречен человек, но чему он не рад, ибо здесь его пугает перспектива быть на «переднем крае борьбы», нести постоянную ответственность за свое обустройство в этом мире.

Можно сказать, что в какой-то степени время этой ответственности нивелируется трансцендированием – апелляцией человека к *потустороннему бытию*, представленному «высшими» идеалами, ориентирами и ценностями, что, в какой-то степени, порождает у него ощущение снятия с себя обязательства отвечать за все, что происходит в реальности, к которой он принадлежит, иными словами, реальности, воплощающей мир *посюстороннего бытия*. Причем, сама апелляция к «высшему» аксиологическому миру имеет мировоззренческую подоплеку, ибо, во-первых, ценности являются *ядром мировоззрения*, его своеобразным стержнем, на который «нанализывается» проблемное поле познающего и преобразующего мир субъекта и, во-вторых, лишь будучи «облученными» (глубоко усвоенными) они в реальности, так сказать, де-факто, становятся *духовными регуляторами* по отношению к многообразным направлениям, формам и способам социальной активности.

Однако данный ключевой момент существования человека следует рассматривать не абстрактно, а конкретно, т.е. с учетом цивилизационных, исторических, страноведческих и иных обстоятельств и контекстов. Ведь одно дело, апелляция к «состоявшемуся» в ценностном отношении миру и другое – к миру «трансформирующихся» ценностей.

Как представляется, первый сценарий применим к *традиционному обществу*, в котором четко обозначены основополагающие ценности (правила игры), приобретшие легитимный статус и ставшие реальной регулятивной силой как на макро-, так и на микро-уровне социальной жизни. Второй же сценарий накладывается на *инновационное общество*, характеризующееся в определенной степени состоянием аномии (Э. Дюркгейм), или, выражаясь по другому, состоянием перехода от одних ценностных предпочтений к другим, что сродни ценностно-нормативному вакууму, в котором

оказывается общество, а равно и составляющие его социальные общности и отдельные индивиды.

Применительно ко второму сценарию уместно использование понятия «информационное общество», которое во второй половине XX века, благодаря трудам Ю. Хаяши, Ф. Махлупа, Умесао, М. Пората, Й. Масуда, Т. Стоуньера, Р. Карца и др., обрело статус широко распространенного и признаваемого всеми средства познания и осмысления новой реальности, в которой оказалось человечество в XX веке. Причем, если изначально, т.е. в 60-70-е годы прошлого столетия информационное общество в лице информационных технологий и средств телекоммуникации трактовалось как «филиал», «довесок», «дополнение» гражданского общества, то в дальнейшем данный феномен стал интерпретироваться в качестве самодостаточной реальности, или, если угодно, детерминанты, определяющей в решающей степени социально-экономические, политические, культурные и иные характеристики общества.

Действительно, обозначенная в рамках второго сценария понятийная корреляция вполне оправдана, так как она ориентирует на отражение того, что де-факто сложилось в современной реальности, а именно, того, что инновация и информация идут рука об руку, поскольку ускорение общественного развития невозможно без движения информационных потоков, являющихся своеобразными кровеносными сосудами данного процесса, равно как и беспрепятственное движение информации немислимо в обществе, подверженном традиционалистским исклужениям постоянно апеллировать к «прошлому», «опыту предков», «простонародной старине» или чему-то в этом роде. В результате подобного симбиоза современный социум являет собой глобальную информационно-коммуникационную среду, представленную спутниковой связью, цифровым телевидением, мобильной сетью, интернетом, новыми компьютерными системами здравоохранения, дистанционным обучением, центрами научной, управленческой деятельности и т.д., которые обеспечивают возможность обмена информацией между любыми субъектами среды.

Одновременно это означает, что процессы информационного развития общества кардинально влияют на духовный мир человека, трансформируя по большому счету его мировоззренческие ориентации. Как известно, мировоззрение есть интегральное образование, сводящее воедино три блока духовно-практического освоения человеком мира: (1) знания; (2) убеждения; (3) поведение. Каждая из этих составляющих реализует свое фундаментальное предназначение: *отражать* реальность (знания); *задавать отношение* к реальности (убеждения); *ориентировать на включенность* субъекта в окружающий его мир (поведение).

В свете обозначенной выше посылки, *исходным элементом* мировоззрения являются *знания*, причем, именно обобщенные знания – повседневные, профессиональные, научные. Чем солиднее запас знаний в ту или иную эпоху, у того или иного народа или отдельного человека, тем более серьезную опору может получить соответствующее мировоззрение.

Знания мировоззренческого плана неизбежно «подпираются» *убеждениями*, ибо вне последних они «зависают», становятся лишь формальным обрамлением социальной активности человека, но никак не реальной силой, основой и фактором его самовыражения. Отсюда вытекает, что убеждения есть *ядро мировоззрения*, придающее последнему определенность, прочность и устойчивость по отношению к возмущающим воздействиям внешнего мира (Т. И. Ойзерман).

С точки зрения эмоционально-волевого (иррационального) отношения человека к миру убеждения нередко отождествляются с верой, что в определенной степени оправдано. Вместе с тем, если исходить из противопоставления рационализма и иррационализма как типов мировоззрения, то вырисовывается следующая специфика этих духовных феноменов: убеждение востребует логически обоснованное и практически подтвержденное знание, а вера – нет¹. Однако, признавая смысловую спецификацию веры и разума, нельзя игнорировать очевидный факт их тождественности, обусловленный заряженностью того и другого на трансформацию знаний в ценности,

¹ См.: Радугин А.А. Философия. – М., 1995. – С.187.

или, если угодно, придание статуса бытия (реальности) ценностно «отягощенным» знаниям», ибо без этого по большому счету невозможно капитальное обустройство человека в мире. В данной связи убеждение (вера) – ключевое звено, связующее абстрактные (в форме знания) и конкретные (в форме поведения) проявления социальной активности человека.

В русле развиваемого авторами подхода *венцом*, или, если угодно, верхушкой айсберга под названием «мировоззрение» является *социальное поведение*, которое обычно определяется через поступки и действия индивидов и групп в обществе, зависящие от социально-экономических факторов и господствующих норм². Вместе с тем, обозначая детерминанты социального поведения необходимо, на наш взгляд, наряду с уже указанными социально-экономическими факторами учитывать также роль духовных факторов, концентрированно выраженных в убеждениях (верованиях) индивидуальных и коллективных субъектов социальной жизни. В рамках выше обозначенной мировоззренческой триады поведение есть своего рода лакмусовая бумажка, позволяющая судить о мировоззрении конкретных его носителей – отдельных индивидов, социальных групп, общества в целом.

Мировоззрение является основой, средством и способом самовыражения человека в мире, что, опять-таки можно вычислить, идя, так сказать, в обратном направлении, т.е. отталкиваясь от поведения человека, а затем переходя к анализу того, что представлено в его сознании, а именно, убеждений, переплавленных в знания, получающих, в свою очередь, реализацию в соответствующих поведенческих актах. В итоге получается замкнутый круг, который мало что дает в эвристическом плане, ибо здесь ключевые составляющие мировоззрения как бы положены на один уровень, что затрудняет выявление того, какие из этих составляющих «первичные», т.е. исходные, а какие – «вторичные», т.е. производные.

Как уже отмечалось выше, будучи ядром мировоззрения, убеждения, несомненно, имеют статус первоосновы («субстанции») любой мировоззренческой конструкции, определяющей природу, вектор развития и фундаментальное предназначение последней. Но убеждения существуют не сами по себе, а нуждаются в корреляции, соотношении с миром ценностей, что ориентирует на выявление ролевого предназначения того и другого: первое – это логически выраженная воля, а второе – это то, ради чего порождаются, стимулируется и развиваются соответствующие волевые качества человека. Причем, диалектика взаимосвязи этих социальных качеств человека – волюнтаристских и аксиологических – такова, что они переходят друг в друга, когда, например, цель, представленная ценностью, становится средством, и наоборот. Результат подобного взаимного перехода таков, что «ценностное восприятие действительности порождает и мотивацию действий и поступков, основанную на ценностных отношениях, дополняющую и обогащающую мотивацию, основанную на потребностях и интересах»³.

Обозначенные выше общие теоретико-методологические посылки необходимо «преломить», т.е. сориентировать на выявление особенностей мировоззрения человека информационного общества. А отправным моментом в анализе данного вопроса является, на наш взгляд, то, что информационное общество является в некотором роде *провокатором дефицита духовности*, воспроизводящим социальные условия, способствующие принижению, нивелированию стремления человека к трансцендированию – прорыву, выходу, перескакиванию за рамки наличного бытия в целях приобщения к «потустороннему» и, следовательно, к более «совершенному» бытию. Исходя из того, что дефицит духовности, или, выражаясь по-другому, засилье «посюсторонних» ценностей есть атрибут информационного общества, можно обозначить следующие формы проявления данной проблемы, каждая из которых привязана к соответствующей составляющей мировоззренческой триады.

(1) *Информационное общество как провокатор «поверхностного» мировоззрения (когнитивный аспект)*. В условиях информационного общества, как это ни странно, актуализируется *проблема дефицита знания*. В философии науки обще-

² См.: Социальное поведение // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E1>.

³ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986 – С. 165- 166.

признанным стало положение, согласно которому информация не тождественна знанию, точнее, информация автоматически не превращается в знание. Это превращение возможно лишь при условии «приватизации» информации субъектом, а именно, тогда, когда информация отвечает синтаксическим (законам соединения слов и строения предложений), семантическим (смысловым) и прагматическим (востребованности социальной практикой) характеристикам⁴. Если обозначенные выше три момента не стыкуются, то информация выступает для субъекта как *terra incognita*, т.е. становится для него потенциальным (заученным), а не актуальным (усвоенным) знанием. Информационное общество называется таковым в силу того, что здесь информация становится субстанцией его бытия, что, однако, в силу очерченных выше моментов, не гарантирует наличие в таком обществе большого числа людей, которых можно считать «знатоками» или теми, кто не поступится своими «убеждениями» в деле реализации своей социальной миссии. Парадокс данной ситуации в том, что здесь информации «вообще» много, а информации «в частности» мало, ибо не вся информация получает интеллектуальное, моральное и иное «облучение» со стороны воспринимающих и потребляющих ее социальных субъектов и, следовательно, становится реальной силой, способной управлять обществом. Отсюда гипотетическим императивом (по терминологии И. Канта) информационного общества становится обращение к каждому требование – *быть информированным*, но никак не требование – *быть знатоком*.

(2) *Информационное общество как провокатор «конъюнктурного» мировоззрения (конвективный аспект)*. Мировоззрение типичного человека информационного общества в первую очередь определяется не возвышающими (ценности), а низводящими (интересы) его духовное бытие факторами. Иными словами, оно жестко привязано не к фундаментальным ценностным ориентирам, а к *актуальным жизненным ситуациям*, в рамках которых человеку приходится обозначать, реализовывать и защищать свои интересы. Это остро продуцирует *проблему трансцендирования*, т.е. того, что означает апелляцию, обращение человека к миру, стоящему вне конъюнктуры сиюминутных социальных и исторических обстоятельств. Однако по самой своей природе информационное общество востребует в качестве первичного бытия «имманентное», а не «трансцендентное»: сам динамизм процессов информатизации общества до такой степени погружает человека в омут проблем «текущего дня», что у него просто не остается времени на приобщение к проблемам высшей метафизики – разрешения противоречий на пути достижения высших, вечных, фундаментальных ценностей/ориентиров/идеалов.

(3) *Информационное общество как провокатор «адаптационного» мировоззрения (поведенческий аспект)*. В рамках информационного общества социальное поведение пронизано духом адаптации, так как приспособление к быстро изменяющимся обстоятельствам, процессам, контекстам становится для человека залогом его социального выживания (программа-минимум) и социального благополучия (программа-максимум). Но адаптация атрибутивно отрицает пассионарность как доминирующий способ выражения социальной воли, ибо сама атмосфера «когнитивного дилетантизма» и «духовной приземленности» информационного общества воспроизводит и подпитывает данную поведенческую установку. В итоге личность пассионария (по терминологии Л.Н. Гумилева) становится скорее маргинальной, нежели знаковой фигурой социального творчества.

Резюмируя все выше изложенное, можно констатировать, что динамика мировоззренческого бытия в условиях информационного общества подчиняется цепной реакции, когда *информация не может сформировать убеждения, а последние не реализуются в соответствующем социальном поведении*. В результате мировоззрение типичного его носителя воплощает собой поверхностное отношение к миру, а именно, сводится к *реакциям* на те или иные ситуации, факты, процессы, считающиеся властными структурами (государством, СМИ и т.д.) актуальными, получившими оформление в «общественных запросах», «общественных ожиданиях», «общественных дискуссиях» и других формах выражения «мнения народа». Для «адекватных ответов» на подобного рода социальные

⁴ См: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С.624; Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 217.

вызовы значимость приобретает именно информация, но никак не знание, которое по сравнению с информацией менее конъюнктурно и, следовательно, ориентирует типичного социального субъекта не только на реакции, но и на акции по отношению к тому, что «в фокусе внимания» общества и власти и, следовательно, олицетворяет срезы/аспекты/фрагменты социальной реальности, считающиеся «значимыми», «актуальными», «модными» и т.д. В конечном счете дефицит знания оборачивается дефицитом убежденности, а дефицит убежденности закономерно ведет к дефициту пассионарности – стремления служить высоким социальным целям и идеалам. Подобные социальные метаморфозы являются своеобразной визитной карточкой информационного общества с его неотъемлемым духовным антуражем – мировоззрением, для которого характерны такие черты, как: *во-первых, поверхностный характер*, когда акцентировка делается на определение, поиск, вычисление мега (гига) байтов информации, но не на выявление и постижение ее смысла – знания; *во-вторых, конъюнктурный характер*, когда убеждения подменяются «доминирующими», «модными», «распространенными» и тому подобными мнениями, наносящими по большому счету ущерб духовной самостоятельности субъекта; *в-третьих, адаптационный характер*, когда пропагандируется и стимулируется реактивное, приспособительное поведение в ущерб пассионарному (активному) поведению.

Таким образом, если применить к характеристике мировоззрения информационного общества кибернетическую логику, то вырисовываются три ключевых момента: «вход» – бездуховность как визитная карточка социума и воплощающих его социальных групп, персоналий и типажей; «процесс» – отторжение «знаний», «убеждений», «пассионарного поведения» как ключевых составляющих мировоззрения; «выход» – экзистенциальный кризис как воплощение «дилетантизма» (поверхностных знаний), «приземленности» (прагматических убеждений), «приспособленчества» (реактивного поведения).

Разумеется, выше изложенные мировоззренческие характеристики формирующегося на наших глазах информационного общества не являются очевидной духовной доминантой современной жизни хотя бы потому, что они генетически вырастают из аналогичных (по форме) характеристик *гражданского общества* и поэтому, скорее, не сменяют последние, а сосуществуют с ними, выражая общемировую тенденцию информатизации современного жизненного пространства человечества. Но данный процесс, несомненно, пронизан противоречиями, что налагает на исследовательскую мысль задачу его корректного очерчивания, понимания и диагноза и, соответственно, поиска путей и способов разрешения заключенных в нем проблем и противоречий.

Список литературы

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986.
2. См: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986; Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
3. Радугин А.А. Философия. – М.: Владос, 1995.
4. Социальное поведение // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E1>

THE OUTLOOK OF THE MAN OF THE INFORMATION SOCIETY: EXISTENTIAL ASPECT

V.A. NOSKOV¹⁾
N.V. ZAITSEVA²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: noskov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: ringo_02@mail.ru

The article analyses the existential aspect of the outlook of the man of the information society. In this respect the authors discuss the transcendental problem as the integrity of the epistemological, convectional and behavioral composition.

Key words: outlook, existential, information, transcendent, knowledge, convection, social behavior.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ (ОБЗОР НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Е.Ю. ЧИСТЯКОВА
М.П. ШАРКОВАЙТЕ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

Проблема самосознания в русской философии всегда занимала центральное место. На вопрос в «чем заключается наша самость?» пытались ответить многие русские мыслители, породив спор «западников» и «славянофилов». Особое географическое положение нашей страны между Европой и Азией дает почву для размышлений об особой исторической значимости русского народа. Для осознания этой значимости необходимо углубиться в вопрос патриотизма и гражданственности, как неотъемлемых составляющих отечественной культуры.

3 октября в Москве, а 8-10 октября в Белгороде, состоялась 10 Международная научная конференция «Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура», которая была приурочена к 200-летию со дня рождения Н.В. Станкевича. Организаторами конференции выступили Институт философии Российской академии наук в лице А.А. Гусейнова, доктора философских наук, профессора, академика РАН, директора Института философии РАН, председателя оргкомитета; С.А.Никольского, доктора философских наук, заместителя директора по научной работе Института философии РАН, зам. председателя оргкомитета; и НИУ «БелГУ» в лице О.Н. Полухина, доктора политических наук, профессора, ректора НИУ «БелГУ» сопредседателя оргкомитета; И.С. Константинова, доктора технических наук, профессора, проректора по научной и инновационной деятельности НИУ «БелГУ», зам. председателя оргкомитета; М.С. Жирова, доктора педагогических наук, профессора, декана социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», зам. председателя оргкомитета.

Пленарное заседание конференции проходило в Зале заседаний Ученого совета НИУ «БелГУ». В своем приветственном слове ректор университета О.Н. Полухин отметил, что это уже вторая конференция, посвященная проблемам российского самосознания, проходящая в стенах нашего ВУЗа. Олег Николаевич поприветствовал гостей: С.А. Никольского, зам. директора Института философии РАН и коллег из многих регионов России, а также гостей из дальнего и ближнего зарубежья: с. Терезу Оболевич, доктора философии из Краковского Папского университета; Синиша Атлагича, доктора политических наук Белградского государственного университета, Республика Сербия; Лазаревича Анатолия Аркадьевича, доктора философских наук, директора Института филосо-

фии НАН Беларуси; отца Евгения Гнатенко, кандидата философских наук, священника РПЦ, доцента Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина); Кияк Святослава Романовича, доктора богословия, доктора философских наук из Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина); Крюкова Алексея Игоревича, доктора наук по государственному управлению из Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (г. Харьков, Украина); и многих других.

Также в своем приветственном слове О.Н. Полухин осветил некоторые моменты биографии Н.В. Станкевича. Он родился в деревне Удеровка, которая тогда принадлежала Воронежской губернии, а ныне находится на территории Белгородской области. «С именем Н.В. Станкевича мы связываем начало институализации свободной философии и литературы в России». В Московском университете, в годы обучения на отделении словесности, он «объединил в своей квартире многих молодых русских литераторов и увлеченных философией студентов». Он одним из первых вступил в диалог с немецкой философией, а популяризация ее в окружении Станкевича «определила философский ландшафт нашей страны». В эти годы он дружит с будущими великими отечественными писателями и мыслителями: Аксаковым, Белинским, Бакуниным, Боткиным, Грановским, Катковым и многими другими. Они и составили кружок Станкевича, из которого вышли «славянофилы» и «западники». К сожалению, жизнь и творчество Станкевича находится на периферии интересов российских ученых. Закончил Олег Николаевич свое выступление надеждой, что данная конференция станет заметной вехой в изучении не только творчества Н.В. Станкевича, но и «истории русской культуры и философии в контексте проблем, связанных с формированием гражданственности и патриотизма в сознании современной молодежи и самосознании российской интеллигенции, и послужит прологом для новых открытий и ликвидации «белых пятен» в культурно-цивилизационном интерьере России».

После приветствия О.Н. Полухин выступил с научным докладом на тему «Гражданственность и патриотизм. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобализации», в котором отметил, что объектом гражданственности выступает государство, а объектом патриотизма – родина. Говоря о деятельностном начале патриотизма, О.Н. Полухин подчеркнул, что основой его является самоидентификация со своей родиной, страной. Истинный патриотизм в нашей стране, по его мнению, основывается на национальной русской идее. Завершением выступления стал вопрос о патриотическом воспитании в нашей стране. Обозначив вехи развития методов патриотического воспитания, Олег Николаевич заключил, что оно по-прежнему является важнейшей и, вместе с тем, на современном этапе, не разрешенной задачей нашего государства.

Продолжил рассматривать проблему патриотизма и гражданственности следующий докладчик – С.А. Никольский, зам. директора Института философии РАН с темой: «Посвящение – Гражданственность – Патриотизм». В своем выступлении он выдвинул гипотезу, согласно которой составными частями процесса правильного развития и согласования интересов личности и общества выступают «просвещение» и «гражданственность» в результате рождающие «патриотизм». Данная гипотеза рассматривается на литературных примерах. В «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстой, воспеваются крестьянский патриотизм, который зачастую совпадает с «племенным патриотизмом». Примером, его иллюстрирующим, С.А. Никольский приводит рассказ «Отборное зерно» Н.С. Лескова. В докладе также выделяются следующие типы патриотизма: «бессознательный», имеющий «географическое» измерение, «жертвенный». С первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева в русской философии начитается отсчет систематической разработки темы патриотизма в русском мировоззрении. Наибольшего внимания заслуживает просвещенный патриотизм. Кантовский девиз Просвещения «Имей мужество пользоваться собственным умом» иллюстрируется рассказом Н.С. Лескова «Левша». Завершает свое выступление С.А. Никольский следующими словами: «Очевидно, содержание понятия патриотизм со временем меняется. Сегодня оно все более сливается с понятием гражданственности, невозможной без просвещения как свободной решимости пользоваться имеющимися знаниями и собственным умом».

В продолжение проблемы, затронутой О.Н. Полухиным, В.Н. Порус, д.филос. н., профессор НИУ «Высшая школа экономики» выступил с докладом: «Тема патриотизма в университетских курсах философии». В выступлении были рассмотрены философские аспекты проблемы патриотизма. Отмечено, что споры о патриотизме носят «взрывной» характер, сталкивают мировоззрения. «О патриотизме спорят, когда с ним что-то не ладно». По мнению автора действительный патриотизм – «шовинизм», а возвышенные лозунги, накручиваемые из политических и идеологических целей – обман. Протест против него приводит к протесту против патриотизма, циничного к нему отношению. «Хороший» же патриотизм – это «личная боль». Вопрос как она возникает относится В.Н. Порусом к разряду философских. Показано, что эта проблема может стать узловой в курсах «университетской философии». Однако для этого требуется реформирование процесса философского образования, его переориентация на основную цель – строительство личности высококвалифицированного специалиста. «Философия обязана помочь понять суть патриотизма, выработать личную позицию».

Специфику переписки как универсального жанра философско-исповедальной культуры, рассмотренной на примере писем Станкевича современникам раскрыла И.Ф. Салманова, к.филос.н., в докладе: «Переписка Н.В.Станкевича в контексте русской философско-исповедальной культуры». Была отмечена высокая оценка Л.Н. Толстым переписки Н.Ф. Станкевича с современниками. В 50-х годах XIX века в петербургских литературных кругах был культ Станкевича после опубликованной его переписки и биографии. Способствовал такой популярности Станкевича, по мнению докладчика, исповедальный жанр его писем. Искренность этих писем поразила Толстого. Далее докладчик переходит к объяснению специфики исповедального жанра. Основные его типологические черты: 1) искренность; 2) автобиографическая основа, опора на память, 3) диалогическое начало; 4) принцип отстранения; 5) многообразие литературных форм. Все эти черты присутствуют в письмах Станкевича. Для них характерна молитвенная интонация. Для мыслителя понять другого значит исповедаться перед ним, понять себя – выслушать исповедь другого. Речь идет о смысле жизни. В философствовании Станкевича отсутствует академичность и теоретизация. По его мнению, всеобъемлющая идея должна вызревать из души. Так возникает целостно-поэтическое знание, живое. Жизнь мира зиждется на всепроникающей любви, понимаемой в религиозном ключе. В этом они схожи с Толстым. Роднит этих двух мыслителей исповедальный жанр, «недремлющая оглядка на себя», искренность и постановка вопросов о смысле бытия человека.

Е.А. Гнатенко выступил с докладом «Единство народа как научная и нравственная проблема». Проблема единства народа широко обсуждается, как в истории, так и в современности. Научный подход к проблеме аналитичен и выстраивается от части к целому. Нравственный взгляд, отождествляемый автором с религиозным, ставит во главу угла целое. Вслед за В.С. Соловьевым, Е.А. Гнатенко заключает, что секрет нравственного в правильном соотношении частей друг к другу и целому. Автор приводит несколько типов народного единства: гомогенный и структурно-функциональный, но считает их недостаточными. Реальное единство должно быть найдено не в теории, а в окружающем – в Церкви. Она, вмещающая в себя все частные формы человеческого единства, становится глобальным целым.

Критически рассмотрели русофобский политико-идеологический и псевдонаучный дискурс, возникший еще в начале XIX века и постоянно возобновляющийся в различных ипостасях в отечественных научных, философских и культурных текстах и контекстах в совместном докладе В.П.Бабинцев и В.П.Римский «Матрица русофобии в самосознании русской интеллигенции». Анализу подлежат тексты и контексты современного политико-публицистического дискурса, в котором существует три основных мифологизирующих концепта. Первый из них – цикличность и антиисторизм «русской матрицы». Второй – «византизм» и «православность» русской матрицы, определяющие «русский ментальный тип», ориентированный на «сильную» власть. Третий – апологеты «свободы» и «общечеловеческих» ценностей терпят неудачу «на почве жуткой «путинской» российской действительности, обремененной жесткими цивилизационными основаниями «русской матрицы», всегда авторитарной, тоталитарной и отнюдь не «общечеловеческой». Эти три концепта составляют матрицу русофобии, представленную в самосозна-

нии определенной части «российской интеллигенции». Рассматривают на примере персонажей романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» основные типы интеллигентов и интеллектуалов: Федор Карамазов – «образованец», тип управленца «в курсе интеллектуальных веяний»; Петр Миусов – интеллигент-прогрессист; Иван Карамазов – интеллигент-прагматик; Алеша Карамазов – православный интеллигент; Смердяков – квази-интеллигентный «русифоб-пацифист». Именно Смердяков – архетип русифобской матрицы «российской интеллигенции». По мнению авторов основной отличительной чертой интеллектуалов является творчество и трансляция нового, а интеллигентов – имитация таковой. Определяют основной «особенностью» русской ментальности противоречивость и склонность к крайностям, выделяют две эпистемологические позиции в отношении противоречивых констант русской ментальности: 1) построение одномерных интерпретаций прошлого, настоящего и будущего; 2) возвращение к линии на интеграцию социальности и культурно-антропологического многообразия.

Ю.А. Бубнов, д. филос. н., выступил с докладом на тему: «Рецепция перипатетической философии в западнорусской просветительской мысли». Очертил культурно-исторический контекст противостояния католической и православной религии в Литве, после объединения ее с Польшей в 1569 в Речь Посполитую. Насаждению католицизма противостояли братские православные школы, в которых стали изучать философию. Основными задачами для них стали: необходимость изучения светских наук и отделение светского знания от религиозной веры. Одними из первых, кто придерживался этой, линии были Кирилл Транквилион-Ставровецкий и Касиан Сакович, пропагандировавшие своими сочинениями необходимость научного образования. Особое место в работах Ставровецкого занимала проблема человека, решая которую он отходит от ортодоксального богословия, он предлагает свое видение дуализма души и тела. Учение Касиана Саковича также было построено на синтезе западной и восточной философской традиции, активном употреблении терминологии античной философии. Проблему души Касиан Сакович решает в духе аристотелевского натурализма. Это свидетельствует о секуляризации религиозно-метафизического мышления от платонизма. Философия становится все более рационализированной, освобождается от религиозного знания.

Завершил пленарное заседание доклад В.Н. Финогентова, д.филос.н., «О религиозном устранении этического (диалог с Н.О. Лосским, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком)», в котором говорил о необходимости мирной мировоззренческой дискуссии. По его мнению, в христианстве преодолевается этическое, так как важнее всего любовь к Богу. Данный тезис автор рассматривает на примере известных философских текстов. С. Кьеркегора, Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка. Религия может санкционировать аморальное, а этическое может отвлекать от религиозного, по мнению В.Н. Финогентова. Религия – выше нравственности, асоциальна. Истинная религиозность устраняет моральность: «Люби Бога больше, чем себя, люби ближнего как себя». Человек должен быть способен подниматься над нравственностью. Мораль имеет вспомогательный и подготавливающий смысл в связи с религией. Политическое, экономическое, эстетическое также могут преодолевать этическое. В.Н. Финогентов называет свое мировоззрение «Трагическим гуманизмом».

Доклад вызвал активную дискуссию, в которой Е.А. Кротков, д.филос.н., уточнял у докладчика дефиницию понятия «мировоззрения» и высказал свой взгляд на данную проблему: «Мировоззренческий дискурс не приведет к конкретному, продуктивному диалогу». В.Н. Финогентов считает, что такой диалог возможен.

Второй день конференции был начат работой тематических секций, а после обеденного перерыва продолжен заседанием научного семинара. Первая секция – «Патриотизм и гражданственность в системе смыслов и ценностей русской культуры в прошлом и настоящем», руководителем которой был Владимир Натанович Порус (профессор, НИУ «ВШЭ») объединила ученых, представивших различные ракурсы обзора актуальнейшего вопроса о патриотизме, и, в частности, русского патриотизма.

Первым с докладом выступил Борисов Сергей Николаевич (кандидат философских наук, БелГИКИ), один из соруководителей секции, тема доклада – «Концепт насилия в современном российском самосознании». Таким образом, начало работы секции было логично озаглавлено попыткой определения насилия в соотнесении данного кон-

цепта с представлением о нем в российском самосознании, а также представляло аргументированную попытку различения «силы» и «насилия» в виде общего абстрактного понятия и, соответственно, конкретного принуждающего воздействия, ведущего к деструкции.

Доклад Бледного Сергея Николаевича, д.ист.н. (Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства) был посвящен раскрытию содержания понятия «макиавеллизма» – концепции манипулятивного управления социальными и политическими процессами, получившей распространение и обоснование в русской мысли во второй половине XIX – начале XX вв. Сергей Николаевич подытожил выступление мыслью о том, что «рациональное использование политики манипулятивного управления <...> способствовало бы установлению социального равновесия в обществе и продолжению необходимых социально-экономических и политических реформ».

Не менее актуальные точки для возможной дискуссии отметил в своем докладе и Бобков Александр Иванович, кандидат философских наук из Иркутского государственного университета. В его докладе «Феномен разрыва связи этнического самосознания с религиозным опытом, как технология ксенократического преодоления патриотизма» подчеркивается до сих пор актуальная проблема соотнесения религиозного опыта и этнического самосознания в России. Важным маркером патриотизма, подчеркнул Александр Иванович, является необходимость конкретного исторического действия, самосознании через некоторую этническую целостность.

Об архетипах сознания и их влиянии на властно-общественные отношения говорили и коллеги из Харькова, соавторы Крюков Алексей Игоревич (доктор наук по государственному управлению) и Бельская Татьяна Валентиновна (кандидат наук по государственному управлению), которые проанализировали особенности связи планетарного уровня сознания и властные отношения в современном обществе.

Еще одна гостья из Харькова – Довглюк Ирина Григорьевна выступила с докладом «Формирование ценностных ориентаций современной территориальной общины в процессе мемориальной деятельности». Выступление Ирины Григорьевны являлось систематизацией сведений о формах работы общественных организаций, занимающихся мемориальной деятельностью.

Доклад декана социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», заслуженного работника культуры РФ Жирова М.С. был посвящен актуализации проблемы духовного возрождения через возвращение и обращение к народным традициям России. Аргументация была выстроена вокруг конкретного регионального примера – Белгородской области.

Перекликались с заявленной Михаилом Семеновичем темой и еще два выступления: Жировой Ольги Яковлевны – кандидата пед. наук, заслуженного работника культуры РФ, доклад которой был посвящен озвучению материалов полевых исследований, проведенных на территории Белгородской области с целью актуализации гражданских позиций через фольклорные традиции и Щербининой Ольги Владимировны – аспирантки БелГИКИ, рассмотревшей феномен свадебной обрядности в качестве одного из возможных способов осмысления особенностей бытия региона и его населения.

Григорий Федорович Перепятькин (кандидат философских наук, Южный федеральный университет) вскрыл в своем выступлении парадоксы, в той или иной мере руководящие сознанием, емко назвав их «псевдоморфозами истории». «Если кто-то смеет предположить, что мы народ не исторический, то уже никто отрицать не будет, что мы народ литературный» – парировал Григорий Федорович. Доклад завершал тезис о том, что русский человек наделен крайне противоречивым самосознанием, коренящемся в «страсти к отчизне Пушкина» и «ненависти к отчизне Смердякова». По мнению Перепятькина Г.Ф., именно русская «литературность» самосознания и является нашей «историчностью».

Немало внимания аудитории привлек и доклад аспирантки Пермского национального исследовательского политехнического университета Столбовой Натальи Викторовны, попытавшейся рассмотреть сквозь призму западноевропейских дискуссий о гуманизме те корневые моменты, которые являются таковыми и для анализа кризиса российской духовной целостности.

Тему патриотизма продолжил доклад Сулима Игоря Ивановича, доктора философских наук из Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. Выступление «Культура как основание формирования патриотизма» было направлено на проблему формирования патриотизма на основе обращения к основам национальной культуры, а также отношения Традиции как ядра культуры и человека.

Неизменно актуальную для России тему поднял в своем докладе Владимир Васильевич Трошихин, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского университета кооперации, экономики и права, высказавшийся по поводу содержания, сущности и роли политической культуры в становлении самосознания общества и личности.

Завершали работу секции доклады, посвященные идеалу соотношения государства и общества в русской культуре (Чикаева Т.А., г.Москва) и проблеме русского самосознания в эпоху цивилизационного конфликта →→→(Ширманова М.Ю., НИУ «БелГУ»). Последний доклад поставил многозначительное многоточие, вместо точки, вскрыв проблему самобытности русской духовности и духовного здоровья русского человека, и, прежде всего, духовного здоровья русской молодежи.

Работу второй секции («Отечественная философия: культурно-исторический контекст, методы интерпретации и стереотипы понимания») модерировали Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, НИУ «БелГУ»; Сагатовский Валерий Николаевич – доктор философских наук, БелГИКИ и Финогентов Валерий Николаевич – доктор философских наук, Орловский государственный аграрный университет.

Секция объединила ряд ярких выступлений и актуальных тем, поднятых учеными.

Нет возможности говорить о русском самосознании и патриотизме, и обойти стороной русскую философию и ее ярчайших представителей. Так, секцию открыл доклад Дидык Марины Александровны (к.филос.н., Южный федеральный университет), посвященный идеям М.К. Петрова, значимым для мирового культурно-философского контекста. К идеи М.К. Петрова апеллировал и Ерыгин Александр Николаевич, выступивший с докладом, посвященным осмыслению, сравнению и взаиморецепции немецкого образования и русской образованности. «Европейская тема в российском самосознании» в докладе Александра Николаевича была рассмотрена через фигуры Киреевского и Чичерина, Шпета и Петрова. Собственно фигуре Г.Шпета было посвящено выступление аспиранта Терехова В.В. (г.Орел), говорившего об особенностях понятия Шпетом социального бытия.

Доктор философских наук Климова Светлана Мушаиловна (НИУ «БелГУ») поделилась, как она сама озаглавила свое выступление «размышлениями» о «Хаджи Мурате» Л. Толстого, а именно – анализом «Национального вопроса в зеркале полемоса».

Светлана Мушаиловна выделила два подхода к осмыслению национального вопроса в России: бинарную оппозицию «войны» и «мира» (на примере «Хаджи-Мурата»). Суть национального самосознания, подчеркивалось в выступлении, заключена в связи и имперского сознания и сознания полемоса.

Л.Н.Толстому был посвящен и доклад аспиранта Курского государственного университета Рымаровича В.С. Под «социально-экологическими» идеями Толстого Виктор Станиславович понимает взаимосвязь «человек – природа – общество» и производит попытку осмысления этих мотивов в контексте толстовских идей ненасилия и всеобщей любви.

Доктор философских наук из Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина Коротких Вячеслав Иванович выступил с докладом, посвященным гегелеведческой концепции И. Ильина, а именно была рассмотрена зависимость предложенной И.А. Ильиным интерпретации философии Гегеля от традиций и установок русской культуры начала XX века.

Понятие патриотизма в контексте русского космизма затронул в своем выступлении Лыткин В.В., к.филос.н. из Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского. Еще один ученый из Калуги – Соваков Борис Николаевич (Калужский филиал Российской правовой академии Минюста РФ) высказал свои «Несколько слов о русской идее в условиях глобализма».

Затронутую в начале работы секции специфику так называемой советской философии или иначе – русской философии советского периода продолжил руководитель секции доктор философских наук Майданский Андрей Дмитриевич с выступлением «Со-

ветский европеец: феномен Э.В.Ильенкова». Выступление Андрея Дмитриевича было посвящено освещению фигуры Ильенкова не только в контексте советской философии, но и в контексте европейской философии. Майданский А.Д. подчеркнул неоспоримую значимость идей Э.Ильенкова для западноевропейского марксизма. Важным выводом выступления было заключение о том, что «европеизм» Ильенкова коренится не в готовности и открытости перенять влияния западной философской мысли, а в «по-кантовски неумном духе критики и самокритики в сочетании с обостренным чувством уважения к человеческой личности, к ее труду, разуму и культуре».

С докладом Антропологический проект С.С.Хоружего в компаративистской перспективе» выступил Овсянников Андрей Владимирович (к.филос.н., г.Орел). В докладе Андрей Владимирович рассматривает философию С.Хоружего в качестве синергичной антропологии, сравнивая ее с другими антропологическими дискурсами.

Еще одну фигуру советской философии рассмотрел в своем докладе Фатенков Алексей Николаевич (д.филос.н., Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского), высказавшийся об онтогносеологии М.А.Лифшица. Беря во внимание реализм в качестве одной из отличительных и характерных черт русской философии, Алексей Николаевич с помощью такого ракурса делает возможным интерпретацию поэтическая онтогносеология М.А. Лифшица.

Аспирантка НИУ «БелГУ» Мурадова Н.М. открыла тему Серебряного века в русской литературе и философии и выступила с докладом о мифологемах и реальности самосознания в это время. Мифологизация, по мнению Нигар Майиловны, – это отличительная черта русского сознания и самосознания. Символизм русской философии (в частности, на примере житнетворчества В.В.Розанова) можно рассматривать в качестве одной из характеристик русской философии как неклассической.

Завершали работу секции доклады, обращенные к будущим перспективам русской философии. О «сценариях будущего» и «предвидении» в русской философской мысли шла речь в выступлениях Рабинович О.И. (Армавирская государственная педагогическая академия) и Сердюкова Е.В. (Южный федеральный университет). Усачев Александр Владимирович (д.филос.н., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина) зачитал доклад с оптимистичным названием «Современное звучание идей отечественной философии XX века». Такое завершение работы секции – не трагичное подведение итогов ушедшей философии, а дискуссия о возможности расцвета и не угасшей актуальности русской мысли о самой себе – благоприятный итог ученой беседы.

В этот же день, 9 октября, в стенах социально-теологического факультета состоялся Научный семинар, посвященный культурным, литературным и философским связям России и Франции (в рамках ФЦП Мероприятие 1.5 федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Руководитель – профессор Т.С. Оболевич, со-руководитель – С.М. Климова) с участием сестры Терезы Оболевич – доктора философии из Краковского Папского университета.

Вступительное слово произнес А.Д. Майданский – зам.декана по научной и международной деятельности НИУ «БелГУ» и подчеркнул в своей речи актуальность и своевременность такого ученого собрания, которое посвящено русско-французскому интеллектуальному взаимовлиянию. Помимо этого, очень важно, что за круглым столом собрались не только философы, и не только зрелые ученые, но также аспиранты и даже студенты – ведь без такого контингента невозможно будущее гуманитарной науки.

Заседание начала сестра Тереза Оболевич, представившая участникам семинара доклад и презентацию, посвященную интеллектуальным контактам России и Франции. Сестра Тереза поделилась собственными наблюдениями по поводу нынешнего состояния архивных документов французских эмигрантов, которые ныне хранятся во Франции, чем был вызван неподдельный интерес аудитории и дискуссия.

Салманова И.Ф. (к.филол.н., БелГИКИ) провела компаративный анализ двух ярчайших исповедей в истории литературы и философии – исповедей Ж.-Ж.Руссо и Л.Н.Толстого. Бардыкова И.В. (к.филос.н., БелГУ) рассмотрела фигуру Ж. де Сталь в качестве посредницы между Россией и Германией. Доклад Поповой О.В. (к.филос.н., БелГУ) был посвящен основным пунктам взаимодействия явлений русского и французского художественного авангарда. Аспирантки Мурадова Н.М. и Шарковайте М.П. перенесли

дискуссию в современные интеллектуальные русско-французские реалии: речь шла о сравнении фигур В.В.Розанова и Р.Барта в первом докладе, и «другой» стороне русско-французских отношений на примере известной медийной личности русофоба А.Глюксманна во втором докладе.

После перерыва возможность принять участие в работе семинара и включиться в дискуссию была и у других аспирантов, а также студентов социально-теологического факультета, историко-филологического факультета и факультета дошкольного и специального образования. Молодыми учеными были затронуты такие темы и проблемы русско-французских интеллектуальных отношений как проблемы русских эмигрантов (в частности, отдельным докладом была освещена трагедия Н. Бердяева); русско-французский билингвизм дворянства в XIX в.; французские революции; философия бунта А.Камю – и вновь совсем свежие и недалекие по времени темы и проблемы, такие как: «Рецепция идей М.Бахтина во Франции» и «Влияние Ф.М. Достоевского на творческое становление М.Уэльбека».

С уверенностью можно сказать, что встреча с сестрой Терезой Оболевич, состоявшаяся в НИУ «БелГУ» уже во второй раз, прошла не только на должном уровне компетентности относительно поставленных самими участниками проблем и вопросов, но и в атмосфере необходимой профессиональной заинтересованности.

Последний день конференции, 10 октября, состоялся круглый стол, посвященный личности Н.В.Станкевича, который был назван «Н.В.Станкевич как знаковая фигура русской культуры и философии». Руководителями круглого стола были д.филол.н. Липич Василий Васильевич (НИУ «БелГУ»), д.филол.н. Липич Тамара Ивановна (НИУ «БелГУ») и д.филол.н. Финогентов Валерий Николаевич (Орловский государственный аграрный университет).

Попытке воистину несоизмеримого обзора вклада Н. Станкевича в русскую культуру было посвящено первое выступление – доцента Приднестровского государственного университета Заяц Сергея Михайловича. С целью сузить неисчерпаемую тему, Сергей Михайлович остановился на рассмотрении вклада Н. Станкевича в русскую литературу.

«Другой Станкевич» было озаглавлено выступление Гущиной Веры Николаевны (к.филол.н., Воронежский государственный университет). В продолжение начатой темы и попытки охватить исследовательским вниманием все стороны обширной деятельности Н.Станкевича, Вера Николаевна произвела обзор его малоизвестной деятельности: отношении к хозяйству и предпринимательству, трудовой культуре, любви и женскому вопросу, т.е. к практическим реалиям жизни.

Доклад Липич Василия Васильевича и Липич Тамары Ивановны – «Н. Станкевич в диалоге культур России и Германии» раскрыл тему так называемой «внешней» деятельности Н.Станкевича: его роли в этом диалоге культур, а также диалоге славянофилов и западников. Безусловно и очевидно, что это влияние несло колоссальную роль при формировании национального самосознания в России, а также формирования философского знания.

В силу того, что, как и задумывалось, круглый стол последнего дня конференции объединил по сравнению с предыдущими днями небольшое количество участников, это дало возможность для развития дискуссии после того, как прозвучали доклады основных участников.

THE OUTLOOK OF THE MAN OF THE INFORMATION SOCIETY: EXISTENTIAL ASPECT

E.Y. CHISTYAKOVA
M.P. SHARKOVAYTE

*Belgorod National Research
University*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

РЕЦЕНЗИИ

О ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОСОФСКОГО АУТОПОЙЕЗИСА. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.В. ВАРАВЫ «НЕВЕДОМЫЙ БОГ ФИЛОСОФИИ» (М.: ЛЕТНИЙ САД, 2013. – 256 С.)

Е.А. КОЖЕМАКИН

*Белгородский государственный
национальный исследователь-
ский университет*

e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Что такое философия? Что значит «философствовать»? Что побуждает человека к философствованию? Где граница между философией и когнитивной моделью (теорией, концепцией, картиной мира)? Эти и подобные им вопросы снова становятся актуальными в последнее время и начинают настойчиво звучать в интеллектуальном поле. Это обстоятельство свидетельствует о том, что познавательная деятельность интеллектуалов становится для них самих «объективированной», в определённом смысле «отчуждённой» от субъектов познания. В свою очередь, объективация эпистемической практики может быть как сигналом кризиса интеллектуальной деятельности (в этом случае закономерен вопрос «что я делаю?»), так и признаком своего рода перехода познавательной активности на новый, мета-уровень (в таком контексте обычно ставят вопрос «что я должен делать лучше?»).

Сегодня философия как одна из эпистемических практик и форм духовной культуры пребывает в неоднозначном состоянии: с одной стороны, её современный общественно-интеллектуальный статус крайне низок, философия сведена к «школьному уровню» или же вообще вымещается из общественного дискурса как «бесполезное» или «излишнее» явление; с другой стороны, к началу XXI века философия накопила богатейший экзистенциальный, когнитивный, методологический и онтологический опыты – настолько богатый, что очевидно требуется переосмысление и систематизация базовых установок философского познания. Новая монография воронежского философа Владимира Владимировича Варавы посвящена обсуждению этого амбивалентного положения философии и определению её «чистого статуса».

В.В. Варава берёт на себя миссию проведения метафилософского исследования, своего рода конституирования оснований философского дискурса. В этом можно наблюдать эпистемолого-конструктивистский характер работы: автора интересуют не столько предметы, цели или средства философского дискурса, сколько условия возможности философии и философствования. Определение природы «бытия философии», её системного стержня, по мнению автора монографии, позволит решить ряд существенных задач: определить «дисциплинарный статус» философии в соотношении со статусом других наук; выявить характер внутренней целостности и/или дифференцированности философии; уточнить специфику «локальных философий», к которым совершенно однозначно можно отнести и русскую философскую мысль как уникальное явление. Такой взгляд на

философию изнутри самого философского дискурса и с использованием имманентных ему познавательных процедур свидетельствует ещё об одной задаче автора, которая не эксплицитно не сформулирована В.В. Варавой в работе, однако очевидным образом «прочитывается» во всей монографии. Речь идёт о попытке самоописания философии, *философского аутопойезиса*. Насколько полным может быть такое самописание и каковы метарефлексивные возможности философского дискурса? Ответы на эти крайне сложные вопросы не могут быть сформулированы в рамках одного произведения, однако рецензируемая монография представляет серьёзную попытку в их поиске и сама может являться предметом метафилософского исследования.

Работа В.В. Варавы последовательна, логична; её структура в значительной мере в соответствии со сформулированными автором задачами.

Особый интерес представляет первый раздел монографии («Фюсис философии»), в котором автор обсуждает круг вопросов, касающихся природы философии, её автономного бытия, истоках и антропной сущности. Опираясь на идеи Платона, Аристотеля, Ф. Ницше, Р. Декарта, П.А. Флоренского, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера и других философов о «происхождении» философии, В.В. Варавы отстаивает тезис о специфичности феномена удивления, лежащего в основе философского миропонимания. Эта специфичность выражена в понятии «философского удивления», имеющего непсихологическую сущность, удивления не столько перед необычным, запредельным или сверхъестественным, сколько, напротив, перед естественным, привычным и само собой разумеющимся. Автор говорит: «философское удивление в некотором роде проблематизирует вообще «всё видимое и невидимое» – всю совокупность мироздания – тем, что ставит под сомнение то, что никогда не вызывало сомнения (...). Подвергать сомнению само естественное и очевидное существование – это уже по ту сторону всех возможных теорий, гипотез и учений»¹. Философия, таким образом, выводится не из мифологических или культурно-языковых конструкций, а из человеческого удивления человеческой же природе. Само бытие, будучи обращённым к самому себе и в этой обращённости представленное человеку, порождает философию. В этом отношении, как утверждает автор, «бытие – не категория, а то, что рождает удивление»².

Это обстоятельство придаёт философии сугубо автономный статус, позволяя различать философское познание и другие формы эпистемических практик. В своём непсихологическом основании философия устанавливает тождество бытия и мышления, удивления и познания, или – предмета и метода познания. Обращение к бытию посредством самого бытия делает философию неприродной и несоциальной сущностью, и этот взгляд на философию позволяет автору утверждать: «ни природа, ни общество не заинтересованы в философии; более того, философия враждебна им (...)»³. Философия открыта лишь самому бытию, через удивление которому человек обретает свою «человечность». В этом контексте автор утверждает, что философия не есть академический феномен или институт, она есть всегда духовная деятельность, искание, которое может приобретать различные формы – от строго академических до т.н. «невербальной философии». Эти формы искания, несмотря на свою непохожесть, едины в одном: они ориентированы на поиск «просто истины», свободной от локальных традиций, научных или метафизических интерпретаций. Автор утверждает: «философия есть традиция истины, традиция сохранения самой истины, истины как таковой (...), не принадлежащей никому особым способом, ибо последняя принадлежит всем»⁴. Видимо, в этом и состоит главный парадокс «философского разума»: философия свободна от традиций, поскольку сама по себе является метатрадицией, определяющей локальные «истины традиций» – научное познание, религиозную веру и творчество. По утверждению В.В. Варавы, «философский разум – это мега-разум науки, религии и искусства, это уже и не разум, но свойство самой философии говорить»⁵. Может быть, это свойство философского дискурса – установка на парадок-

¹ Варавы, В.В. Неведомый Бог философии. – М.: Летний сад, 2013. – С.23.

² Там же. С.32.

³ Там же. С.36.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 81.

сальность высказываний в совокупности с обоснованием иных типов дискурса не человеческой ментальностью, но самим фактом существования философии – и является специфицирующей его характеристикой? Ведь в конечном счёте ни наука, ни религия, ни искусство в столь полной мере не претендуют на тотальное эпистемическое и онтологическое определение всего и вся. Не являются ли подобного рода аутопойетические высказывания философии чрезмерно нагруженными в моральном отношении? И если это так, то каков порядок внутреннего морального и этического самооправдания философского дискурса?

В известной степени попыткой обозначить этическую область и характер философии и философствования является второй раздел работы В.В. Варава – «Этос философии». Одно из основных положений этой части работы заключается в следующем: «этос философии проявляется в том, что нравственное является бытийным основанием философии»¹. Ни «бытовая мораль», ни религия не могут адекватно решить моральные вопросы, не обратившись к философии. Без этого обращения, т.е. без обращения к бытийным основаниям, нравственность остаётся морализаторством. Ни религиозное, ни светское не являются, с точки зрения философии, нравственно самостоятельными сферами – лишь постольку, поскольку они не обращены к метафизическим истокам и «чистому бытию», т.е. к предметным областям философского дискурса. Здесь мы вновь наблюдаем экспансивный характер «самооправдательных» стратегий философского аутопойезиса: Этично является в полной или абсолютной мере этичным лишь в контексте философской рефлексии, в то время как ни религиозная, ни светская рефлексия не способны адекватно определить этическое как подлинно этическое. Доминанта предметного поля философского дискурса усиливается в данном случае аргументом «нравственного метазначения» философии: «философия по определению этична, а этика философична»². Всё, что есть философия, есть этика; всё, что есть этика, есть философия. Всё, что есть философия, есть разум; всё, что есть разум, есть философия. В конечном же итоге, философия есть всё то, что определяет себя через кажущиеся автономными категории. По всей видимости, в этом проявляется ещё одно свойство философского аутопойезиса – определять самое себя через автономные категории, отказывая при этом им в автономности.

Эта «тактика» в полной мере объясняется самой философией её обращённостью к проблемам высшего и предельного. Автономность категории «этика» или категории «разум» является, с позиций философской рефлексии, сомнительной лишь постольку, поскольку эти категории всецело подчинены более общим – категории смерти и бессмертия. И вновь автор противопоставляет философское понимание жизни, смерти и бессмертия всем «привычным» её трактовкам: «ни культура, ни жизнь не дружат с философией; и это естественно, так как философия предлагает столь необычный, непривычный и непонятный подход к бытию, который не соответствует ни канонам здравого смысла, ни научным представлениям, ни религиозным верованиям, ни эстетическим чувствованиям»³. Философия непривычна, непонятна, необычна, и это «естественно», это то, что устанавливает «естественную автономию» этого вида духовной деятельности. Автономизация философии осуществляется за счёт такой «тактики» аутопойезиса, как денормализация философии, её маргинализация и при этом обозначение её сверхдоминантного статуса по отношению к иным формам духовно-ментальной деятельности. Обособление философии происходит вследствие особой дискурсной «работы» по отношению к самой философии: автор наиболее полно применяет этот подход при описании категорий смерти, не-сущего, не-должного в философии: «именно философия приходит к высшему – к постановке проклятых вопросов. На проклятые вопросы нет и не может быть ответа – и в этом вся суть»⁴. Философия апофатична, а её онтологическая составляющая неизменно связывается с категорией смерти, что определяется самим бытием как предметом и методом философии.

¹ Варава, В.В. Неведомый Бог философии. – М.: Летний сад, 2013. – С. 84.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 127.

Третий раздел – «Патос философии» – посвящён обсуждению особенностей русской философии, которые автор определяет ключевым словом «патос» («страсть»). По мнению В.В. Варавы, центральной характеристикой русской философии является «предельная захваченность тем»¹, своего рода подавлением логоса и этоса эросом философской мысли. Автор рассматривает проблемы существования и становления философии в России, различая историю собственно философии как философствования и философии как рационального языка и обращая внимание на то, что русская традиция тяготеет к литературным формам выражения «глубинных вопрошаний». Подробное, обстоятельное, последовательное описание творчества русских философов – Дм. Веневитинова, Л. Шестова, В. Розанова, Л.Н. Толстого, А. Платонова и многих других позволяет автору сделать ряд важных выводов: одним из мощнейших стимулов развития русской культуры является поиск своего философского языка; в высшей степени нравственный характер и этикоцентризм русской философии может стать важным ресурсом для обогащения мировой философской мысли; русская философия растворена в истории и культуре («философию (...) никогда не видно саму по себе, но всегда ощущается ее присутствие, ее след и тропы, по которым смело и уверенно идут наука, религия, искусство»²). В.В. Варавы фактически соотносит здесь философию с богом, сакрализует её, замыкая тем самым аутопойетический процесс определения философии: спецификация – обособление – маргинализация и возвеличивание – сакрализация.

Как любое глубокое, интересное и важное для текущего момента исследование рецензируемая монография вызывает ряд вопросов. Формат рецензии позволяет нам сформулировать лишь наиболее важные из них. В частности, не совсем ясным является семантика и прагматика использования автором концепта «профессиональные философы» (например, С.7). Кто такие «профессиональные философы» и в чем их отличие от «непрофессиональных»? Справедливо ли утверждать, что подробно рассмотренный в работе «чистый статус» философии имеет отношение только к её «профессиональной» форме, а «непрофессиональная» философия имеет иные, ложные или искажённые основания?

Автор на протяжении всего исследования подчёркивает, что речь идёт о «просто философии», но насколько характерны описываемые свойства «просто философии» для достаточно специфичных её направлений, например, для аналитической философии, не в полной мере ясно из текста монографии. И, по всей видимости, наиболее важный и проблематичный вопрос, который, заметим, имеет отношение не столько к конкретной работе, сколько к любым попыткам аутопойетического конституирования эпистемической практики, к которой относит себя сам субъект конституирования: если агент метарефлексии описывает «чистый статус» предмета рефлексии, используя язык-объект в качестве языка-инструмента, то есть ли гарантии того, что он именно описывает, а не конструирует «природу предмета»? В какой мере мы можем утверждать, что выводы подобного аутопойетического исследования на саму процедуру и результат этого исследования?

Есть все основания полагать, что будущие работы В.В. Варавы, одного из глубоких авторов современной русской философии, представят нам ответы на некоторые из этих вопросов.

ON THE POSSIBILITY OF THE PHILOSOPHICAL AUTOPOESIS. REVIEW ON THE BOOK "UNKNOWN GOD OF PHILOSOPHY" BY V.V. VARAVA

E.A. KOZHEMYAKIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

¹ Там же. – С. 8.

² Варавы, В.В. Неведомый Бог философии. – М.: Летний сад, 2013. – С. 254.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андреева А.М.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Андреева С.М.** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры
- Бахарев В.В.** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Белоненко Е.О.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Бельская Т. В.** – докторант кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
- Бондаренко Е.А.** – ассистент кафедры мировой экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борисов С.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Бутько Л.В.** – доктор юридических наук, профессор Кубанского государственного аграрного университета
- Вангородская С.А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Волкова И.И.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вялов А.И.** – аспирант кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Говоруха Н.С.** – старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Готовкина М.С.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Грабовский И.А.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

-
- Грошовкина Н.А.** – старший преподаватель кафедры теории и методологии социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко
- Дмитраков А.М.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Довгалоук И. Г.** – соискатель кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
- Жиров М.С.** – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жорник А.М.** – бакалавр юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зайцева Н.В.** – кандидат философских наук
- Захаров В.М.** – кандидат социологических наук, доцент, директор Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Игнатова В.С.** – ассистент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Кислицина И.Н.** – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ковалев Е.С.** – кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Кожмякин Е.А.** – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Козаченко А.И.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и конституционного права Полтавского юридического института Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Колесник В.Н.** – кандидат философских наук, заслуженный работник культуры РФ
- Кузнецов А.В.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузнецова Е.М.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры

- Лиликова О.С.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мезинов В.О.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Мишенин В.Ю.** – соискатель кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Надеев Г.А.** – аспирант кафедры социальной работы Белгородского государственного института искусств и культуры
- Назарова Ю.В.** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Новаков А.А.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Овсянников В.С.** – преподаватель Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого
- Огнева Е. А.** – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Олейник А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды
- Олейник Н.Н.** – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Павлова О.В.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пучковская И.И.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права № 1 Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Пыць В. М.** – преподаватель Академии труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины

-
- Реутин М.Ю.** – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
- Седякин В. П.** – кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры Прикладной информатики Московского государственного университета геодезии и картографии
- Соловьев И. В.** – доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе Московского университета радиоэлектроники и автоматики
- Тарабаева В.Б.** – доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Туранина Н.А.** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотекосведения, книговедения и библиографоведения Белгородского государственного института искусств и культуры
- Чистякова Е.Ю.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шамардин Н.Н.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шаповалова И.С.** – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шарковайте М.П.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шеметова О.Ю.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-геологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы, не извещая о своем решении авторов.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
3. Ключевые слова.
4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
5. Библиографический список.
6. Ссылки.
7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).

} на русском
и английском
языках

} на русском
языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

*Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах***УДК 130.2****ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**¹⁾ *Департамент
экономического развития
Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*²⁾ *Белгородский
государственный
университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, scientism, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**¹⁾ *Department of economic
development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*²⁾ *Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

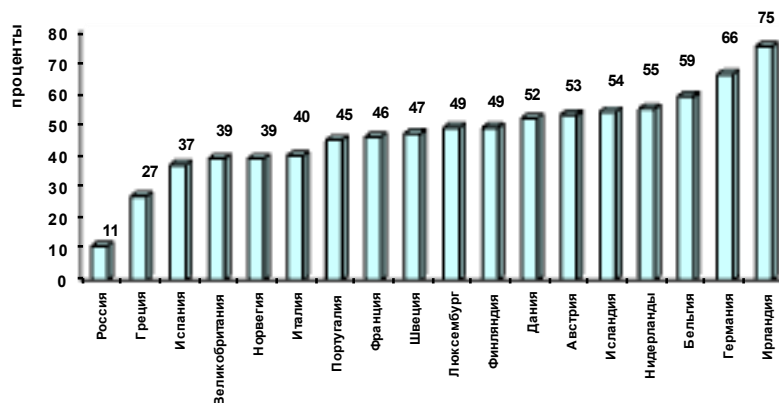

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

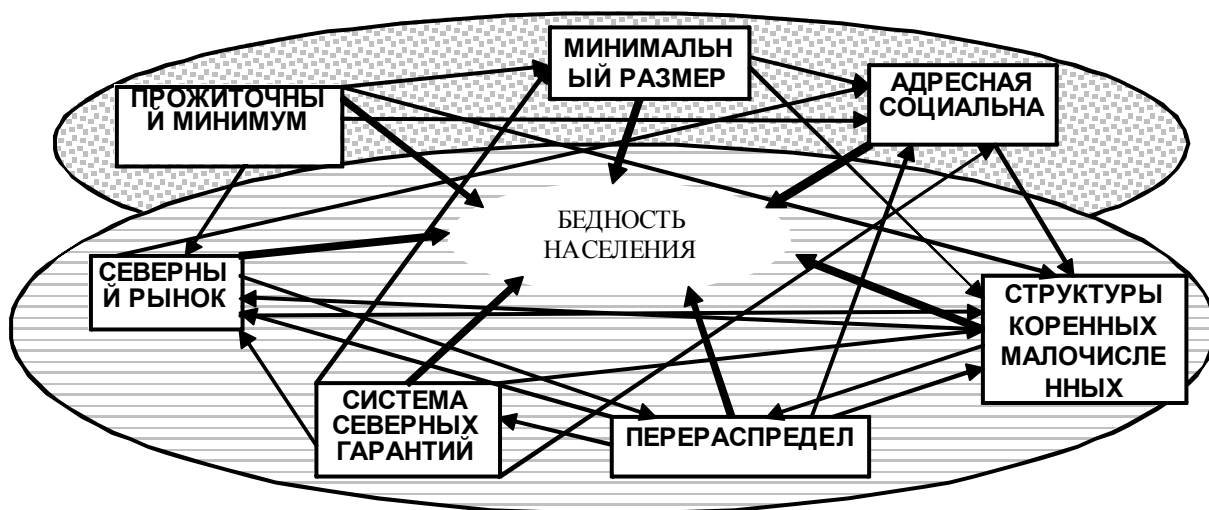

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.